

Министерство
образования и науки России

Российский Союз ректоров

Совет ректоров вузов
Дальневосточного федерального
округа

Министерство
транспорта России

ГОУ ВПО

«Дальневосточный государственный
университет путей сообщения»

**СОЦИАЛЬНЫЕ
И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ
НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ**

научно-теоретический журнал
издается с января 2004 года
выходит один раз в три месяца

№ 2 (10) 2006

Хабаровск, 2006

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор: Сердюков Ю.М.
Заместитель главного редактора: Спасский Е.Н.
Ответственный секретарь: Туркулец С.Е.
Технический секретарь: Миронова-Тихомирова А.С.

Отдел философии и культурологии:

Бляхер Л.Е., Вальковская В.В., Лившиц Р.Л., Ревич И.М., Романова В.В.
Сердюков Ю.М. (редактор отдела), Уханов В.А.

Отдел психологии и педагогики:

секция психологии: Воробьева К.И. (редактор отдела),
Невструева Т.Х., Ясман Л.В.
секция педагогики: Лазарева Л.П. (зав. секцией), Шумейко А.А., Куликова Л.Н.

Отдел социологии, политологии и права:

Байков Н.М., Максименко С.И., Мерецкий Н.Е., Печерица В.Ф.,
Пишун С.В. (редактор отдела), Смирнов Б.В., Яровенко В.В.

Отдел истории:

Дробница А.В., Дубинина Н.И. (редактор отдела),
Иконникова Т.Я., Песков В.М., Светачев М.И., Чудесов В.В.

Отдел филологии:

Лебедько М.Г., Модина Г.И., Первушина Е.А., Прияткина А.Ф.,
Прошина З.Г. (редактор отдела), Серкова Н.И.

В рецензировании материалов принимали участие научные консультанты:

Нехаев В.И., Пишун В.К., Тюрина Ю.А., Скрынникова Н.В., Забияко А.П.

*Публикуемые материалы прошли процедуру рецензирования
и экспертного отбора*

*Печатается по решению Совета ректоров вузов
Дальневосточного Федерального округа № СР/ДФО-54а от 9 октября 2002 г.*

УЧРЕДИТЕЛЬ

ГОУ ВПО «Дальневосточный государственный университет путей сообщения»
(680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д.47).

Свидетельство о регистрации средства массовой информации:

ПИ №77-16283 от 29 августа 2003 г.

Адрес редакции: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, д.47, оф. 3235,
тел./факс: (4212) 35-52-93, [E-mail:journal@festu.khv.ru](mailto:journal@festu.khv.ru).

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Волошина М.А.</i> Утопия русских космистов: от гармонии космоса к социальной гармонии	4
<i>Нехаев В.И.</i> Для чего инженеру знать искусство	14

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

<i>Римлянд Е.Ю., Сипягина М.</i> О деятельности в образовательном пространстве вуза	20
<i>Коришунова Н.Л.</i> Функции инновационной педагогической идеи: социальный аспект	26
<i>Арташкина Т.А.</i> Проблема выделения структур деятельности при разработке модели специалиста с высшим образованием	35
<i>Семенова Н.В.</i> Ребенок – субъект социальной жизни и воспитания: историко-педагогическое обоснование	46
<i>Забодевкина Н.В.</i> Физическое воспитание и ценность здоровья: гендерный аспект	54
<i>Лазарева Л.П.</i> Классическая проза Кореи как зеркало национального педагогического идеала	58
<i>Монсонова А.Р.</i> Психологические проблемы этнической идентичности и этноконфессиональной принадлежности личности	65

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

<i>Хобта В.В., Снякин С.В.</i> Геополитическое структурирование постсоветского пространства	70
<i>Завалишин А.Ю.</i> Центр и периферия в проекции социально-экономического поведения: междисциплинарный подход	74
<i>Лазарева И.В.</i> Криминалистическая классификация способов совершения несанкционированного доступа к сетям сотовой радиотелефонной связи	85
<i>Медведев А.М.</i> Использование специальных знаний при установлении механизма совершения хищений предметов, имеющих культурную ценность, из зданий культового назначения	92
<i>Спаский Е.Н.</i> Германские политические партии в процессе объединения Германии: функциональный анализ	99

ИСТОРИЯ

<i>Киреев А.А.</i> Доктрина Клинтона (преемственность и ее особенности).....	109
<i>Головин С.А.</i> Особенности социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20-30-е гг. XX века	118
<i>Комарова В.В., Леонтьев Р.Г.</i> Процессы формирования тарифов на железнодорожные грузовые перевозки: исторический аспект.....	129

ФИЛОЛОГИЯ

<i>Бондаренко Л.П.</i> О региональных вариантах английского языка в Восточной Азии (произносительные особенности)	138
<i>Глуценко О.А.</i> Семантические отношения между однозначными общерусскими наречиями образа действия в литературном языке и архангельских народных говорах.....	148
<i>Каргина А.П.</i> Различия в проявлении некоторых грамматических признаков общерусского глагола в говорах камчадалов и литературном языке	155
<i>Накамото Н., Ахмыловская Л.А.</i> Переводы русской драматургии в кросскультурном театральном процессе	161
<i>Юзефович Н. Г.</i> Гармонизация политической терминологии: миф или реальность?.....	167

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Защищенные диссертации	173
Информация о конференциях	180
Памяти М.С. Кагана	183

РЕЦЕНЗИИ

На книгу М. Хардта и А. Негри «Множество: война и демократия в эпоху империи»	184
К сведению авторов	191
К сведению подписчиков	192

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УТОПИЯ РУССКИХ КОСМИСТОВ: ОТ ГАРМОНИИ КОСМОСА К СОЦИАЛЬНОЙ ГАРМОНИИ

М.А. Волошина

Волошина Марина Андреевна – старший преподаватель кафедры философии Дальневосточного государственного университета.

В статье рассматриваются взгляды русских космистов (Н.Ф. Федоров, К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский и др.) и утверждается связь социально-утопических проектов с общим «органистическим» представлением о природе Космоса. Природные, стихийные процессы эволюции находят свое продолжение в человеческой активности, в том числе и в социальном строительстве. Автор считает, что «активная эволюция» как принцип философии русского космизма призвана преодолеть разрыв между человеком и природой, сознанием и бытием.

The article deals with ideas of Russian cosmists (N.F. Fedorov, K.E. Tsiolkovsky, V.I. Vernadsky etc.) and argues the correlation between their social-utopian projects and general «organistic» view on the Universe as a whole. The natural, spontaneous evolution processes are being continued in the human activity which includes the social construction. The author reasons that «active evolution» as a philosophy principle of Russian cosmism is bound to overcome the break between the Human and the Nature, the Consciousness and the Being.

В современном общественном сознании активно возрождается интерес к различным утопическим идеям, высказанным мыслителями прошлого. Наибольшее внимание привлекают утопические проекты отечественных философов, в частности, представителей такого направления, как русский космизм.

Природа утопического сознания подвергалась анализу в классических работах К. Мангейма, Ф. Мэньюэля и Фр. Мэньюэля, Э. Блоха, Х. А. Маравалля, Е. Шацкого¹ и др. Среди отечественных исследователей можно отметить нескольких авторов полновесных теоретических работ. Это Э.Я. Баталов, В.А. Чаликова, Ч.С. Кирвель, С.С. Сизов.²

Феномен утопии, утопического сознания сложен и многоаспектен. Соответственно и понятие утопии в литературе противоречиво. Многие авторы указывают на чрезвычайно широкий спектр определений и трактовок этого понятия. Как отмечает Э.Я. Баталов, «основная причина разноречивости в трактовке понятия утопии заключается

в том, что его анализ ведется с различных позиций и на основе различных методологий. Одни исследователи сосредоточивают внимание на генетических особенностях утопии и выводят сущность последней из ее происхождения; другие (они составляют большинство) определяют утопию исходя из ее социальных функций, которые опять-таки трактуются далеко не однозначно; третьи – рассматривают утопию, отталкиваясь от ее структурных особенностей и формальных признаков»³. Поэтому в современной социологии и философии отсутствует общепризнанная концепция утопии, а ее развитие, структура и функции по-прежнему остаются предметом разногласий и дискуссий. По мнению Ч.С. Кирвеля, множественность определений понятия «утопия» вызвана, прежде всего, противоречивостью и неоднозначностью самого явления, которое это понятие выражает⁴.

Наряду с представлением об утопии как конкретном целостном произведении художественного или теоретического характера следует учитывать ее трактовку как специфического типа общественного сознания, существующего наряду с другими его типами и формами (миф, религия, наука, мораль и т. д.). В этом случае понятие «утопия» является тождественным понятию «утопическое сознание».

Утопические проекты выступают прежде всего как критическое осмысление наличного социального строя и отвержение его основ. Ха-

¹ Мангейм К. Идеология и утопия // Мангейм К. Диагноз нашего времени. М., 1994; Мэмфорд Л. Миф машины // Утопия и утопическое мышление. М., 1991; Ф. Мэньюэль, Фр. Мэньюэль. Утопическое мышление в западном мире // Там же; Блох Э. Тюбингенское введение в философию. М., 1998; Маравалль Х. Утопия и реформизм // Утопия и утопическое мышление. М., 1991; Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

² Баталов Э.Я. Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982; Чаликова В.А. Утопия и свобода. М., 1994; Кирвель Ч.С. Утопическое сознание: Сущность, социально-политические функции. Минск, 1989; Сизов С.С. Утопия и общественное сознание: Философско-социологический анализ. Л., 1988.

³ Баталов Э.Я. Указ. соч. С. 12–13.

⁴ Кирвель Ч.С. Указ. соч. С. 16–17.

рактной чертой утопического сознания является стремление построить общество на чисто рациональных началах, решить социальные проблемы как проблемы рационального устройства. Любое подобное произведение содержит идею общества, построенного на принципах разума. Однако при этом отношение к самому утопическому проекту редко бывает критическим.

Утопия предполагает полное, тотальное преобразование социального устройства, разрыв с прошлым. Общество рассматривается как продукт преднамеренной, сознательной деятельности людей. В историю вносится рациональная цель и этой цели подчиняется вся социальная деятельность.

Одним из важнейших признаков утопии следует признать ориентацию на идеал, рассматриваемый как конечная цель развития. Идеал традиционной утопии – справедливость, равенство в труде и распределении благ, приобщение к культурным ценностям. Существенным элементом утопического идеала является моральное требование должного порядка вещей.

Специфика утопического сознания выявляется в сопоставлении с иными историческими формами сознания. В частности, от мифа утопию отличает интеллектуализм, от науки – отказ от исследования существующей общественной действительности, от идеологии – стремление репрезентировать интересы человечества в целом. Религиозное сознание основывается на служении Богу и борьбе с собственным грехом, а утопическое решение проблемы несовершенства мира предполагает разрушение реального бытия для замены его идеальной конструкцией.

Российский менталитет, несомненно, включает в себя утопическую константу. На это указывают в своих работах многие исследователи⁵. На всем протяжении развития национального самосознания в России возникают утопические идеи, но в середине XIX – начале XX века они приобретают новые формы и характеристики. Одно из проявлений этих преобразований мы находим в философии русского космизма.

Русский космизм – сложное и многогранное явление в отечественной культуре, которое нуждается в определении его статуса. Существуют разногласия по вопросам происхождения русского космизма, его теоретических оснований, пе-

риодизации развития. Требуется разрешения проблема: является ли он философским направлением, либо представляет собой общую тенденцию в русской культуре, присущую ей изначально или возникшую в середине XIX в.

Русский космизм не может быть признан цельной теоретической школой. Представители этого своеобразного духовного движения работали в разных философских системах и традициях, пользовались различным понятийным аппаратом и разрабатывали различные аспекты проблемы естественноисторического развития. Они не оставили единой, целостно оформленной социальной концепции. Однако существуют некоторые общие мировоззренческие и методологические установки, объединяющие этих мыслителей. Прежде всего, это утверждение теснейшей взаимосвязи человека и вселенной в целом, иерархической структуры бытия. В гносеологии преобладает принцип синтеза науки, религии, философии и искусства в постижении реальности, то есть принцип «цельного знания». Мир в русском космизме рассматривается не только с точки зрения существующего, но и с точки зрения «долженствующего быть», то есть идеала. Учения всех представителей этого направления содержат элемент целеполагания, так как мир развивается, и человек не только включен в этот процесс эволюции, но и выступает в нем активным субъектом. Данный принцип активной эволюции является общим для представителей русского космизма, принадлежащих и к религиозному (Н.Ф. Федоров, Н.А. Сетницкий, А.К. Горский, П.А. Флоренский и др.), и к естественнонаучному (К.Э. Циолковский, В.И. Вернадский, А.Л. Чижевский и др.), и к эстетическому (В.Ф. Одоевский, Е.И. и Н.К. Рерихи) направлениям.

Формирование утопических взглядов представителей русского космизма, несомненно, связано с их философией природы. Природа рассматривается ими как Вселенная, Космос, Универсум. Человек является ее частью и стремится познать, определить ее. Многие представители русского космизма были учеными-практиками, но они исследовали природу не только как естественную среду обитания человека – традиционный объект естествознания, но в первую очередь трактовали это понятие в предельно широком смысле.

Взгляды русских космистов на структуру и закономерности развития природы формируются на основе достижений западно-европейской и отечественной науки XIX – начала XX в.

⁵ Шестаков В.П. Эсхатология и утопия. Очерки русской философии культуры. М., 1995 и др. работы; Гальцева Р.А. Очерки русской утопической мысли XX в. М., 1992; Малинин В.А. История русского утопического социализма. М., 1977 и др.

Этот период был временем крупнейших изменений в мировом естествознании, которые привели к пересмотру традиционных представлений об устройстве и законах существования природы. Этому способствовали многочисленные открытия: эволюционная теория Ч. Дарвина (1859), открытие периодического закона (1869), создание теории электромагнитного поля (1865–1873), открытие рентгеновских лучей (1895), радиоактивности (1896) и радия (1898), разработка специальной (1905) и общей (1916) теории относительности, создание планетарной модели атома (1913)⁶. Прогресс во всех областях естествознания сопровождался как дальнейшей дифференциацией наук, так и возникновением новых связей между дисциплинами, появлением пограничных отраслей – астрофизики, физической химии, биохимии и др. В это время наблюдается всплеск активности отечественной естественно-научной мысли, возникший в условиях перехода России на капиталистический путь развития и стремительного подъема промышленности, совершенствования производственной техники, возросшей заинтересованности правящих кругов в новых научных открытиях. В связи с этими факторами в конце XIX в. возникают новые исследовательские и образовательные учреждения, выделяются средства на развитие экспериментальной и технической базы научных исследований. Русские ученые достигают больших успехов в разработке узловых проблем естествознания, создают несколько крупных научных школ, заявляя своими работами о том, что отечественная наука поднялась на европейский уровень, а в некоторых отношениях даже превзошла его. Этому служат подтверждением теория химического строения и периодическая система (А.М. Бутлерова, Д.И. Менделеев), обоснование электромагнитной теории света (П.Н. Лебедев), борьба за дарвинизм и его подкрепление новыми данными (эмбриологические труды А.О. Ковалевского и И.И. Мечникова, деятельность К.А. Тимирязева, А.Н. Сиверцова и др.)⁷.

Естествознание в целом всегда было связано с философией и в первую очередь с материалистической философией. Основой, на которой формировалось мировоззрение крупнейших русских естествоиспытателей конца XIX – начала XX вв., были взгляды А.И. Герцена, Н.Г. Чернышевского,

Д.И. Писарева⁸. Но натурфилософские воззрения революционных демократов восходили в основном к материализму Л. Фейербаха, который мало обращался к материалу естествознания в аргументации своих идей, оставаясь в рамках историко-философской проблематики; его воззрения никак не могли соотноситься с современными открытиями в области физики, математики и других наук. Поэтому естествоиспытатели конца XIX в. оставались верны демократическим устремлениям и энтузиазму служения благу народа, но опираться на традиционную картину природы уже не могли. Возникшие в XVII–XVIII вв. корпускулярно-механистические представления об устройстве природного мира, основанные на детерминизме и каузально-аналитическом объяснении, дополнились идеей единства научного знания, но все же в свете новых открытий выглядели упрощенными и не соответствовавшими реальности. «Одна и та же «механическая» информационная модель применялась в теоретическом анализе наук о живой и неживой природе»⁹. Понятия изолированной частицы, изолированного тела, изолированной системы мешали дальнейшему прогрессу наук. Возникла потребность в новых мировоззренческих и теоретико-познавательных принципах. Решению этой задачи уделяли внимание в своих работах К.А. Тимирязев¹⁰, И.И. Мечников¹¹, Д.И. Менделеев¹², Н.А. Умов¹³ и др. Большинство русских ученых отвергло крайние позиции неокантианства, эмпириокритицизма и феноменологии, хотя некоторые принципы позитивной философии они использовали в своей деятельности¹⁴. Например, Д.И. Менделеев писал: «...научные обобщения... ограничены тем, что удалось изучить... до того, что стало возможным кое-что

⁸ Белов П.Т. Философия выдающихся русских естествоиспытателей втор. пол. XIX – нач. XX вв. М., 1970. С. 61–62.

⁹ Венцовский Л.Э., Потапенко М.И. Восприятие науки в русском космизме (научно-аналитический обзор). М., 1992. С. 34.

¹⁰ Тимирязев К.А. Исторический метод в биологии: запросы физиологии // Сочинения. Т. 6. М., 1939. С. 40–61; Тимирязев К.А. Статьи по истории науки и о научных деятелях // Там же. Т. 8.

¹¹ Мечников И.И. Сорок лет искания рационального мировоззрения. М., 1925.

¹² Менделеев Д.И. Мировоззрение // Сочинения. Т. 24. Л., М., 1954. С. 454–461.

¹³ Умов Н.А. Физико-механическая модель живой материи // Собр. соч. Т. 3. М., 1916. С. 184–200; Умов Н.А. Значение опытных наук // Там же. С. 218–232.

¹⁴ См. об этом: Русские ученые в борьбе против идеалистических и метафизических воззрений в естествознании. М., 1961. С. 12–17, 26–27, 40–43.

⁶ История естествознания в России. Т. 2 Физико-математические и химические науки (втор. пол. XIX – нач. XX вв.) М., 1960. С. 5.

⁷ Там же. С. 6.

предсказать, и эти научные обобщения должны оставаться неизменными, пока само изучение реальности не заставит их изменять, расширять и совершенствовать. Оттого-то ничего толкового и полезного не дала и не даст вся метафизика, на которой и покоится весь скептицизм»¹⁵. Определяя грань, отделяющую науку от области непознаваемого, Д.И. Менделеев вычленяет три основания природы: вещество (материю), силу (энергию), и дух (психоз), которые в реальных проявлениях неотделимы друг от друга. Единая многокачественная, многообразная субстанция является объектом научного познания, опирающегося на принципы развития природы, взаимосвязи и взаимообусловленности ее явлений.¹⁶ П.Т. Белов отмечает новые идеи, внесенные ими в развитие философских учений: 1) оценка и разъяснение мировоззренческого значения великих открытий естествознания XIX в. и соответствующее уровню естествознания их времени обоснование материального единства мира; 2) разработка теории научного познания и общей методологии науки; 3) разъяснение познавательного значения физики и физико-химии для естествознания в целом и разработка целого ряда других философских проблем в области математики, физики, химии, физиологии, психологии; 4) подступы в области социологии к материалистическому пониманию движущих сил истории; 5) критика с материалистических и демократических позиций различных, враждебных науке идеалистических течений в естествознании, философии, социологии, эстетике того времени¹⁷. Наиболее важным, на наш взгляд, в данной характеристике является указание на стремление русских естествоиспытателей соотносить представление о единстве и целостности мира с требованием единства научного знания. Объективная реальность, не зависящая от человеческого сознания, отражается в нем механически и адекватно. Этот принцип носит название наивного реализма в гносеологии¹⁸.

Таким образом, исходными мировоззренческими принципами отечественного естествознания конца XIX – начала XX в. был принцип субстанциального единства мира и принцип наивного реализма в его познании. Несомненно, что эти взгляды оказали воздействие на становление натурфилософских идей русских космистов, но ис-

токи концепции природы в этом течении следует, по нашему мнению, искать несколько глубже.

Натуралистические представления русских космистов восходят к философии природы Ф. Шеллинга. На это указывают Ф.И. Гиренок и Н.К. Гаврюшин, но не раскрывают, в чем именно эта связь состоит¹⁹.

В своем учении Ф. Шеллинг ставит задачу поиска выхода из области теории познания, в которой в основном развивалась критическая философия до него, и перехода в область философии природы как объекта духа. Природа у Шеллинга предстает как необходимый продукт развития духа в чистом виде, его творчество. С его точки зрения, единство объективного и субъективного возможно только в сфере духа. Но природа – это и самостоятельная реальность, порождающая субъективный, бессознательный дух, поэтому Ф. Шеллинг стремится исследовать все ступени развития природы вплоть до возникновения знания. Основными принципами его натурфилософии являются: принцип единства природы и духа, принцип полярности: понимание любого природного тела как результата действия противоположных сил, принцип развития природы, ее способности к творчеству. Развитие в природе осуществляется через иерархическое потенцирование – возрастание субъективности. Ф. Шеллинг стремится найти единство в разнообразии природных явлений и утверждает, что механистически объяснить природу невозможно. В работе «Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки» он пишет: «Любой органический продукт имеет основание в *себе самом*, ибо он есть причина и действие самого себя. ... В основании любой организации лежит *понятие*, ибо там, где есть необходимое соотношение целого к частям и частей к целому, есть *понятие*... Это понятие находится в ней самой. Не только ее форма, но и ее *существование* целесообразно». ²⁰ Организованное существо представляет собой объединение понятия и материи. Исследуя противоположные действия в сфере материи (твердые, жидкие вещества и кислород, явления электричества и магнетизма), он приходит к выводу, что в природе нет разнородных материй. Материя едина и переходит в различные формы благодаря взаимодействию сил притяжения и отталкивания: «Если тайна природы

¹⁵ Менделеев Д.И. Указ. соч. С. 458.

¹⁶ Там же. С. 460.

¹⁷ Белов П.Т. Указ. соч. С. 88.

¹⁸ Венцковский Л.Э., Потапенко М.И. Восприятие науки в русском космизме (научно-аналитический обзор). М., 1992. С. 37.

¹⁹ Гиренок Ф.И. Интуиции русского космизма // Философия русского космизма. М., 1996. С. 266; Гаврюшин Н.К. Прозрения и иллюзии русского космизма // Там же. С. 107.

²⁰ Шеллинг Ф.В.Й. Идеи к философии природы как введение в изучение этой науки. СПб., 1998. С. 108–109.

заключается в том, что она сохраняет противоположные силы в равновесии или в продолжающейся, никогда не завершающейся борьбе, то те же самые силы, как только одна из них получит *длительное* преобладание, должны нарушить то, что они поддерживали в предшествующем состоянии»²¹. Законы природы едины, все процессы в ней взаимосвязаны.

Идеи философии природы Ф. Шеллинга были восприняты и развиты представителями различных направлений русской философской мысли XIX в. Именно диалектическое начало в восприятии природы привлекло, по мнению З.А. Каменского, к учению Шеллинга таких мыслителей, как Д.М. Велланский и М.Г. Павлов²², а также членов кружка Любомудров²³. О.Д. Маслобоева выделяет в отдельное направление – «органицизм» – мыслителей, объединенных общими взглядами на природу. Это Н.И. Надеждин, А.А. Григорьев, А. Галич, В.Ф. Одоевский, И.Ф. Анненков, а также Н.Н. Страхов и Н.О. Лосский. Основные мировоззренческие основания органицизма – это жизнь как всеобщий признак бытия, целостность, как единство природного и человеческого мира, естественность, деятельностный подход к исследованию природно-социального организма. Все эти основные принципы объединяются главным принципом гармонии. Гармония – это «органическое целое в его естественном состоянии, это уравнивание внутренней полярности системы»²⁴. То есть, гармоничность природы в концепции органицистов – это организованность, выраженная в присущих природе связанности, соподчиненности и иерархичности всех элементов.

Мировоззрение органицистов антиномично. «Наличие антиномии в процессе мышления, с точки зрения органицистов, – это признак приближения к истине, что обусловлено внутренней противоречивостью органического гармонического целого»²⁵, – отмечает исследователь.

Органическое мировоззрение оппозиционно по отношению к классическому механицизму естественно-научного знания XVIII – первой по-

ловины XIX в. Мир предстает в их учении как объективно-субъективная реальность, не воспринимаемая созерцательно, а преобразуемая человеческой деятельностью. Это сложная динамическая система, постигаемая диалектическим методом. Доминирующий принцип неклассического органического мировоззрения, в противоположность редукционизму традиционного, – синергетизм или холизм: целое больше или меньше суммы составляющих его частей; мир – это не агрегат, а организм. Живое и неживое, материальное и духовное взаимосвязаны и подчинены общим законам. Отсюда проистекает и призыв органицистов к созданию новой науки, объединяющей знание, звучащий, например, в «Русских ночах» В.Ф. Одоевского: «В этой науке также должны соединяться все науки, существующие под различными названиями, как в телесном организме соединяются все формы природы... Следственно, изучение не должно состоять в логическом построении тех или других знаний... оно должно состоять в постоянном *интегрировании* духа, в возвышении его, – другими словами, в увеличении его самобытной деятельности»²⁶.

Представители философии русского космизма формируют различные концепции природы, но можно в целом назвать их так же, как и органицизм, неклассическими.

В конце XIX – начале XX в. отечественная философская мысль была захвачена дискуссией о возможности преодоления разрыва между сознанием и бытием, личностью и обществом. Возникновение русского космизма связано с осознанием в обществе кризиса истории. Он по своим корням «есть философское осмысление возможной национально-исторической и всемирно-исторической катастрофы во имя поиска выхода из нее»²⁷. Причины «исторической неудачи» представители этого направления видят в изолированности человека от космической жизни и мирового целого. Это состояние воспринималось как апокалипсис космических масштабов. Русские космисты предложили свой особый взгляд на решение этой проблемы. Характерно, что на Западе в это время затихает интерес к утопии, тогда как в русской философии, усвоившей традиции западной сциентистской утопической мысли, эта тенденция развивается в свете переосмысления религиозного идеала.

²¹ Там же. С. 151.

²² Каменский З.А. Русская философия XIX века и Шеллинг. М., 1980. С. 5–6.

²³ Каменский З.А. Московский кружок Любомудров. М., 1980. С. 14–15, 25–26, 226–227.

²⁴ Маслобоева О.Д. Российский органицизм и космизм XIX – начала XX вв. СПб., 1995. Ч. 1. С. 62.

²⁵ Маслобоева О.Д. Принцип гармонии в творчестве петербургских органицистов XIX – начала XX в. // Материалы Первого Российского философского конгресса. Т. 2. М., 1997. С. 72.

²⁶ Одоевский В.Ф. Русские ночи. Л., 1975. С. 137.

²⁷ Дуденков Б.Н. Русский космизм. Философия надежды и спасения. СПб., 1992. С. 66.

Наибольшим своеобразием в ряду философов, в работах которых реализуется эта тенденция, обладает Н.Ф. Федоров – основатель русского космизма. Ему принадлежит особая точка зрения на сущность природы, исходящая из своеобразно истолкованных положений христианского догматического богословия. Согласно его учению, природа – это материальный мир, подчиняющийся в своем существовании законам возникновения и исчезновения. Это слепая, стихийная, неразумная сила, выступающая в качестве источника зла по отношению к человеку, так как, будучи природным существом, он подвержен власти смерти. Мыслитель выделяет «внешнее» зло (различные катаклизмы, угрожающие человеку) и «внутреннее», выражающееся в процессе рождения, поддерживающем «дурную бесконечность» человеческого рода. Природа находится в постоянном развитии и продуцирует человека, наделенного разумом. Именно в разумном, хотя и несовершенном человеке природа «начинает не только осознавать себя, но и управлять собою; в нас она достигает совершенства и такого состояния, достигнув которого, она уже ничего разрушать не будет, а все, в эпоху слепоты разрушенное, восстановит, воскресит».²⁸ Н.Ф. Федоров признает направленность природной эволюции к порождению сознания, закономерность и необходимость появления человеческой мысли, с помощью которой сама эволюция может стать управляемой, а природа достигнет совершенного, упорядоченного состояния – человек преодолет, изменит законы материи, уничтожит смерть. Эволюционный процесс имеет телеологическую направленность – исполнение человеком своего морального долга перед предками – долга воскрешения. Нравственные законы должны распространиться и на жизнь природы, необходимо вернуть ей божественный образ, утраченный в результате грехопадения человека.

Конкретным путем достижения целесообразности развития является у Федорова проект регуляции природы, включающий в себя практические разработки по овладению природой в противоположность ее эксплуатации и разграблению, преобразование организма человека, космическая экспансия и победа над смертью. Философ предлагает решать эту задачу с помощью науки, но выступает с резкой критикой со-

временной ему научной мысли, по его мнению, лишь способствующей подчиненности человека законам материи, а значит, смерти. В своей «Записке от неученых к ученым, духовным и светским» Федоров выдвигает против сословной, университетской науки обвинения в созерцательности, мнимом господстве над природой, служении нуждам промышленной, городской цивилизации. Этому аналитическому городскому знанию он противопоставляет знание сельское, которое, по его мнению, не отделяется от жизни, насыщено смыслом бытия живых существ²⁹. Наука должна быть достоянием всех, и деятельность ее должна быть направлена не на изобретение новых предметов комфорта, а на решение главной задачи – воскрешения предков. Федоров активно проводит принцип главенства этического обоснования научной деятельности над чисто познавательным началом³⁰.

Наибольшей степени отвлеченность знания достигает в философии, и поэтому, с точки зрения Федорова, философия стоит во главе разрозненных наук. Она заменяет братство единством, а неродственность называет независимостью. Философия отражает мышление гражданского, а не родового общества, неотеческого, небратского. Философская этика лишает нравственность универсальности и тем наносит огромный вред обществу, это самая не нравственная наука. В наследии Н.Ф. Федорова существует много статей, посвященных критике различных философских концепций: «Страшный суд философии», «Иго Канта», «Философ Черного царства», «Сверхчеловечество как порок и как добродетель», «О философии Владимира Соловьева» и др. В работе «Супраморализм, или всеобщий синтез» мыслитель пытается дать обобщенное отражение идей, противостоящих его учению.

В первую очередь он называет имморализм М. Штирнера и Ф. Ницше, опирающийся на крайний индивидуализм. Ему противопоставлена идея всеобщего объединения для воскрешения. Анализируя далее взгляды Л.Н. Толстого (который, как известно, был увлечен личностью Федорова, но не его идеями), философ определяет его позицию как «учение о разъединении, к которому ведет приглашение на недумание и неде-

²⁸ Федоров Н.Ф. Кто наш общий враг, единый, везде и всегда присутствующий, в нас и вне нас живущий, но, тем не менее, враг лишь временный? // Сочинения. М., 1982. С. 521.

²⁹ Федоров Н.Ф. Вопрос о братстве или родстве, о причинах небратского, неродственного, то есть немирного состояния мира и о средствах к восстановлению родства. Записка от неученых к ученым, духовным и светским // Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 45–47.

³⁰ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез // Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 397–398.

лание»³¹. Толстой, находившийся под влиянием буддийской философии, казался Федорову глашатаем анти-пасхи, призывавшим к нирване, к смерти. Так же выступает он против мистицизма Ф.М. Достоевского и В.С. Соловьева, которые представляли воскрешение в традиционном религиозном смысле. Федоров же подчеркивает естественный, реальный характер Общего дела. Но наибольшее неприятие у Федорова вызывает этика И. Канта, которая, по его выражению, есть «узаконение, освящение зла – разъединения». Отделение Бога от мира лишает существование мира какого-либо смысла, разделение мира на человека и природу влечет за собой разделение разума на теоретический и практический, которые не могут действовать согласованно. Нравственность Канта бессильна. Это добро, которое не уничтожает зло, это формальный долг, лишенный истинного содержания. Анализируя эти идеи, можно в целом согласиться с мнением А.И. Алешина, несмотря на резкость данной им оценки: «Здесь не только нет причин говорить о каком-то пересмотре оснований новоевропейской науки, здесь, хуже того, мы сталкиваемся с культурой глубочайшим образом традиционной, даже неспособной воспринять плоды этой науки в ее собственном смысле»³².

Подчеркивая единство человека и природы, Н.Ф. Федоров предлагает в качестве инструмента воскрешения новую, преображенную синтетическую науку. Она должна быть основана на всеобщем опыте, осуществляемом всеми живущими, результаты обобщения которого направлены на решение проблемы регуляции природы и победы над смертью. Конечной целью университетского образования ставится выработка каждым учащимся своего мировоззрения, что приводит не к единству, а к розни, остается созерцанием и не приводит к действию. Это знание ради знания, кабинетное, секуляризованное, отвлеченное, далекое от практики жизни. Познание должно быть скреплено памятью и любовью к умершим, должно быть нравственно и религиозно ориентировано. Важнейшим компонентом в образовательном процессе становится воспитательный компонент; только таким образом Общее дело может стать добровольным служением каждого человека. Вместо отживающих университетов Федоров предлагает сделать средоточи-

ем образования музеи, храмы, библиотеки, причем соединив их под одной крышей. В современном состоянии он называет музеи недозревшими, но Музей, каким он должен быть, противостоит Университету в главных основаниях: Университет – носитель права, свободы, разрушающей критики, в нем царит проповедь покорности слепой, умерщвляющей природе, он предполагает общество по типу организма. Музей – это представитель долга, труда, восстановления разрушенного, он оказывает противодействие природе и предполагает общество по типу Св. Троицы³³. Из этого противопоставления вытекает две системы нравственности – нравственность «нашего века», фарисейская, нравственность блудных сынов, которая должна заместиться нравственностью мытарской, музейной, признающей всеобщее несовершенство и требующей воскрешения.

Работы «Небесные науки как факт и как проект», «Будущее астрономии» содержат конкретизированные идеи философа о космизации наук, объединении их вокруг астрономии – науки о мироздании. Поэтому «храм-музей», «храм-школа» у Федорова снабжены «вышками», т. е. мини-обсерваториями для того, чтобы непосредственно наблюдать за звездами и движением Земли³⁴. Только непосредственный опыт является достоверным доказательством истины. Храм-музей – памятник всех поколений, где отражены религиозные, художественные и исторические ценности народа, – соединяется со школой, где младшие проходят обучение под руководством старших, и с «вышкой», где постигаются естественные науки, астрономия. Между ними для Федорова нет противоречий, и в результате ученик получает комплексное образование, включающее и нравственное воспитание. В этой связи философ переосмысливает функции и назначение музея. Он не должен быть только хранилищем памяти обо всех ушедших поколениях и о каждом из людей, но и местом исследований. «Музей – не собрание вещей, а собор лиц»³⁵, – говорит Федоров. Его задача – быть собранием всех ученых обществ, осуществление связи между учеными и учебными заведениями. Он должен быть публичным, открытым и выражать собой идею единения всех, получающих знания в специальных учебных заведениях. Так как, по мнению Федо-

³¹ Федоров Н.Ф. Супраморализм, или Всеобщий синтез // Собр. соч. В 4 т. Т. 1. М., 1995. С. 415.

³² Алешин А.И. О феномене русского космизма // Философия русского космизма. М., 1996. С. 36.

³³ Алешин А.И. Указ. соч. С.244.

³⁴ Федоров Н.Ф. Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 241.

³⁵ Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 377.

рова, «разделение наук означает отделение следствий от причин»³⁶, воспитанники каждого специального (а потому небратского) учебного заведения, вступая в музей и, изучая, а также вырабатывая пути преодоления небратства, реализуют на деле задачи религии. То есть, в музее должны соединяться все три функции: исследования, учительства и деятельности. Вслед за славянофилами Н.Ф. Федоров выступает с идеей цельного, живого, синтетического знания, формирующегося вокруг религиозной истины. Он пишет: «Единство не может быть специальным предметом знания, особою наукою, философиею; оно не может иметь и особых учителей. Единство должно быть предметом воспитания всех, и ученых, сделавшихся учителями, и учителей, сделавшихся учеными»³⁷. Слияние образования с религиозным воспитанием приводит к сакрализации самого знания: «Если богословие не будет специальной наукою, а станет воспитательным кадром для всех наук, то и все другие науки, объединенные в нем, получат священное значение, будут священны, как само богословие...»³⁸.

Наиболее глубоко разработанной тема «Федоров и православие» является, по нашему мнению, в монографии М.Б. Хомякова «Deus ex machine». Исследователь решает ее как проблему соотношения в учении Н.Ф. Федорова проективно-научного, рационалистического и культового, религиозно-мистического начал. Он утверждает, что Федоров как личность был прожектером, и философия его есть проективная философия, решающая конкретные проблемы, имеющая своей целью реформу, преобразование мира. «В религиозном смысле воскрешение есть проект, поскольку основан на реально (для христианского сознания) происходивших событиях – воскресении Христа – в прошлом, и мистически повторяющемся каждодневно в церкви – в настоящем»³⁹. С научной же точки зрения, воскрешение предков – мечта, не имеющая подкрепления в реальности. Анализируя характеристики проективного мышления, Хомяков сопоставляет его с мечтой, символом, аллегорией, реальностью и приходит к выводу о том, что интерпретация культа христианской веры основана у Федорова на низведении вечного в план временной, это – изгнание вечности... В федоровской экзегезе мистическое не остается реальным, рационализм

изгоняет его в будущее, делая проблемой, заданием то, что в православии является фактом, данностью. Итак, «проект Федорова есть единство мистического и рационалистического как рационализация мистического, Символа»⁴⁰.

Этот проект культоцентричен, тоталитарен и имеет ретроспективный характер (стремится вернуть все прошлое). Он базируется на этике, основной его пафос – моральный. «Философия Общего дела» не является системой философии. Она решает одну из главных для отечественной философии проблем – проблему отношения двух субкультур – интеллигенции и народа. И решает ее не метафизически, а проективно-этически. Она возможна только в рамках христианского сознания и имеет своей целью раскрытие данных Откровения. Однако федоровская философия – это схематизация символического, признание символа еще не осуществленным, проективным. Учение Н.Ф. Федорова выражает рационалистический дух своего времени, недаром Г. Флоровский определяет учение Федорова как «своеобразную форму религиозного позитивизма»⁴¹.

Представление Н.Ф. Федорова о природе и познании послужило основанием для развития идей как религиозно-мистического, так и во многом естественно-научного космизма.

Последователи Н.Ф. Федорова – Н.А. Сетницкий, А.К. Горский, В.Н. Муравьев – восприняли его отношение к природе как к источнику и причине несовершенства человека, как к грубому слепому началу, держащему человека в плену разобщенности, рождения и смерти. Природный мир подлежит преобразованию в русле идей активного христианства.

Важными для понимания позиции космистов в отношении проблемы будущего следует считать сочинения Н.А. Сетницкого. Анализ немногих переизданных теперь его работ показывает, что он не просто целиком принимает взгляды своего учителя, но и стремится творчески развить их. Особенно его увлекает тема эсхатологической перспективы истории. Его книга «О конечном идеале» (Харбин, 1932) представляет собой попытку антроподии, оправдания человеческой истории. Это было возвращение к полемике конца XIX – начало XX в. о возможности выхода из тупика истории, о творческом участии человека в историческом процессе.

³⁶ Федоров Н.Ф. Музей, его смысл и назначение // Собр. соч. В 4 т. Т. 2. М., 1995. С. 409.

³⁷ Там же. С.391.

³⁸ Там же. С.418.

³⁹ Хомяков М.Б. Deus ex machina. Екатеринбург, 1995. С. 77.

⁴⁰ Там же. С. 90.

⁴¹ Прот. Георгий Флоровский. Пути русского богословия. YMCA-PRESS, 1983. С. 327.

Н.А. Сетницкий вступает в спор с точкой зрения известного представителя философии права П.А. Новгородцева, изложенной в его книге «Об общественном идеале», появившейся в 1910-е гг. Новгородцев отстаивает позицию пассивного эсхатологизма: идеал в принципе недостижим, так как преодолеть несоответствие между действительностью и христианским Царством Божиим может только усилие божественной воли, но не человеческая деятельность. Идеал «конечного совершенства» не может быть достигнут, человечество всегда будет довольствоваться лишь суррогатами всеобщего счастья. Н.А. Сетницкий опровергает этот тезис, исходя из самой природы идеала. Невозможно, по его мнению, проводить сравнение «идеала конечного совершенства» и «идеала бесконечного совершенствования». Они принципиально различны. И насколько бесплоден «идеал бесконечного совершенствования», настолько необходим человечеству «идеал конечного совершенства», имеющий проективную природу, конкретное содержание, и требующий своего воплощения в реальности. Идеал должен быть ориентирован на воплощение: «Идеал всегда одновременно является и повелением. Идеал императивен в своей основе и как таковой он действителен»⁴². Разрушение всех предшествующих надежд человечества Сетницкий объясняет «дробным» характером этих идеалов, нацеленностью их на решение частных проблем. Но только высокий, выводящий за пределы утилитарных «традиционно-бытовых» идеалов, ориентир может способствовать дальнейшей эволюции человека. Эсхатологии гибели Сетницкий противопоставляет эсхатологию спасения. С его точки зрения, история должна быть «работой спасения», и сам «конечный идеал» предполагает совместный общий труд, т. е. осознанную целенаправленную деятельность ради его воплощения. Для Сетницкого, как и для Фёдорова, история – это не факт, а проект.

Если Сетницкий и Горский в основном концентрировали внимание в своих работах на социально-исторической проблематике и стремились показать практические пути осуществления фёдоровских идей в новой постреволюционной общественной реальности, то у Муравьева интерес к этим же вопросам приобрел более фундаментальный онтологический характер. Он считал, что человек не осознает своего положения в мире, поскольку связь с Космосом затруднена искусственной оболочкой, миром человеческого сознания. Но сама человеческая деятельность – неотъемлемая часть

природной жизни. Культура, по мысли В.Н. Муравьева – космическое, природное явление, определенный этап эволюции Вселенной. Как и Н.А. Умов, Муравьев считает жизнь единственным процессом, противостоящим энтропии, всеобщему распаду и разрушению. Г. Аксенов приводит стадии развития материального мира, предложенные Муравьевым в его работе «Преобразование космоса»: 1) фазис концентрации материи; 2) действие энергии в пределах материи; 3) диссоциацию материи через радиоактивность, электричество и теплоту; 4) рассеяние энергии и предел этого движения в виде возвращения ее в эфир; 5) новая конденсация первичного вещества в результате деятельности живых существ. Два последних процесса носят противоположный характер и борются друг с другом ... Это космическая борьба разумных существ против слепых сил природы в итоге какой-либо борьбы природа преобразуется в культуру»⁴³. Исследователь отмечает близость натурфилософских взглядов В.Н. Муравьева биосферной концепции В.И. Вернадского, правда, Муравьеву не свойственно представление о системном характере связей между живыми организмами, как Вернадскому⁴⁴.

В естественно-научном космизме утопические элементы также составляют важную часть учения о развитии человека и Вселенной. Мистические представления К.Э. Циолковского включают в себя идеи о чувствующем бессмертном атоме и о стремлении разумных сил космоса к гармонии и искоренению зла и страданий. Космическая этика, отрицающая личностную основу человеческого Я, должна возобладать над всеми существующими несовершенными моральными системами. Цель состоит в постепенном совершенствовании человеческой природы путем евгеники, искусственного отбора наиболее талантливых, добродетельных и полезных представителей общества для продолжения рода и насильственном препятствовании размножению несовершенных (неполноценных физически и морально и т. д.). Чтобы перевести на уровень высшей жизни все космическое вещество необходимо сначала (в «эру рождения») создать гармоничную социально-экономическую организацию, образ которой у Циолковского соединяет демократические и элитарные устремления, технократизм и социалистические постулаты. Государством управляют «гении», «мудрецы» при

⁴² Горский А.К., Сетницкий Н.А. Сочинения. М., 1995. С. 308.

⁴³ Цит по: Аксенов Г. Творчество будущего // Философия русского космизма. М., 1996. С. 154.

⁴⁴ Аксенов Г. Творчество будущего // Философия русского космизма. М., 1996. С. 154.

одновременном наличии народного плебисцита. Космическая экспансия человечества предстает в трудах мыслителя в виде детально разработанных проектов наиболее перспективных режимов хозяйственной деятельности. Последняя, «терминальная» эра завершается переходом человечества в энергетическое, «лучевое» состояние, что означает конец страданий плоти и слияние с космическим разумом. Признавая связь своих взглядов с идеями предшествующих мыслителей-утопистов, Циолковский вместе с тем указывает на отличие, состоящее, по его мнению, в опоре на научные основы⁴⁵, тогда как исследователи определяют его учение скорее как мифотворчество с чертами пророческого и сотериологического сознания⁴⁶.

Особое место в ряду русских космистов занимает В.И. Вернадский. Ему в меньшей степени, чем другим, свойственно стремление в своих работах описывать социальное устройство будущего. Но его действительно научная теория развития биосферы и ноосферы предполагает, что новая форма биогеохимической энергии, которую он называет энергией человеческой культуры⁴⁷, должна выражать себя не только в успехах собственно научного познания, развитии техники, но и в нравственном прогрессе человечества. Для Вернадского это природный, эволюционный процесс, то есть закономерный и неотвратимый. И поэтому он верит, что идеалы демократии, свободного развития личности идут в унисон со стихийным геологическим процессом, отвечают ноосфере⁴⁸.

Таким образом, в результате анализа идей нескольких представителей русского космизма выясняется утопическая природа их философских представлений. В этих учениях можно отметить их рациональный характер, критическое отношение к реальному, наличному состоянию мира и человека, разрыв с этой реальностью и обоснование необходимости радикальной перестройки на принципиально новых основаниях — те черты, которые традиционно присущи утопическим построениям.

Вместе с тем присутствует одновременно и попытка преодоления разрыва — русские косми-

сты строят мост между «сегодня» и «завтра», основой для которого служит утверждение естественного, объективного и необходимого характера эволюции природы. Так как связь между человеком и природой неразрывна, социальные процессы отражают в себе процессы природные и подчиняются тем же закономерностям (в качестве примера уместно привести теорию гелиотаксии А.Л. Чижевского). Отсюда и такая отличительная черта утопизма русских космистов, как предельная, вселенская масштабность преобразований. Принцип активной эволюции предполагает превращение человеческого разума в эволюционную силу, изменяющую саму природу. Возможность овладения природными законами выступает как предпосылка реализации импортологических устремлений русского космизма.

В современном российском обществе сложилось неоднозначное отношение к наследию русских космистов. Существуют апологетическая и негативистская тенденции. Первая состоит в признании пророческого характера идей русского космизма, провозгласившего выход человечества в космос и новые перспективы взаимоотношений человека и природы. Сомнительным в этой связи представляется мнение, что космизму в целом свойственно экологическое сознание. Это справедливо в отношении взглядов В.И. Вернадского, но вряд ли можно говорить о наличии таких черт в учении Н.Ф. Федорова и К.Э. Циолковского, для которых оказывается важным именно «преодоление» природы ради решения проблем человеческого бытия.

Крайним выражением апологетизма в восприятии учения русских космистов можно считать точку зрения С.Г. Семеновой, А.Г. Гачевой, О.Д. Куракиной и некоторых других, тогда как критическое отношение присуще В.А. Кутыреву, А.И. Алешину и др. Во многом эта вторая точка зрения обусловлена именно утопической окраской русского космизма. В связи с этим можно сказать, что наряду со ставшим традиционным в нашем обществе негативным отношением к утопии вообще существует и более приемлемая, на наш взгляд, точка зрения, суть которой в том, что утопические представления выступают как специфическая форма социального идеала, рисующая перед общественным сознанием перспективы дальнейшего развития, пусть недостижимые, но тем не менее необходимые для осознания человеком высшего смысла своего существования. В этом аспекте идеи русского космизма могут считаться полезными для развития общества.

⁴⁵ Циолковский К.Э. Утописты // Вопросы философии. 1992. № 6. С. 132–135.

⁴⁶ Чудинов В.А. Великий утешитель человечества // Человек. 1991. № 6. С. 72–73.

⁴⁷ Вернадский В.И. Научная мысль как планетное явление // Труды по естествознанию. М., 2000. С. 398.

⁴⁸ Вернадский В.И. Несколько слов о ноосфере // Там же. С. 315.

ДЛЯ ЧЕГО ИНЖЕНЕРУ ЗНАТЬ ИСКУССТВО

В.И. Нехаев

Нехаев Вадим Иванович – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье говорится о роли искусства на современном этапе научно-технического прогресса, о необходимости формирования и развития эстетической культуры и эстетических чувств, о значении культуры мышления в творчестве и о том, что без знания искусства невозможна плодотворная инженерная деятельность.

The author dwells upon the importance of art, the necessity of esthetical culture and feeling formation and development at the modern stage of science-technical progress. The importance of both culture of thinking in creation work and art study helps engineering process develop.

В одном из проектных институтов, во время обеденного перерыва, я невольно стал свидетелем фрагмента разговора двух сотрудников, как выяснилось, двух инженеров.

– Какой замечательный концерт удалось вчера послушать по «телеку!» – восторженно говорил один из них. – Я ещё неделю назад, как увидел в программе, – подчеркнул он. Ведь классическая музыка теперь такое редкое явление на телевидении. Получил огромное удовольствие. Впрочем, ты, наверно, тоже не пропустил этот концерт...

– Нет, я такие передачи не смотрю, пустая трата времени. «Вести» или «Время» – куда ни шло, там всё-таки определённую информацию можно получить, а музыка лишь от дела отвлекает. Ты же знаешь, что у нас в работе завал. Вот и приходится дома вечерами тоже корпеть над проектом.

– Как будто у меня работы меньше. И я сижу вечерами над расчётами. Не в одном вашем, но и в нашем отделе все инженеры перегружены. Однако хорошая-то музыка и помогает работать. Сегодня вроде бы ничего не изменилось по сравнению с предыдущими днями, а у меня после вчерашнего концерта и настроение другое, и работается легче.

– Не знаю, не знаю... Я таких чувств не испытываю ни от музыки, ни от других видов искусства. Даже когда изредка смотрю по телевидению художественный фильм, больше думаю об очередном проекте, чем о том, что происходит на экране. Мы же «технари», а искусство – совершенно другая сфера. По-моему эти сферы никак не стыкуются...

Сразу тогда я не придавал особого значения этому случайному обмену мнений двух инженеров, но чем больше времени проходило после него, тем больше задумывался над тем, стыкуются или нет техническое и художественное творчество, правомерно ли говорить об эстетическом

содержании технической деятельности людей, о сколько-нибудь заметном влиянии искусства на результативность труда учёных и инженеров? Размышлять над этими и подобными вопросами приходится и потому, что точка зрения второго участника приведенной выше небольшой дискуссии отнюдь не уникальна. В среде технической, да и научной интеллигенции не так уж мало людей, которые считают искусство чем-то третьестепенным для себя, не достойным внимания, и уж тем более увлечением, пусть даже на самодеятельном уровне. Разумеется, речь идёт не об искусстве в смысле мастерства или умения, чем должен обладать каждый специалист, не исключая и инженера, а о понимании искусства как чувственно-эмоционального, образного отражения и восприятия мира посредством музыки, живописи, литературы, театра, кино и других его видов.

* * *

Чем же определяется роль искусства в современном мире? Почему оно необходимо для полноценного развития каждого человека, независимо от того, кем он является в профессиональном отношении? Этим вопросам посвящена огромная литература. И все же, кое о чём следует еще раз напомнить, прежде чем в дальнейшем разговор пойдёт о взаимодействии искусства с конкретной областью человеческой деятельности.

В современную эпоху, когда научно-технический прогресс, и порожденная им информационная, компьютерная революция оказывает все усиливающее влияние на самые различные сферы жизни общества, значение искусства ни в коей мере не уменьшается. Напротив, оно даже возрастает, ибо нет возможности заменить искусство чем-то другим в решении задачи, которую оно решало на протяжении всей истории своего существования. А задача эта архиважная – способствовать духовному совершенствованию

человека. Как бы не возрастали ценности материальные, благодаря невиданным ранее достижениям науки и техники, без духовных ценностей общество существовать не может. Материальная сторона никогда не заменит духовную сторону жизни людей. Без духовного совершенствования человека никакие социальные блага, никакие достижения в развитии материально-технической базы общества не принесут людям полноты подлинно человеческого существования. Вот и искусство, будучи одной из важнейших духовных ценностей, «не является чем-то самодовлеющим, чем-то предназначенным для избранных, – как справедливо считает известный американский философ Джон Дьюи, – это нечто такое, что должно придать окончательный смысл и завершённость всем проявлениям жизни»¹.

Общение с искусством – один из важнейших путей овладения человеком духовными ценностями и один из главных источников обогащения духовной культуры личности, её всестороннего, гармонического развития. Искусство выполняет великую гуманистическую миссию, состоящую в том, чтобы не только открывать и развивать все человеческое в человеке, но и показывать мир самого человека в перспективе их движения к идеалу – к лучшему, к должному, к тому, что ещё предстоит воплотить, убеждает в необходимости достижения этого идеального, ориентированного на истинную человеческую природу.

Здесь требуется сделать оговорку. Речь идёт о действительном, подлинном, гуманистическом искусстве, а не о том, которое насаждается в последнее десятилетие в России. Дело в том, что искусство связано с жизнью двояким образом: с одной стороны, оно порождается жизнью, является её отражением, с другой – оно само активно воздействует на сознание, нравы, духовные потребности людей. Направление этого воздействия зависит от того, в чьих руках и каким целям будет служить искусство. Так, в современной России те, кто формируют культуру, кто её финансируют и управляют ею, оставляют искусству из всех его функций лишь развлекательную, исключая тем самым его из борьбы за лучшие условия жизни простых людей, лишая его подлинно гуманистических ценностей и делая его предметом потребления. Если же целью является не формирование гармонически, всесторонне развитой личности, а манипулирование сознанием человека с тем, чтобы сделать из него исключительно потребителя, то и восприятие искусства

становится его потреблением. Возникающее в рамках такой установки искусство часто и не предполагает какого-либо серьёзного эстетического воздействия на людей, воспитания у молодёжи развитого эстетического вкуса, в чём нетрудно убедиться, включив любой канал телевидения, исключая может быть «культуру». Впрочем, это характерно не только для телевидения. Не лучше положение в кино, музыке, в литературе. Пошлость, алогичность, доходящая до абсурда, изощренная субъективность, игнорирование жизненной правды, жонглирование словами – таковы характерные черты искусства наших дней. И это не просто ошибки, недостатки, слабый профессионализм части авторов и исполнителей, нет, это общая установка, антигуманная концепция тех, кто «заказывает музыку» и кто её исполняет. Известный советский юрист и общественный деятель Г.Х. Шахназаров писал в середине 80-х гг.: «Намеренно разрушая традиционные представления, выворачивая наизнанку формулы разума, правители тем самым лишают массы каких-либо этических ориентиров, приучают воспринимать на веру любую бессмыслицу, какую верхушка сочтёт необходимым им внушить».² Это было сказано о буржуазном обществе, но разве в нынешней России положение иное? Игнорируя богатые культурные традиции нашего прошлого, забывая о великих достижениях и мировой славе русского, в том числе и советского искусства, мы копируем в этой области западные образцы, причём копируем далеко не самое лучшее. Используя эти негативные образцы, руководящие деятели культуры (да только ли культуры?) стремятся целенаправленно воздействовать на широкие массы и прежде всего на молодое поколение. В результате искусство, призванное оказывать самое положительное влияние на человека, в нынешней России превратилось в средство зомбирования людей, в средство, помогающее манипулировать сознанием масс в нужном властям направлении. Оно утрачивает свою эстетическую ценность, превращается для определенных кругов общества в товар, в средство обогащения и наживы.

Разумеется, в океане современного «рыночного» искусства есть островки и настоящего, реалистического искусства. Его представители пытаются использовать и пропагандировать лучшие произведения литературы, драматургии, живописи, балета, музыки прошлых веков, т. е. всё то, что именуется мировой классикой. Соз-

¹ Гильберт, К. История эстетики. М.; 2000. С. 608.

² Шахназаров, Г.Х. Куда идёт человечество. М., 1985. С. 16.

даются и новые высокохудожественные произведения искусства, несомненно обогащающие отечественную культуру. Не иссякают родники народного творчества. Различные фольклорные группы, самодеятельные ансамбли и отдельные исполнители продолжают радовать своими творческими успехами городское и сельское население.

Именно такое, подлинное искусство обладает способностью открывать нам большие временные пласты, делать нас как бы соучастниками событий современной жизни и далекого прошлого, раскрывать перед нами мир во всём его сложном многообразии. Наряду с тем, что искусство выступает средством духовного познания мира, оно обладает огромными воспитательными возможностями, являясь в силу своих социально-эстетических особенностей мощным фактором мировоззренческого воздействия на личность. Нельзя не отметить и ещё один важный фактор положительного влияния искусства. Общение с ним обогащает человека эстетически, развивает его эстетические чувства, что необходимо для творческой деятельности. «Утрата эстетических чувств, – пишет в своей "Автобиографии" Чарлз Дарвин, – равносильна утрате счастья, ибо ослабляет эмоциональную сторону нашей природы. Развитие же эстетических чувств означает общее обогащение и утончение чувств, помогая человеку овладеть умением быть счастливым, ощущать радость творчества, полноту бытия»³.

Хотя спор между «лириками» и «физиками», развернувшийся в середине прошлого столетия, казался бы давно решён и, отнюдь, не в пользу последних, но разлад между двумя составляющими духовной культуры – миром интеллекта и миром эмоций – можно наблюдать и в наши дни. Не так уж редко приходится сталкиваться с односторонним интеллектуализмом, излишней рациональностью, присущей некоторой части научной и технической интеллигенции, когда абсолютизируется точное знание и выгода от его применения, когда за ценностью научной или технической информации порой теряется представление о том, что существуют и другие духовные ценности, не менее, а может быть и более важные для человека. Можно привести немало примеров, когда образованный, толковый работник вольно или невольно демонстрирует довольно низкий уровень своего эмоционального развития. Здесь, видимо, все дело в том, что образованность у него чисто внешняя: человек усвоил

какой-то минимум знаний лишь в той узкоспециальной области, где ему приходится работать. Он взял из необъятного моря духовных ценностей только то, «что ему утилитарно, повседневно необходимо. При этом взял готовое, чужое знание, запомнил его, не подняв при этом свой интеллект, свои творческие способности до такого уровня, когда возможно самостоятельное открытие для себя этого знания, а за ним, возможно, и открытие еще никем не открытого. Однако со стороны такой человек выглядит вполне современно: он дипломирован, сыплет техническими терминами, наполнен цифрами и расчётами».⁴

Некоторым специалистам с дипломами инженеров мир эмоций и мир интеллекта представляется чем-то вроде песочных часов с двумя резервуарами и узким отверстием между ними. Если прибавилось в одном, то непременно убавится в другом, и наоборот. Так будто бы происходит и в духовном мире человека: если происходит развитие интеллекта, то это, конечно, за счёт оскудения эмоций. Но дело обстоит совсем не так. Еще Н.Г. Чернышевский отмечал, что развитие мышления в человеке нисколько не разрешает в нём эстетического чувства. Напротив, «примитивный мир эмоций всегда свидетельствует и о примитивном интеллекте, который если и развит, то в области рассудочных (запоминание, каталогизирование, счёт, формально-логические операции), но не творческих способностей. Не может быть Эйнштейна с эмоциональной культурой чеховского человека в футляре. Трудно поверить в талантливость инженера, научного работника, для которого поэзия, музыка, живопись – вещи чуждые и обременительные».⁵

Искусство как раз и помогает восстановить и сохранить равновесие чувственного и рационального, эмоционального и интеллектуального начал в человеческой личности. Общение с ним, а ещё лучше и занятие каким-либо видом искусства хотя бы на уровне самодеятельности, развивает эстетический вкус – способность критически оценивать изображённое автором художественного произведения, а это, в свою очередь, оказывает влияние на совершенствование интеллектуальной деятельности любого инженера. Без искусства невозможно развитие в достаточной мере воображение, фантазию, столь необходимые в научном и техническом творчестве. Ценность искусства, по мнению Нильса Бора, вы-

³ См.: Дарвин Чарлз. Воспоминания о развитии моего ума и характера (Автобиография). М., 1957.

⁴ Волков Г.Н. Человек и научно-техническая революция. М.: Политгиздат, 1972. С. 117–118.

⁵ Там же.

дающегося датского учёного, одного из создателей современной физики, «заключается в его способности напоминать нам о гармониях, недостижимых для систематического анализа. Можно сказать, что литературное, изобразительное и музыкальное искусство образуют последовательность способов выражения, и в этой последовательности все более полный отказ от точных определений, характерных для научных сообщений, предоставляется больше свободы игре, фантазии».⁶

Приведу ещё несколько примеров того, как великие ученые, совершавшие подлинный переворот в области естествознания, относились к искусству. Излишне объяснить, какой вклад в науку внёс Альберт Эйнштейн. Об этом знает каждый школьник. Но далеко не всем известно о том, что он был страстным поклонником искусства и прежде всего музыкального. Великий новатор в науке, он обожал музыку. Эйнштейн хорошо играл на скрипке, настолько хорошо, что выступал даже в качестве солиста в любительских концертах. Когда работал в Берне (Швейцария) в патентном бюро, то еженедельно устраивал домашние концерты с участием любительского оркестра. Однако и в последующие годы, став уже знаменитым учёным, он не расставался со скрипкой, выступал в концертах с профессиональными музыкантами, неоднократно солировал на благотворительных концертах. На одном из них великий физик исполнил концерт для скрипки с оркестром перед почти трёхстами слушателями.

В преклонном возрасте, когда играть на скрипке стало трудно, Эйнштейн освоил рояль. На этом музыкальном инструменте он исполнил произведения Баха, Вивальди, Генделя, Моцарта. Вечерами, утомленный дневными делами, с удовольствием слушал пластинки с записями классической музыки. Много читал, любил Шекспира, Гейне, Шиллера, Л.Толстого и особенно Достоевского. Последний, по словам Эйнштейна, давал ему больше, чем любой учёный. Своими произведениями, и в частности «Братьями Карамазовыми», писатель «вызывает у меня этический порыв такой непреодолимой силы, какой возникает от истинного произведения искусства».⁷ Постоянное обращение к искусству на протяжении всей жизни не только не отвлекало Эйнштейна от научных исследований, но, напро-

тив, несомненно способствовало более успешному решению сложных теоретических задач. Так, занятия музыкой – одной из самых отвлечённых форм образного мышления – помогали ему развивать, усиливать способность к абстрактному мышлению. И как знать, возможно, представление о времени, зависящем от скорости движущегося тела и от массы материи, родилось в его голове не только с помощью научного анализа.

О влиянии музыки на творческое мышление исследователя еще более определённо говорит великий русский учёный, основоположник целого комплекса современных наук о Земле, автор учения о биосфере и эволюции её в ноосферу академик В.И.Вернадский. Достигнув 80-летнего возраста, он признавался: «Я мало понимаю в музыке, но она мне много дала. Я пережил не раз, слушал хорошую музыку, её глубокое влияние на мою мысль. Некоторые из основных моих идей, как идея о значении жизни в космосе, стали мне ясными во время слушания хорошей музыки. Слушая её, я переживал глубокие изменения в моём понимании окружающего. И сейчас, в старости, мне очень недостаёт, что я так редко могу слушать хорошую музыку...»⁸.

Выше приведены свидетельства того, какую важную роль играло искусство в жизни крупнейших учёных. А вот как понимал взаимосвязь науки, техники и искусства талантливый русский инженер П.К.Энгельмейер. В конце XIX и в первые десятилетия XX в. им написано много работ, посвященных технике. Назову лишь некоторые из них: «Экономическое значение современной техники» (1887), «Изобретения и привилегии» (1897), «Теория творчества» (1910), «Творческая личность и среда в области технических изобретений» (1911), «Философия техники» (1912). Самого его интересовали автомобили и моторные лодки. Он выпустил несколько пособий для шоферов, сам совершил автопробег из Парижа в Москву. Но он не замыкался на технике, а был широко эрудированным человеком, о чём свидетельствует изданная им в 1898 г. работа «Критика научных и художественных учений графа Л.Н.Толстого». Это был очень смелый шаг. В то время 43-летнего инженера знали лишь в определенных кругах специалистов, а Толстой, которому исполнилось 70 лет, был в зените своей мировой славы. Чтобы решиться на критику маститого писателя, требовалось хорошо знать его произведения и самому обладать высокой эсте-

⁶ Бор Н. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961. С. 111.

⁷ Эйнштейн А. Собр. науч. тр. Т. IV. М., 1967.

⁸ Цит. по книге: Забелин, И. Человек и человечество / М. : Советский писатель, 1970. С. 28.

тической культурой. Этим условиям в полной мере отвечал инженер Энгельмейер.

Не ограничиваясь критическими замечаниями в адрес Л.Н. Толстого, автор работы делает попытку выяснить взаимосвязь между искусством, наукой и техникой. В главе четвертой, он пишет, что создавая новые понятия, новый закон, учёный начинает, как и художник, с интуиции. Появляется гипотеза, потом эту гипотезу он разрабатывает с помощью мышления. Но художественный элемент так и не исчезает. Энгельмейер показывает это на примере закона всемирного тяготения Ньютона. В нём видны оба элемента: наглядный художественный образ невидимой, но реальной силы, действующей между телами через космическое пространство, и научная умственная формула количественного действия этой силы. Автор работы считает, что великие научные сочинения Ньютона, Лапласа, Дарвина глубоко художественны, а художественные произведения древних греков, Шекспира, в свою очередь, глубоко мудры, поучительны и зачастую учат тому, что недоступно науке⁹.

Обогащая духовную культуру человека, мир его мыслей и чувств, искусство одновременно решает и весьма важную для формирования творческого мышления задачу: оно развивает такие познавательные способности, как, например, воображение, ассоциацию идей, интуитивное «схватывание» целого раньше составляющих его частей, словом – те многогранные способности к образному мышлению, без которых невозможна полноценная творческая деятельность. В самом деле, может ли инженер быть творцом, создавать что-то совершенно новое, не обладая, допустим, развитым воображением? Конечно, нет. Образное мышление, воображение необходимы и научному работнику, и изобретателю, и проектировщику и другим техническим специалистам. А способность к этому в значительной мере формируется искусством. Знакомство с художественным произведением заставляет обычно представлять то, что хотел изобразить автор, приходится так или иначе что-то додумывать, размышлять над тем, как описанные события или судьбы людей могли бы сложиться при других обстоятельствах. И тут уж без воображения не обойтись, оно работает в полную силу.

Какую ещё пользу приносит искусство людям творческого труда? Оно способствует лучшему видению окружающей жизни, развитию зоркости, столь необходимой при создании но-

вой техники, подсказывает открытие новых связей, закономерностей в природе и обществе. Инженерам, пренебрегающим искусством, надо знать и помнить о том, что развитие человеческой зоркости является очень важной и постоянной функцией искусства. Хотя в приведённых выше примерах прямо не подчёркивалась подобная функция, тем не менее они подтверждают её наличие. Вполне возможно, что и Гёте, автору многих художественных произведений, в том числе и знаменитого «Фауста», именно художественная зоркость помогла увидеть в цветке видоизменённые листья растения, разработать целое учение о цвете и стать основоположником такой науки, как морфология растений.

Наконец, нельзя не сказать и о способности искусства заполнять досуг людей, помогать восстанавливать силы для дальнейшей деятельности после напряженного трудового дня или рабочей недели. В современном ритме жизни это особенно важно. Искусство дает возможность расслабиться, отдохнуть, восстановить физическую и духовную энергию для последующей деятельности. Такое понимание роли искусства, кажется, присуще большинству людей. Потому обращение людей в свободное время к различным видам искусства, соответственно уровню их культурного развития, – явление вполне естественное. Это в полной мере относится и к тем, кто занимается творчеством в области науки и техники. Тех же, кто считает, что современный человек может ограничиваться лишь производственными интересами (а такие есть, о чём свидетельствует хотя бы диалог, приведенный в начале статьи), еще А.В. Луначарский, первый нарком просвещения РСФСР, называл «варварами, ушибленными машиной до потери сознания человечности»¹⁰.

Способствуя всестороннему развитию человека, искусство в известной мере предохраняет работника от узкой производственной специализации, непосредственно связанной с рационализацией его мышления. В свою очередь, разностороннее развитие позволяет ему более свободно определять цели своей деятельности в конкретных производственных ситуациях. Чем более усложняется производство, чем сложнее современная техника и технологические процессы, тем более разносторонним должен быть специалист, управляющий такими процессами, работающий с новейшей техникой и её создающий.

Если же после всего сказанного посмотреть, как искусство влияет на конкретные и, пожалуй,

⁹ Энгельмейер П.К. Критика научных и художественных учений графа Л.Н. Толстого. М., 1898.

¹⁰ Луначарский А.В. Собр. соч. В 8 т. Т. 7. М., 1967. С. 440.

самые распространенные виды инженерного творчества – проектирование и конструирование, то картина выявится следующая.

Инженер, как известно, – это специалист с высшим техническим образованием, применяющий научные знания для решения технических задач. Значит, в процессе инженерной деятельности научные знания должны быть материализованы, т. е. воплощены в орудия и предметы труда, различные вещи. Разумеется, сами собой они не появятся, их надо спроектировать, сконструировать, одним словом создать. Причём создать конструкцию, машину, прибор, другие вещи нужно такими, чтобы они наиболее полно соответствовали результатам научного познания, были экономичными, по возможности простыми в употреблении и в то же время надёжными, совершенными. А совершенство – это уже понятие эстетическое.

При проектировании любой вещи, любого сооружения всегда возникает несколько вариантов решения творческой задачи. Требуется найти оптимальный вариант. И поиск его определяется характером и мерой добытого знания, уровнем развития творческого мышления проектировщика и конструктора, их представлениями о совершенстве и красоте. Последнее предполагает достаточно развитый эстетический вкус, который приобретается при постоянном общении с искусством. Само искусство непосредственно не даёт знания красоты, прекрасного (для этого существует специальная наука – эстетика), но оно активно формирует и развивает чувство красоты, изящества, учит на своих примерах правильно воспринимать красоту окружающего мира, а без этого, опять-таки, по мнению многих авторитетных представителей науки и техники, не может быть подлинного творчества. Ведь красота – определённая совокупность свойств предметов и явлений действительности, продуктов материального и духовного производства – характеризуется целым рядом признаков: соразмерностью, пропорциональностью, порядочностью, гармонией, целесообразностью, соответствием формы содержанию, совершенством и другими. Разве все эти признаки не учитываются при проектировании и конструировании различных объектов? И если инженеру-новатору удалось в создаваемом объекте воплотить названные свойства, определяющие в совокупности красоту предмета, разве у него не появляется чувство глубокого удовлетворения, чувство радости и прочие положительные эмоции?

Инженерное творчество при всей его, казалось бы, утилитарной направленности, связанной

с практическим назначением техники, не лишено и эстетического начала, и инженер при создании новой техники вынужден опираться не только на научные знания, но и творить по законам красоты. На необходимость развития художественно-творческих качеств личности новатора обращали внимание многие выдающиеся исследователи, поскольку такие важнейшие эстетические свойства, как воображение, фантазия, чувство красоты, составляют непрменные основы творческих способностей тех, кто открывает или создаёт что-то новое, не известное ранее. Некоторые крупные учёные красоте (как исходному пункту творчества) придают даже большее значение, чем пользе. Так, академик А.Н. Колмогоров неоднократно говорил о том, что очень многое учёный открывает потому, что ему то или иное явление кажется прекрасным, и только впоследствии доказывает его полезность. Другой академик П.С. Александров утверждал, что познавательный критерий неотделим от эстетического, от восторга перед открывшейся красотой познанных новых закономерностей или же перед красотой вновь создаваемых технических устройств и сооружений. Искусство – то, как раз и учит понимать красоту, видеть её в самых различных явлениях жизни, развивает эстетическое начало в человеке.

Таким образом, искусство не какая-то чуждая инженерному труду сфера человеческой деятельности. В реальной жизни всё взаимосвязано. Научное и техническое творчество, с которыми непосредственно связан инженер, не отгорожены от художественного творчества. Последнее проникает в них, обогащает их. И поэтому знание искусства не благое пожелание инженеру, занимающемуся творческой работой, а одно из важных условий его успешной профессиональной деятельности. Приведенные выше рассуждения относительно роли искусства призваны убедить технических специалистов в том, что знание искусства (именно знание, а не поверхностное знакомство с ним) помогает развивать образное мышление, творческое воображение, усиливать творческую зоркость, видеть окружающий мир во всём его сложном многообразии, схватывать новое как единое целое, а не только отдельные его части, избегать одностороннего интеллектуализма, излишней рациональности, поднимать личную эстетическую культуру на более высокий уровень.

ПСИХОЛОГИЯ И ПЕДАГОГИКА

О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА

*Е.Ю. Римлянд, М. Сипягина**

Римлянд Елена Юрьевна – кандидат физико-математических наук, доцент кафедры теоретической механики Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Сипягина Марина – студентка группы № 223 Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье представлены некоторые результаты экспериментального и теоретического исследования взаимодействия между преподавателем вуза и студентами. Такое взаимодействие в образовательном пространстве вуза рассматривается как деятельность, приводящая к взаимному развитию субъектов.

There are some of experimental and theoretical investigations of interaction between professor and students in the article. This interaction is condition of their mutual development, if it is activities in educational space.

Многообразие представляемых социумом индивидуальных форм развития и образовательных возможностей метафорически понимается как образовательное пространство¹, как внешнее по отношению к человеку пространство выбора. Вместе с тем это пространство – совокупность объектов, субъектов природы и общества, влияющих на человека стихийно или целенаправленно. Процессы, воздействующие на человека и направленные на усвоение им социально-значимого опыта² при освоении знаний, умений, методов деятельности описываются как образовательный и воспитательный.

Все большую значимость в последнее время приобретает научение методам деятельности, в связи с этим важным является организация деятельности обучающегося в технологическом процессе получения, освоения, принятия, переработки, передачи информации. Эту цель ставят перед собой методические модели деятельностной концепции обучения: модель развивающего обучения (В.В. Давыдов, Л.В. Занков, Д.Б. Эльконин и др.), модель продуктивного обучения (И. Шнайдер, И. Бем, М.И. Башмаков и др.), обогащающая модель обучения (М.А. Холодная,

Э.Г. Гельфман), формирующая модель (П.Я. Гальперин, Н.Ф. Галызина).

Освоение обучающимся методов деятельности, их апробация происходят в процессах его взаимодействия с окружающим миром. Вместе с тем деятельность человека, направленность этой деятельности детерминируется не столько НКМ, сложившейся в обществе на данном этапе его развития, сколько образом Мира, принадлежащим конкретному субъекту. Образ Мира включает в себя, наряду с совокупностью знаний о мире и миропонимание, и мироощущение, и умение приращивать и использовать эти знания, ощущения для познания и преобразования природы и общества. Образ Мира складывается из чувственной, логической, интуитивной компонент не путем простых арифметических действий, он возвращается на почве жизненного опыта каждого субъекта, являющегося участником взаимодействия с объектным и субъектным миром природы и общества.

Термин «*образование*» получает при таком рассмотрении расширенное толкование, а именно, создание «*Образа* мира» как внутренне формируемого образовательного пространства. Роль педагога при этом заключается в проектировании взаимодействия учащегося с окружающим миром, в создании условий для его реализации, оценке полноты, целостности и эффективности восприятия и рефлексии, как составных и взаимодополняющих основ взаимодействия.

Развитие форм организации образовательного процесса в высших учебных заведениях предполагает изменение типа образовательной практики и, соответственно характера взаимодействия студент–преподаватель. Тем не менее прин-

* Авторы выражают благодарность студентам групп ОПУ ДВГУПС Е. Гарлицкому, Д. Долгоруку, принявшим участие в обработке результатов исследования и их обсуждении.

¹ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн. : Изд-во В.М. Скакун, 1988. С. 896.

² Римлянд Е.Ю., Чекмарева Л.И. Взаиморазвитие субъектов образовательного процесса как условие успешного функционирования воспитательной системы / Личность педагога в воспитательной системе образовательного учреждения : материалы всерос. научно-практ. конф. // Хабаровск : Изд-во ХГПУ, 1998. С. 198–211.

цип совместного действия (взаимодействия, сотрудничества) педагога и обучающегося, реализующийся в сопереживании социально-значимого опыта, жизненных ценностей, остается приоритетным для высшей школы наряду с такими основными принципами инновационного образования, как:

- создание условий для саморазвития человека, овладения им научной методологией человеческой деятельности во всех ее сферах и методах творческой деятельности в соответствии с потребностями постиндустриального, информационного общества;
- формирование мировоззрения, основанного на гуманизме и многокритериальности подходов в принятии решений;
- воспитание толерантности, ответственности за нравственность своих действий и принятых решений;
- формирование системы обобщенных понятий посредством выявления и развития междисциплинарных, общенаучных связей;
- организация процесса познания мира и своего собственного «Я» путем сочетания логического, психофизиологического и интуитивного восприятия действительности в гармонии разных уровней мышления: предметного, операционного, теоретического, конструктивно-эвристического и мировоззренчески-личностного;
- научение проектированию деятельности в самом широком смысле слова; деятельности, отличающейся гармоничностью мышления человека, его гуманистической направленностью, пониманием общечеловеческих ценностей, бережным отношением к ним, сочетанием внутренней свободы и социальной ответственности.

В результате проектируемого, управляемого взаимодействия человека с окружающей средой, «данной» ему в непосредственном восприятии и опосредованно, происходит развитие смыслов деятельности. Через понятия, образы, являющиеся достоянием человеческого общества и содержанием образовательного процесса, в процессе самообучения происходит саморазвитие личности.

Целесообразна ли оценка эффективности взаимодействия субъектов образовательного пространства всеми заинтересованными сторонами? Несомненно, да. Распространенная в вузах анкета «Преподаватель глазами студента» (таблица) представляет для этого необходимый материал. Во-первых, перечень качеств преподавателя достаточно широк, что не исключает возможность его расширения как с одной, так и с другой стороны.

Во-вторых, заполнение анкеты производится, как правило, в бальной системе: 9–8 баллов – качество проявляется практически всегда, 7–6 баллов – часто, 5–4 балла – на уровне 50 %, 3–2 балла – редко, 1 балл – качество практически отсутствует, 0 баллов – не могу оценить. Это позволяет не только оценить каждое качество преподавателя по среднему баллу, но и группы качеств, получивших наибольшее количество максимальных и минимальных оценок, а также величины групп студентов, оценивающих эти качества в определенном интервале значений. В-третьих, весьма важной является возможность совместной обработки анкет преподавателем и студентами с последующим их обсуждением.

Вероятно, удовлетворяющим преподавателя результатом должна быть оценка качества на уровне не менее 75 % от максимально возможной, т. е. 6,75 баллов, а вызывающим тревогу – оценка качества ниже 50 %, т.е. менее чем в 4,5 балла. Необходимо при этом учитывать, что «полярность» студенческой аудитории, выраженная в настоящее время как никогда ранее, предъявляет жесткие требования к организации анкетирования, в числе которых – достаточное и равное время общения студентов с преподавателем.

Таблица

Профессиональные качества преподавателя	Балл
1. Излагает материал доступно, ясно	
2. Разъясняет сложные места	
3. Выделяет главные моменты	
4. Умеет вызвать и поддержать интерес аудитории к предмету	
5. Следит за реакцией аудитории	
6. Задает вопросы, побуждает к дискуссии	
7. Соблюдает логику в изложении	
8. Демонстрирует культуру речи, четкость дикции, нормальный темп изложения	
9. Умеет снять напряжение и усталость аудитории	
10. Ориентируется на использовании изучаемого материала в будущей деятельности	
11. Творческий подход к своему делу	
12. Доброжелательность и такт по отношению к студенту	
13. Терпение	
14. Требовательность	
15. Заинтересованность в успехах студентов	
16. Объективность в оценке знаний	
17. Уважительное отношение к студенту	
18. Располагает к себе манерой поведения, широкой эрудицией, внешним видом	

Приведенные на рис. 1–3 диаграммы представляют собой графическое изображение групп студентов (доля от 119 человек), оценивших в реальном исследовании качества преподавателя по предложенной анкете.

Рис. 1 демонстрирует оценку студентами, на первый взгляд, противоречивых качеств «доброжелательность и такт по отношению к студенту» (12) и «требовательность» (14).

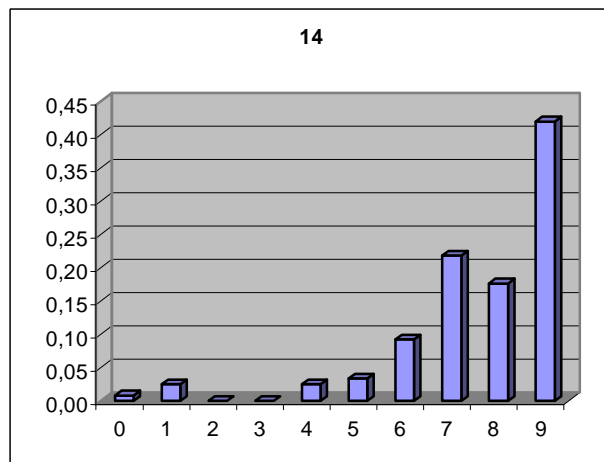
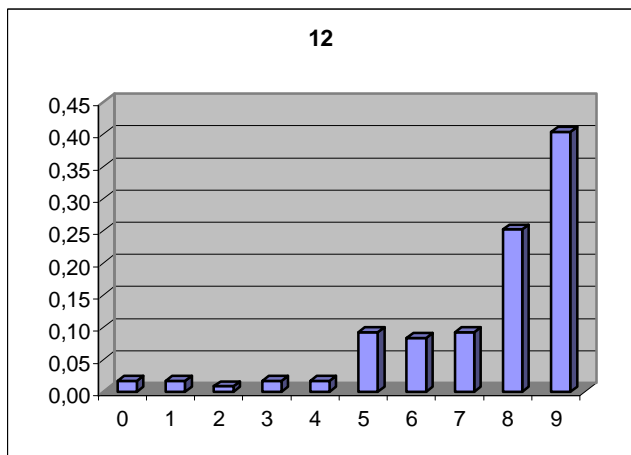

Рис. 1. Диаграмма оценки студентами доброжелательности и такта преподавателя по отношению к ним (12) и требовательности (14)

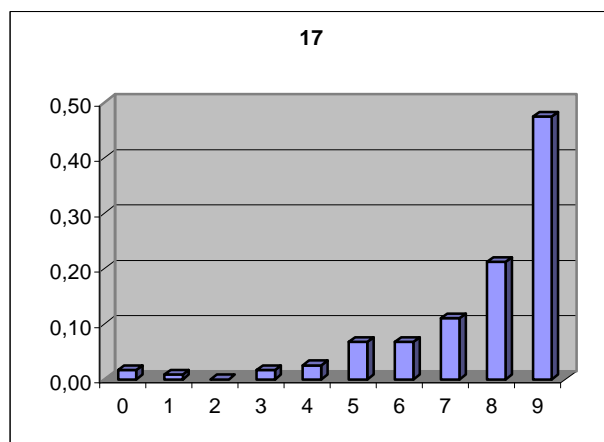
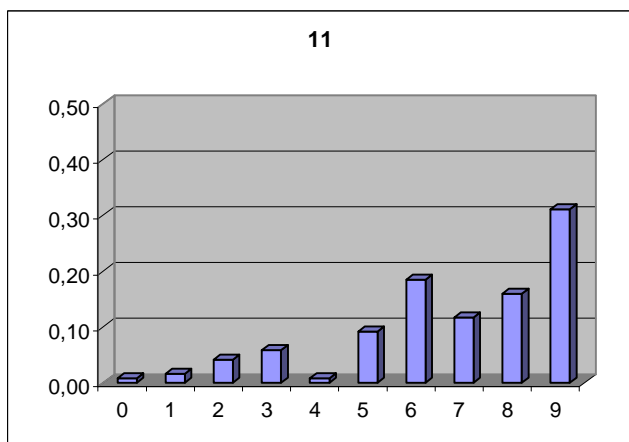

Рис. 2. Диаграмма оценки студентами творческого подхода преподавателя к своему делу (11) и уважительного отношения к ним (17)

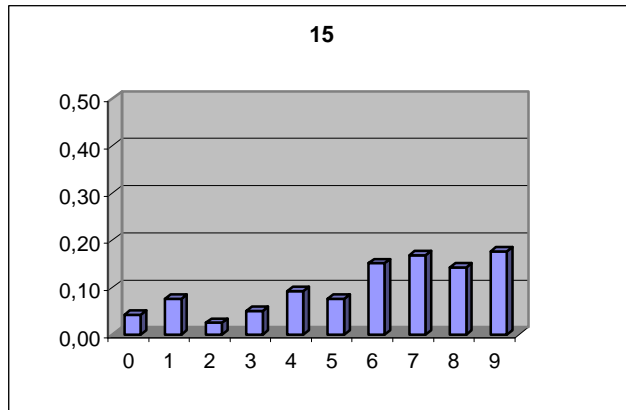
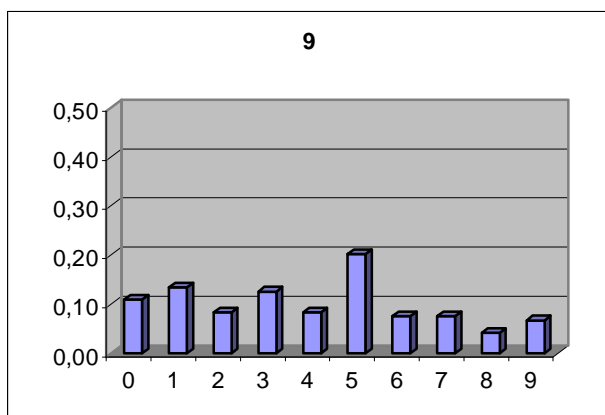

Рис. 3. Диаграмма оценки студентами умения преподавателя снять напряжение и усталость аудитории (9), а также проявление им заинтересованности в успехах студентов (15)

В первом случае 82 % студентов отметили, что качество проявляется часто или практически всегда, во втором – 91 %. Достаточна высока оценка и других качеств преподавателя, среди которых «уважительное отношение к студенту» и «творческий подход к делу» (рис. 2).

Не одно поколение педагогов задается вопросом: «... Можем ли мы... и если можем, то как, в процессе обучения ... передавать ценности или дать ... нечто вроде смысла жизни?»³. Ответ на это вопрос дан учителем, который всю свою жизнь был усердным учеником: «... ценностям мы не можем научиться – ценности мы должны пережить. Так же мы не можем и сообщить смысл жизни... Что мы можем им дать, дать с собой в путь, – это лишь один пример, пример нашей собственной отдачи нашему делу...»⁴.

Во все времена педагог учил всем своим образом жизни: стиль преподавания в основном определялся личностью педагога-ученого, педагога-интеллекта, его деятельность служила своеобразным культурным образцом для обучающегося. Вместе с тем «жизнь в эпоху перемен» вносит свои коррективы в понимание ценностей и мотивацию любой деятельности, в том числе учебной. Позволиительно ли в связи с этим педагогу утверждать, что лишь он как организатор образовательного процесса обладает критериями значимости опыта жизни и знания? Однозначно нет. Каждый субъект образовательно-воспитательного процесса в силу своих психолого-физиологических особенностей, собственного опыта жизни в каждый момент времени имеет свое собственное представление о мире. И педагог просто обязан использовать весь тот социально-значимый опыт, носителем которого являются студенты, а не только предлагать свой собственный⁵.

Основанием для этого может служить рассмотрение деятельности как совокупности процессов обмена.

Процессы обмена в Мире природы (материальном мире – ?) рассматриваются обычно как обмен веществом и энергией. Мерилом эффективности процесса выступает информация как перечень величин, параметров о физических, химических и биологических свойствах вещества, объекта или поля, скоростях их

изменения, временных и пространственных интервалах их существования. Процессы обмена в мире общества (материальном и духовном мире – ?) более разнообразны. Мерилом их эффективности выступает также и информация как совокупность параметров о психических, социальных процессах (в том числе, личностных качествах индивида, характеристиках общества).

Интерсубъектные отношения имеют в своей основе прежде всего обмен информацией. В результате таких отношений, реализуемых в процессе любой человеческой деятельности, наряду с материальными благами в составе духовных создается система ценностных ориентаций человека. Являясь открытой системой, последняя может быть описана в рамках синергетики⁶, т. е. с точки зрения коллективных кооперативных взаимодействий, играющих принципиальную роль в возникновении и поддержании процессов самоорганизации. Принимая во внимание разнообразие и сложность элементов системы и их взаимодействие друг с другом, нельзя недооценивать значение проектирования и управления созданием (самозарождением) системы ценностных ориентаций человека.

Успех обучения, как способ познания мира, во многом зависит от организации взаимного обмена опытом и его эффективного управления. Инициатором этого процесса выступает педагог, и именно поэтому успешность совместной деятельности в образовательном пространстве (или успешность функционирования системы взаимообучения, взаимовоспитания) зачастую предопределяется личностными качествами педагога: интегральной или дифференциальной направленностью его мышления, универсальностью его интересов и потребностей, жизненной активностью и человеколюбием, интересом к человеческой личности, терпимостью к инакомыслию и т. д. В процессе совместной деятельности по добыванию знаний, познанию мира происходит становление и развитие личности не только студента, но и педагога.

Примером «урока педагогу» может служить оценка студентами в нашем исследовании такого качества преподавателя, как «умение снять на-

³ Франкл В. Человек в поисках смысла : сборник: пер с англ. и нем. / Общ. ред. Л.Я. Гозмана и Д.А. Леонтьева. М.: Прогресс, 1990. С. 368.

⁴ Там же. С. 47.

⁵ Новейший философский словарь / Сост. А.А. Грицанов. Мн. : Изд-во В.М. Скакун, 1988. С. 896.

⁶ Римлянд Е.Ю., Чекмарева Л.И. Некоторые аспекты формирования личности в периоды нестабильной социально-экономической ситуации / Самоорганизующиеся процессы в системах и технологиях : материалы межд. конф. Синергетика. Комсомольск-на-Амуре : Изд-во КнАГТУ, 1998. С. 116–117.

пряжение и усталость аудитории». Лишь 27 % студентов отметили, что качество проявляется часто или практически всегда (рис. 3), в то время как 34 % указали на его редкое проявление или практически полное отсутствие.

Можно, конечно, в этом случае попенять на неспособность студентов к упорной и сосредоточенной работе: ускоренный переход советской школы индустриальной эпохи в российскую, принадлежащую фактически мировому информационному сообществу, породил, кроме замечательных достижений, немало и «болезней роста».

С другой стороны, преподавание не является самопрезентацией педагога. «Преподавание ... предполагает встречно направленный процесс учения»⁷. Организация взаимного обмена опытом и его управление в рамках образовательно-воспитательного процесса учебного заведения – это управление учебным познанием, ... от низкого уровня проблемности и познавательной самостоятельности к творческой исследовательской деятельности.

Итак, цель пребывания студента в вузе всеми сторонами осознана, организационные формы учебно-воспитательного процесса выбраны, методическое обеспечение создано... – это идеальное начало взаимодействия. Далее педагог хотел бы добиться желаемой реакции студентов. Чего же ждут студенты, читающие психолого-педагогическую литературу, от преподавателя?

«Не только умение подготовить лекцию, но и умение свободно держаться перед аудиторией, безукоризненно владеть голосом, жестом и мимикой и безошибочно реагировать на поведение студентов, умение снять напряжение и расположить аудиторию к себе – таковы объективные требования к лектору, стремящемуся произвести желаемое воздействие на слушателей. Один из признаков того, что аудитория адекватно и с интересом отнесется к лектору, это доброжелательный настрой студентов, которого должен уметь достигать сам преподаватель.

Студенты должны быть вовлечены в активную деятельность, тогда любой содержательный материал вызовет интерес к предмету. Очень важна организация на уроке коллективной учебной деятельности, в процессе которой создаются наиболее благоприятные возможности для усвоения знаний и для наиболее полного психи-

ческого развития каждого студента. Кроме того, организация работы в небольших группах учит деловому общению. Общение начинается с социальной перцепции, т. е. с восприятия друг друга, далее происходит оценка и анализ того, что воспринято, а это приводит к пониманию целей и мотивов действий вначале других людей, а затем – собственных действий. Все это неизменно ведет к активизации нашей учебной деятельности и развивает нас.

Большой интерес вызывает постановка задач в занимательной форме, а также учебный материал достаточно полно иллюстрированный и проясняющий поле будущей профессиональной деятельности. Не менее существенной, чем содержание, характеристикой учебного материала, оказывающего влияние на усвоение, является образность его изложения как зрительная, так и интонационная.

Если у педагога контакта с аудиторией нет, то либо теряет смысл само учебное занятие в целом, либо резко снижается его эффективность. А ведь существуют специальные речевые действия, назначение которых – установление и поддержание контакта: обращение, приветствие, комплимент, прощание... Преподаватель должен знать, что предел оперативной памяти человека ограничен длиной словесной цепочки, состоящей из 5–7 слов, постоянно заботиться о том, чтобы его речь легко, с первого раза воспринималась студентами. Внимательность и наблюдательность в сочетании с опытом помогут преподавателю уловить настроение студенческой аудитории. Возможно, рассмотрение некоторых вопросов придется сократить или вовсе отказаться от них. Часто удачная шутка может разрядить атмосферу...».

Приведенное мнение позволяет надеяться, что современный образовательный процесс может быть значительно активирован. Каждый человек как часть социальной системы является одним из носителей общественного сознания и соавтором общественного мнения, а следовательно, творцом того образовательного (информационного) пространства, субъектом которого является.

Вместе с тем информация редко бывает инертна по отношению к субъектам образовательного пространства, она воздействует на формирование не только понятий и образов, но и системы ценностей человека. Распознавание образов, речь и мышление у людей «...процессы, в

⁷ Педагогический энциклопедический словарь. М. : Изд-во «Большая Российская энциклопедия», 2002. С. 528.

высшей степени, кооперативные»⁶, характеризующиеся необычайно высокой степенью координации между отдельными подсистемами. «Совершенно очевидно, все эти координированные... процессы становятся возможными только путем обмена информацией, которая должна быть произведена, передана, принята, обработана, преобразована в новые формы информации и должна участвовать в обмене информацией между различными частями системы и вместе с тем... между различными иерархическими уровнями». В связи с этим актуальной для педагога становится задача по организации совместной деятельности обучающихся по оценке величины, значимости и моральной ценности информационных потоков.

Освоение социально-значимого опыта в образовательном процессе должно быть процессом не только развивающим, но и созидательным. Поэтому обращаем внимание на взаимосвязь понятий «человеческая природа» и «образованность» (это прямой перевод с латинского слова гуманитарный⁹). В их взаимосвязи – разгадка сущности человека, неограниченности его уникальных потребностей создать (образовать) себя и Мир вокруг себя. Несколько перефразируя великого гуманиста, психоаналитика и философа Эриха Фромма¹⁰, можно сказать, что «человеческая природа есть созидание». «Становление личности, ее образование и деятельность – отнюдь не изолированные процессы. ... В действительности это отдельные стороны единого, реального процесса функционирования человека» в социуме «его динамики в целом».

⁸ Хакен Г. Информация и самоорганизация: макроскопический подход к сложным системам: пер. с англ. М.: Мир, 1991. С. 240.

⁹ Философский словарь. М.: Полит. лит. 1987. С. 588.

¹⁰ Фром Э. Человеческая ситуация. М.: Смысл, 1994. С. 238.

ФУНКЦИИ ИННОВАЦИОННОЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОЙ ИДЕИ: СОЦИАЛЬНЫЙ АСПЕКТ

Н.Л. Коршунова

Коршунова Наталья Леонидовна – кандидат педагогических наук, доцент, заведующая кафедрой педагогики Уссурийского государственного педагогического института.

В статье обосновывается необходимость специального выделения социальной функции инновационной педагогической идеи. Ее содержательное наполнение представлено и конкретизировано посредством четырехэлементной структуры, включающей аксиологическую, социокультурную, развивающую и прагматическую функции. Знание социальных сторон той или иной педагогической идеи помогает более точно установить ее потенциальных заказчиков и адресатов и на этой основе добиться более высоких результатов при реализации в практике.

The necessity of special distinguishing of a social function of a pedagogical idea is given in this article. Its substantial fulness is represented and concretised through a four-elements structure, which includes axiological, sociocultural, developing and praxiological functions. Knowledge of social sides of a pedagogical idea helps to determine its potential addressees more exactly and on this basis to get more high results while realizing them in practice.

Основу инновационных мероприятий педагогического характера, проводимых в области образования, составляют педагогические идеи. Их принято также именовать инновационными. Однако не всякая педагогическая идея обладает таким статусом, что, в первую очередь, определяется не временем ее возникновения, а широтой и глубиной теоретического анализа. Такая работа обеспечивает подлинную, а не мнимую новизну педагогической идее. Причем новизна не является ее самостоятельной характеристикой; на передний план выходят прогрессивное содержание и эффективность идеи.

Различие в концептуальном и отсюда – в структурно-содержательном отношении между инновационной идеей и просто идеей установлено в наших предыдущих работах¹ и проходит по линии социопрактической составляющей идеи, которая до недавнего времени не принималась в расчет. Вместе с тем мы считаем необходимым провести между ними не только субстанциональные, но и функциональные границы.

В идее независимо от области ее дисциплинарной принадлежности можно вычленивать когнитивные и социальные функции.

Будучи формой человеческого познания мира идея выполняет когнитивные функции познания сущности явлений (закономерностей), метода в объяснении явлений и в дальнейшем движении познания, идеализированной предпосылки для практически преобразовательной деятельности человека, для превращения одной формы

объективности – объективности знания – в другую – объективную реальность. Идеи присущи только человеческому сознанию. В литературе прошлых лет утверждается, что из роли идей в формообразовательном процессе вытекают их общественные функции². Возражать против этого не приходится. Не случайно инновационные идеи начали зарождаться и получили мощный импульс к своему развитию и воплощению во второй половине XX в., в период тотальных и коренных преобразований в социальной истории человечества. Аналогичным всплеском отмечено и активное вторжение инновационных идей в область отечественного образования, совпадающее по времени с эпохой реформаций в российском обществе.

Вместе с тем приведенная позиция, на наш взгляд, является исторически односторонне ограниченной. Здесь идея связывается с социокультурным контекстом уже в завершённой форме, на этапе использования в практике, в то время как идея в своем исходном состоянии, на начальном этапе формирования, будто бы отделена и от социальной среды, и от культурного опыта современности. Истоки подобных представлений нам видятся в следующем.

Во-первых, вплоть до середины прошлого столетия развитие науки происходило в значительной степени спонтанно, подчиняясь прежде всего внутренней логике развития научных дисциплин (фундаментальная наука) и в меньшей степени конкретным запросам общества (прикладная наука). Во-вторых, классический и неклассический типы научной рациональности, господствовавшие в индустриальную эпоху, не учитывают связи между внутринаучными и социальными ценностями

¹ Коршунова Н.Л. Социопрактические аспекты инновационной педагогической идеи // Педагогика. 2000. № 10. С. 12–17; Коршунова Н.Л. Понятие идеи в педагогике // Понятийный аппарат педагогики и образования: сб. науч. тр. / Отв. ред. М.А. Галагузова. Вып. 4. Екатеринбург : Изд-во СВ-96, 2001. С. 49–66.

² Копнин П.В. Идея как форма мышления. Киев : Изд-во Киевского ун-та, 1963. С. 104.

и целями. Поэтому общественные функции идеи до некоторого времени не становились объектом специального методологического анализа, а, скорее, лишь ощущались, причем уже на этапе реализации идеи, к началу которого содержание идеи полностью оформлено.

В настоящее время в связи с обострением глобальных проблем цивилизации наблюдается возрастание роли прикладной науки, что принципиально меняет взаимоотношение науки и общества. Человечество ставит перед наукой конкретные цели и готово выделять на их достижение определенную и немалую часть своих ограниченных ресурсов. Это обстоятельство в значительной степени лишает науку ее былой автономности и более жестко встраивает в структуру современного сообщества.

Кардинальное отличие науки постиндустриальной эпохи в том, что в реально складывающихся условиях рынка производство нового знания лишается своего романтического ореола и становится всего лишь одним из видов товарного производства, пусть и весьма специфического. Причем востребованность этого «научного товара» определяется не столько его качеством или новизной, сколько его потребительскими свойствами и подготовленностью рынка к его восприятию³. Данное утверждение привычно связывается сознанием с прикладной наукой, и в этом есть большая доля справедливости. Однако имеются основания и для того, чтобы защищать этот тезис по отношению к науке в целом. В настоящее время меняется сам взгляд на традиционное деление наук на фундаментальные и прикладные: оно признается недостаточным, не вполне корректно отражающим исторически сложившиеся к настоящему моменту типы научного знания, их переходность из одного качества в другое⁴. А вся риторика непрекращающихся дебатов между правительственными чиновниками и академической общественностью о путях реформирования отечественной науки свидетельствует о том, что времена, когда ученый мог позволить себе заниматься наукой из «чистого любопытства», совершенно не заботясь о практическом применении своих научных изысканий, хотя бы в отдаленной перспективе и приблизительных чертах, по всей видимости, безвозвратно ушли в прошлое.

Нравится это нам или нет, но нельзя не признать наступление нового периода и в развитии

науки об образовании. Хотя особенность педагогики быть одновременно и теоретической, и прикладной наукой⁵ присуща ей по происхождению и отмечена не вчера, необходимость в практико-ориентированной педагогической науке осознается на переживаемом отрезке времени как никогда остро.

Между тем рынок в образовании существовал всегда и тем более существует теперь. Образование – такой сектор, где при самой жесткой, командно-административной системе, хоть в малой степени, но все же сохраняется примат свободы, примат свободного выбора. Можно силой определить человека в школу, в вуз, но нельзя заставить его учиться. Причем чем более развит человек, чем выше исходный уровень его образованности, тем меньше ему можно навязать. С другой стороны, на проблему рынка и свободы в образовании можно посмотреть с позиции педагога. Его свобода ограничена его востребованностью. Востребованность имеет разные формы: когда приходят, когда заказывают и когда платят. В этом перечне в первую очередь нас будет интересовать заказ на образовательные ресурсы (а также их заказчики), а через него – и возможные их адресаты (пользователи).

Педагог-практик является не только носителем культуры, но также звеном, опосредствующим отношения между наукой педагогикой и педагогической практикой. В режиме инновационной деятельности мобильным инструментом этого опосредствования выступает педагогическая идея, получающая оформление в науке и одновременно – ориентированная на практику. В продуктах педагогического труда идея содержится в снятом виде и поэтому за пределами научно-педагогического дискурса качество педагогической идеи начинает определяться рыночными (потребительскими) свойствами содержания, способов, методик и технологий педагогической работы, которые имеются в багаже современного образования, являются востребованными или нет. Но поскольку их основу составляют те иные идеи, то с некоторой долей условности можно говорить и об идее как товаре, о ее потребительском потенциале, который может приниматься во внимание или вовсе не учитываться, сохраняться, снижаться или наращиваться при действии определенных условий. Рассматривая понятие инновационной педагогической идеи в рыночных терминах, следует понимать, что имеется

³ Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н. Изучение основ социологии научного сообщества как элемент профессиональной подготовки // Науковедение. 2003. № 2 (18). С. 119–126.

⁴ Садовников Н.В. Фундаментализация современного вузовского образования // Педагогика. 2005. № 7. С. 49–54.

⁵ Краевский В.В. Общие основы педагогики : уч. пособие для студ. высш. пед. учеб. заведений. 2-е изд., испр. М.: Издательский центр «Академия», 2005. С. 12

в виду ее общественной польза, которая может найти выражение и в коммерческой ценности (один из трех вариантов востребованности, о которых шла речь выше) и в других формах, так что было бы неверно для сферы производства и использования научного знания отождествлять рыночное лишь с материальной выгодой, сиюминутной отдачей и пр. непривлекательными сторонами, отталкивающими духовные потребности человека. Потребительские свойства педагогической идеи, отражающие свойства образования как товара, могут иметь разную ценность для разных групп и слоев населения. Например, раннее (с 1-го класса) и интенсивное изучение иностранных языков не может не сопровождаться повышенной умственной нагрузкой для учащихся. Такое энергозатратное обучение может рассматриваться как необходимое условие для развития интеллекта и личности ребенка в среде интеллигенции и как непредвиденное и досадное препятствие, которое нужно снять как можно быстрее для тех «новых русских», кто ищет для своих детей легких путей в жизни. Справедливости ради следует отметить, что нередко встречается прямо противоположное соотношение, когда успешность и состоятельность родителей благополучно сочетаются с пониманием ими значимости образования и проявлением заботы об интеллектуальном развитии детей, а стремление уберечь своих чад от сколько-нибудь ощутимого напряжения зачастую исходит от людей, пусть и образованных, но недостаточно активных в устройстве собственной жизни и порой даже беспечных. «Хочу, чтобы мой ребенок знал английский язык, но чтобы при этом он не уставал», – такова довольно распространенная позиция этой категории любвеобильных родителей. Другой пример. Далеко не всеми признается на деле, а не на словах необходимость фундаментализации педагогического образования, понимаемой нами не как усиление предметной подготовки, а как формирование основ профессиональной культуры будущего учителя, в которой специальные предметы (математика, история, биология и др.) выступают лишь средством педагогической деятельности, но отнюдь не ее целью⁶. Наш практический опыт свидетельствует, что включение методологической компоненты в вузовский курс педагогики, являющееся частью работы по фундаментализации педагогического образования, не встречает должного понимания ни у студентов, ни у деканов, ни у руководителей

вуза. В крайних случаях приходится сталкиваться с враждебным отношением к методологической тематике довольно значительной части студенчества, немотивированной на педагогическую профессию. Незаинтересованное отношение управленческих структур вуза в фундаментализации педагогического образования объясняется засильем предметно-методического лобби, представители которого чаще всего и занимают руководящие посты в педагогических вузах. Вероятно, такое положение вещей наблюдается не во всех образовательных учреждениях педагогического профиля. Но вряд ли отмеченный факт – единственный в своем роде. Хотя, как уже утверждалось выше, потребительские качества педагогической идеи проявляются на стадии ее воплощения в практику образования, целенаправленно проектировать их необходимо в сфере науки, на стадии концептуализации идеи, что вместе с тем предполагает хорошее знание заказчика и потребителя инновационной идеи (например, с большей пользой для обучающихся системные методолого-педагогические знания могли бы найти применение в подготовке магистрантов, не говоря уже о послевузовском образовании, аспирантуре. А будущему учителю-специалисту при нынешнем положении дел в педобразовании достаточно было бы дать лишь некоторые общие сведения из этой отрасли педагогики). Такие представления соотносятся с логикой общественной жизни, современной ситуацией в науке в целом и с науковедческими положениями сегодняшнего дня.

В условиях, когда инновационная деятельность и научные исследования требуют громадных расходов, а выделяет их общество как таковое в лице определенных госструктур, финансовых групп или политических партий, ученый, начиная исследование, обязан представлять, кому конкретно и зачем будут нужны его исследования, кто в них заинтересован, кто будет выделять на них средства, морально и интеллектуально поддерживать новаторские идеи. Таким образом, проведение предварительного маркетинга выступает необходимой частью планируемой научной работы⁷. Хотя такой способ действий еще не стал правилом, социальная обусловленность научной деятельности сегодня осознается многими. Но обычно социальные детерминации рассматриваются крупным планом: как ответ науки в целом на «вызовы» времени. Конкрет-

⁶ Коршунова Н.Л. Педагогика, которую мы преподаем // Педагогика. 2005. № 9. С. 43–51.

⁷ Арутюнов В.С., Стрекова Л.Н. Изучение основ социологии научного сообщества как элемент профессиональной подготовки // Науковедение. 2003. № 2 (18). С. 119–126.

ные же формы научного знания: такие, например, как идея и теория до сих пор не стали объектом научной рефлексии с точки зрения их социальных параметров. Социальный, личностный эффект, культурологическая значимость теоретического педагогического знания исследуются специалистами, получают оценку, колеблющуюся в широком диапазоне, но что способствует, так сказать, его(знания) одушевлению в практике образования или, напротив, препятствует этому, от каких методологических допущений зависит, не вполне ясно. Отсюда спрашивается: что есть (или должно быть) в педагогической идее такого, что позволяет (позволило бы) ей при воплощении улучшать дела в образовании как одном из видов общественной деятельности, а значит, и в социальной практике в целом? Иначе: каким должно быть содержание идеи и какие у него составляющие? Каков, наконец, социальный план идеи и чем он задается? Последний вопрос – ключевой в данном ряду, и это объясняется следующим.

Для педагогической науки, изучающей педагогическую деятельность как особый вид общественной деятельности с ее имманентными характеристиками преобразования и творчества, особое значение представляет вопрос о функциях инновационной идеи в социальном аспекте. Идея – «несущая конструкция» инновационных действий в сфере образования и педагогической науки. Ретроспективный анализ педагогических инноваций, закончившихся неудачей, показывает, что они во многом происходили оттого, что отправная идея изначально не давала адресной ясности, либо имела сомнительную социальную ценность, либо отрицательное влияние оказывали обе причины.

Сегодня во всем мире все шире утверждается и поддерживается мысль о том, что образование имеет первостепенное значение для достижения важных экономических, политических и социальных целей⁸. В целях ускорения экономического роста и повышения технической конкурентоспособности во всех странах преподаются математика, естественные науки и компьютерная грамотность. Для борьбы с безработицей делается акцент на профессиональной подготовке и освоении необходимых навыков. Для того чтобы защитить окружающую среду, вводятся занятия по экологии. Чтобы углубить понимание демократических принципов и расширить участие граждан в политической жизни, на первый план выводится воспитание гражданственности.

⁸ Бенавот Аарон. Критический анализ сравнительных исследований // Перспективы. 2002. Том XXXII. № 1. С. 58

Учитывая такое положение вещей, нет необходимости специально доказывать тезис о социальной функции инновационной педагогической идеи с ее интенцией на преобразование дел в практике в соответствии с требованиями общества. **В педагогической идее, таким образом, находят выражение общественные интересы**, которые в нашей стране мало-помалу, но все настойчивее начинают заявлять о себе. Не случайно в педагогический обиход возвращаются термины «социальный заказ», «государственный заказ», в значительной степени дискредитированные коммунистической моноидеологией. Однако в контексте современных проблем нашего общества социальный заказ, определяющий цели, содержание и результаты образовательного процесса, представляет собой совсем другую проблему.

Обнаруживаются различия и даже противоречия в требованиях к образованию со стороны различных заинтересованных в нем субъектов, выступающих в роли заказчиков: личности, общества, государства и самого образования. В этом нет ничего удивительного. Образование – сложнейшее социокультурное явление, социальный институт, средство развития личности. Каждая его ступень имеет свою специфику. Требования к образованию со стороны различных субъектов не могут быть едиными, однако, они должны быть согласованными⁹. Вместе с тем диверсификация образовательных запросов общества нередко просто не осознается как закономерное явление в новой России. По сформировавшемуся в советское время стереотипу понятие «заказ» ассоциируется чаще всего с государственными интересами. Между тем государство не всегда адекватно отражало общественный образовательный запрос и в минувшие эпохи. Сегодня, когда в руках частной собственности сосредоточено более 80 % всех предприятий и организаций¹⁰, этот разрыв стремительно углубляется. В связи с этим чрезвычайно актуальность приобретают вопросы: кто выступает в роли заказчика идеи? У каждой идеи есть свой заказчик, идеи без заказчика не появляются. Эта мысль может показаться крайне спорной, если обратиться за примерами к истории науки, вспомнить открытия в области естествознания (допустим, фундаментальные законы физики, химии, биологии и др. наук о природе), сделанные их авторами не

⁹ Образовательные запросы общества и актуальные проблемы российской школы: «Круглый стол» // Педагогика. 2003. № 4. С. 49–64.

¹⁰ Давыдов Ю.С. Образование 2002: взгляд изнутри // Педагогика. 2002. № 9. С. 18.

по чьему-либо велению и не по меркантильным причинам, но из соображений пытливого ума, стремлений к раскрытию тайн мироздания, поискам научной истины и т.п.. Однако отсутствие внешнего заказчика еще не означает, что такого вообще не было. В подобных случаях заказчиками являлись сами работники науки, даже если они этого не осознавали. Другое дело, что, вообще, ими не ограничивается их круг. Помимо исследователей, заказчиками могут быть конкретные люди, имеющие образовательные потребности (школьники, студенты, учителя, преподаватели вузов и др.); организации и группы различной направленности и степени общности (школы, вузы, творческие союзы учителей типа клуба «Эврика», бизнес-элиты, различные политические объединения и партии, педагогическая общественность страны в целом и пр.), выражающие определенные интересы и запросы в области образования; мировое сообщество в его передовой части, рассматривающее образование как одну из мощных стратегий развития и облик будущего мира; государство в лице главного ведомства нашей отрасли – Министерства образования и науки РФ и региональных управленческих структур. По этой причине всякие попытки рассматривать идею или реализовать ее без учета запросов выдвигающих или поддерживающих ее субъектов автоматически ставят ее в ситуацию риска. В лучшем случае может быть получен хороший результат, но совсем не тот, на который рассчитывали инноваторы (например, это относится к популярной в прошлом идее всеобщего среднего образования и к нынешней – регионализации образовательных стандартов). В худшем – следует ожидать полный провал. К примеру, такой итог нельзя исключить для судьбы идеи перехода российской системы высшего образования на болонскую модель подготовки студентов, если в процессе ее дальнейшей концептуализации не будут учтены социальные запросы всех заинтересованных субъектов.

Однако даже иметь в виду заказчика в лице того или иного социального субъекта недостаточно. Дело в том, что сам социальный заказ, идущий из одних и тех же структур, может быть противоречивым. В последнее время крайне противоречивые устремления исходят от государственных органов и лиц, чиновников высших рангов, от главного административного ведомства нашей отрасли – Министерства образования и науки России. В 2002 г. (на этот момент функционировало Министерство образования) в свет вышла Концепция модернизации российского образования до 2010 г., в основу которой поло-

жены либеральные ценности европейского общественного сознания с их приоритетом индивиду и личности. В этом же году главным образовательным ведомством нашей страны в регионы было отправлено письмо с примерным содержанием курса «Основы православной культуры», который предполагалось вводить факультативно. Сразу же заметим, что указанными действиями оба проекта были поставлены во взаимоисключающие положения, так как в православном социокультурном организме немыслима отдельная личность – одна из существеннейших его характеристик¹¹. Два года спустя, в январе 2004 г., в рамках XII Рождественских чтений состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Изучение православной культуры в светской школе», организованная под эгидой Министерства образования, на которой его представители всерьез обсуждали вопрос о необходимости изучения православия в российских школах¹². На данный момент курс «Основы православной культуры» не является обязательным для российской средней школы. Однако жаркие споры по этому вопросу продолжают по сей день, и точку в нем ставить пока рано. С настоятельной просьбой пустить церковь в школу достаточно давно и неустанно выступает Московский патриархат. С другой стороны, некоторые представители госструктур, административного корпуса педагогического сообщества, включая высоких должностных лиц Министерства образования и науки РФ и РАО, обнаруживают свою привязанность к церкви и религиозному мировоззрению, выступают за союз РПЦ (Русской православной церкви) и государства, за возвращение религии в современную российскую школу, светский характер которой утверждён законодательно¹³. В недавних публичных выступлениях на XIV Рождественских чтениях позиции служителей церкви и государственных чиновников сомкнулись в единодушном намерении ввести в образовательные учреждения «Закон Божий»¹⁴. Такие настроения и инициативы, внедряемые в современное образовательное пространство, находятся в противоречии с ценностями и нормами модернизирующегося общест-

¹¹ Яковенко И.Г. Православие и исторические судьбы России // Общественные науки и современность. 1994. № 2. С. 49.

¹² Тимофеева О. Православная культура станет обязательным предметом школьной программы // Известия. 2004. 30 января. С. 7.

¹³ См., например: [Электронный ресурс]: <http://www.interfax-religion.ru/buddhism/?act=news&div=4245>

¹⁴ См.: [Электронный ресурс]: <http://www.prokimen.ru>

ва, они с полной очевидностью противостоят ценностям и нормам складывающегося информационного общества, где знание (отнюдь не религиозное и не в последнюю очередь научное) становится ведущей ценностью и капиталом. Не оспорим и потенциальный ущерб формирующемуся в юном возрасте интеллекту: ведь вера не допускает дискуссий, не совместима с сомнениями, не нуждается в доказательствах. Но именно способность к рациональному мышлению, самостоятельность, критичность ума, креативность и т. п. характеристики личности, в значительной степени поврежденные марксистско-ленинской идеологией прошлых лет, так необходимы новому поколению российских граждан, вовлеченных в активный процесс мировоззренческой и социокультурной динамики. Не случайно названные и рядоположенные с ними свойства личности нашли отражение в Концепции модернизации образования в числе проективных качеств выпускника школы. Однако необходимо понимать, что в решении задачи воспитания молодого поколения людей нового типа неизбежна встреча с таким препятствием, как фрустрация в головах школьников, если в конфликте двух противоположных трендов – личностной ориентации в образовании и его религиозной направленности – одержит верх последний. В солидном труде по философии образования отмечается, что фрустрация произойдет в силу столкновения школьников с идеями креационизма и с учением об эволюции, с учением о творении Богом мира за семь дней и с естественно-научной установкой на постижение природы самой по себе¹⁵. Таким образом, уже совершенные и намечаемые шаги по линии сближения государства и религии, школы и церкви подрывают возможность успешной реализации Концепции модернизации и ее стержневой основы – личностно-ориентированного образования. А педагогам всех уровней, осознающим свой служебный и гражданский долг защищать автономию образования от церкви и его светскость, в реальности будет крайне непросто его выполнить.

Другой пример противоречивого заказа связан с отмечаемой в литературе¹⁶ несогласованностью принципов профильного обучения с Единым государственным экзаменом. На протяжении последних десятилетий педагоги и психологи на-

стойчиво утверждают, что для успешного обучения и воспитания необходимо учитывать индивидуальные особенности детей, их склонности и способности. Современный социальный заказ также требует адаптировать систему образования к рынку труда, создать условия для более осознанного профессионального самоопределения школьников. Российская школа приступила к процессу профилизации, по существу, еще с начала 90-х годов XX в., широко организуя классы с углубленным изучением отдельных предметов. Переход к профильному обучению положительно влиял на профессиональное самоопределение школьников, и профильная школа стала реакцией на злобу дня. Позже в целях искоренения известных пороков современного отечественного образования родилась и идея ЕГЭ (единого государственного экзамена). Но эксперименты последних лет, внедряемые в образование, проводились спонтанно и несогласованно, так, что концепция ЕГЭ разрабатывалась в отрыве от концепции профильного обучения. Повсеместное введение ЕГЭ планируется в 2008 г., пока же он существует в рамках эксперимента.

Технология применения ЕГЭ уже выявила немало неясностей и непроработанных вопросов; при этом ожидать, что в ближайшее время ситуация изменится к лучшему, не приходится, так как команда разработчиков этой идеи, по всей видимости, зашла в тупик¹⁷.

Однако обстоятельства сложились таким образом, что Единый экзамен по математике профильного уровня будет для всех, в том числе для учащихся гуманитарного профиля. Согласуется ли это с принципами профилизации? Профильное обучение реализуется на III ступени общеобразовательной средней (полной) школы. Это означает, что все существующие типы школ должны предоставлять образовательные услуги в соответствии с профессиональными интересами и склонностями детей, запросами местного сообщества. ЕГЭ как метод тестового контроля в целом имеет знаниеориентированную направленность, т. е. относится к разряду методов проверки школьной успешности. Отсюда любые тестовые задания, разработанные в формате ЕГЭ, оказываются заведомо обедненными, вписанными в более узкую матрицу контроля, по сравнению с богатейшим содержанием гуманитарной культуры, в частности культуры родного языка¹⁸ и по большому счету культуры в целом.

¹⁵ Огурцов А.П., Платонов В.В. Образы образования. Западная философия образования. XX век. СПб. : РХГИ, 2004. С. 32.

¹⁶ Шевченко Н. Профильное обучение: что мешает воплощению конструктивной идеи // Народное образование. 2006. № 1. С. 8–12.

¹⁷ См.: [Электронный ресурс]: <http://www.gazeta.ru/education/2006/01/30/>.

¹⁸ Донская Т., Засорина Л., Субетто А. ЕГЭ и предмет «русский язык» несовместимы // Народное образование. 2006. № 1. С. 16–19.

Так, обнаруживается, что основу противоречий между профилизацией школы и ЕГЭ составляют глубокие и застарелые идейные размежевания культурологического и сциентистского подходов к образованию.

Как видно на указанных примерах, проявившиеся и прогнозируемые трудности в реализации педагогических идей во многом вызваны тем, что в определении заказа на образование на передний план выходят не сами социальные субъекты и структуры, а ценности общества и ценностные ориентации граждан. Эти и подобные им социокультурные формы зачастую носят латентный характер и потому нуждаются в особом внимании и изучении. Таким образом, **социальная функция** инновационной педагогической идеи должна быть конкретизирована в ее **аксиологической функции**. Последняя заключается в том, чтобы четко обозначить ценностные ориентиры разрабатываемой или распространяемой идеи, а также прямо ответить на вопрос: кому адресована идея? В отсутствии ценностных и адресных ориентаций легко проявить интеллектуальную и мировоззренческую недалковидность, поскольку сама идея (ее ярлык, так сказать) еще ничего не говорит о ее интерпретации. Скажем, идея патриотического воспитания необходима нашему обществу. Но она, без сомнений, будет совершенно по-разному представлена теми педагогами, общественными и государственными деятелями, которые разделяют коммунистические идеалы; теми, кто придерживается прогрессивных ценностей европейского сообщества; теми, кто выступает за приоритет национального воспитания; и теми, кто занимает центристские позиции. В сходных с приведенным контекстах проявляется очевидная потребность в артикуляции ценностного компонента инновационной педагогической идеи.

Теснейшим образом присоединяется к предыдущему вопросу и вопрос о самих ценностях. В России совершается медленный, противоречивый и болезненный переход к новой цивилизации, основанной на ценностях демократии и свободы частной личности. Перед образованием стоит задача преодолеть культурные издержки этого перехода, воспитать терпимость к чужому мнению и непохожему поведению, самостоятельность в суждениях и действиях, критичность ума, ответственность. Эта задача – нелегкая. Ведь психика людей за годы реформ претерпела грандиозные разломы: разрушение сложившихся за многие десятилетия стереотипов, старых

сдерживающих механизмов для антисоциального, разрушительного поведения, старого коллективизма. Формирование новых ценностей встречает подчас активное сопротивление прежних, отживших ценностей и установок. Но общество, построенное на рынке, это не общество волков (как нам до сих пор пытаются внедрить в сознание), ему присущи собственные формы существования гуманизма, коллективизма, заботы об общественном благе. Другое дело, что эти формы осознаются гражданами через призму своих собственных интересов. Основное отличие свободного общества – в том, что свобода других признается так же, как и собственная. Нам еще предстоит научиться быть свободными, делать ответственный выбор самостоятельно, без подсказки и ласковой направляющей руки государства, партии, коллективного разума, научиться знать и ценить **отличающееся** от нашего мнение и поведение. Подавляющему большинству россиян предстоит понять, что без ценностей либерализма подлинная модернизация невозможна и, что особенно не осознается большинством, – **отсутствие либерализма негативно скажется на том же большинстве**. Тогда пророческой может оказаться метафора М. Жванецкого: «Мы долго-долго находились в Освенциме, а потом с боями прорвались в Бухенвальд». Отсюда совершенно очевидна такая **общественная функция инновационной педагогической идеи как социокультурного инструмента воплощения новых ценностей в сфере образования (для краткости – социокультурная функция)**.

В литературе последних лет подчеркивается, что инновации в сфере образования носят гуманистический характер, направлены на развитие личности. При этом имеется в виду личность ученика, воспитанника, студента. Однако, на наш взгляд, инновационная педагогическая идея должна быть ориентирована на развитие и самого субъекта образования, т.е. педагога-практика. В противном случае культурное неравенство в образовании как его имманентная черта между тем, кто образовывает, и тем, кто образовывается, может принять опасную форму (противоположности), грозящую его полным разрушением. Таким образом, вырисовывается **развивающая функция инновационной педагогической идеи как еще одна разновидность ее социальной функции**, реализация которой подразумевает учет ценностных ориентаций всех участников образовательной деятельности.

Обзором функций инновационной педагогической идеи с социальных позиций обнаруживается ее **праксиологическая функция**, неразрывно связанная с предыдущими. Прилагательное «праксиологическая» основано от существительного «праксиология». Философский словарь определяет праксиологию следующим образом: «Праксиология – область социологических исследований, которая изучает методику рассмотрения различных действий или совокупности действий с точки зрения установления их эффективности»¹⁹. В соответствии с приведенной дефиницией праксиологическая функция инновационной педагогической идеи состоит в успешном осуществлении практических действий в сфере образования, в совокупности направленных на осуществление новаторского замысла педагогического характера. Для того чтобы указанная функция выполнила свое предназначение, в содержание идеи должны быть включены **социопрактические аспекты**. В целом под социопрактическим содержанием мы будем понимать обобщенные характеристики субъектов и объектов педагогической деятельности: социальное происхождение учащихся (воспитанников) и их возраст, возраст учителей (преподавателей, воспитателей), уровень их мастерства, психологические характеристики педагогов и воспитанников, их ценностные ориентации и установки, категории участников образовательной деятельности, способных к восприятию и принятию данной идеи, а также региональные и культурно-исторические характеристики, временные и пространственные возможности реализации идеи, социальные, педагогические, материальные и другие условия обучения и воспитания²⁰. Как видно, праксиологическая функция инновационной педагогической идеи как бы вбирает в себя другие ее социальные функции и поэтому может считаться наиболее общей функцией такого рода.

Характеристики области реализации инновационной педагогической идеи в ее социопрактических аспектах, впервые зафиксированные на стадии ее замысла в самом общем виде, должны быть проверены, уточнены и дополнены, сохранены (или заменены другими) на по-

следующих ступенях развития идеи и обязательно войти в теоретическую модель будущей практики.

Так, массовый педагогический опыт показал, что широко распространенная сегодня идея развивающего обучения, воплощенная в системе В.В. Давыдова – Д.Б. Эльконина, приемлема не для всех школьников младших классов. Наибольшую эффективность эта идея может найти в практике обучения детей, уже проявивших к его началу высокие интеллектуальные, волевые и моральные качества, способных и готовых выполнять большие учебные нагрузки. Такие дети чаще всего являются выходцами из тех семей, в которых образование рассматривается как ценность, и родители с «младых ногтей» приобщают своих сыновей и дочерей к богатствам культуры, к умственному труду. Обычно это семьи интеллигенции, хотя встречаются и исключения из этого правила. Если бы этот социопрактический контекст был учтен авторами идеи до начала ее массового использования, она могла бы стать более результативной и востребованной. Но она активно разрабатывалась в советское время, когда невозможно было публично утверждать факт существования социальных различий между людьми.

Образование – практически единственный механизм, который действует в направлении социального выравнивания не просто в рыночном обществе, но в небогатом рыночном обществе, таком, как российское. Сегодня нет возможности предоставить всем равные шансы, например, в сфере здравоохранения, в возможности зрелых людей реализовать себя (а именно эту функцию выполняет, например, система трудоустройства и страхования от потери работы в развитых странах). Но это совершенно необходимо сделать для «стартовых поколений». **Ведь именно образование – единственная из социальных отраслей, которая непосредственно участвует в формировании предпосылок экономического роста** (разумеется, при этом роль образования отнюдь не сводится к экономическим достижениям). Образование может выполнить свою миссию «перемешивателя классов», объединяя в стенах образовательного учреждения представителей различных социальных категорий. Такой подход свойственен руководству гимназии № 49 г. Тюмени: «Мы полагаем, что в условиях окраинного городского микрорайона с прилегающей к нему территорией интенсивной застройки, населенного преимущественно рабочими и служащими, в большинстве своем выходцами из сельской местности, с переполненными

¹⁹ Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. М. : Политиздат, 1991. С. 357

²⁰ Коршунова Н.Л. Социопрактические аспекты инновационной педагогической идеи // Педагогика. 2000. № 10. С. 12–17; Коршунова Н.Л. Понятие идеи в педагогике // Понятийный аппарат педагогики и образования : сб. науч. тр. / Отв. ред. М.А. Галагузова. Вып. 4. Екатеринбург : Изд-во СВ-96, 2001. С. 49–66.

в 2–3 раза школами, гимназия призвана повысить уровень общего образования, обеспечить развитие потенциально способных детей из всех социальных слоев населения и стать очагом культурного влияния на социум и проживающих в нем людей»²¹.

Приведенным примером автор ни в коей мере не пытается утвердить мысль о том, что «остальных» детей не следует ни развивать, ни обучать на основе передовых методик и пр. Все дети нуждаются в качественном образовании. Но идеи, подходы, программы, методики должны выбираться с учетом (помимо прочего) и социопрактических характеристик области возможной реализации идеи. На этой основе возможно и иное в сравнении с вышеприведенным решение проблемы социального неравенства посредством образования.

Социальное неравенство было всегда, есть и будет впредь в обозримом будущем и в любом обществе. Было оно и в Советском Союзе, только говорить об этом было невозможно. Сегодня эта проблема стремительно обостряется. В России не счесть городских и сельских территорий, где преобладающая часть населения – люмпенизированные граждане, пьющие, нигде не работающие, ведущие асоциальный образ жизни. Для детей из таких семей существует реальная угроза пойти в недалеком будущем по стопам своих родителей и в итоге пути оказаться на дне общества. Эта опасность подтверждается самой жизнью, фактом кочующей по вокзалам, электричкам, рынкам, приютам и ночлежкам армии малолетних бомжей и беспризорников, нередко втянутых в преступные группировки, криминальный бизнес и пр. Принято считать, что такой категорией детей должны заниматься комиссии по делам несовершеннолетних, органы социальной защиты и милиция. Спорить с этим трудно, если дети уже оказались на улице. Проблема, однако, в том, что выталкивает их туда не только неблагополучная семья, но и школа, которая в массе своей не справляется с «трудными». Они доставляют слишком много хлопот: пропускают занятия, нарушают дисциплину и, что хуже всего для той же школы, не усваивают учебную программу. Тем не менее попытаться поставить заслон маргинализации растущего поколения необходимо. Полезными здесь могут оказаться идеи разноразрядных классов, продуктивного обучения, «школы без неудачников», «школы как общего

дома», адаптивной школы и др. Главная миссия адаптивной школы, например, могла бы заключаться в том, чтобы такого рода школа стала школой жизни, учила бы своих питомцев искусству выживания в сложных жизненных обстоятельствах, умению разумно, экономно вести домашнее хозяйство и т.п. Ведь в неблагополучных семьях этому не учат, ибо сами взрослые этими умениями не обладают. Помимо обучения практическим умениям не менее важно воспитывать личность, готовую к переменам во всех сферах жизни, к труду, стремление к самореализации, потребность в нормальной семье, психологически комфортной жизни. Только так можно обеспечить подлинное развитие детей из групп социального риска. Подобные меры помогли бы юным гражданам не только получить среднее образование, но и смягчить процесс их социализации, при желании взойти на следующую ступень образовательной лестницы, найти свое дело, вести достойный образ жизни.

Но для этого сама система образования как социальный институт должна более четко соблюдать свои интересы и сформулировать конкретные требования к государству и обществу. Сфера образования должна не только выполнять заказы государства, но и проявлять собственную самостоятельность и активность. Свое веское слово должна сказать и педагогическая наука.

Вышеприведенные рассуждения призваны были показать, как проработка социопрактического содержания инновационной педагогической идеи может способствовать реализации ее праксиологической функции.

В целом мы получили представления о содержательном наполнении социальной функции инновационной педагогической идеи. По сути, эта функция – интегративная. Она находит конкретное выражение в четырех функциях: аксиологической, социокультурной, развивающей и праксиологической. Мы полагаем, что знание социальных сторон в деле реализации той или иной идеи помогает более точно установить ее потенциальных заказчиков и адресатов и на этой основе добиться более высоких результатов при минимальных издержках. Такое знание работает на усиление когнитивных функций идеи, которые определяют ее общественные функции. Однако это возможно только в том случае, если разработка инновационных педагогических идей, выявление их социопрактических аспектов будут проводиться на теоретическом, а не на сугубо эмпирическом уровне.

²¹ Образовательные запросы общества и актуальные проблемы российской школы: «Круглый стол» // Педагогика. 2003. № 4. С. 59.

ПРОБЛЕМА ВЫДЕЛЕНИЯ СТРУКТУР ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРИ РАЗРАБОТКЕ МОДЕЛИ СПЕЦИАЛИСТА С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Т.А. Арташкина

Арташкина Тамара Андреевна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры культурологии Института истории и философии Дальневосточного государственного университета.

В статье анализируются требования, которым должна удовлетворять модель специалиста, являющаяся информационным эквивалентом реального специалиста с высшим образованием. Дается определение и анализируется структура профессионального мировоззрения такого специалиста. Исследуется деятельность, задаваемая синонимическим рядом «творческая», «эвристическая», «креативная». Подробно анализируется структура деятельности гуманитарного типа. Особый акцент делается на творческом (эвристическом, креативном) характере такой деятельности. Ставится проблема адекватного контроля в обучении деятельности гуманитарного типа.

The article studies the requirements which the model of a specialist being an informational equivalent of a real graduate must meet. The structure of professional outlook of such a specialist is defined and analyzed. The type of activity which can be described by the synonyms “imaginative”, “heuristic”, “creative” is investigated. The structure of activity of a humanitarian type is analyzed in detail. Special attention is paid to the imaginative (heuristic, creative) type of activity. The problem of adequate control in teaching the activity in question is raised. Аннотация на русском.

Модель специалиста, используемая для задания целей обучения в высшей школе и активно разрабатываемая в традиционном ее понимании, на самом деле является моделью деятельности того же специалиста. Однако в содержании такой модели не представлен целый ряд характеристик деятельности специалиста. Например, специалист, выполняя в силу своих служебных обязанностей деятельность конкретного типа и работая в определенных санитарно-гигиенических условиях, обладает конкретными психологическими и психофизиологическими показателями, способствующими или препятствующими успешному выполнению этой деятельности. В наибольшей степени указанным параметрам удовлетворяет профессиограмма специалиста, регламентирующая технологию построения требований, предъявляемых профессией к личностным качествам, психологическим способностям и психолого-физическим возможностям человека. Структура профессиограммы должна включать в себя следующие компоненты¹:

1) наименование уровня и специальности выпускника учебного заведения;

2) профессиональное образование (форма обучения, условия поступления, продолжительность обучения, уровень получаемой квалификации, перспективы профессионального роста);

3) характеристика профессиональной деятельности (функции (роли), преобладающие виды деятельности, квалификационные требования, ключевые квалификации);

4) психограмма (профессионально-ориентированные потребности, социокультурные качества, профессионально важные качества (направленность, компетентность, профессиональные способности));

5) санитарно-гигиенические условия труда (режим труда, нервно-психическая напряженность, сенсомоторная и перцептивная сферы, медицинские противопоказания).

Между тем такая профессиограмма вызывает целый ряд дополнительных замечаний. Если ее назначение заключается в удовлетворении запросов работодателей, то, скорее всего, этих работодателей будет интересовать какой класс профессиональных задач способен решать или какие виды деятельности способен выполнять принимаемый на работу специалист, его психограмма, а также в каких санитарно-гигиенических условиях будет трудиться приглашаемый на работу специалист. Если назначение профессиограммы – в организации подготовки по соответствующей специальности, то 4-й и 5-й компоненты, скорее, следует отнести к условиям поступления абитуриентов в учебное заведение для обучения по избранной специальности, а 3-й компонент – к перспективам профессионального роста. Если же речь идет о структуре учебного плана для обучения по интересующей абитуриента специальности, то в данном случае особую значимость приобретают форма и продолжительность обучения, уровень получаемой квалификации, преобладающие виды деятельности, квалификационные требования, ключевые квалификации. Однако в такой профессиограмме совсем не учитывается, какое мировоззрение приобретает специалист в ходе обучения по избранной специальности.

¹ Андреев А.А. Педагогика высшей школы [Электронный ресурс]. 2-е изд. М. Режим доступа: <http://www.mesi.ru/Pedagogika/pvsah/main.htm>

Напротив, при обсуждении модели специалиста, разрабатываемой в русле концепции Н.Ф. Талызиной², мировоззрение специалиста учитывается в иерархии видов деятельности, которые должен выполнять современный специалист:

– соответствующие цивилизационным и общекультурным нормам специалиста соответствующего уровня;

– нравственные и мировоззренческие задачи, связанные с национальной, отечественной, культурной, религиозной идентификацией, а также личностной самоидентификацией;

– специфичные для данной профессии.

В частности, содержание мировоззрения специалиста определяется первым и вторым иерархическими уровнями. Однако здесь отсутствуют в явном виде задачи, связанные с формированием картины мира как общей, так и собственной, являющейся одной из составляющих мировоззрения.

Таким образом, моделью специалиста, если она удовлетворяет требованию служить информационным эквивалентом реального специалиста с высшим образованием, должен быть документ, объединяющий структурные компоненты профессиограммы и три иерархических уровня видов деятельности, представленных в «модели специалиста», разрабатываемой в русле концепции Н.Ф. Талызиной. Средством такого объединения выступают те виды деятельности, для выполнения которых осуществляется подготовка специалиста. Класс профессиональных задач, которые способен решать специалист, а также методология, применяемая специалистом для их решения, уже задают уровень профессиональной подготовки или уровень квалификации специалиста.

В такой модели должны быть представлены следующие блоки информации:

(1) нравственные и мировоззренческие задачи, связанные с национальной, отечественной, культурной, религиозной идентификацией, формированием картины мира, а также личностной самоидентификацией (тип мировоззрения специалиста);

(2) класс профессиональных задач, которые способен решать принимаемый на работу специалист;

(3) психограмма;

(4) санитарно-гигиенические условия труда.

Таким образом, в модели специалиста должны содержаться требования к личности этого специалиста и требования к его деятельности. Требования к личности представлены двумя блоками информации: как нравственные и мировоззренческие задачи (блок (1)) и в виде психограммы (блок (3)). В свою очередь, требования к деятельности специалиста также представлены двумя блоками: (2) класс профессиональных задач, которые способен решать специалист, и (4) санитарно-гигиенические условия труда.

Необходимо отметить, что ответ на простой вопрос, каким образом мировоззрение специалиста связано с его умением решать свои профессиональные задачи, всегда отличался значительной сложностью. Так, в 80-е г. в качестве ответа рассматривались планы непрерывных подготовок, разрабатываемые повсеместно. Особое место среди этих планов отводилось планам мировоззренческой подготовки, которая должна была включать:

– идеологическую подготовку, возлагаемую на кафедры общественных наук;

– экономическую подготовку, которая выходила за рамки политической экономии;

– экологическую подготовку;

– формирование диалектико-материалистического мировоззрения в ходе преподавания фундаментальных, общинженерных и специальных дисциплин.

В современных Государственных образовательных стандартах высшего профессионального образования, на основе которых осуществляется подготовка специалистов высшей квалификации, в требованиях к минимуму содержания основной образовательной программы можно очень легко обнаружить разделы, являющиеся аналогами указанных типов непрерывных подготовок. К этому необходимо добавить, что в литературе, а значит и в содержании подготовки специалистов высшей квалификации, нет четкого понимания того, что такое мировоззрение и что такое методология.

В начале 90-х гг. имела место дискуссия по данному вопросу. Обсуждались три блока проблем. В рамках проблем первой категории ставилась под сомнение сама идея структурирования мировоззрения. Проблемы второй категории, напротив, были непосредственно связаны с опре-

² См., например: Талызина Н.Ф. Деятельностный подход к построению модели специалиста // Вестник высш. школы. 1986. № 3. С. 10–14; Талызина Н.Ф., Печенюк Н.Г., Хихловский Л.Б. Пути разработки профиля специалиста. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1987; Андреев А.А. Педагогика высшей школы [Электронный ресурс]. 2-е изд. М. Режим доступа: <http://www.mesi.ru/Pedagogika/pvsah/main.htm>; Модель преподавателя ДО. Требования к профессии [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.socom.ru/tdo/R3-1.htm>; и др.

делением структуры мировоззрения. В рамках этого блока велись дискуссии о выборе исходных структурных элементов научного мировоззрения. Большинство авторов склонялось к мысли о том, что исходными структурными элементами всякого мировоззрения являются взгляды. И, наконец, проблемы третьей категории выражались в том, что задачи структурирования мировоззрения наиболее успешно решались не в философской, как следовало бы ожидать, а в педагогической литературе.

Так, по мнению Э.И. Монозона, понятие «взгляд» объединяет три взаимосвязанных аспекта³:

- интеллектуальный (его «носители» – знания);
- действенно-практический («носители» – умения и навыки);
- мотивационный («носители» – оценки, отношения).

Обращает на себя внимание тот факт, что предложенная Э.И. Монозоном структурная формула понятия «взгляд», принадлежит автору, занимавшемуся проблемами коммунистического воспитания школьников. Реалии наших дней таковы, что уже само упоминание понятия «коммунистическое воспитание» способно вызвать негативную реакцию оппонента. И тем не менее следует подчеркнуть, что *выделенные в педагогике структурные элементы мировоззрения, позволяющие рассматривать его как сумму взглядов определенной структуры, идеологически нейтральны и позволяют в первом приближении хотя бы объяснить природу явлений, так или иначе связанных с формированием мировоззрения*. Подтверждением этому служит то обстоятельство, что в начале 90-х гг. сходную позицию по данной проблеме мы находим уже и в философской литературе⁴.

С другой стороны, *легко обнаруживается полная аналогия между структурными элементами взгляда, являющегося составной частью мировоззрения, и компонентами социального заказа в области образования, предполагающего наличие оценочного компонента*. Социальный заказ в области образования должен включать три компонента:

³ Монозон Э.И. Проблемы теории и методики коммунистического воспитания школьников / АПН СССР. М., 1978; Монозон Э.И. Теоретические основы коммунистического воспитания школьников. М., 1983.

⁴ См., напр.: Перестройка и нравственность: материалы круглого стола // Вопросы философии. 1990. № 7. С. 24.

- познавательно-интеллектуальный,
- действенно-практический,
- оценочный.

Структура оценочного компонента достаточно сложна. Профессионально-оценочная часть осуществляет выбор средств деятельности и их оценку, экстраполирует в будущее последствия этой деятельности. Нравственно-оценочная часть оценивает последствия практической деятельности людей и меру их ответственности за себя перед другими. Нравственная оценка осуществляется во всех сферах жизнедеятельности человека.

По-видимому, этой аналогией объясняется тот факт, что профессиональные задачи, относимые к 1-му и 2-му иерархическим уровням, которые должен уметь решать специалист с высшим образованием, практически легко выделяемы и широко обсуждаются в печати.

Следует отметить, что в структуре мировоззрения любого типа устанавливается следующая связь, существующая между оценкой и действием:

ОЦЕНКА – ДЕЙСТВИЕ (ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ) – ОЦЕНКА.

Продемонстрировать это положение можно следующим примером. В 80-е гг. в практике высшей школы стали активно применяться деловые игры, которые рассматривались в качестве новых форм и методов обучения, способствующих, с одной стороны, активизации процесса обучения студентов и, с другой стороны, позволяющих смоделировать реальные условия профессиональной деятельности будущих специалистов. Чуть позже стали появляться специальные учебные пособия, предназначенные для разработчиков таких игр⁵. Очень много, если не подавляющее большинство, деловых игр, применяемых в практике обучения, было разработано для анализа экономической деятельности. Анализ игр экономического профиля показывает, что все они обладали двумя существенными качествами: эти игры были направлены на отработку принятия решения и стратегию поведения специалистов в условиях кризиса или дефицита. В новых социально-экономических и социально-политических условиях интерес к деловым играм, применяемым в обучении, несколько сни-

⁵ См., напр.: Платов В.Я. Деловые игры: разработка, организация, проведение: учеб. М., 1991; Шаронова С.А. Деловые игры: учеб. пособие. М.: Изд-во Рос. ун-та дружбы народов, 2004.

зился, но не исчез⁶. И вновь лидирующее положение занимают игры, связанные с анализом экономической деятельности. При этом уже по характеру самих деловых игр очень легко проследить эволюцию содержания этой деятельности: принятие решений и стратегия поведения в условиях кризиса или дефицита – организация и управление нововведениями – цивилизованная приватизация – менеджмент в области хозяйственной деятельности – компьютерные деловые игры по экономике и управлению – коммерческое право – организационное поведение в области менеджмента и маркетинга – эволюционные и повторяющиеся игры. Из этой цепочки вытекает не только эволюционный характер конкретного вида профессиональной деятельности и ее зависимость от социально-экономических условий, но и наличие эволюционных процессов и в мировоззрении, и в содержании образования.

Здесь уместно будет напомнить точку зрения Л.Н. Толстого (1862) и Ф.Т. Михайлова (1989), обращающих внимание на зависимость образования от социальных условий. Так, Л.Н. Толстой подчеркивал: «Образование в обширном смысле, по нашему убеждению, составляет совокупность всех тех влияний, которые развивают человека, дают ему более обширное мирозерцание, дают ему новые сведения»⁷. Позиция российского философа Ф.Т. Михайлова, по сути, аналогична точке зрения великого русского писателя: «Ведь существует ... и авторитет, приобретенный не из-под палки авторитет человека или целой группы, которые не стремятся никого воспитывать, которые решают совсем другие, предметные задачи, вовлекая, втягивая в свой круг других людей с помощью не страха, а интереса. Именно здесь, в этом взаимодействии, происходит самое внутреннее, самое глубокое, самое сильное восприятие всеобщего: всеобщих ценностей культуры, всеобщего смысла мироздания, мировоззрения и т.п.»⁸. В данном случае образование поднимается до уровня мировоззрения.

⁶ Потапов В.А. Деловые игры по плодоводству: учеб. пособие / Плодоовощной ин-т им. В.И. Мичурина. М.: Изд-во МСХА, 1992; Г.В. Дружинин и др. Инженерные имитационные игры (На примере ж.-д. трансп.): учеб. пособие для вузов ж.-д. трансп. / Под ред. Г.В. Дружинина. М., 1992; Важенин А.Г. История России: XIX век: деловые игры и задания для самостоят. изучения темы. М.: Моск. ун-т потребит. кооп., Дашков и К, 2003; Ерофеева В.А. Деловая корреспонденция: учеб. пособие для студентов нефилологических специальностей. М., 2005; и др.

⁷ Толстой Л.Н. Воспитание и образование. Педагогические соч. М., 1989. С. 208.

⁸ Михайлов Ф.Т. Что скрывает разум под словом «воспитание»? // Вестник высш. школы. 1989. № 10. С. 23.

Уже этот простейший анализ позволяет установить два вида корреляционной зависимости: *мировоззрение – методология – деятельность; социальный заказ – мировоззрение.*

В первом случае основанием корреляционной связи выступает деятельность, во втором – оценка. Если все же за основу корреляционной связи брать систему взглядов, образующих мировоззрение, то обе корреляционные цепочки следует объединить:

СОЦИАЛЬНЫЙ ЗАКАЗ – МИРОВОЗЗРЕНИЕ – МЕТОДОЛОГИЯ – ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ.

Изменение социального заказа в области образования непосредственно связано с появлением в обществе бифуркационных процессов, задающих механизмы вариативности или механизмы по выработке неопределенности развития самого социума. Следовательно, *бифуркация, ведущая к изменению социального заказа, изменяет также и мировоззрение, и структуру деятельности специалиста.* Однако *появляющиеся при этом условия неопределенности задают не только новый тип мировоззрения, но сохраняют на неопределенный срок и прежний.* Вот потому наиболее трудными для теоретического описания оказались виды детальности третьего иерархического уровня, собственного профессиональные, поскольку в условиях бифуркации прежде всего изменяются требования общества к личности специалиста, а не требования к его профессиональному уровню. По мере стабилизации общественного развития может отпадать потребность в специалистах того или иного профиля, а также той или иной квалификации. Вместе с тем образующиеся в таком обществе условия неопределенности приводят к появлению потребности в новых профессиях и специальностях. При этом само содержание возникающей профессиональной деятельности и представление о ней в обществе могут не совпадать.

Необходимо различать мировоззрение как идеологию, относимую к сфере политической активности человека, и профессиональное мировоззрение, обеспечивающее реализацию оценочного компонента, наличествующего в структуре социального заказа. В инженерных науках и практической инженерной деятельности такое различение делается, но для обозначения профессионального типа мировоззрения и принимаемых на его основе решений довольно часто употребляется термин «идеология».

Для анализа собственно профессиональной деятельности необходим аппарат, адекватный этой деятельности. Таким универсальным аппа-

ратом следует признать деятельностный подход и психологическую теорию деятельности. Однако и в советские годы, и в настоящее время и сам деятельностный подход, и психологическая теория деятельности воспринимались неоднозначно, служили и продолжают служить предметом научных и философских дискуссий.

В.А. Лекторский пишет в 2001 г. по этому поводу следующее: «10–15 лет назад проблематика деятельности и деятельностного подхода к разного рода философским сюжетам, начиная от вопросов теории познания и методологии науки и кончая философской антропологией, была у нас весьма популярна. Разные варианты этого подхода разрабатывались такими выдающимися философами, как Э.В. Ильенков, Г.С. Батищев, М.К. Мамардашвили, Г.П. Щедровицкий, Э.Г. Юдин и др. Успешно развивалась так называемая психологическая теория деятельности, которая тоже существовала в разных вариантах. Один из них был представлен работами А.Н. Леонтьева, П.Я. Гальперина, В.В. Давыдова и др. (которые продолжали и развивали ряд принципиальных идей Л.С. Выготского), другой – работами С.Л. Рубинштейна и его школы»⁹. А.В. Брушлинский отмечает, что истоки деятельностного подхода следует искать в XIX в. в работах Гегеля и К. Маркса. В XX столетии основоположником наиболее глубоко разработанной философско-психологической теории деятельности стал советский философ С.Л. Рубинштейн (1889–1960). Здесь имеется в виду субъектно-деятельностная концепция, созданная им (начиная с 1916–1922 гг.) и затем развиваемая некоторыми из его учеников и последователей¹⁰. Тот же А.В. Брушлинский замечает, что «в процессе своего многолетнего научного творчества Рубинштейн последовательно разрабатывал как бы «третий путь» в философии и психологии, позитивно преодолевая неприемлемые для него крайности и материализма, и идеализма»¹¹.

Вторым главным разработчиком психологической теории деятельности является А.Н. Леонтьев¹² (1903–1979), который начал создавать свой вариант этой теории с середины 1930-х гг. С.Л. Рубинштейна и А.Н. Леонтьева во многом сближала идея о структуре деятельности

(о взаимосвязи ее главных компонентов – целей, мотивов, действий, операций и т.д.). Основные различия между обеими теориями шли по линии детерминизма и проблемы интериоризации.

Еще позже теория деятельности развивалась в двух основных направлениях: в направлении дальнейшего изучения психологических процессов и в направлении расширения объектно-предметного поля, охватываемого понятием «деятельность». Так, уже сам С.Л. Рубинштейн осознавал необходимость такого расширения¹³.

Г.В. Суходольский отмечает, что еще один разработчик психологической теории деятельности, Б.Г. Ананьев (1907–1972), попытался очертить контуры понимания психологии деятельности как психологии активности¹⁴.

Тот же Г.В. Суходольский выделяет семантическое поле понятия «деятельность», отнеся к нему активность, труд, работу, поведение¹⁵. Другими словами, этот автор рассматривает понятие «деятельность» как обладающее свойством полисемии¹⁶, не видя категориальную сущность этого понятия.

Освоение категории «деятельность» в философской литературе также не носило однозначного характера. Так, В.С. Швырев в монографии 1984 г. писал: «Деятельностный подход выступает... как исходный объяснительный принцип анализа знания»¹⁷. В этой связи особую важность приобретает следующее замечание, сделанное В.А. Лекторским: «В свое время известный советский философ Э.Г. Юдин обращал внимание на важность различения деятельности как предмета исследования и как объяснительного принципа. Принцип может претендовать на объяснительную роль лишь в том случае, если на его основе удастся построить определенную теорию или же ряд теорий, способных к развертыванию, к объяснению достаточно большого количества фактов, которые казались до этого никак не связанными. Если этого сделать не удастся, значит, речь должна идти не об объяснительном принципе, а лишь о понятии, фиксирующем некоторую (пусть важную) сторону реальности»¹⁸.

¹³ Абульханова-Славская К.А., Брушлинский А.В. Философско-психологическая концепция С.Л. Рубинштейна: К 100-летию со дня рождения. М., 1989.

¹⁴ Суходольский Г.В. Основы психологической теории деятельности. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988. С. 12.

¹⁵ Там же. С. 10.

¹⁶ Там же. С. 13.

¹⁷ Швырев В.С. Научное познание как деятельность. М., 1984. С. 55.

¹⁸ Деятельность: теории, методология, проблемы. М., 1990. С. 4.

⁹ Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56.

¹⁰ Брушлинский А.В. Деятельностный подход и психологическая наука // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 89.

¹¹ Там же. С. 89.

¹² См., напр.: Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность. 2-е изд. М., 1977.

По мнению В.Н. Сагатовского, «если исходить из тезиса о том, что деятельностный подход есть методологическая реальность, что он имеет свою категориальную специфику..., то экспликация понятий, раскрывающих его природу, становится весьма ответственным делом. Эти понятия можно разделить на две группы: внешнее понятийное окружение, категориальный *контекст*, в рамках которого выявляется специфика деятельностного подхода, и категориальный ряд, т.е. система понятий, образующих содержание данного подхода, являющихся его категориальным аппаратом»¹⁹. При этом такие категории имеют свои ограничения, о чем пишет Г.С. Батищев: «Именно из-за непонимания того, что категория предметной деятельности – даже при самом содержательном и предельно емком ее истолковании – имеет свои принципиальные ограничения, свои не только временно-локальные, а и неустранимые границы, именно из-за приписывания ей мнимой безграничности не работает и теряется целая совокупность проблем»²⁰. Последнее замечание имеет самое прямое отношение к обсуждаемой нами проблеме.

И тем не менее постепенно происходило расширение и предметно-объектного, и семантического полей категории «деятельность». Однако, как отмечает В.С. Лазарев, деятельностный подход, создававшийся несколько десятилетий назад для преодоления психологического кризиса, сегодня сам находится в кризисном состоянии²¹. В.А. Лекторский также не отрицает, что в настоящее время в адрес деятельностного подхода выдвигается ряд обвинений²². Первое из них обусловлено тем, что сторонники этого подхода связывали его с определенной интерпретацией идей К. Маркса, и поэтому, по крайней мере в психологии, эта проблематика была вынужденной формой приспособления к официальной идеологии, и все интересные результаты, полученные в рамках этого подхода и так называемой психологической теории деятельности, могут быть интерпретированы иначе²³. «Второе обвинение обращает внимание на то, что конкретные теории деятельности, разработанные в отечественной философии, методологии, психологии,

столкнулись с рядом проблем, которые, по мнению критиков деятельностного подхода, не могут быть решены в рамках этих теорий, а предполагают выход за них»²⁴. «Третье обвинение исходит из того, что деятельностный подход предполагает очень узкое понимание философии, которое было возможно тогда, когда наши исследователи имели плохое представление о современных философских концепциях. ... Новая литература по проблемам феноменологии, герменевтики постмодернизма, религиозной философии, появившаяся у нас в большом количестве за последнее время и активно осваиваемая нашими философами, представляется не просто отличной от того, что у нас практиковалось в рамках деятельностного подхода, но и принципиально ему противостоящей»²⁵.

Во многих работах, посвященных анализу деятельностного подхода, В.П. Зинченко наиболее часто называется среди тех авторов, кто относится весьма критически к психологической теории деятельности. Сам В.П. Зинченко формулирует свою точку зрения по этому поводу следующим образом. «Психологическая теория деятельности» не имеет устоявшегося имени. Она же: «деятельностная теория психики», «психологический подход к деятельности», «деятельностный *подход к психике*», который на самом деле оказался вполне удачным «деятельностным *выходом*» для психологии из той социальной ситуации развития, в которой оказалась российская наука после 1917 г.»²⁶. И далее В.П. Зинченко заявляет: «О теории говорить преждевременно. Слишком много в ней остается неясного. Более адекватно следует оценивать сделанное, как психологический *подход к деятельности*, как попытку создания психологической проекции философской категории «деятельность» на психологию. При этом взят лишь один из многих вариантов ее философской интерпретации...»²⁷.

Подводя итоги дискуссии, имевшей место в 2001 г. на страницах журнала «Вопросы философии», В.А. Лекторский утверждает: «...деятельностный подход в современных условиях не только имеет смысл, но и обладает интересными перспективами. Но это, как мне представляется, предполагает его переосмысление и отказ от его узкой интерпретации. Это означает также разли-

¹⁹ Там же. С. 71.

²⁰ Там же. С. 21–22.

²¹ Лазарев В.С. Кризис «деятельностного подхода» в психологии и возможные пути его преодоления // Вопросы философии. 2001. № 3. С. 33.

²² Лекторский В.А. Деятельностный подход: смерть или возрождение? // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 56.

²³ Там же. С. 56–57.

²⁴ Там же. С. 57.

²⁵ Там же.

²⁶ Зинченко В.П. Психологическая теория деятельности («воспоминания о будущем») // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 66.

²⁷ Там же. С. 83.

чение деятельностного подхода (или, если угодно, деятельностной исследовательской программы) и конкретных теорий деятельности – в философии, методологии, психологии и т. д., – созданных в его рамках. Конкретные теории могут и должны развиваться, трансформироваться, по-новому интерпретироваться, от них можно отказываться – все это само по себе не обязательно означает отказ от деятельностного подхода как рамки для новых деятельностных теорий»²⁸.

В этих условиях вновь встал вопрос о содержании категории деятельности. В.С. Швырев, уже в статье 2001 г., указывает: «Деятельностный подход как общая философско-мировоззренческая позиция у всех его сторонников в нашей философии, несмотря на существенные различия в его трактовке, был органически связан с **культурно-исторической** концепцией общества и человека...»²⁹. И далее: «Кратко говоря, деятельность – это активность в культуре, и этот смысл изначально и определяет содержание понятия деятельности как исходного понятия деятельностного подхода»³⁰. В связи с этим *вновь возникает вопрос о необходимости ограничений, накладываемых на категорию деятельности при выполнении конкретных исследований*. Поэтому будем исходить из следующих посылок:

- деятельностный подход, имея междисциплинарный характер, является формой научной интеграции;

- единство категориально-понятийного и концептуального аппарата разных отраслей знания позволяет использовать этот аппарат для анализа профессиональной деятельности специалистов разной квалификации;

- понятие «деятельность» является философской категорией, которая помимо этого качества обладает еще одним весьма существенным свойством – свойством полисемии. Поэтому необходимо вводить ограничение при ее экспликации;

- в данном контексте деятельность выступает в качестве предмета специального исследования;

- понятие «деятельность» будем в дальнейшем трактовать с точки зрения содержания профессиональной деятельности, выполняемой специалистом. В соответствии с этим на первый план выступает *процесс* (или *процедура*, как это

принято называть в математике и информатике), в соответствии с которым (которой) выполняется деятельность;

- под структурой деятельности понимается ее операциональный состав, позволяющий человеку (и специалисту – в первую очередь) выполнять эту деятельность. Последовательное выполнение структурных единиц деятельности образует процесс (или процедуру) соответствующей деятельности;

- деятельность состоит из действий, они могут разлагаться на операции. Таким образом, «операция» является той неразложимой единицей, «клеточкой» деятельности, которая порождает любую деятельность.

В рамках создаваемой советскими психологами и философами теории деятельности можно выделить три основных направления, имеющих фундаментальное значение для решения проблемы целей обучения в высшей школе. Первый подход в наиболее обобщенном виде представлен в монографии Г.В. Суходольского³¹. Второй подход развивался как теория поэтапного формирования умственных действий в трудах П.Я. Гальперина и его учеников, превратившаяся в дальнейшем в теорию планомерного формирования умственных действий. Эти два подхода использовались в свое время в качестве теоретической основы для разработки модели специалиста на основе его деятельности. В первом случае – это концепция Е.Э. Смирновой, выделяющей в сфере деятельности специалиста два автономных объекта изучения: человека и его деятельность³². Во втором – это концепция Н.Ф. Гальзиной, предложившей язык профессиональных задач, имеющих трехуровневую иерархическую организацию.

Третий подход развивался в работах Г.П. Щедровицкого и его последователей как теория мыследеятельности. Сам Г.П. Щедровицкий писал по этому поводу следующее: «Но что значит проанализировать и описать какую-либо *деятельность ребенка (или вообще человека)*? Это, наверное, одна из самых сложных проблем современной науки, и существуют только первые подходы к ее решению. ... мы уже говорили... об одном плане анализа и описания деятельности – *объективном, или логическом*, в котором совершенно не учитывается, что воспри-

²⁸ Лекторский В.А. Указ. соч. С. 57.

²⁹ Швырев В.С. О деятельностном подходе к истолкованию «феномена человека» (попытка современной оценки) // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 108.

³⁰ Там же. С. 109.

³¹ Суходольский Г.В. Указ. соч.

³² Смирнова Е.Э. Пути формирования модели специалиста с высшим образованием. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1977.

нимают, хотя и желают индивиды, т. е. не учитывается их психологическая сфера. Но, кроме того, существует еще второй план анализа – **психологический**, или **логико-психологический**, в котором главное внимание обращено на изображение и описание субъективных психологических процессов. Между первым и вторым планом описания деятельности существует тесная связь и зависимость: чтобы осуществить анализ деятельности во втором, субъектно-психологическом плане, нужно обязательно предварительно проанализировать и описать ее в первом, объектно-логическом. Характер психических процессов и способностей всегда соответствует (хотя и по разному) составу тех операций, которые должны быть применены к объектам. Дать описание деятельности в первом, объективно-логическом плане – это значит выделить и проанализировать: 1) *задачи* деятельности; 2) *объекты*, на которые деятельность направлена; 3) *процесс*, складывающийся из действий или операций с объектами (вещами и знаками); 4) *средства*, необходимые для построения процесса; 5) *продукты* деятельности»³³.

Анализ показывает, что для описания конкретных видов профессиональной деятельности и системы профессиональных задач должна применяться разная технология их выделения. В нашем случае исследуется структура деятельности гуманитарного типа с точки зрения механизмов творческой деятельности.

Начиная с начала 70-х гг., в литературе широко обсуждались такие требования к выпускникам высшей школы, как специалист широкого профиля, умеющий видеть перспективы развития производства; творчески мыслящий, инициативный, находящийся на передовых рубежах современной научно-технической мысли; умеющий перестраивать стиль своего мышления. В концепции Н.Ф. Талызиной, используемой для разработки модели специалиста, эти требования относились к первому иерархическому уровню, так как были обусловлены особенностями научно-технического прогресса. В 90-е гг. виды деятельности этого иерархического уровня уже содержали иные требования: современный специалист обязан в совершенстве владеть современными информационными технологиями; быть образованным в области маркетинга, менеджмента и инновационного предпринимательства и применять эти знания на практике; быть в целом высоко-

образованным человеком, владеющим иностранными языками, знающим историю, философию, литературу и искусство. Такая модификация требований к выпускникам высшей школы очень легко объясняется: во втором случае действительно перечисляются *виды деятельности*, в то время как в первом случае указываются *характеристики (свойства, признаки)* профессиональной деятельности. Между тем требование творческой деятельности сохраняется и в настоящее время. Если ранее от специалистов требовалось в основном освоение своей узкой специальности, то ныне все более необходим широкий кругозор, способность черпать информацию и идеи из смежных и даже весьма далеких от избранной специальности областей знания, воспринимать творчески и творчески реализовывать новые, еще не вполне сформировавшиеся идеи.

Проблема творческого мышления долгое время не имела ни ясно очерченного предмета исследования, ни методики изучения психологии творчества. Однако постепенно во всем мире широко разворачиваются логико-психологические исследования научного творчества. Проблема выделения структур и механизмов функционирования творческой деятельности имеет уже самостоятельную историю, не лишенную значительных поворотов и ярких открытий³⁴. Достаточно указать, что основные теоретические результаты, полученные разными исследователями и у нас в стране, и за рубежом, практически совпадают.

В дальнейшем будем исходить из следующих посылок:

- *творчество есть процесс, в результате которого создатель (творец) получает принципиально новый продукт своей деятельности;*
- *научное открытие есть кульминационный пункт творческой деятельности;*
- *чтобы непосредственно описать способ решения задач определенного типа, необходимо проанализировать мыслительную деятельность как норму, отделенную от конкретного субъекта, описать ее в логических понятиях.*

³³ Щедровицкий Г.П. [и др.]. Педагогика и логика. М.: Касталь, 1993. С. 139–140.

³⁴ См., напр.: Психологические исследования творческой деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М., 1975; Боно Э. Рождение новой идеи. О нешаблонном мышлении: пер. с англ. М., 1976; Психологические исследования интеллектуальной деятельности / Под ред. О.К. Тихомирова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1979; Калошина И.П. Структура и механизмы творческой деятельности (нормативный подход). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983; Ильясов И.И. Система эвристических приемов решения задач. М.: Изд-во Российского открытого университета, 1992; Тихомиров О.К. Творчество как неалгоритмический процесс // Вестник МГУ. Сер. 14, Психология. 2003. № 2. С. 66–72.

Американский исследователь А. Осборн (A. Osborn) обращает внимание, что в процессе творческого акта у человека проявляются следующие интеллектуальные способности³⁵:

- умение сосредоточиться;
- тщательность и правильность наблюдения;
- обладание хорошей памятью;
- склонность к логической аргументации;
- умение рассуждать;
- восприимчивость к ассоциациям;
- творческое воображение.

Следует отметить, что первоначально более широкое распространение имело понятие «творческая деятельность», затем его сменило понятие «эвристическая деятельность», а в настоящее время все чаще и чаще используется понятие «креативная деятельность». И тем не менее эти понятия являются сравнимыми (в логическом смысле), так как они обозначают процесс, в результате которого человек получает принципиально новый продукт своей деятельности, а сам этот новый продукт есть кульминационный пункт такой деятельности. В соответствии с этим понятия «творческий», «эвристический», «креативный» следует рассматривать как синонимический ряд. Однако для дальнейшего изложения сохраним имя понятия «творческая деятельность».

Творчески акт, по мнению Б.М. Кедрова, в самом общем виде может быть описан следующей формулой³⁶ (рисунок).

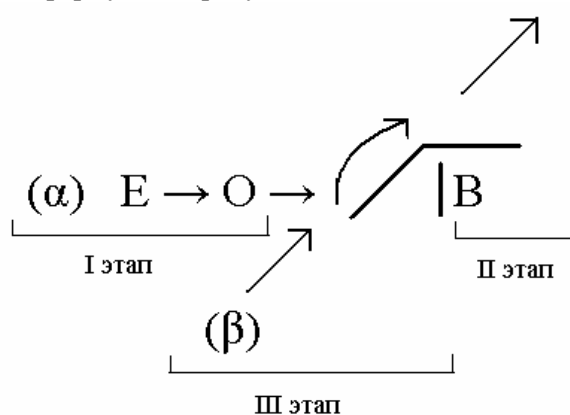

Рисунок. Соответствие формулы Б.М. Кедрова структуре творческой деятельности

В этой формуле направление $E \rightarrow O \rightarrow B$ означает движение мысли от единичных фактов (E) через их группировку (O – общее) к всеоб-

щему (B). Путь от общего (O) к всеобщему (B) прерывается препятствием (вертикальная черта), вставшим на пути мысли, преодолеть которое можно путем подсказок (познавательнопсихологический трамплин перед барьером), реализуемых в ассоциативном мышлении. В поисках решения задачи мысль человека работала в определенном направлении (α), которое было прервано внезапно возникшим новым направлением мысли (β), позволившим преодолеть препятствие на пути к всеобщему.

Формула Б.М. Кедрова позволяет выделить следующий состав такой деятельности:

подготовка: основывается на знаниях, которыми человек владеет;

инкубационный период: человек на некоторое время забывает о проблеме;

озарение: появление новой идеи, небывалого проекта;

проверка или реализация: экспериментальное подтверждение гипотезы.

Данная структура творческой деятельности не является единственной. Так, из зарубежных авторов следует назвать А. Осборна (A. Osborn)³⁷, Д. Перкинса (D.N. Perkins)³⁸, Дж.Р. Хаеса³⁹, которые выделили аналогичные структуры. Анализ всех результатов позволяет установить *механизм творческой деятельности самого общего типа*:

I этап:

ориентировка в известных фактах и явлениях, постановка проблемы;

сбор необходимой дополнительной информации;

анализ и классификация информации, производство предположений;

накопление идей, абстрагирование от известных фактов и явлений.

II этап:

инкубационный период (*не является структурным элементом деятельности в собственном смысле слова*). С психологической точки зрения этот период есть ожидание;

формулировка новой идеи, проекта (*не является структурным элементом деятельности в собственном смысле слова*). Новые идеи есть результат озарения, скачка.

³⁷ Osborn A. Op. cit.

³⁸ Perkins D.N. The Mind's Best Work. Harvard Univ. Press. Cambridge, Massachusetts, London, England, 1981.

³⁹ Цит по: Ильясов И.И. Система эвристических приемов решения задач. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1992. С 25-26.

³⁵ Osborn A. Applied Imagination: Principles and Procedures of Creative Thinking. P. W. ed. N.-Y.: Scribner, 1957.

³⁶ Кедров Б.М. О теории научного открытия // Научное творчество / ред. С.Р. Микулинский. М. 1969. С. 73–80.

III этап:

оценка полученных результатов;

подробная проверка и совершенствование приемов использованной структуры деятельности;

экспериментальная проверка гипотезы и т.д.

В данной структуре первый этап соответствует I-й части формулы Б.М. Кедрова, где осуществляется переход от единичных фактов к их группировкам (последовательность $E \rightarrow O \rightarrow$) (см. рисунок). Второй этап этой деятельности эквивалентен смене направления мысли (пути β) и выполняет роль познавательного-психологического трамплина у Б.М. Кедрова. И, наконец, третий этап есть завершение творческого акта, когда происходит оценка полученных результатов и выполняется проверка сформулированных гипотез.

Данная структура названа механизмом творческой деятельности из-за наличия II этапа, в котором отсутствуют структурные элементы деятельности. Кроме того, из данной схемы следует, что *творческая деятельность не обладает свойством алгоритмичности*.

Уже беглый анализ позволяет установить, что начальный первый и завершающий третий этапы такой деятельности наиболее приспособлены для дальнейшего анализа средствами логики. Второй этап менее всего подвержен такому анализу. Данное замечание является существенным, поскольку это означает, что таким «структурам» и «механизмам» нельзя обучать, но можно и нужно формировать специальные навыки, которые направлены на проявление творческих способностей в определенных условиях.

Ю.В. Громько, отмечая заслуги Г.П. Щедровицкого в развитии деятельностных идей, указывает, что им был создан особый тип схем. «Эти схемы, обладая феноменальной достоверностью, могли использоваться в разных функциях: в объектно-онтологической и организационно-деятельностной. То есть на их основе можно было объективировать деятельностные процессы и затем исследовать их устройство, а можно было организовывать различные процессы деятельности в ситуации»⁴⁰. Думается, что здесь прежде всего имелись в виду организационно-деятельностные игры (ОДИ), получившие довольно большую известность в конце 80-х – начале 90-х гг. Однако не следует переоценивать значение таких игр для процессов формирования

творческой деятельности. По своему значению такие игры служат всего лишь средством для производства идей, пусть даже и неожиданных. Соответствующим аналогом ОДИ служит такой креативный метод, как «мозговой штурм». В креативной педагогике и психологии известно достаточно много приемов и методов, направленных на активизацию умственной деятельности. Так, И.И. Ильясов отмечает, что все известные приемы эвристической деятельности, которых насчитывается около 200, сводимы по содержанию к 30–35 различным приемам, которые далее могут быть объединены в 10–11 различных семейств таких приемов⁴¹.

Как известно, чтобы эффективно анализировать деятельность, необходимо произвести классификацию ее типов. Последнее – крайне затруднительно, так как неясно, каковы должны быть основания самой типологизации. Однако если в качестве базисного принять стандартное определение деятельности гуманитарного профиля (филолог, историк, и т.д.), то *наиболее общая структура деятельности гуманитарного типа* будет иметь следующий вид:

I. Определение цели исследования:

поиск противоречий в ситуации;
анализ причин возникновения противоречий;
формулирование проблемы;
определение цели, соотношенной с проблемой.

II. Поиск дополнительной информации и выполнение исследования:

выбор путей поиска информации;
поиск информации об источниках исследования;
определение степени достоверности и степени доверия найденной информации;
поиск источников исследования;
определение степени достоверности найденных источников и степени доверия к ним;
встраивание источников в единую интерпретацию;
проверка полученных конструкций на степень адекватности фрагментам событий.

III. Верификация гипотез:

выдвижение гипотез при разных видах соответствия конструкций;
верификация гипотез.

IV. Встраивание полученного результата в общую схему гуманитарного знания.

⁴⁰ Громько Ю.В. Деятельностный подход: новые линии исследований // Вопросы философии. 2001. № 2. С. 119.

⁴¹ Ильясов И.И. Система эвристических приемов решения задач. М.: Изд-во Российского открытого ун-та, 1992. С. 96.

Общая структура деятельности гуманитарного типа представляет тот несомненный интерес, что отдельные ее компоненты осуществляются по законам творческой деятельности. Так, первый структурный блок данного типа деятельности полностью соотносим с первым этапом структуры механизма творческой деятельности. А третий структурный блок деятельности гуманитарного профиля (выдвижение гипотез и их верификация) должен полностью покрываться структурой указанного механизма. Для второго структурного блока деятельности гуманитарного типа характерно двойное соответствие: полное покрытие блока и отдельных его компонент всей структурой механизма творческой деятельности.

Полученные результаты позволяют пересмотреть укоренившееся отношение к гуманитарной подготовке специалистов негуманитарного профиля. *Помимо общеобразовательной, гуманитарная подготовка не только способна, но также должна выполнять и профессиональные функции в профессиональной подготовке специалистов-негуманитариев. Новые функции гуманитарной подготовки определяются следующими положениями.*

Одним из необходимых условий проявления творческой деятельности является формирование интеллектуальной базы, которая проявляется в момент озарения как действие по аналогии.

Именно эта интеллектуальная база позволяет специалисту не только черпать информацию и идеи способов решения своих профессиональных задач из весьма далеких от избранной специальности областей, но и осуществлять сортировку, свертывание и кодирование необходимых для профессиональной деятельности знаний.

Наложимость структур механизма творческой деятельности на отдельные этапы и структурные блоки деятельности гуманитарного типа позволяет реализовывать этот механизм на неформализуемом материале. Такая столь мощная характеристика гуманитарного знания, как его непосредственная неформализуемость, уже создает фундаментальную базу для поиска средств нестандартных способов обработки исходной информации разных типов.

Вместе с тем наличие соответствия структур механизма творческой деятельности и деятельно-

сти гуманитарного типа порождает как минимум две очень серьезные проблемы, возникающие в обучении: необходимость формирования обширной эрудиции, являющейся необходимым условием для производства новых идей, и проблема контроля деятельности гуманитарного типа. *Ни стандартная форма контроля знаний, ни переход на тестовый контроль, все более настойчиво рекомендуемый директивными органами управления образованием, не обеспечивают в процессе обучения адекватной проверки выполнения студентами деятельности гуманитарного типа.*

РЕБЕНОК – СУБЪЕКТ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И ВОСПИТАНИЯ: ИСТОРИКО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ

Н.В. Семенова

Семенова Наталья Викторовна – кандидат педагогических наук, доцент, профессор кафедры педагогики Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

В статье анализируется (на материале отечественной педагогической мысли 80-х гг. XIX – 30-х гг. XX в.) вопрос о субъектной позиции ребенка в социальной жизни и воспитании. Дается теоретико-методологическое обоснование правомерности и целесообразности этой позиции. Субъектность рассматривается как самопроявление личностью собственных индивидуальных и социальных сил, самосознания, активности, которые помогают ей сохранить свою уникальность в социальной жизни.

In the article below on the Russian pedagogical of the 80-th – XIX century – 30-th XX century the problem of the subjective position of a child in the social life and education is being under analysis. In the article it is given theoretical and methodological foundations of the uprightness and expediency of the position. The subjectivity is regarded as the selfmanifestation of personality's individual and social powers, selfconsciousness, activity, which help her to preserve her own individuality in the social life.

Необходимость решать сложные проблемы жизни в современном мире, полном противоречий, требует от человека развития всех его потенциальных сил и способности найти правильное решение, противостоять действию деструктивных сил. Человеку необходимо быть автором собственной жизни, ее субъектом. В связи с этим приобретает особую актуальность вопрос о субъектной позиции ребенка в его социальной жизни и воспитании. Однако он пока не стал предметом специального внимания современной педагогики, что побудило обратиться к исследованию теоретико-методологических оснований гуманистической педагогики конца XIX в. в ее сопоставлении с советской педагогией периода 30-х гг. XX в.

Как показало изучение философских, психологических, педагогических источников, проблема субъектности возникает в контексте идеи о соотношении индивидуального и социального в личности в процессе ее воспитания и рассматривается как *важнейшее условие стимулирования взаимодействия индивидуальных и социальных сил, обеспечивающее определенный характер их соотношения – гармонизацию*. Данные хронологические рамки, включая до- и послереволюционные этапы развития отечественной педагогической мысли, позволяют увидеть особенности развития этого вопроса.

Трактовка термина «субъект» в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона (противоположность объекту и «активное, самосознающее начало душевной жизни») ¹ имеет чрезвычайно значимый смысл: как предмет осознания (теоретического педагогического изучения, в частности) ребенок оказывается объектом, но в как живущий, действующий, чувствующий – он субъект.

¹ Энциклопедический словарь. Брокгауз и Ефронъ. С.-Петербург. Акц. Общ. «Издательское дело», Брокгауз – Ефронъ. Т. 62. 1901. С. 888–890.

Педагогам-гуманистам конца XIX в. сущность понятия «субъект» представлялась совокупностью свойств, характеризующих личность как *сознательно активное, сознательно независимое* существо, ощущающее и осознающее собственные потребности в нравственной деятельности и самосовершенствовании, *осознанно* стремящееся к «установлению и расширению гармонии между индивидуальным и всеобщим», действующее «сообразно с известными представлениями», ощущающее и осознающее то отношение, «в котором данный наш поступок стоит к общей совокупности тех целей, которые мы себе ставим в жизни», осознающее собственное достоинство как ценность для себя и других (К.Н. Вентцель) ². Субъектность – это способность к *самодетельности* и самопомощи, способность анализировать свои поступки и открыто сознаваться в них (В.П. Недачин); способность оценивать собственные желания с точки зрения их законности и блага общему (А.П. Острогорский, П.Д. Юркевич); способность осознавать степень и направленность своей зависимости от других (Н.И. Кареев); сознание своего права и долга по отношению к другим (Д.И. Тихомиров); осознание себя фактором истории и хозяином собственного будущего (В.П. Вахтеров). Это осознание собственных желаний и нежеланий, стремление к самостоятельности, усиленная внутренняя работа мысли и чувств, которые П.Ф. Каптерев находил уже у трехлетних детей ³, способность поступать в согласии с *собственными* убеждениями, сохранять «личное в совместной работе», осуществлять личные дела, которые «всецело покоятся на его (данного человека

² Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания). Т. 1. Этика творческой личности. М., 1911. С. 236, С. 257, С. 269, С. 338, С. 376–377, С. 438.

³ Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. С. 35.

– Н.С.) ответственности»⁴, наличие и осознание собственного достоинства, независимость суждений и поступков (П.Ф. Каптерев)⁵. Представленные трактовки показывают, что главной сущностной характеристикой субъектности, ее ядром, являлось самосознание личности.

В развитом самосознании как проявлении субъектности человека усматривали возможность для него сопротивляться враждебным влияниям среды и слепому подражанию чужим мыслям, чувствам, действиям, «ярму послушания и стороннего управления». В связи с этим субъектность становилась основой сохранения и осуществления свободы человека и его достоинства, условием осознанного принятия общественных идей, идеалов и предохранения от «идолопоклонства» и ложных кумиров (К.Н. Вентцель, В.П. Вахтеров и др.)⁶. При этом происходило взаимодействие индивидуальных и социальных сил личности как равноценных. По выводу С.И. Гессена, только субъектность могла помочь человеку сохранить собственную свободу и нравственность в условиях нестабильности или разрушения привычной среды, канонов культуры, когда все знакомое превращается в незнакомое, а личность теряется в потоке впечатлений и теряет сама себя, начиная мыслить чужими мыслями, чувствовать чужими чувствами, действовать по – чужому. Возможность для человека проявлять таким образом свои природные и приобретенные силы, свои индивидуальные и социальные интересы, устанавливать адекватное реальной ситуации соотношение между ними обуславливалась не только их развитием в детском возрасте, но и наличием личного опыта их проявления. Поэтому в пренебрежении субъектностью детей усматривали одну из причин их возмущения и бунта (П.Ф. Каптерев)⁷, что, по сути своей, является агрессивной реакцией индивидуальных сил на подавление извне.

Вместе с тем официальная образовательная политика, реальная массовая школа, по оценкам педагогов этого периода (К.Н. Вентцель, В.В. Розанов, В.Я. Стоюнин, С.Т. Шацкий и др.),

⁴ Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. С. 198.

⁵ Там же. С. 35. С. 197. С. 198. С. 298. С. 207.

⁶ Вахтеров В.П. Основы новой педагогики. М., 1916; Вахтеров В.П. Спорные вопросы образования. М., 1907; Вахтеров В.П. Идеалы воспитания [незаконченная рукопись II тома труда «Основы новой педагогики»]. Научный архив РАО. Ф.7, оп.1, ед.хр.1.; Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания) Т.1. Этика творческой личности. М., 1911.

⁷ Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. С. 188

были направлены преимущественно на поддержку существующего порядка вещей, а потому ориентировались на безусловное принятие подрастающими поколениями существующих условий социальной среды и приспособление к ним. Достижение этой цели сопровождалось не актуализацией, а напротив, подавлением природной детской энергии и заменой ее искусственно вызываемой, принудительной деятельностью в заданном направлении. Происходила также замена естественных желаний детей насаждаемыми извне, свободное сознательное волевое усилие – необходимостью подчинения чужой воле и чужой мысли, – и это преподносилось как воспитание ответственности. Однако, по мнению педагогов, общественных деятелей гуманистического направления, это свидетельствовало не столько о воспитании общественных деятелей, способных служить общественному благу в ущерб личному, сколько о стремлении предупредить массовые интеллектуальные и волевые действия молодежи, опережающие волю правящих кругов или противостоящие ей, способные вызвать кардинальные социальные преобразования. Более того, доказывалось, что социальное приспособление, закладываемое официальной педагогикой в педагогический процесс, не может быть достигнуто при этих условиях, так как само по себе, если оно подлинное, а не кажущееся, является активным процессом, требующим действия активных начал человеческой природы – чувств, воли, сознания. Тем самым обосновывалась объективная необходимость развития субъектности личности ребенка. Это явно просматривается в тезисе К.Н. Вентцеля о том, что «Если жить и существовать надо для того, чтобы работать для других, если счастливым надо быть для того, чтобы с большей энергией работать для других, – то развитым и совершенным надо быть для того, чтобы более совершенным образом, более производительно работать для этих других людей»⁸. Приведенное высказывание, раскрывая связи личного и общественного развития, несет в себе и указание на базовую роль активного начала личности: чтобы осуществилась направленность действия на других, человеку в той или иной мере приходится «пропустить» его через себя, придав тем самым ему смыслы, идущие от собственной индивидуальности. При этом человек становится субъектом данной деятельности и субъектом общественной жизни. И более того, будучи изначально направлено на других,

⁸ Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания) Т.1. Этика творческой личности. М., 1911. С. 415.

оно *должно* быть направлено и на себя, иначе нарушается гармония личности и общества, индивидуального и социального начал в человеке.

Базовая роль субъектности в развитии личности раскрывается и в трактовке саморазвития. В нем К.Н. Вентцель видит школу для общественной деятельности, без которой нет общественного человека, потому что он приводит в действие собственные внутренние силы, субъективируя объективное и наоборот. Логика этого процесса представляется ему как развитие внутренних сил, потребностей и стремлений человека от «сделать себя» к «делать других и для других»⁹.

Таким образом, индивидуальность имманентно рассматривалась им как основание, как фундамент для социального, а социальное, в свою очередь – как стимул развития индивидуальности. Их оптимальное для развития личности соотношение могло быть обеспечено субъектностью личности как в процессе жизни, так и в процессе воспитания.

Проявление субъектности усматривали в отношениях личности к самой себе, к другим людям, к обществу, к жизни. Ребенок, так или иначе, защищает свой индивидуальный характер и стремится к себе высшему (самовоспитание, самоусовершенствование), он стремится понять собственные интересы, потребности, страсти. Он способен проявлять самообладание, осмысливать личный опыт, он зачастую принимает жизненно важные решения, соответствующих собственным влечениям, проявляет творческую активность. В большей или меньшей степени он соотносит собственные действия и поступки с требованиями нравственного идеала, ищет этот идеал, создает собственный идеал как своеобразную жизненную задачу (В.П. Вахтеров, К.Н. Вентцель). В заботе об общих интересах при осознании несовершенства этого общего, в проявлении ответственности за себя и других, в подчинении власти С.И. Гессен, С.Т. Шацкий, П.Д. Юркевич усматривали определенную меру осознанности вступления детей во взаимодействия с другими. Осознанность как проявление субъектности П.Ф. Каптерев, Н.И. Кареев усматривали во вступлении ребенка в прямую борьбу с «воспитательными влияниями на него других людей и вещей»¹⁰. Характер этих отношений, степень осознанности обуславливались не только уровнем развития индивидуальных и соци-

альных сил детей, но и их равноценностью для педагогического процесса.

Проведенное исследование позволило выявить условия, необходимые для проявления и развития субъектности у детей: включенность детей в различные виды взаимодействий с другими людьми, разными по возрасту, жизненному опыту, интересам; приобретение и закрепление личного опыта, обеспечение наибольшей свободы чувств и действий; создание ситуаций для самостоятельной выработки в играх, затеях, увлечениях, столкновении интересов, самолюбий правил общежития, чтобы в них, на личном опыте они учились подчинять личные капризы и интересы общим интересам товарищества. К условиям развития и сохранения субъектности ребенка можно, на наш взгляд, отнести воспитание у детей воли, как способности управлять собой, чему посвящено много внимания в этот период. Важная роль отводилась педагогической поддержке сил ребенка в его саморазвитии, помощи детям в поисках ответов на волнующие вопросы, для чего педагоги и воспитанники должны совместно участвовать в интересной и значимой деятельности. Приведенные условия являются значимыми и для развития индивидуальных и социальных сил детей в их взаимодействии, для осознания их равноценности.

Особую остроту в глазах педагогов значение субъектности приобрело в связи с политическим воздействием на детей самой общественной жизни и предложениями о специальной организации их политического воспитания, потому что в этом увидели опасность полного подавления в развивающейся личности всяческих проявлений человеческого «я», прямой вред личному развитию и индивидуальной инициативе из-за неразвитости их индивидуальных сил и неспособности не только противостоять насильственному внушению политических убеждений, но и осознанно воспринять их. – Неимение или недостаток знаний, аналитических способностей неизбежно приводили к *навязыванию* «известных традиций», чтобы сделать детей недоступными для идей, считаемых «превратными».

Таким образом субъектность, в целом понимаемая как внутреннее, глубоко укоренившееся «Я» человека, его самосознание, гипотетически обеспечивает возможность достижения паритета отношений личностей в обществе, представляющем в итоге «свободное соединение на равных началах», при котором воля каждого признается и помогает другим в реализации их целей, склонностей, потребностей, совместимых с нормальным, здоровым развитием челове-

⁹ Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания) Т.1. Этика творческой личности. М., 1911. С. 406–412.

¹⁰ Каптерев П.Ф. Избранные педагогические сочинения / Под ред. А.М. Арсеньева. М.: Педагогика, 1982. С. 87. С. 296.

ской природы (К.Н. Вентцель)¹¹. Наличие субъектности в человеке рассматривалось как важнейшее условие и результат развития, проявления и сохранения его индивидуальных сил, индивидуальности в целом в условиях сложных переплетений общественной жизни. Развитие субъектности в процессе воспитания детей в связи с этим следует рассматривать как важнейшее условие и гарантию устойчивости личности в процессе ее настоящей и будущей жизни, а также как условие способности личности к решению вопросов о необходимом соотношении индивидуального и социального начал в конкретных жизненных ситуациях. Субъектность оценивалась как тот стержень, который обеспечивал целостность человека в мире. – Она одновременно является и условием и результатом развития индивидуальных и социальных сил ребенка.

Исследование показало, что возможность для детей активизировать индивидуальные и социальные силы связывалась с включением их в общественно значимую деятельность. Активность при этом понималась как проявление собственной воли, направленной на реализацию собственных желаний, собственных устремлений, стимулированных восприятием и переработкой определенных внешних явлений.

Особое значение придавалось самодеятельной организации детей в союзы и кружки (для устройства школьной библиотеки, музея, какой-либо экскурсии или игры, для помощи бедным товарищам и т. п.), что одновременно определялось как общественно полезная деятельность (В.П. Вахтеров, К.Н. Вентцель). Смысл и педагогическое значение ее усматривалось в возникновении психических взаимодействий, актуализирующих напряжение и проявление внутренних сил человека и воплощаемых в созданных ими формах жизни, материальных и духовных продуктах. Поэтому участие в такой деятельности выступало одновременно как результат проявления активности детей и как средство ее развития.

Отмечая, что именно включение внутренней энергии ребенка, его внутренних мотивов, собственной инициативы при выполнении той или иной деятельности оказывает благотворное влияние на характер, вливает доверие к собственным силам, мужество, побуждает к самостоятельным действиям и на будущее, педагоги-исследователи с сожалением констатировали невнимание педагогов-практиков к обеспечению

проявления этой активности, т. е. к обеспечению функционирования самого организма детей как средства его развития (П.Ф. Каптерев).

Особое значение педагоги придавали творчеству в общественном деле, считая именно его средством развития активности индивидуальных и социальных сил детей в их взаимосвязи. Чем обуславливалось значение активности для развития индивидуальных и социальных сил детей и гармонизации их соотношения? – Прежде всего, отмечалась включенность в деятельность всего существа человека, всего его «Я», содержащего и индивидуальные и социальные силы (К.Н. Вентцель). В ней видели средство объединения детей в *свободные* группировки, в которых царит дух «свободной солидарности» как важнейшего условия развития и равной ценности этих сил. При этом естественным образом возникла возможность совместного обсуждения *свободно* организуемого общего дела, в процессе чего вырабатывалась привычка слушать других и уважать мнения других, способность приходить к общим решениям. Способность творческого труда направлять скопившуюся в человеке или обществе энергию в русло созидания рассматривали и как способ предупреждения конфликтов (П.Ф. Каптерев). Но эта оценка касалась свободно избранной детьми деятельности. В навязанной же деятельности необходимость активности не усматривалась (П.Ф. Лесгафт, М. Манасеина).

К активности как педагогическому феномену обращался К.Н. Вентцель, раскрывая смысл нравственности: простой *автоматизм* привычек и действий он не оценивал как проявление подлинной нравственности, так как они соотносятся с *определенными* условиями, с *определенной* обстановкой и могут оказаться бессильными в *новых* обстоятельствах, требующих нравственного творчества. В результате этого человек может проявить безнравственность в общественных отношениях, не будучи безнравственным, а только потому, что *не сможет* оценить ситуацию, сделать нравственный выбор и совершить нравственное действие, потому что не будет готов к этому вследствие неразвитости способности к самостоятельному оцениванию и действиям. Отсутствие активности вынуждает человека подражать чужим мыслям, чувствам, действиям как героическим, так, возможно, и преступным, не осознавая во всей полноте их смысла, о чем предупреждал Н.А. Добролюбов («О значении авторитета в воспитании», 1857 г.)¹² и что на рубеже XIX и XX вв.

¹¹ Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания) Т. 1. Этика творческой личности. М., 1911. С. 418. С. 592.

¹² Белинский В.Г., Герцен А.И., Чернышевский Н.Г., Добролюбов Н.А. Педагогическое наследие / Сост. А.Ф. Смирнов. М.: Педагогика, 1988. (Б-ка учителя).

доказывал К.Н. Вентцель¹³. Тем самым развитие самостоятельности и критичности мышления, способности к рефлексии, обеспечивающие возможность нравственного выбора, обосновывались как одна из предпосылок активности.

Таким образом, в российской гуманистической педагогике конца XIX – начала XX в. позиция ребенка как субъекта социальной жизни и воспитания оценивалась как гарантия сохранения индивидуальности личности в ее взаимодействиях с внешним миром. В основе ее видели активность, самостоятельность ребенка, осознание им собственного «Я». Как же вопрос о субъектности ребенка решался в советской педагогике 30-х гг.? Педагогическая мысль развивалась в этот период не однонаправленно. В начале 20-х гг. она «питалась» гуманистическими идеями дореволюционного периода, создавая основания для осуществления великой идеи всестороннего гармоничного развития личности, уникальной своей индивидуальностью и одновременно осознающей свою неразрывность с обществом. Однако во второй половине 20-х гг. все явственнее проявляется установка на подчинение личности обществу, идее мировой революции и строительства социализма. Социальное в человеке становится доминирующим, оно призвано поглотить индивидуальное, обеспечив тем самым единство общества. В этой ситуации субъектность личности в ее классическом понимании теряет свою актуальность.

Этим, видимо, можно объяснить тот факт, что термин «субъект» в философских словарях до начала 90-х гг. XX в. употреблялся в связи с критикой философского течения «субъективизм», причем в негативном смысле. Исключения составляют: «Философский словарь» издания 1968 г. «Толковый словарь русского языка» 1999 г., «Новейший философский словарь» 1999 г., в которых дается пояснение термина «субъект» в противопоставлении «объекту». Тем не менее в конце XX в. он глубоко вошел в лексический состав гуманистической педагогики, определяя характер педагогических отношений (субъект–субъектные, субъект–объектные) и позиции участников педагогического взаимодействия (позицию воспитанника, в частности), что соотносится с трактовкой понятия «субъект», приведенной в «Толковом словаре русского языка»: «познающий, действующий человек, существо, противостоящее внешнему миру как объекту познания. Человек как носитель юридических прав и обя-

занностей». Тезаурус для учителей и школьных психологов «Новые ценности образования» (1995) в этом значении предлагает термин «субъективность». Учитывая устоявшийся смысл термина «субъективность» как индивидуально окрашенное восприятие, мнение и т.п., мы, вслед за А.В. Петровским, используем термин «субъектность» (как производное от субъект, в смысле принадлежности человеку совокупности свойств субъекта в их активном действии как во внутреннем, так и во внешнем плане¹⁴. В «Словаре по социальной педагогике» 2002 г.¹⁵ мы обнаружили трактовки понятий «субъект» и «субъектность», которые подчеркивают позицию человека быть источником и реализатором собственной стратегии жизни.

Анализ взглядов педагогов начала 20-х гг. на ребенка как субъекта социальной жизни и воспитания показал, что эта позиция связывалась с активностью, самостоятельностью, наличием убеждений.

Трактовка активности как сущностной характеристики личности и одновременно формы проявления субъектности обусловила признание субъектности ее природным свойством. Это проявилось, в частности, в описании П.П. Блонским, Н.К. Крупской, С.Т. Шацким особенностей детства. Так, С.Т. Шацкий был глубоко убежден, что у детей всегда внутри есть что-то *свое*, что делает каждого ребенка *особенным* в его собственных глазах, дорогим и *ценным для себя самого*, благодаря чему каждый раньше или позже вступает в *диалог с самим собой*, спрашивая себя о собственных возможностях, потребностях, пристрастиях, жизненных целях. Значимость этого диалога С.Т. Шацкий усматривал в том, что через познание *своей общности* с другими, через ощущение себя частью целого ребенок может ощутить и познать *свою сущность* и одновременно почувствовать свое единение с другими, свою защищенность и безопасность. П.П. Блонский же это противодействие ребенка требованиям, идущим вразрез с его собственными потребностями, сложившимися привычками и т.п. рассматривал, как проявление упрямства.

Как описание феномена субъектности можно оценить, например, указание Н.К. Крупской на такие особенности переходного возраста, как требовательность и *критичность* к людям, *борьба* настроений и импульсов, *поиск путей преодо-*

¹³ Вентцель К.Н. Этика и педагогика творческой личности (проблемы нравственности и воспитания в свете теории свободного гармонического развития жизни и сознания) Т.1. Этика творческой личности. М., 1911. С. 510.

¹⁴ Петровский В.А. Личность в психологии: парадигма субъектности. Ростов-на-Дону: Феникс, 1996.

¹⁵ Словарь по социальной педагогике / Сост. Л.А. Мардахаев. М.: Изд. Центр «Академия», 2002. С. 300.

ления внутренних и внешних противоречий¹⁶. На эту же особенность ранее указывал и С.Т. Шацкий: констатируя сложность внутренней жизни подростков, он отмечал, с одной стороны, свойственность им желания быть активными, а с другой – возникновение вопросов, резкую смену надежд разочарованием, поиск смыслов своей жизни, которые нередко купируют эту природную активность¹⁷.

Субъектность как природное свойство человека можно усмотреть в объяснениях Н.Н. Иорданским причин быстроты и легкости влияния общественной среды на ребенка тем, что оно находит в нем естественные «отзвуки» и «порывы» к общественности¹⁸.

Как проявление субъектности можно трактовать утверждения П.П. Блонского, Н.Н. Иорданского, Н.К. Крупской, А.С. Макаренко, С.Т. Шацкого о самопроявлении личности в свободном выборе друзей и т.п., в выработке законов детской общины, в отрицании рутинных традиций старших, в осознании ситуации и выборе целей, видов и способов деятельности, ее планировании и организации контроля за выполнением работы.

В советской педагогике субъектность рассматривалась и в связи с общественными характеристиками и проявлениями личности – как взаимная их детерминированность: в условиях преобладания общественного над личным субъектность приобретала социальную окраску. Это проявлялось в утверждениях, что все проявления ребенком собственной индивидуальности несут на себе отпечаток класса, к которому он принадлежит (Н.Н. Иорданский, А.Г. Калашников, Н.К. Крупская, В.Н. Шульгин и др.)

Анализ источников данного периода в сопоставлении с дореволюционным позволяет сделать вывод о том, что именно субъектность раскрывается через такие характеристики, как: *стремление и умение* быть полезным людям; *стремление и умение* свое «я» «спаять с коллективом» и *находить новое счастье и радости* в этом слиянии, подходя к каждому вопросу «с точки зрения целого», принятие общественных интересов как личных (Н.К. Крупская). Субъектность может быть раскрыта через то, что Н.Н. Иорданский определял как особый внутренний мир личности, «*среди внутри себя*» (кур-

сив наш – Н.С.), как источник самоорганизации в соприкосновении ее с другими личностями и организациями. К характеристикам субъектности можно отнести умение согласовывать свои действия с действиями других, способность взвешивать и оценивать сложившиеся обстоятельства и собственное положение в них (Н.Н. Иорданский); «сопротивляемость моменту личного увлечения» (М.М. Пистрак).

Отношение к субъектности личности как ценности проявляется в акцентах необходимости стимулирования активного проявления индивидуальных и социальных сил детей при формулировании педагогических идеалов и задач, в требованиях к организации воспитания. Это воспитание в человеке его самостоятельности (С.Т. Шацкий), «страстной, настойчивой воли к освобождению угнетенных», к «уничтожению всякого неравенства, всякого насилия»¹⁹, воспитание активности, непокорности, самостоятельности мысли и действия (А.С. Макаренко). Правильной признавалась такая организация воспитания, при которой обеспечивалось активное приложение воспитуемыми полученных знаний, умений, навыков в практической деятельности (А.Г. Калашников). Для развития самостоятельности, упорства в достижении целей и т.п. считалось целесообразным вводить элементы трудностей, риска, требующие преодоления препятствий, в которых ребенок, страдая и побеждая, обретал бы право «владеть миром» (Н.Н. Иорданский, А.С. Макаренко).

Развивая педагогическую идею коллектива как модели общества и средства подготовки подрастающего поколения к жизни в нем, педагоги в середине 20-х гг. предусматривали возможность подавляющего влияния коллектива на личность и акцентировали внимание на необходимости закалывания воли детей, развития независимости, чтобы противопоставить их «сильные волевые движения» подавляющему влиянию коллектива. А.С. Макаренко, оценивая поступок члена коллектива, не рассчитанный на интересы коллектива, как самоубийство, тем не менее утверждал необходимость для жизни в коллективе и обществе внутренней силы, чтобы посмотреть на себя и подчинить себя, а для этого необходимо чувство чести, достоинство, уважение к себе, что, как показывает предшествующий анализ, является одновременно развитием субъектности.

Обращение педагогов послереволюционного периода к субъектным началам личности было неоднозначным и противоречивым, что проявля-

¹⁶ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. В 6 т. / Под ред. А.М. Арсеньева, Н.К. Гончарова, П.В. Руднева. М.: Педагогика, 1978–1980. Т. 3. С. 107.

¹⁷ Шацкий С.Т. Сочинения. В 7 т. Т. 1. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957, С. 68–151; См. там же: С. 371, С. 1–10.

¹⁸ Иорданский Н.Н. Организация детской среды. М., 1925. С. 14.

¹⁹ Иорданский Н.Н. Основы и практика социального воспитания. М., 1925. С. 25.

ется в вопросах о характере педагогической деятельности, о методах воспитания. Так, говоря о воспитании характера борца, продолжателя дела пролетариата, а, следовательно, активного, инициативного, способного к самостоятельным решениям, способного отстаивать свои убеждения, вплоть до принесения в жертву собственной жизни, Н.К. Крупская описывала характер педагогической деятельности как «заражение» энергией старших поколений, «впитывание» опыта борьбы старших поколений, «передача» энтузиазма (курсив наш – Н.С.). При этом воспитуемые оказывались в позиции *объектов*, которые *должны безусловно* принять транслируемые им отношения, взгляды, чувства, что препятствует развитию указанных качеств.

Если в дореволюционной педагогике с ослаблением воли связывалась неспособность реализовать собственные стремления, неспособность следовать избранному идеалу и т. п., то теперь в этом усматривалась опасность «ухода в индивидуальность», что не соотносилось с образом коллективиста-общественника²⁰.

Если дореволюционная педагогика одной из ценностей субъектности считала самостояние личности, единство ее неотделенности и неслиянности с обществом, то в советской педагогике развивалась идея субъектности как понимания собственной неотделимости от него, при этом *отрицалась* способность человека мыслить, чувствовать, действовать вне коллектива (Н.К. Крупская, А.В. Луначарский), что в поэтической форме выразил В.В. Маяковский поэме «В.И. Ленин»: «Единица – вздор, единица – ноль...».

Если в дореволюционный период и первые послереволюционные годы С.Т. Шацкий высоко оценивал рефлексию собственной внутренней жизни, ее соотносительности с общественной, с тем, что ожидают от него, то в 1929 г., под сильным воздействием официальной педагогической политики, он критически оценивал это обращение человека к самому себе, к собственным переживаниям и настроениям, подчеркивая, что «человек, который копается в себе, который находится во власти своих переживаний, своего настроения, тратит огромное количество сил на то, что не имеет никакого значения для общего дела, в то время, как ты имеешь значение только тогда, когда принимаешь участие в общем деле всего человечества». Здесь же С.Т. Шацкий скептически назвал «толстовством», «сектанством» стремление жить независимо от мнений других,

поясняя, что это не социалистический подход. При этом терял самоценность и процесс индивидуально-личностного развития: «один шаг массы имеет гораздо большее значение, чем сто шагов вперед одной личности»²¹.

Таким образом, в послереволюционной педагогике понятие субъектности претерпело изменение в соответствии с концептуальной идеей воспитания социализированного человека.

Личность, оцениваемая только в соответствии с мерой своего вклада в общество, в соответствии нормам, законам и правилам, диктуемым данным обществом, приобрела одновременно и *меру субъектности*, определяемую как возможность видеть собственную роль в общем деле, осознавать его общественную значимость, искать пути и способы его наилучшего выполнения. Это освобождало личность от внутренней борьбы, связанной с необходимостью выбора и ответственности за него, от необходимости самопознания и самоидентификации, от моральных переживаний, связанных с поиском собственных смыслов жизни. Ее самостоятельность ограничивалась деятельностью умственных сил в познании окружающего мира, однако, результаты его присваивались обществом. Раскрывая в 1929 г. диалектику субъективного и общественного, А.Г. Калашников представил ее следующим образом: личность, познавая действительность «для себя», дает окружающему субъективную оценку и является субъектом; в то же время другие люди познают и эту личность и ту же окружающую действительность «для себя», для всего общества, которое вступает с каждой личностью в отношения «для себя», становясь субъектом по отношению к этой личности, ставшей объектом: таким образом, происходит трансформация субъекта в объект и обратно (А.Г. Калашников). В результате, прямым *субъектом* человек становился в области самовоспитания как социального приспособления²².

В середине 20-х гг. XX в. появилась тенденция, укрепившаяся к началу 30-х гг., связывать понятие субъекта с положением человека в системе деятельности: организатор или исполнитель. В результате субъектами становились непосредственные организаторы деятельности, все же остальные становились объектами воздействия. При этом отношения педагогов и воспитанников характеризовались как отношения субъектов (педагогов) и

²¹ Шацкий С.Т. Сочинения. В 7 т. Т. 4. / С.Т. Шацкий. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1957. С. 424–425.

²² Калашников А.Г. Очерки марксистской педагогики. Т.1. Социология воспитания. М.: Работник просвещения, 1929. С. 140.

²⁰ Крупская Н.К. Педагогические сочинения. В 6 т. / Под ред. А.М. Арсеньева, Н.К. Гончарова, П.В. Руднева. М.: Педагогика, 1978–1980. Т. 2. С. 12.

объектов (детей) (А.Г. Калашников, А.П. Пинкевич). Дети становились объектами воспитательных воздействий, направляемых целями и задачами, выдвигаемыми обществом.

Тем не менее уже само, хотя зачастую косвенное осмысление субъектности свидетельствует о том, что оно, будучи «де-факто» атрибутивной характеристикой личности, являлось необходимым условием сохранения свободы, автономии личности в ее отношениях с обществом, с одной стороны, и одновременно обеспечивало ее ценность для коллектива, для общества, – с другой. Эта ценность заключается в способности личности в качестве субъекта переоценивать ставшие традиционными явления общественной жизни и вносить в них элементы творчества, способствуя развитию других личностей и общества в целом. Этот идеальный вывод следует из анализа источников. В то же время анализ исследовательского материала показал, что к концу 20-х гг., в 30-е гг., субъектность и ее воспитание не являются характерным элементом педагогической действительности.

Как видим, в отличие от дореволюционной педагогики, связывающей субъектность с экзистенциальной стороной личности, обуславливающей ее онтологическую осуществленность и неприкосновенность индивидуальности, после революционная педагогика соотносит ее с социальным бытием личности, со способностью личности отказаться от собственной индивидуальности в пользу коллективности.

В целом мы наблюдаем двоякое отношение к субъектности: с одной стороны, она, как внутренняя активность, объективно необходима в качестве основы формирования осознанных нравственных и политических убеждений, развития инициативы, творчества, организаторских способностей как необходимых качеств личности борца. Внутренняя осознанность единства своих мыслей, чувств, действий, своей жизни с коллективом, добровольности пребывания в нем и принятия на себя обязательств по отношению к нему признавались истинным основанием коллектива Н.Н. Иорданским, А.С. Макаренко С.Т. Шацким. Отсутствием субъектных начал в личности объяснялась неспособность человека быть в одиночестве с самим собой, вступать во взаимодействие с самим собой. Таким детям постоянно требуется находиться рядом с кем-то другим в играх и делах, – замечал Н.Н. Иорданский.

С другой стороны, появлялись мнения о негативном влиянии субъектности на самого человека, о развитии под ее влиянием индивидуализ-

ма, об отрыве таких людей от неудовлетворяющей их среды, об их «утопических» стремлениях подняться над этой средой, в результате чего они превращаются в «перекати-поле».

Субъектность как таковая уже к началу 30-х гг. теряет свою ценность вместе с потерей ценности самой человеческой личности, вместе с утверждением ценности человека только как члена общества, класса, когда отделение от общественной жизни расценивалось как измена делу коммунизма. Вместе с этим исчезала необходимость самостоятельного выбора между личным и общественным, между индивидуальным и социальным, субъектность оказывалась невостребованной, что наносило непоправимый вред воспитанию. Осознавая это, педагоги впоследствии направляли свои усилия на развитие идеи активности учащихся в обучении. Вопросы воспитания личности, осознающей себя и окружающий мир, с «активной жизненной позицией» вернулись в педагогику после XXV съезда КПСС (1976).

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что утверждение субъектности как внутреннего, глубоко укоренившегося «Я» человека, как его самосознания, способности к рефлексии, обусловило его оценку как важнейшего педагогического условия и фактора достижения равноценности в развитии индивидуальных и социальных сил детей в процессе их воспитания и одновременно подготовки их к установлению подобных отношений в обществе. Это обеспечивается гуманистическими антропологическими позициями самих педагогов, создающих в процессе воспитания возможности для проявления детьми собственных интересов, потребностей, мотивов в актах взаимодействия в процессе деятельности, для самостоятельного выстраивания жизненных перспектив, – для стимулирования деятельности собственных интеллектуальных, эмоциональных, волевых сил детей.

Главным источником осуществления субъектности в педагогическом процессе оказывается востребованность в реальной жизни общества активной, инициативной, творческой личности, способной взять на себя ответственность за собственную жизнь и жизнь общества.

Таким образом, обращение педагогов к тем началам человеческой личности, которые в гуманистической педагогике связываются с субъектностью, является подтверждением их имманентности по отношению к природе личности.

Позиция субъекта личной и социальной жизни может быть осуществлена человеком только при условии развития его субъектности в процессе воспитания.

ФИЗИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ И ЦЕННОСТЬ ЗДОРОВЬЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

Н.В. Загодевкина

Загодевкина Наталья Владимировна – преподаватель кафедры «Физическое воспитание и спорт» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Медленно и сложно, но сегодня женщина приходит в деловой мир, в политику. Важно, чтобы она в роли руководителя, лидера сохранила женское начало, жила в согласии со своей природой. Как правило, в педагогических исследованиях игнорируются проблемы, связанные с содержанием будущего в жизни женщины. Сегодня пора повернуться лицом к решению этой проблемы и признать, что женщине приходится неоправданно часто использовать резерв здоровья на достижение поставленной цели и совмещение полоролевых ожиданий общества. Пополнить резерв здоровья возможно средствами физической культуры.

Slowly and complicated but today woman comes to business world, to politics. It's important, that being a leader she keeps woman's beginning and living in accordance with her nature. As usual, problems, connected with future in woman's life, are ignored in pedagogical researches. Today it's time to turn face toward ways of decision of this problem and we should admit, that woman have to use her health's reserve too often in order to achieve laded down aims and to combine sex-rolled society's expectations. It's possible to full health's reserve by physical culture achievements.

Человечество с помощью науки и собственного опыта знает множество факторов, положительно или отрицательно влияющих на здоровье. Но сегодня следует учитывать ещё один фактор, чем являются гендерные предрассудки, основанные на классификации людей по полоролевому поведению (мужчина – добытчик и защитник, женщина – хранительница очага). Особенно негативно это влияние сказывается на здоровье женщины, желающей сделать карьеру, в политической или профессиональной деятельности, где традиционно главные роли исполняются мужчинами.

Изменилось время, политический и экономический строй, а в умах многих людей до сих пор живы представления первобытного строя, когда биологическому виду «человек» надо было выживать, что было возможно при четком распределении ролей. Сегодня каждый вправе сам выбирать стиль поведения и роли, которые он захочет и сможет исполнить, руководствуясь главными человеческими ценностями добра, истины, красоты, собственными способностями и желанием самореализации, не нарушая морально-этические нормы общества. Вместе с тем до сих пор женщине неизменно труднее, чем мужчине добиться высот карьерного, политического роста. Результат несправедливой конкуренции может проявляться в нарушениях здоровья. Положение усложняется, если женщина не знает и не умеет поддерживать свою физическую форму и состояние психологического комфорта. Возможно, поэтому, по данным ученых¹, женщины

составляют две трети всех пациентов, обращающихся в клиники, и им в два раза чаще ставят диагнозы психических расстройств.

Надо отметить, что педагогическая наука как в школе, так и в вузе оставляет без рассмотрения гендерный аспект здоровья, а сегодня это актуально. Женские лица все чаще появляются в политике и бизнесе. На это же указывает множество благополучно освоенных женщинами технических профессий, в прошлом традиционно мужских. Вместе с тем известно, что, во-первых, здоровье женщин ухудшается, «молодые женщины постепенно утрачивают культуру самосохранения и высокой ценности здоровья...»². Во-вторых, традиционное мнение: «женщина должна проявлять феминные черты – нежность, мягкость, уступчивость, оптимистичность, открытость; мужчина – маскульные черты – силу, смелость, волю, самостоятельность, уверенность в себе, социальную активность»³, становится психологической преградой для девушки или молодой женщины на пути к карьере и самоутверждению. Ведь в перспективе профессиональный рост – это вопрос самосовершенствования и конкурентоспособности. Но может ли, например, технический специалист-женщина добиться успеха и самореализоваться в профессии без уверенности, воли и самостоятельности, имея при себе только набор феминных черт? Эти возникающие противоречия, особенно в технических специальностях (их осваивают, в числе многих и студентки транспортного вуза), не позволяют

¹ Психология здоровья : учеб. для вузов / Под ред. Г.С. Никифорова. СПб. : Питер, 2003. 607 с.: ил. (Серия «Учебник для вузов»).

² Там же. С. 233.

³ Бароненко В.А., Рапопорт Л.А. Здоровье и физическая культура студента : учеб. пособие / Под ред. В.А. Бароненко : М. : Альфа-М, 2003. С. 239.

реализоваться способностям женщины без вреда для здоровья.

Положение усложняется тем, что кроме желания утверждения в новых ролях (руководитель, лидер), происходит наслонение традиционных ролей (мать, дочь, жена). Все это вызывает излишнее психологическое напряжение и сказывается на репродукции и здоровье женщины. Поэтому не зря в последние десятилетия Всемирная организация здравоохранения рекомендует использовать в науке и на практике именно гендерный подход к здоровью, так как считает, что это позволяет разрабатывать и внедрять конструктивные программы по изменению социальных факторов, следствием которых являются заболевания.

Физическая культура и спорт в вузе могут и должны стать эффективным средством укрепления и развития здоровья. Но только после того, как само здоровье будет осознанно личностью как собственная ценность. Мы считаем, что арсенал средств физического воспитания можно успешно использовать для развития ценностного отношения к здоровью у будущих инженеров транспорта, в частности – специалистов-женщин. Это актуально ещё и потому, что сегодня на Дальневосточной железной дороге трудятся 46 % женщин.

В социологических исследованиях, проведенных на предприятиях Дальневосточной железной дороги⁴, отмечена типичная для России ситуация, характеризующая отсутствие понимания и осознания здоровья человека как ценности, предопределяющей успешность жизненного пути и самореализацию. На вопрос: «Заботитесь ли Вы о здоровье?», большинство опрошенных железнодорожников (60 %) отметили, что «иногда, по мере необходимости», т.е. тогда, когда болеют. Вместе с тем занятия различными формами физической культуры, которые, как известно, положительно влияют на состояние здоровья, занимают незначительное место в бюджете свободного времени. Результаты опроса Т.Б. Соколовой⁵ показали, что физическими упражнениями занимаются преимущественно мужчины (17 % – служащие, 18,2 % – рабочие).

Ещё печальнее выглядит позиция женщин в отношении к физическим упражнениям: лишь 5,6 % из числа опрошенных в управленческом

аппарате ДВЖД отметили, что занимаются различными формами оздоровительной физической культуры; из женщин-рабочих никто не определил этот вид деятельности (0 %).

Помочь осознать и воспринять здоровье как ценность, которую следует сохранять и умножать на том жизненном этапе, когда медицинский осмотр ставит диагноз девушке «практически здорова», мы считаем важной задачей для преподавателя физического воспитания в вузе. Сегодня в нашей стране статистические показатели физической активности не в пользу женщины ведь регулярно занимаются физической культурой и спортом 18–19 % населения, причем лидерство в занятиях физическими упражнениями принадлежит мужчинам (44 % мужчин против 15% женщин).

Все вышеприведенные аргументы и цифры требуют включить в стратегию физического воспитания и тактику педагогического обеспечения цель: используя ценности физической культуры, активно развивать ценностное отношение к здоровью у девушек-студенток. А поскольку мы говорим о «ценностном отношении к здоровью», значит в основе преподавания программного материала и реализации тактической цели должны лежать положительные эмоции и познавательный интерес. Отсюда, педагогический ракурс проблемы развития ценностного отношения к здоровью видится нам в следующем. Потребность личности в ценностном отношении к здоровью будет тем сильнее, а мотивация его сбережения и укрепления тем устойчивее, чем большей эмоциональный отклик будут вызывать у студенток не только формы двигательной активности, интеллектуальное содержание предмета «физическое воспитание и спорт», но методы их обеспечения.

Понимание студенткой предложенного пути начинается с эмоционального восприятия в основном субъективного ощущения выполненной физической нагрузки. Позитивная реакция на этом этапе пробуждает интерес (вид отношений), желание не только телесно выраженных результатов, но и удовлетворенность (вид отношений) самим процессом. Но укоренятся положительные ощущения («радость самосовершенствования») со временем, проявятся в сознании как нормы и принципы только в том случае, если содержание физического воспитания молодежи будет основываться на трёх основных компонентах: социально-психологическом, интеллектуальном и двигательном, которые следует развивать целостно и равномерно. Другими словами, запланированный педагогом результат возможен при условии, если:

⁴ Соколова Т.Б. Здоровье населения в социальном контексте (на примере работников ДВЖД) : дис. ... на соиск. ученой степени канд. соц. наук, Хабаровск, 2005.

⁵ Там же. С. 120.

1) студентка понимает и осознает двигательную активность как жизненно важную и необходимую, именно для неё;

2) комплекс теоретических знаний физической культуры студентки охватывает спектр философских и медицинских знаний, более того, он усваивается ею и формируется в систему, отвечающую потребностям девушки;

3) студентка в стиль своей жизни осознанно включила одну из форм двигательной активности (вид спорта), и от этого выбора получает удовольствие.

Только после выполнения этих условий, мы можем говорить о процессе развития ценностного отношения к здоровью средствами физической культуры.

Какие же критерии ценностного отношения к здоровью можно предложить на учебных занятиях по предмету «физическое воспитание и спорт»? Во-первых, нужно помнить, что отношение – это связь; в нашем случае связь между субъектом образования и здоровьем, физическим упражнением и здоровьем, здоровьем как явлением и как состоянием. Во-вторых, любая связь между названными понятиями сложная и динамическая уже потому, что сами понятия «субъект», «здоровье», «физкультурно-образовательный процесс» – многогранные, развивающиеся системные конструируемые.

Отсюда и множество связей и их взаимодействий, которые следует учитывать в ценностно-ориентированном педагогическом процессе. Например, связь между здоровьем как состоянием и как явлением, и связь субъект-субъектных отношений. Несколько подробнее это означает, если в отношениях между студенткой и преподавателем физического воспитания есть общая цель – развитие здоровья, но не только здоровья как состояния (у меня ничего не болит), а как необходимое средство достижения результата в жизненной стратегии, а их отношения носят характер сотрудничества, можно считать – связь существует. Существуют отношения. Но этого недостаточно. Заслуга преподавателя будет тогда ярко выражена, когда здоровье будет пониматься девушкой как явление, где обнаруживается человеческая и женская сущность, и это явление позволяет воплотить всё задуманное в реальность и потому ценное, как цена для каждого здорового человека сама жизнь. Только тогда ценностно-ориентированный на здоровье педагогический процесс физического воспитания даст результат в виде развития критериальных качеств, способностей студенток, развитие которых, под влиянием и при взаимодей-

ствии обоих участников процесса, было запланировано педагогом.

Поэтому для развития ценностного отношения к здоровью необходима гармония обучения, воспитания, развития, и весь педагогический процесс должен быть конгруэнтно направлен на телесно-душевно-духовную целостность субъекта образования.

Известно, что сфера ценностей – это сфера духовности. Возможно, кто-то спросит: «Причем же здесь физкультура?», ассоциируя этот учебный предмет лишь с телесностью. Всё зависит от понимания самого термина «духовность». Автору статьи близка позиция, и она ориентируется в этом вопросе на мнение Р.Л. Лившица, о духовности и бездуховности как определенных смысловых позициях (стратегиях) личности в мире⁶, которые базируются на мироотношении, но «духовность личности (равно как и бездуховность) не является чем-то абсолютно простым элементарным. Личность, определяя свою смысловую позицию в мире, самоопределяется в отношении общества (социальных связей и мира культуры), в отношении других людей, а также в отношении к собственной телесности»⁷.

Известный психолог, основатель мощного направления в психотерапии А. Лоуэн, также видел зависимость между телесностью, духовностью и здоровьем. По его мнению, «если мы принимаем тот факт, что человеческие существа обладают духом, мы также должны принять то, что здоровье связано с духовностью»⁸.

Итак, здоровье связано с телесностью, психикой и духовностью. Все эти составляющие целостности здоровья в учебно-воспитательном процессе нужно развивать, воспитывать, возвращать. Тогда и критериальные качества, которые мы собираемся наблюдать и развивать, должны характеризовать эти составляющие здоровья.

Первый критерий соотносится с телесностью. Учеными доказано, что «резерв здоровья» зависит от уровня физической подготовленности. Выше уровень, больше резерв. Но в работе с девушками этот критерий требует адаптации. В силу разных причин уровень физической подготовленности у первокурсниц, что тестируется нормативами, соответствует, в среднем, от 2,5 до 3,5 баллов, по пятибалльной системе. Поэтому на

⁶ Лившиц Р.Л. Духовность и бездуховность личности. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1997. С. 3.

⁷ Там же. С. 40.

⁸ Лоуэн А. Психология тела: биоэнергетический анализ тела / Пер. с англ. С. Коледа. М. : Институт Общегуманитарных исследований, 2000. С. 11.

учебных занятиях мы ориентируем студенток на положительную динамику индивидуальных показателей физической подготовленности.

Второй критерий соотносится с психикой. Для девушек-студенток таким критерием является способность быть активной, уметь преодолевать и сопротивляться. Здесь вся методика строится на освоении спортивных игр, где необходима активность как двигательная, так и творческая, а развитие выносливости, общей и специальной, возвращаем на занятиях легкой атлетикой, плаванием, шейпингом и другими видами спорта.

Третий критерий – духовное здоровье. Для обретения духовного здоровья, утверждают ученые, необходимо приобщение и реальное следование нравственным ценностям. «Чтобы быть нравственно здоровым, надо знать себя, свое предназначение, жить в согласии со своей природой и быть внутренне свободным и ответственным перед собой и обществом, бережно относиться к себе, другим, природе...»⁹.

Авторское мнение таково: развитая у девушек-студенток способность жить в согласии со своей природой, является важным критерием, который лежит в основе репродуктивного здоровья, так и психологического состояния.

Практическая реализация критериев духовного здоровья нам видится в проявлении уважения к себе как неотъемлемой части мироздания. Для этого девушке надо знать свою натуру, темперамент, характер; принять как аксиому истину, что познание себя – высочайшая благородная цель, и на основе этого знания развивать себя. Духовный человек, т.е. наделенный нравственными добродетелями, считает ответственным себя за собственное благополучие, за воспитание своих детей, за благополучие других – это человек созидающий. Вместе с тем человек, созидающий добро, не может не жить в согласии с собой и собственной природой.

Поэтому так важно для будущего специалиста-женщины, желающей заниматься созидательной деятельностью наравне с мужчинами, осознать, что для этого не нужно использовать мужской стиль жизни и поведения. Женщина может быть ответственна, компетентна, требовательна, но вместе с тем оставаться очень женственной, обязательно здоровой, если верит в себя, в свои силы. Поэтому в учебных занятиях по предмету «физического воспитания спорт» с девичьими группами красной линией должно проходить развитие ценного отношения к себе, не только как к будущему высококлассному специалисту, но и как к носителю женского начала, гордого предназначения матери. Жить в согласии с самой собой, успешно и плодотворно заниматься профессиональной и / или общественной деятельностью, быть любимой и любить самой – возможно только при развитом ценностном отношении к здоровью, где здоровье понимается не как самоцель, а как необходимое условие на пути к самосовершенствованию в профессиональной деятельности, к счастливому материнству и дальнейшему духовно-личностному развитию.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что развивать ценностное отношение к здоровью средствами физической культуры у девушек-студенток возможно только в целостном педагогическом процессе обучения, воспитания и развития, при многообразии форм двигательной активности. Условия педагогического процесса должны быть конгруэнтно направлены на телесно-душевно-духовную целостность составляющих здоровья. Гармония развития составляющих целостности здоровья на занятиях физической культурой, есть гарантия развития ценностного отношения к здоровью, а это гарантирует, в свою очередь, не только долголетие, но и творческую, эмоционально насыщенную жизнь женщине, которая свободна в выборе своего жизненного пути.

⁹ Бароненко В.А., Рапопорт Л.А. Здоровье и физическая культура студента : учеб. пособие / Под ред. В.А. Бароненко. М. : Альфа-М, 2003. С. 88.

КЛАССИЧЕСКАЯ ПРОЗА КОРЕИ КАК ЗЕРКАЛО НАЦИОНАЛЬНОГО ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИДЕАЛА

Л.П. Лазарева

Лазарева Лариса Петровна – доктор педагогических наук, заведующая кафедрой «Русский язык» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

Педагогический идеал – не отвлеченное понятие, а живая материя народного духа, воплощающаяся в различные формы человеческого творчества. Художественная литература Кореи – яркое доказательство этому. Исследуя содержание педагогических воззрений, исподволь наполняющих рассказы, повести, автор вскрывает факторы формирования национального корейского характера.

Pedagogical ideal – not abstract concept, and the matter of national spirit embodied in various forms of human creativity. Fiction of Korea – the bright proof to it. Researching the contents of the pedagogical views gradually filling stories, stories, the author opens factors of formation of national Korean character.

У ученых-педагогов есть мнение, что воспитание подрастающего поколения совершается только во имя какого-либо идеала. Благодаря действию и осуществлению идеалов человек становится сознательным фактором истории, принимая будущее в свои руки. Педагогический смысл идеала воспитания состоит не в создании образа конкретной личности, на которую нужно «равняться», а в идеальной модели жизни, к которой должен стремиться воспитанник под руководством учителя-наставника. Содержательная сторона идеала в такой его трактовке обуславливается как ценностями общества, его культурным развитием, так и отношением к ним самого человека. Отсюда следует, что идеал в его педагогическом смысле несет в себе двуединое начало: социальное и индивидуально-человеческое.

Нужно заметить главное: стабильность общественных норм поведения, заложенных в педагогическом идеале, к какой бы эпохе он ни относился и под влиянием какой идеологии ни находился. Особый интерес представляет обогащение духовного содержания педагогического идеала корейцев, пришедшееся на пятнадцатый век, который принес небывалый расцвет корейской средневековой культуре и науке, стал началом серьезных преобразований в художественной литературе. Одним из факторов этих перемен можно считать расширение пространства педагогических представлений авторов, отраженных в литературе. Это, в свою очередь, стало возможным благодаря становлению новых жанров в прозе. Например, пишутся юмористические рассказы («Деревенские смешные рассказы» Кан Химэна, «Юмористические рассказы при великом спокойствии» Со Годжона). Особенно велика роль Годжона в составлении «Восточного сборника» (в 130 томах), включавшего лучшие литературные образцы того времени. Этой анто-

логией подводился как бы итог развития корейской литературы с периода Силла до начала правления династии Ли. Вместе с тем антологию можно считать энциклопедией педагогических воззрений корейского народа, в которой отразились все аспекты содержательной стороны воспитательного идеала, а также эволюция представлений о возможностях человеческого совершенства.

Интересно и то, что полноте выражения педагогических взглядов в художественной литературе способствовали преобразования в мире художественной литературы. Литературным кругам тогдашней Кореи были хорошо известны китайские новеллы и повести сунского и юаньского времени. Короткие рассказы об удивительном, вымышленные биографии вместе с распространявшейся китайской повествовательной литературой в Корею подготовили возникновение сюжетной художественной прозы (сосоль) – литературной новеллы и повести сначала на хаймуне, а затем и на корейском языке об удивительном. Вымышленные биографии и ранние произведения пхэсоль вместе с распространявшейся китайской повествовательной литературой в Корею подготовили возникновение сюжетной художественной прозы (сосоль) – литературной новеллы и повести сначала на хаймуне, а затем и на корейском языке. Заслуга в создании новеллы принадлежит Ким Сисыну (1453–1493), который в 1471 г. составил сборник «Новые рассказы, услышанные на горе Золотой черепахи», взяв за образец сборник китайского писателя XIV века Цюй Ю «Новые рассказы у догорающей лампы». Сохранилось всего пять новелл фантастического содержания, дошедших в более поздних изданиях. В них изображены корейские персонажи, действия происходят в Корею, а завершаются, как правило, трагически. К примеру, в новелле

«Пьяный в павильоне плывущей лазури» слышны гимн чистоте Высшего, непреходящего, сожаление о бренности человеческих желаний, нежелании людей стремиться к высшим ценностям.

В стихах, входящих в новеллу, звучит мысль о низменности человеческих интересов, которые затмевают настоящую радость жизни: *«Вместо тронного зала осенние травы. Полон ветра и стужи древний чертог. Где далекие годы расцвета и славы? Смотрит лестница в небо – и нет к ней дорог. Там, где жили певички, терновник колючий. На руинах стены, под белесой лунной, лишь вороны кричат и взвываются тучей над лесистой кручей, во тьме ледяной. Неужели навек, навсегда? Где богатство и роскошь, тепло и уют? Только волны речные шумят, как шумели, да на запад все к морю бегут и бегут. Как меняются судьбы! Но люди упрямо гнёзда вьют, хоть от гибели на волоске! Дальний звон колокольный из горного храма слышу я, размышляя в глубокой тоске»¹.*

Приведенное стихотворение показывает «прозрачность» даосско-буддийских мировоззренческих настроений эпохи XV века, вносящих свою лепту в содержание педагогического идеала. Их особенность выражается в неприятии конфуцианских норм поведения, нарочито подчеркнутым изображении непристойных, низких сторон жизни, а также осмеянии «официально-серьёзного» – государственной сферы деятельности человека. Эти настроения позволяют представить педагогическую «квинтэссенцию» литературы, флагманом которой был Ким Сисын. Она в инициации людей к самосовершенствованию, к критическому взгляду в самоё себя, к работе над своим сознанием. Подтекст художественной прозы средневекового Китая таков: конечно, можно быть счастливым счастьем обычного человека, но не ведать при этом о том, какие неиспользованные богатейшие возможности заложены в природе человека, позволяющей ему быть счастливым по более высоким меркам, данным Небом. Воспитательное влияние идей, заложенных в литературе того времени, можно оценить по той мобилизующей силе, которая побуждала человека взглянуть за рамки своих привычных возможностей, сформировать ощущение жизни, отличное от ощущений обычного человека, выработать другую жизненную позицию, другие шкалы другого мышления.

¹ Ким Сисын. Из «Новых рассказов, услышанных на горе Золотой черепахи»/Классическая проза Дальнего Востока. М. : Художественная литература, 1975. С. 277.

Удобным приемом воздействия на сознание людей, с целью побуждения их к критическому осмыслению своего образа мироощущения были аллегорические произведения, среди которых блестящее место занимают повести на хаймуне, принадлежащие Лим Дже (1548–1587). В повести «Мышь под спудом» Мышь вобрала в себя все пороки людей: стяжательство, злость, корыстолюбие, осуждение других. Никто не может угодить Мыши, всех она ненавидит, во всех подозревает врагов. И когда она, оговаривая всех, жалуетя Духу-повелителю, тот не выдерживает и приказывает заковать мышь в колодки, бросить в сырую темницу и не спускать с преступницы глаз. Сам же, свершив трехдневное омовение, отправился в чертоги Небесного повелителя. Когда Небесный повелитель выслушал доклад Духа, то велел казнить на площади перед кладовой (где занималась грабительством Мышь) преступницу, а прах ее развеять на все четыре стороны. Право отмщения восторжествовало, Мышь наказана Повелителем за свой скверный нрав².

Изображенный персонаж можно рассматривать и как сосредоточение социального зла в должностном лице (в том случае, если под Мышью подозревать чиновника-казнокрада), и как скопление пороков, которые развил в себе ненасытительный к обогащению человек. И в том, и в другом случае аллегорическая повесть дает наглядное представление об обреченности порочного человека на наказание (вне зависимости от того, каким лицом или судом оно будет произведено). Конкретность представлений, доносимых художественным произведением как формой непосредственного выражения содержания педагогического идеала эпохи XIV–XVI вв. в Корею, четко определяет границы дозволенного и недозволенного в поведении человека, ориентирует его на правильную стратегию жизнедеятельности.

В период перехода от «развитого» средневековья к позднему, который в Корею совершился после Имджинской войны (середина XVII в.), т. е. приблизительно к середине семнадцатого века, наметились сдвиги в социально-культурном развитии, в духовной и культурной жизни страны. Учение сунских конфуцианцев, лежащее в основе системы управления, стало терять своё влияние на умонастроение корейцев под воздействием эпохи нового времени, в которую уже вступил мир. Приобретает силу городская культура, корейцы впервые узнали о Европе

² Лим Дже. Мышь под спудом (фрагменты) / Перевод Г. Рачкова. С. 291–300.

и её культуре; возросла роль практических знаний; возникло течение «сиркасиха» («Школа реальных наук»), оказавшая значительное влияние на идейную атмосферу в стране; среди народа стали широко пользоваться корейским письмом, до этого подвергавшимся гонениям. Именно в это время рождается самый популярный в демократических слоях общества и у женщин жанр художественной прозы – повесть на корейском языке. Литературоведы относят становление жанра повести на корейском языке предположительно к первой половине XVII в., а расцвет её датируют восемнадцатым – началом девятнадцатого века. Более точно установить сроки нельзя, потому что самих текстов повестей, записанных ранее девятнадцатого века, пока не найдено.

Можно объективно утверждать, что XVIII – начало XIX в. – период расширения и углубления содержания педагогического идеала корейского народа. Основания для такого мнения следующие: представления о сущности воспитания человека как процесса сопровождения его жизненной социализации строятся на культурных представлениях традиционного общества на Дальнем Востоке, но в них привносятся веяния Запада (осмысление цели жизни, исходя из рациональности деятельности; подчинение социальных интересов индивидуальным, личным и т. д.). Но особенности восприятия корейцами характерологических качеств человека в их идеальном состоянии остается прежним: высокая сила духа, помогающая преодолевать все невзгоды и лишения; мудрость, терпение и вера в счастливый исход. Встречая такого героя на страницах повести, читатели сравнивали свои жизненные коллизии с ситуациями, в которых оказывались герои, и учились у них жизнестойкости.

Главный герой повести, обычно в самом начале, обездоленный человек, на долю которого выпадают тяжелые испытания, но в конце повествования он неизменно оказывается вознагражденным за стойкость и занимает подобающее ему место в обществе. По приемам описания повести в одних случаях близки исторической биографии, в других – вымышленной биографии. Но это не оказывало никакого влияния на выбор читателей. Все повести были одинаково востребованы, потому что в них излагались на родном языке в общедоступной форме идеи социальной гармонии, представление о том, что благодаря «правильному» поведению и «высокой внутренней природе» человек может, в конце концов, подняться «наверх», как бы трудно ему ни было сейчас.

С позиции педагогического целеполагания, в корейской повести человек, побеждающий жиз-

ненные невзгоды и сохраняющий свое внутреннее благородство, обязательно нравственно-волевой, духовно развитый, владеющий разнообразными профессиональными умениями, общительный, уважительный к людям. Ему не страшны проблемы, которыми его постоянно «награждает» жизнь. Он истинный гражданин, любящий свою родину и умеющий заботиться о ней.

Художественное произведение, в силу своей специфики, не может представить теоретический план воспитания такого человека, но оно демонстрирует все преимущества развитости жизнестойкости, показывает ее структуру и наглядно-образно доказывает необходимость комплексного сосредоточения духовно-физических сил для выживания в дисгармоничном обществе. Для того чтобы преодолеть враждебные силы (главным образом социального порядка), человеку нужно развивать в себе качества, которые всегда востребованы любым обществом, в любое время.

Характерно, что в корейской классической литературе (в частности, в корейской повести) нет пессимистических мыслей о том, что жизнь есть неоправданное мучение, и человек – страдалец на земле. Напротив, всегда звучит мысль – жизнь есть благо, какой бы трудной она ни была. В корейских народных сказках мы найдем героев, терпящих невыносимые физические страдания на земле, но не желающие променять эту жизнь на небесную. Безотрадность и уныние – такие настроения отсутствуют в корейской повести.

Рассмотрим, к примеру, «Повесть о Хон Гильдоне», авторство которой приписывается Хо Гюну (1569–1618). Хон Гильдон, главный герой повести, – внебрачный сын богатого чиновника. Как это часто бывает в подобных ситуациях, вокруг него много завистников и соперников, боящихся, что Хон Гильдон заберет себе все право наследства. Недоброжелатели подвергают его гонениям, организуют покушение на его жизнь, вследствие чего несчастный уходит из дома, становится героем-разбойником. Он грабит богатых, защищает бедных, чем очень напоминает знаменитого Робин Гуда. В конце концов, он уходит от разбоя, создает царство справедливости. Жизненный путь героя поучителен для каждого молодого человека: нужно уметь пройти путь испытаний, предназначенных судьбой, как это сделал Хон Гильдон, за что и был вознагражден – закончил жизнь в процветании³.

³ Хо Гюн. Повесть о Хон Гильдоне / Пер. Н. Никитиной. С. 306–322.

Нравственные требования, предъявляемые к жизнедеятельности человека на страницах литературных произведений корейских авторов, вполне обоснованы и не отягощены излишними требованиями идеального поведения. Человек может и должен жить по строгим нравственным правилам, но это не означает, что он может превзойти человеческую природу и уподобиться Небесному существу. Педагогический идеал, отраженный в корейской литературе, не отягощен сверхзадачами воспитания «сверхсовершенной» личности, напротив, его содержание претендует на разумное следование тем принципам, которые положены в основу общественных отношений в Корее.

В связи с этим саму природу педагогического идеала (на основе его отражения в художественной литературе) следует исследовать в аспекте структуры исторической модели общественных отношений, сложившихся в Корее. Взаимоотношения между старшим поколением и молодежью – один из видов человеческих взаимоотношений, на которых строится конфуцианская концепция общественных отношений, которая издавна и в большей степени определяла поведение корейцев. В традиционном корейском обществе людей пожилого возраста уважают за знания и опыт, и молодежь должна вести себя соответственно.

Важность соблюдения этих отношений особенно подчеркивается в день Нового года, когда после традиционных обрядов поминовения предков члены семьи оказывают знаки уважения и совершают поклоны перед бабушками и дедушками, родителями, старшими братьями, другими родственниками и так далее в соответствии с возрастом. В сельской местности молодые люди могут отправиться к старейшинам, чтобы поклониться им в знак уважения, хотя они и не связаны родственными узами.

На встречах, вечеринках, в компаниях также действуют правила взаимоотношений между старшими и младшими, сложившиеся веками. Среди близких друзей к тем, кто раньше родился, относятся как к старшим братьям и сестрам. Общаясь со знакомыми, человек должен проявлять почтительность к людям на десять и более лет старше себя. Если разница в годах меньше десяти лет, люди обращаются друг к другу как равные. Быть внимательным, соблюдая сложившиеся общественные отношения, – неукоснительное правило поведения, его нарушение рассматривается как невежество и недостаток воспитания. Последнее считается позором для се-

ми, где рос человек, поэтому в корейском обществе не существует традиционной проблемы между «отцами и детьми», и педагогический идеал не содержит такой аспект, как научение послушанию. В Корее, пожалуй, большее внимание уделяется результатам воспитанности тех индивидуальных качеств, которые традиционно востребованы как лучшие человеческие качества, свойственные гражданину страны.

Представляет интерес также и гендерный фактор социальных отношений как влияющий на специфику структуры педагогического идеала корейцев. Согласно положениям конфуцианской этики, в основе правильных взаимоотношений между полами лежит один из пяти видов человеческих взаимоотношений – отношения между мужем и женой. Этот принцип не содержал никакой дискриминации, он просто утверждал, что и мужчины, и женщины несут определенные обязательства и должны соблюдать по отношению друг к другу определенные этические нормы. В своем практическом воплощении этот усвоенный с юных лет идеал оказывал влияние не только на мужа и жену, но и формировал отношения между полами в целом.

Для женщины существовал закон трёх послушаний: она должна была проявлять уважение и подчиняться до свадьбы отцу, после свадьбы – мужу, а после смерти мужа – сыну. Это подчинение женщины было связано не с предполагаемой слабостью или несостоятельностью, а с общим принципами организации общества. Роль женщины заключалась в том, чтобы «находиться внутри», т. е. в доме, который был ее владением. Роль мужчины – «быть вовне», т. е. участвовать во всех делах общества и в жизни, идущей за пределами дома.

В обязанности женщины входило воспитывать детей, помогать мужу в сельскохозяйственных работах, готовить еду, шить для всей семьи одежду и поддерживать в семье мирную атмосферу, создавая для мужа такие условия, чтобы он мог активнее участвовать в жизни общества. Роль женщины была строго определена, и женщины должны были ей строго следовать.

Хотя в настоящее время строгое следование возвышенным принципам конфуцианства встречается крайне редко, женщины и мужчины в Корее до сих пор признают порядок, описанный выше, что выражается не только в их поведении, но и в речи. Любовь и привязанность не должны выражаться открыто, для общения между мужем и женой нужно употреблять свои традиционные выражения и обороты речи.

В соответствии со сложившимися женскими и мужскими нормами поведения, в корейской культуре складывалось отдельное видение идеалов – мужского и женского. В «Повести о верной Чхунхин, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь», написанной неизвестным автором, героиня, девушка необыкновенной красоты, подвергается суровым жизненным испытаниям. Будучи в разлуке с любимым, она отвергает домогательства правителя, который хочет видеть ее своей наложницей. За это ее бросают в тюрьму, но и там, в голоде и унижениях, она не отступает от своей верности. В итоге ее страдания вознаграждаются встречей с любимым, который тоже перенес немало страданий. Государь возвеличил Чхунхин и пожаловал ей титул верной жены, а мужа ее похвалил за усердную службу и щедро наградил. «Вообще необыкновенная верность у замужних женщин встречается крайне редко, а тем более у певички – вот что здесь главное», – замечает автор. Он объясняет, что записал эту историю для того, чтобы такая удивительная верность служила назиданием для потомства, а еще для того, чтобы мужи, служа государю, не забывали о своих обязанностях.⁴

Мы полагаем, что образы нежных, преданных своим любимым женщин возвеличивали человеческую красоту женщины, чем предписывали родителям девочек заботу о благонравном воспитании будущей жены.

Предприняв попытку рассмотреть все доступные вниманию исследователя аспекты содержания педагогического идеала, отраженные в классической корейской литературе XV–XVIII вв., мы нашли ряд свойств, типичных для облика человека с сильным характером, которые были названы выше. Главными из них, как мы полагаем, следует считать константу – концепцию воспитания жизнестойкого человека, обладающего сильной волей (напомним, в трудах ранних корейских философов воля осмысливается как обязательное этическое начало жизнедеятельности человека). Авторитет воли воспитывается у ребенка с детства, воля в корейской семье считается одной из максим (законов морали), который невозможно нарушить ни при каких условиях. Ребенку помогают с детства усвоить такой образ действий, который проистекает из самостоятельно выработанных убеждений в справедливости максим, которым подчиняется его семья и все общество. Художественная литература выступа-

ет универсальным средством воспитания прочных основ характера, под которым понимается такая направленность личности, при которой поступки строятся по максимумам.

И. Кант писал, что «при формировании характера ребенка многое зависит от того, подводят ли его к пониманию некоего плана, некоего закона, заложенных в самой природе вещей и требующих самого неукоснительного исполнения». Также немецкий философ говорил и о том, что «нельзя попустительствовать никакому нарушению «школьных законов», всегда, однако, соизмеряя взыскание с характером их нарушителей»⁵. Корейская повесть (как и другие жанровые произведения национальной художественной литературы) в качестве такого взыскания показывают коллизии, в которые попадают «законно непослушные» герои.

Своеобразие корейского педагогического идеала заключается еще и в том, что под целью воспитания всегда подразумевается формирование надежности как условия взаимодействия человека с другими людьми. Ненадежные люди – это те, которые не ставят себе за правило поведения следование неким твердым законам. В корейских произведениях художественной литературы ненадежные люди показываются как типаж – исключение, характеры, не свойственные национальному типу, поэтому и фабула произведения, и изобразительные средства, к которым прибегают авторы при изображении, демонстрируют неприятие их и полное осуждение.

Жизнестойкость человека (что равносильно его надежности) оценивается наличием твердых намерений осуществить что-либо и способностью реализовывать намеченные планы. Эта позиция очень хорошо перекликается с мнением Канта о сущности надежного человека. «Человек, который решил что-нибудь сделать и не делает этого, не может более доверять самому себе; например, если кто-нибудь решит всегда вставать рано, чтобы заниматься или что-нибудь сделать, или совершить прогулку, и станет затем весной отговариваться тем, что поутру еще холодно и что это может принести ему вред, летом же, что поутру так хорошо спится, а сон так приятен, и так будет откладывать задуманное со дня на день, то, в конце концов, он более не станет верить самому себе»

Сказанное не относится к намерениям, противоречащим нравственности. Когда характер

⁴ Повесть о верной Чхунхин, не имевшей себе равных ни прежде, ни теперь / Пер. А. Троцкевич. С. 332.

⁵ Кант И. О педагогике / Перевод с нем. Б. М. Бим-Бада. 1963. С. 42–44.

проявляет дурной человек, это уже называется закоренелым упрямством, и его твердость в осуществлении замыслов достойна лучшего применения» (там же).

Нравственность как принцип всех поступков, как априори всех человеческих действий, всегда оставалась главным содержательным элементом в педагогическом идеале, запечатленным в корейской классической литературе. Выше уже было сказано, что честность, верность семейному и гражданскому долгу, чистая совесть, духовная развитость и есть качества, присущие героям, любимым в народе. Человек должен нравственно служить семье и обществу – таков принцип, на котором построено воспитание в традиционном представлении корейцев, что и получило свое отражение в классической художественной литературе.

Стоит подчеркнуть еще раз, что содержание педагогического идеала в художественной литературе вбирало в себя те изменения, которые происходили в общественном мировоззрении, идеологических настроениях, возникавших под влиянием социально-политических перемен в жизни корейского общества. Иллюстрацией тому – изменения в содержании педагогического идеала, происшедшие в девятнадцатом и в последующем веках, считающихся периодом упадка классического романа. Корея вошла в полосу глубоких социально-политических перемен. Открытие портов в 1884 г. и последовавшее за ними подписание договоров с великими державами ознаменовали конец «королевства – отшельника» и открыли дорогу мощному потоку западного влияния. Масштаб этих перемен хорошо иллюстрирует Чхэ Ман Сик (1902–1950) в своем рассказе «Жизнь по шаблону» (1933). Действие происходит в Сеуле. Западные туристы выходят из машины и фотографируют один из исторических памятников. Рассказчик говорит: «Если бы Тэвонгун видел это», и непроизвольно его уст коснулась улыбка. Тэвонгун был последним корейским Дон Кихотом, он пытался остановить грозу, размахивая пустой бутылкой в форме тыквы. Тявогун был символом тех сил в Корее, которые сопротивлялись западному влиянию.

В этот период в Корее зарождаются новые формы национального самосознания; их первым проявлением стало движение Тонхак (Восточное учение). Возникнув в конце девятнадцатого века, оно воплотило в себя народное негодование против коррупции и социальной несправедливости. В период до и после аннексии 1910 г. формой выражения нового национального самосоз-

нания стала литература на хангыле, которую называли синмунхик, или новая литература. Это были годы кризиса, потерянной надежды и усилившегося отчаяния. Начавшиеся процессы модернизации принесли с собой новые настроения, отмеченные резкими сменами надежд и отчаяния. Декларация президента США Вудро Вильсона о правах малых наций стала центром сплочения молодой корейской интеллигенции, получившей образование в Японии и вернувшейся на родину.

Новая литература была реакцией на засилье китайских иероглифов и китайской литературной традицией в целом. Предпочтение теперь отдавалось литературе на хангыле, следовавшей европейским традициям.

Первым показательным произведением нового жанрового направления был роман «Кровавые слезы» (1906) Ли Ин Чжика (1862–1916). Это героический роман, в котором согласно старым добрым традициям зло наказывается, а добро вознаграждается. И хотя язык его не был вполне реалистическим, он стал первым романом нового типа, а выдвинутые в нем идеи были лозунгами эпохи – свобода выбора партнера в браке, необходимость образования, призыв к просвещению и настоятельная потребность в модернизации в жизни общества.

Проекция традиционного содержания педагогического идеала на роман нового типа показывает, что глубинные идеи остаются теми же: требование движения вперед, развития разума и чувств во имя личного и общественного счастья, ставка на волевым, сильный характер. Пожалуй, новым моментом в педагогических воззрениях можно считать то, что эти идеи звучат более сильно, значимость их подчеркивается более ярко, художественные средства их выражения более колоритны.

В 1908 г. Чхве Нам Сон (1890–1957) выпустил «Сонен» («Юность»), первый журнал, представивший свои страницы литературным публикациям. Этот журнал, наряду с несколькими другими, которые выходили между 1908 и 1928 гг., служил как трибуной для молодых писателей, так и кафедрой воспитания молодежи в духе патриотизма, гражданской активности, интеллектуального развития и высокой нравственности. Главным образом в этом журнале выражались идеи национального достоинства, которое следовало развивать в созидании на благо Родины. Целостного содержания педагогического идеала на страницах литературных журналов увидеть невозможно, так как «модель жизни» не

предполагает единообразия взглядов, единственно общей чертой всех «воспитывающих» направлений можно считать побуждение к выбору пути политического самоопределения. И нужно сказать, что хотя поражение Первомартовского движения нанесло удар (идеологический, моральный, психологический) по молодежи, оно дало сильный толчок идеям «укрепления нации».

Трудно определить в такой обстановке даже контуры педагогического идеала, но тем не менее вклад художественной литературы в воспитание поколения этого времени есть, и мы попробуем его определить. Ким Дон Ин, Хен Чжин Гон (1900–1943), Ем Сан ((1897–1963) и другие начали описывать Корею, как они ее видели – мрачным, темным, грязным миром. Но эти описания не обладали силой догмы, которую невозможно превозмочь, напротив, их эффект был в том, что они способствовали формированию внутреннего регулятора в душах людей – отвращению к грязи и нравственному эстетизму.

В литературной Корее до сего времени популярен Хен Чжин Гон как лучший новеллист того поколения. Его стиль и художественные приемы напоминают Мопассана и Чехова. Типичным для него является рассказ «Удачный день» (1922), где достоверно описывается судьба бедного рикши во времена японского владычества. Это произведение заставляет задуматься об ответственности каждого за соблюдение прав человека, о границах достоинства – недостойности, которые люди должны отчетливо видеть и соответственно к ним относиться. Человек не должен быть униженным, какой бы социальный статус он ни занимал – такой гуманистический принцип несли писатели – «пессимисты» в сознание читателей.

Подобные мотивы заключены и в рассказах Ем Сан Сона – «Прежде чем прозвучало «Ура!» (1923) и «Три поколения» (1931). Эти романы с убедительной силой реализма описывают жизнь в колониальной Корее, жестокость угнетателей, нищенство и убогость существования народных масс.

Искренность, которая еще ранними философами Кореи превозносилась как первейшее нравственное качество, здесь проявляется в полной мере. Более того, она становится средством побуждения корейских людей к взгляду на самое себя, на то место, которое они занимают под гнетом поработителей. Произведения инициируют развитие чувства собственного достоинства, и в этом их воспитательная сила. Причем все общественно-политические «катаклизмы», которыми

изобилует история Кореи, не удается сломить этот принцип народного характера, хотя он и подвергается тяжелым испытаниям.

Несмотря на всю мрачность настроений, которыми пронизаны произведения пятидесятых годов, литература все же не теряет своей воспитательной, побуждающей к активным личностным преобразованиям функции. Послевоенная интеллигенция сосредоточила свое внимание на поисках свободы, стремясь обнаружить или заново раскрыть свое собственное «я», открыть самоценность отдельной личности. Поиски жизненно необходимой свободы не лишены романтического ореола, что хорошо видно в произведении Чхве Ин Хуна «Квадрат». В романе исследуются последствия войны и нелегкий выбор, который вставал перед многими военнопленными из среды интеллигенции: куда уехать после перемирия – на Юг, на Север или в какую-то другую страну?

Правомерно сделать вывод: педагогический идеал, отражение которого в рамках данной статьи исследовалось в произведениях художественной литературы на протяжении неравномерного культурно-исторического пути развития Кореи, имеет гибкую, чутко реагирующую на социальные изменения, инфраструктуру. Содержание педагогического идеала корейской литературы всегда четко отражало ту «модель жизни», которая соответствовала определенному историческому периоду в обществе. Однако при этом художественная литература Кореи оставляла за собой право самостоятельного проповедника тех идей, которые диктовали нетленные нравственные устои корейского народа. Несмотря на неизбежность отклика на те проблемы, которые ставили перед литераторами политические обстоятельства, чаще всего навязанные извне, они (произвольно или непроизвольно) возвращались к тем вопросам, которые неизбежно, на протяжении всего времени своего существования решает человечество. Вопросы чести ума и сердца, любви, преданности, благородства, силы и слабости человеческой души – все это неизменно соседствовало с острыми общественными проблемами, которые требовали обращения к себе всех мыслящих людей Кореи. Следовательно, можно сделать вывод, что содержание педагогического идеала Кореи имеет традиционное основание («ядро») и постоянно накапливающиеся «слои» социально-этических представлений, которые привносит обновляющаяся действительность.

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ И ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНОЙ ПРИНАДЛЕЖНОСТИ ЛИЧНОСТИ*

А.Р. Монсонова

Монсонова Арюна Раднанимаевна – аспирантка Бурятского государственного университета (Улан-Удэ).

Статья об идентификации личности и его этноконфессиональных коммуникациях в уникальных условиях Байкальского региона, где живут буряты (буддисты и православные), русские (христиане и староверы), шаманисты.

This article is about the identification of etnoconfessional's of the personality in the exceptional's conditions of the Baikal region, where the Buriats (Buddhists and Christians), the Russians (orthodoxsis and Russian old believers), the shamanists live.

Идентификация является важным психологическим механизмом развития и формирования личности. Если исходить из общепринятого понимания идентификации как уподобления одной личности другой, отождествления себя с другим человеком, то можно утверждать, что с помощью идентификации происходит присвоение чувств, отношений, мотивов, присущих тем людям, которых мы принимаем за образец и пример подражания. Человек может отождествлять себя не только с другим человеком, но и с идеалами, образцами, с общественными ценностями, со своими стремлениями, целями. На основе механизма идентификации происходит перевоплощение одного человека в другого, носителя привлекательных черт, свойств, направленности деятельности, интересов, мотивов, иными словами, носителя индивидуальных и социальных ценностей.

Первые ярко выраженные идентификации происходят у человека в детстве. Дети подражают родителям во всем: в манерах, речи, интонациях, одежде, занятиях, которые ими воспроизводятся, конечно, с чисто внешней стороны – они могут просиживать за письменным столом, водить ручкой по бумаге, «читать» газету, «работать» какими-то инструментами. Но одновременно они усваивают и внутренние черты родителей – их вкусы, отношения, способы поведения и чувствования. Очень ярко это проявляется в ролевых играх дошкольников, особенно при игре «в семью».

Характерная особенность процесса идентификации состоит в том, что он проходит независимо от сознания ребенка и также не контролируется в полной мере родителями. На более поздних возрастных стадиях расширяется круг лиц, из которых выбирается образец – объект идентификации. Им может стать предводитель компании, учитель, знакомый взрослый, литературный герой, известный современник, священнослужитель.

Анализ субъективных отчетов, наблюдения и специальные исследования показывают, что

принятие личностного эталона или образца имеет чрезвычайно важную психологическую функцию. Оно облегчает вхождение ребенка, подростка, молодого человека в новую социальную позицию, усвоение новых отношений, образование новых отношений и личностных структур.

В современной научной литературе все чаще встречается понятие «личностная идентичность» как составляющая процесса идентификации. В западной культуре свобода самовыражения и выбора традиционно ассоциируется с проблемой личностной идентичности, поэтому американский философ и психолог У.Джеймс выразил представление о личностной идентичности как о последовательности, непротиворечивости личности. Понятие личностной идентичности активно разрабатывается в современной зарубежной психологии. Традиционно появление термина «идентичность» в психологии связано с именем Э.Эриксона, который определил идентичность как внутреннюю непрерывность и тождественность на уровне индивидуального опыта: 1) чувство идентичности, личного тождества и исторической непрерывной личности; 2) сознательное чувство личностной идентичности основано на двух одновременных наблюдениях: восприятии себя как тождественного и сознании непрерывности своего существования во времени и пространстве, с одной стороны, и восприятии того факта, что другие признают мое тождество и непрерывность, – с другой; 3) переживание чувства идентичности с возрастом и по мере развития личности усиливается: человек ощущает возрастающую непрерывность между всем тем, что он пережил в будущем; между тем, кем он хочет быть, и тем, как воспринимает ожидания других по отношению к себе¹.

Дж. Марсиа определил идентичность как «структуру эго – внутреннюю самосоздающую»

* Поддержка гранта РГНФ (проект 05-06-88613а/Т).

¹ Эриксон Э. Детство и общество : пер. с англ. СПб. : Ленато, 1996. 592 с.

ся, динамическую организацию потребностей, способностей, убеждений и индивидуальной истории». В работах А. Ватермана в большей степени акцентируется ценностно-волевой аспект развития идентичности и автор считает, что идентичность связана с наличием у человека четкого самоопределения, включающего выбор целей, ценностей и убеждений, которым человек следует в жизни. Цели, ценности и убеждения А. Ватерман называет элементами идентичности и выделяет четыре сферы жизни, наиболее значимые для формирования идентичности: 1) выбор профессии и профессионального пути; 2) принятие и переоценка религиозных и моральных убеждений; 3) выработка политических взглядов; 4) принятие набора социальных ролей, включая половые роли и ожидания в отношении супружества и родительства.

В последние десятилетия в психологии актуализируется понятие этнической идентичности, которая рассматривается многими авторами как условие целостности и саморазвития личности (В.С. Агеев, А.А. Бучек, Е.Б. Весна, Л.М. Дробичева, Т.Ц. Дугарова, О.Л. Романова, Р.Д. Санжаева, Г.У. Солдатова, Т.Г. Стефаненко, А.В. Сухарев, В.Ю. Хотинец, М.С. Яницкий и др.). Л.Я. Гозман и А. Эткинд выразили точку зрения, что этническая идентичность может менять свою направленность и содержание в зависимости от социокультурной ситуации для поддержания и повышения самооценки личности.

Для оценки степени идентификации используются обычно две модели: линейная биполярная модель и модель двух измерений. У линейной модели этническая идентичность располагается вдоль континуума от сильной идентификации с собственной группой до сильной идентификации с группой доминантного большинства. Усиление одного вида идентичности вызывает ослабление другого, т.е. сильная этническая идентичность с собственной группой невозможна, если человек вовлечен в культуру доминантного большинства.

Согласно второй модели, этническая идентичность как со своей, так и с доминантной группой могут сосуществовать, и эти две идентичности независимы друг от друга. Сильная идентичность с обеими группами ведет к интеграции и бикультуризму. Отсутствие идентификации с какой бы то ни было группой предполагает маргинальность. Идентификация только с культурой большинства оценивается как ассимиляция, тогда как идентификация с собственной группой в полиэтническом обществе свидетельствует о сепаратизме.

Этническая идентичность – это результат когнитивно-эмоционального процесса осознания себя представителем этноса, определенная степень отождествления себя с ним и обособления от других этносов, как переживания индивидом отношений Я и этнической среды. Этническая идентичность – это не только осознание своей тождественности с этнической общностью, но и ее оценка, значимость членства в ней, разделяемые этнические чувства.

Г.Г. Шпет рассматривает этническую идентичность как переживание своего тождества с одной этнической общностью и отделения от других.

Этническая идентичность – социокультурный и социально-психологический феномен, соединяющий когнитивные и аффективные представления и переживания личности об этнических группах, возникающих в реальных актах взаимодействия со своими и с другими этносами, и проявляющийся в реальном этническом поведении как часть «Я – концепции»².

Этническая идентичность означает индивидуальное соотнесение личности с культурно-отличительной общностью. Этническая общность – группа людей, члены которой имеют общее название и элементы культуры, обладают мифом (версией) об общем происхождении и общей исторической памятью, ассоциируют себя с особой территорией и обладают чувством солидарности. По сути, основным в феномене этничности является понятие идентичности, близкое по смыслу понятию этническое самосознание в русскоязычной литературе.

Вопрос о соотношении понятий «этническое самосознание» и «этническая идентичность» рассмотрен Г.У. Солдатовой. В широком междисциплинарном ракурсе эти понятия нередко рассматриваются как тождественные. Однако этническая идентичность вовсе не является синонимом этнического самосознания. С одной стороны, этническая идентичность уже. Это когнитивно-мотивационное ядро этнического самосознания. С другой – шире, так как содержит в себе слой бессознательного. В силу этих различий этническая идентичность выступает как главная характеристика и форма этнического самосознания, а так же как его «изнанка» – этническое бессознательное³.

² Идентичность : хрестоматия / Сост. Л.Б. Шнейдер. М. Воронеж : Модэк, 2003. 272 с.

³ Шпет Г.Г. Психология социального бытия. М. Воронеж : Модэк, 1996. 494 с.

Этническое самосознание включает идентификацию индивида с определенной этнической общностью на основе осознания своей принадлежности к определенному народу. Этническое самосознание – социально-психологический результат эмоционально-когнитивных и ценностных процессов этнической идентификации. Этническая идентификация – психический процесс, с помощью которого индивид (или группа) определяет, к какому этносу принадлежит другой индивид (или группа).

Этническая самоидентификация – процесс включения человеком себя в определенную этническую группу. Сохраняет свою значимость данное М. Вебером определение этнической группы: это такая группа, члены которой обладают субъективной верой в их общее происхождение по причине схожести физического облика или обычаев, или того и другого вместе, или же по причине общей памяти о колонизации и миграции.

Этническая самоидентификация – сознательный акт этнического самоопределения человека в контексте отнесения себя к конкретной этнической общности.

Самоидентификация является основным психологическим механизмом в восточной традиционной культуре при обучении в системе «учитель–ученик», что нашло отражение в буддийской концепции учителя «Йога ламы».

Основные положения концепции изложены в сочинении Цзонкхавы (1357–1419) «Лам-рин чен-по». Йога ламы имеет два уровня практического претворения. В узком значении она подразумевала усиленную форму почитания духовного учителя вплоть до созерцания его как божества или будды и являлась обязательной частью в школьных программах и обрядовых действиях. В широком смысле йога ламы как государственная идеология теократической монархии применялась для воспитания культа, духовенства в целом. Образ личного наставника в этом случае терял свою конкретность и становился собирательным знаком духовной иерархии во главе с Далай-ламой. В психофизических упражнениях образ личного наставника служил для концентрации сознания на первых ступенях созерцания.

Содержание йоги ламы текстологически опирается на традиционное в восточных школах благоговейное отношение ученика к учителю. Судя по отрывкам из канонической литературы, цитируемым Цзонкхавой, эти отношения, несмотря на некоторую экзальтированность формы выражения, все же не выходили за рамки прояв-

ления естественных для благодарного ученика чувств уважения, признательности и любви к своему учителю. Например: «Он (учитель) отыскивает меня, давно блуждающего в круговороте, будит меня спящего, омраченного в течение долгого времени неразвитостью, вытаскивает меня, тонущего в море суеты; указывает хороший путь мне, идущему дорогой; освобождает меня, скованного в темнице суетного мира; излечивает меня, долго страдающего болезнями; он (учитель) является дождевым облаком, успокаивающим меня, охваченного целиком огнем страсти и прочее...».

Буддийская концепция об учителе чрезвычайно широка; любой, от которого некто узнает что-либо, будь это единственный слог, является для некто учителем. Родители – самые первые учителя. В тибетском буддийском двустиишии говорится: есть, сидеть, ходить подобающим образом – этим трем умениям ребенок обучается родителями. Концепция Будды об обязанностях учителей и учеников изложена в «Сиголавада Сутте»:

Учитель должен: 1) проявлять любовь к ученику; 2) учить его достойному и хорошему поведению; 3) старательно обучать его, наделять знанием наук и мудростью древних; 4) хорошо отзываться об ученике его друзьям и родственникам; 5) оберегать его от опасности.

Ученик должен: 1) помогать учителю; 2) стоять в его присутствии и обслуживать учителя; 3) слушать то, что говорит учитель с почтительным вниманием; 4) исполнять обязанности, необходимые для покоя ученика; 5) тщательно следовать рекомендациям учителя.

Эти правила определяли отношения между учителями и их последователями в мирской жизни, но и эта же Сутта являет собой круг обязанностей между религиозными учителями и их последователями. Таким образом, придается особое значение этическому содержанию того, что изучается и, что более важно, правила распространяются и на приверженцев, чтобы они стали доступнее (более открыты) своим учителям.

В обоих случаях светского и религиозного образования правила, одинаково касающиеся ученика и последователя в отношении учения, очень важны, так как основаны на гуманистических принципах.

Будда не проявлял пристрастного отношения к авторитету учителя. Пристрастность могла бы идти в разрез с его собственными основными принципами бесспорного права каждого человека иметь собственное мнение, свое отношение.

Подход Будды к учению как к свободному нестереотипному занятию интеллектуальной деятельностью был красноречиво выражен в Калама Сутре, где он сказал: «Не верь в то, что услышал. Не верь в традиции только потому, что они завещаны многим поколениям. Не верь во что-то только потому, что оно распространяется и говорится многими. Не верь только потому, что это соотносится с твоим священным писанием. Не верь домыслам. Не принимай что-либо по явному выходу. Не принимай ничего, не учитывая причин. Не верь во что-либо только потому, что это соотносится с твоим пристрастием. Не соглашайся только потому, что это кажется приемлемым. Не полагайся на авторитет учителей и старших, зная, что они уважаемы. Но когда осознаешь, наблюдая и анализируя, что эти понятия этичны, безупречны, мудры, выполнимы, ведут и способствуют благополучию и счастью каждого и всех, тогда восприми и живи согласно им».

Современная буддийская педагогика во многом сохранила образовательные традиции, что видно из результатов нашего исследования студентов высших буддийских институтов.

В исследовании приняли участие 60 студентов (50 юношей и 10 девушек) Буддийского института (БИ) «Даши Чойнхорлин» при Иволгинском дацане (Республики Бурятия) и Агинской Буддийской Академии (АБА) в Читинской области, возраст которых 20 ± 5 лет. Институты созданы для обучения студентов-хувараков основным законам буддизма, философии, богослужения и религиозным обрядам, истории буддизма, иностранным языкам (тибетскому, монгольскому и английскому), в АБА открыт факультет восточной медицины, на котором учатся и девушки.

Основными целями и задачами деятельности институтов являются:

- подготовка лам и других служителей буддийских храмов;
- подготовка врачей восточной медицины;
- методическое руководство, помощь школам и другим учебным заведениям данного профиля;
- подготовка специалистов по теологическим наукам: астрологии, философии, искусству, включая живопись;
- подготовка и повышение квалификации переводчиков тибетского, монгольского, китайского, японского и других классических языков востока;
- организация и проведение научно-исследовательских работ в области подготовки и пере-

подготовки лам и других служителей и специалистов;

– организация и проведение публичных лекций, семинаров и бесед, других форм общения с населением.

Организация учебного процесса проходит на основе планов и программ, утвержденных Советом центра буддизма.

Институт имеет следующие основные факультеты: канонический, философский, медицинский, астрологический, на которых изучаются такие основные предметы, как: ламрин (вопросы философского диспута), канонические сутры, история буддизма, психология, социология.

Психокультурные особенности действия механизма идентификации, этнопсихологические особенности личности проявляются по тесту межличностных отношений Т. Лири в результатах исследования студентов БИ и АБА (Буддийского института и Агинской Буддийской академии). Особая роль механизма идентификации в рамках традиционной культуры очевидна. По первым трём октантам у студентов БИ и АБА выявлены положительные значимо выраженные связи. Данные показывают сильное влияние механизма идентификации для начинающих студентов-священнослужителей.

Значимые корреляционные связи обнаружены по шкалам VII (дружелюбия) и VIII (альтруизма), что можно объяснить этапом целеполагания в начале профессионального становления. Эти показатели коррелируют с показателями мотивации обучения: устойчивостью мотива, его динамикой, развитием мотива. Результаты по тесту Т. Лири студентов IV курса отличаются от показателей студентов I курса: данные показывают действие механизма динамического равновесия, сбалансированности личностных качеств с эталонными.

Октанта V (подчиняемость) для студентов IV курса более значима ($r = 0,714$ при $p < 0,05$).

Результаты механизма идентификации и возрастных особенностей испытуемых показывают, что есть различия во влиянии данного механизма на студентов I и IV курсов, но обнаружены и общие тенденции. Например, независимо от возраста студенты БИ и АБА не приемлют агрессивности, о чём свидетельствуют значимые отрицательные корреляционные связи по шкале агрессии. Большинство из полученных корреляций в основном характеризуют тесноту связи признаков идентификации и готовности к деятельности.

Результаты исследования в группе студенток-девушек АБА и показатели юношей-первокурсников имеют значительные различия в проявлении механизма идентификации. Малое количество значимых корреляционных связей у девушек можно объяснить отсутствием конкретного эталона для подражания, так как они являются первыми представительницами женщин в буддийском храме. В отличие от юношей, которые имеют личного наставника, девушки их не имеют, так как нет женщин-настоятельниц храма (в г. Улан-Удэ сейчас открыт женский монастырь).

В имплицитной модели эталона ламы-врача, представленного девушками, ярко проявилась основная психологическая характеристика женщин – эмпатия (способность к сопереживанию). Это видно из того, что значимые связи обозначились только в VIII октанте альтруизма.

Таким образом, анализ тестовых результатов выявил существенные психологические половозрастные особенности студентов БИ и АБА. Обобщенные показатели всего массива студентов характеризуют их следующим образом. Для студентов – будущих лам – действенным механизмом формирования готовности к деятельности является механизм идентификации, так как высокие коэффициенты обнаружены в пятой октанте подчиняемости. Это подтверждают результаты факторного анализа: самый большой факторный вес по октанте подчинения. С этими фактами связана выраженная связь по октанте зависимости. Эти характеристики не противоречат с традиционными требованиями их будущей профессии. Высокий коэффициент корреляции ($r = 0,719$ при $p < 0,01$) обнаружен по октанте дружелюбия, значимые связи по октанте альтруизма.

Факторный анализ подтверждает результаты корреляционного анализа по двум основным факторам: доминирования – подчинения и агрессивности – дружелюбия – данные респонденты характеризуются подчинением (фактор А) и дружелюбием (фактор Б). Обнаружена тенденция испытуемых уравнивать различные характеристики, искать между ними компромисс, в чем мы видим еще раз проявление механизма динамического равновесия («срединного пути»).

Механизм идентификации требует от обучающихся определенного уровня оценки и самооценки. Уровень сформулированности оценочной готовности мы выявляли по методике личностного дифференциала (ЛД), построенного на основе семантического дифференциала Ч. Остуда. Многие исследователи соотносят основные факторы теста Т. Лири – доминирование – подчинение и дружелюбие – агрессивность с двумя из трех главных осей семантического дифференциала: оценкой и силой.

Рассмотрим результаты двух обобщенных групп: 1) студенты БИ и АБА и 2) девушки-студентки АБА.

По фактору О (оценки) студенты БИ и АБА показали адекватную самооценку (у девушек она выше), они принимают себя как личность, склонны осознавать себя как носителей позитивных, социально желательных (этнических) характеристик, в определенном смысле они удовлетворены собой. Можно предположить, что эта удовлетворительность во многом определяется выбором высоко значимой профессии, достаточным уровнем психокультурной готовности к деятельности. Низкие значения фактора силы (С) у юношей – студентов БИ свидетельствуют о зависимости от внешних обстоятельств и оценок. Фактор активности (А) интерпретируется как свидетельство об экстравертированности. В данном случае такая характеристика относится к девушкам – студенткам АБА, тестовые показатели которых намного выше среднего значения. Этнопсихологическими особенностями личности можно объяснить низкие показатели активности у юношей – студентов, которые выражаются в интравертированности, определенной пассивности, в спокойных эмоциональных реакциях, что способствует требованиям их деятельности в контексте буддийского понятия «не - деяния».

Искреннюю благодарность и почитание мы выражаем глубокоуважаемому главе Буддийской Сангхи России, Хамбо – ламе Дамбе Аюшиеву за разрешение данного исследования, ректору Агинской Буддийской Академии Бабу-ламе Чимитдоржиеву, ламам высокого сана, получившим образование в Монголии, Индии, Тибете, за их участие в исследовании. Результаты показали высокий уровень их личностного роста, внешней и внутренней саморегуляции.

СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, ПРАВО

ГЕОПОЛИТИЧЕСКОЕ СТРУКТУРИРОВАНИЕ ПОСТСОВЕТСКОГО ПРОСТРАНСТВА

В.В. Хобта, С.В. Синякин

Хобта Валерий Валерьевич – доцент кафедры экономики и управления филиала Тихоокеанского государственного экономического университета.

Синякин Станислав Валерьевич – доцент кафедры политологии, культурологии и истории Уссурийского государственного педагогического университета.

В статье идет речь о геополитическом положении России, в котором она оказалась после крушения СССР. А также рассматриваются вопросы, связанные с геополитическими приоритетами страны на постсоветском пространстве. Анализируется процесс формирования национально-государственных интересов России в соответствии с геополитическими возможностями государства.

The article deals with the geopolitical status of Russia, in which it has found itself after the collapse of the USSR. Some questions related to the nation's geopolitical priorities in the ex-Soviet region are reviewed. The process of formation of Russia's national and state interests is analyzed according to the nation's geopolitical capabilities.

Кризис современной цивилизации, носящий явные черты глобального и геокосмического, социотехногенного феномена (кризис в России и бывших странах социалистического лагеря составляет органическую часть этих процессов) пока совершенно недостаточно осознан мировым сообществом. Об этом, в частности, свидетельствует отсутствие крупномасштабных международных программ, направленных на изучение, прогнозирование, профилактику и коррекцию кризисных явлений («катастрофизмов»).

Страна никогда не будет преуспевающей, если не будут решены обоюдно проблемы региональной, экономической, экологической и социальной политик, а также проблемы, связанные с геополитикой. В то же время, если, например, проблемы экономики, экологии и культуры можно решить совместно с другими государствами, то геополитические проблемы необходимо решать одному государству, так как это – жизненные интересы.

Осознание Россией своей новой роли в изменяющемся мире требует определения ее долгосрочных перспектив, выбора ближайших и отдаленных приоритетов, формирования обратной связи, регистрирующей вектор движения страны и меру его расхождения с намеченной траекторией. Необходима доктрина национальной безопасности, рассчитанная хотя бы на четверть наступившего XXI в. Используя методологию Л.Н. Гумилева оценки фаз этногенеза, можно констатировать, что российский, славянский суперэтнос вступил в период устойчивой депопуляции, что убедительно демонстрирует государ-

ственный доклад «О состоянии здоровья населения Российской Федерации»¹. Как свидетельствуют его материалы, следующее поколение окажется трудоспособным не более, чем на 30 %². К этому следует добавить разрушение новых технологий, снижение до минимального уровня потребности в работниках высокой и высшей квалификации, массовую деинтеллектуализацию. Очевидно, что одна из задач, стоящих перед разработкой доктрины национальной безопасности, – научный анализ причин такой динамики, определение мер, способных хотя бы частично блокировать (по крайней мере) наиболее опасные тенденции.

Национально-государственные интересы формируются в соответствии с геополитическими параметрами и ресурсными возможностями государства. Место любого государства в мире определяется не только той совокупностью ресурсов, которыми оно располагает на данный момент, но и принятыми в этом государстве способами и методами управления ресурсами и теми стратегическими целями, которые ставит перед собой государство. То есть геополитика и тесно связанная с ней политическая регионалистика выполняют обслуживающие функции стратегического управления. Они предоставляют методики социально-экономического и географического анализа вариантов развития какой-либо территории. Каждое государство должно выработать

¹ Н. фон Крейтор. Геополитика «Холодной войны» // <http://www.chat.ru/~helicopt/gu/>; New-York. USA.

² Основное положение военной доктрины Российской Федерации // Известия. 1993, 18 ноября.

собственную модель эффективного управления и обеспечения безопасности, наиболее подходящую на определенном этапе исторического развития.

В России накоплен достаточный теоретический и практический опыт для самостоятельного критического анализа причин кризиса общественного развития и определения путей его преодоления. Геополитическая теория евразийства, на наш взгляд, является первой завершенной геополитической системой в истории политических учений России. Основные идеи евразийского учения в своей сути соответствуют современным научным представлениям о путях и формах развития мирового сообщества. Само имя евразийцев – географическое, их учение ориентируется на территориальные категории и потому приобретает прежде всего геополитическое измерение. Следовательно, сегодня в России есть предпосылки для разработки неоевразийского проекта, который станет основой выработки нашим государством стратегической программы и сыграет роль системообразующего фактора отечественной системы стратегического управления.

Интерес к евразийству направлен на решение следующих геополитических проблем:

- 1) федеративное устройство и региональная политика России;
- 2) модель межгосударственных отношений участников СНГ;
- 3) модель внешней политики России.

Классики геополитики – немецкие ученые Ф. Ратсель, К. Хаусхофер, шведский ученый Р. Челлен, английский ученый Х. Маккиндер, несмотря на глубокие расхождения в своих идеологических и политических предпочтениях, были согласны относительно базовой, основополагающей геополитической картины мира – противостояния двух типов цивилизаций – морских и континентальных. Понятие «континентальная цивилизация» определялось такими признаками как материковая, авторитарная, развивающаяся в основном на внутренних пространствах континента. Говоря о континентализме, наряду с разбором западных геополитических теорий, ученые рассматривают и геополитическую доктрину П.Н. Савицкого (1895–1968), являющегося не менее крупной фигурой в этой отрасли науки, чем перечисленные западные представители.

На основе изучения геополитической концепции евразийства мы предполагаем создание новой модели региональной политики России, межгосударственных отношений участников СНГ и внешнеполитической стратегии России.

Выделим основные принципы евразийской геополитики П. Савицкого.

1. Отношение народа к природе «месторазвития» выражается через историческое самосознание; общество и природу связывает «организационная идея», пребывающая в материи, но не деятельности.

2. «Месторазвитие» как географический индивидуум (культуро-личность), наделенный «внутренней логикой», сам творит, производит свою историю. Народ лишь его органическое приложение.

3. Государство создает «организационная идея», правда, народ является посредником, т.е. ее носителем.

4. Культурные традиции сами по себе вырастают из ландшафта³.

Следует учитывать, что страна в корне не может менять сложившиеся модели территориального управления, необходимо соблюдать их определенную преемственность. В Российской империи имел место процесс культурной ассимиляции национальных элит. В настоящее же время мы наблюдаем пестование их обособленности. Это – непосредственная причина распада СССР. Сами же большевики заложили его основы⁴. Во-первых, можно констатировать идеологический фактор. Многонациональное союзное государство создавалось при признании «права наций на самоопределение». Границы федеративных республик строились не по территориальному принципу, а по национальному. Во-вторых, административно-территориальные преобразования 1924–25 гг. (так называемое «национально-территориальное размежевание») привели к этнополитическим конфликтам и геополитическим сложностям сегодняшних дней. Следствие этих событий – масштабный процесс сепаратизма, охвативший все постсоветское пространство, приведший к тому, что десятки тысяч километров административных границ огромного государства были декларированы как государственные. Попытки вложить этническое содержание в концепцию государственных рубежей приводят к неприятию границ, установленных произвольно, во многом без учета специфики регионов, культурно-исторических факторов.

³ Матвеева А.М. Парадоксы отечественной геософии как варианта геополитической теории начала XX в. // Гуманитарные исследования. Альманах. Вып. 7. Уссурийск, 2004. С. 3175.

⁴ Делягин М. Десять лет, которые потрясли мир. Итоги распада СССР для России и человечества // АПН, 14 декабря 2001//www.ucpb.org.

Хотя Федеративный договор и Конституция РФ заложили фундамент нового демократического государства, необходимо привести действующее законодательство в соответствие с реалиями современного переходного состояния общества, с изменениями социально-экономической и политической систем.

Явный правовой нонсенс содержится в Основном Законе: принцип целостности государства находится в противоречии с правом субъекта Федерации на выход из ее состава. В таком случае Россия приобретает признаки конфедерации. Обоснованную критику вызывает сочетание национально-территориального принципа формирования страны с административно-территориальным. Причем разграничение полномочий структур государственной системы может осуществляться не только на основе Конституции, но и на базе Федеративного или иного договора между субъектами Федерации.

В борьбе с сепаратизмом решающая роль принадлежит средствам массовой информации, которые обязаны не только информировать население, но также демонстрировать свою роль объективных защитников государственного порядка и стратегических государственных программ.

Возрастание значения информационно-управленческого компонента в потенциале современного государства увеличивает его зависимость и, следовательно, делает более уязвимым для противника (его возможных воздействий на информационный ресурс).

Традиционно опорой геополитической мощи России были хорошо освоенные центральные районы страны с их относительно развитой инфраструктурой энергетики, связи и транспорта и достаточно однородным русским населением. Эта часть территории вносила наибольший вклад в обеспечение военной безопасности государства, так как здесь сосредотачивалась главная группировка вооруженных сил, основная масса трудовых ресурсов и основной военно-промышленный потенциал страны.

Вместе с тем до последнего времени в рамках контролируемого Россией пространства остались обширные территории, ресурсы которых так и не введены в полной мере в оборот и, к тому же, центральная власть часто здесь имела только формальное значение.

Государственная стратегия повышения территориального управления должна быть ориентирована на поддержание достаточного уровня жизни населения, на обеспечение единства экономического пространства, формирование усло-

вий для устойчивого развития реального сектора российской экономики. Эти цели должны быть не только поняты, но и одобрены всеми политическими силами общества.

В современных условиях особенно велика роль государственного регулирования экономики, так как его важнейшей функцией является обеспечение экономической безопасности страны во многих значениях этого понятия, включая и защиту граждан от инфляции, криминала и несправедливой экономической дифференциации. Но в первую очередь экономику, да и само существование страны необходимо оберегать от «добрых» и «цивилизованных» соседей, которых нищая, разоренная Россия устраивает больше, чем могучая, независимая и самостоятельная держава.

Вынужденное сокращение экономических взаимоотношений России со странами СНГ оказывает негативное влияние только на состояние экономической безопасности России, но и на состояние экономической безопасности стран Содружества. В суверенных государствах последовательно продолжается поиск новых связей в дальнем зарубежье. Новые государства стали преодолевать кризис с помощью привлечения западных инвестиций в добывающие отрасли, в «грязные» производства путем продажи месторождений полезных ископаемых и стратегически важных предприятий. Мировые державы и сопредельные страны предоставляют государствам Содружества подавляющую долю кредитов, расширяют свое участие в управлении предприятиями, в разработке и реализации инвестиционных программ (в том числе и имеющих стратегическое значение).

Страны Центральной Азии и Закавказья втягиваются в геополитические блоки, соперничающие с Россией в этом регионе, который нередко называли мягким «подбрюшьем» Евразии. Налицо явное стремление Турции взять на себя особую роль в мусульманских странах СНГ. Активно действуют здесь и некоторые другие страны Среднего Востока, включая Иран, Пакистан, Саудовскую Аравию и даже Афганистан. Также Китай стремится расширить зону своих интересов за счет слабости России. И ко всему прочему, в этих районах усилились позиции западных держав. Делаются попытки из ряда бывших республик СССР, недовольных чрезмерной ролью России в СНГ, сколотить своего рода противовес Москве, в частности чаще других называют «Ось ГУУАМ» (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова).

Современный интеллектуальный авангард России должен основательно проанализировать пантюркистские и панисламистские проекты и противопоставить им евразийский проект, который мог бы быть обеспечен мощными системами поддержки в сфере экономической, сырьевой, инфраструктурной политики, а также политики в отношении науки, культуры, образования.

Современная внешнеполитическая ситуация на дальневосточных рубежах России заставляет ее иметь жесткую геополитическую доктрину, позволяющую отстаивать национальные интересы. Продуктивной, на наш взгляд, была бы геостратегия, основанная на комплексном развитии всех геополитических составляющих жизни регионов Сибири и Дальнего Востока с привлечением капиталов и рабочей силы заинтересованных стран: Японии, Кореи, Китая, Индии, США и стран СНГ. Интернационализация развития Сибири и Дальнего Востока предотвратит одностороннюю китаизацию этих регионов. Безусловно, деятельность интернациональных компаний должна находиться под жестким контролем правительства Российской Федерации. Пока же Россия в этом стратегически важном регионе выступает как самая слабая страна, отнюдь не как сверхдержава.

Необходимо создание прочной законодательной базы, обеспечивающей условия для долгосрочного развития страны за счет более полного и сбалансированного использования внутренних ресурсов и защиту экономической безопасности, предотвращающей возможность экономически развитым странам вторгаться практически в любые сферы российской экономики.

Отправным пунктом евразийской геополитики является представление о России – Евразии как о самодостаточном, самовоссоздающемся этносе и особом типе культуры, замкнутом в себе и одновременно перманентно разворачивающемся во вне. Евразийская геополитика представляет собой концептуализацию стратегических, культурных и духовных интересов «географической оси истории» – России.

Опыт разумного государственного управления, накопленный в России за ее многовековую историю, должен быть предметом серьезного изучения и использован в укреплении институтов власти страны с учетом геополитической ситуации в мире. Актуализироваться евразийская идея будет в тесной связи с разработкой концепции современного политического образования, с требованиями, касающимися обеспечения защитительной функции политической культуры.

ЦЕНТР И ПЕРИФЕРИЯ В ПРОЕКЦИИ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: МЕЖДИСЦИПЛИНАРНЫЙ ПОДХОД

А.Ю. Завалишин

Завалишин Андрей Юрьевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук Хабаровской государственной академии экономики и права.

В статье рассматривается сущность категорий «центр» и «периферия» с позиций экономики, социологии, экономической географии. Представлены связь между внепространственным (трансцендентальным) и территориальным пониманием центра и периферии, их проекция на формы социально-экономического поведения территориальных общностей, динамика данных форм в континууме «ядро (центр)–полупериферия–периферия». Обозначены специфика системы отношений «центр–периферия» в России и место Дальневосточного региона в данной системе.

The article deals with the consideration of essence the categories «centre» and «periphery» from positions of economy, sociology, economic geography. There are submitted connection between not spatial (transcendental) and area understanding of the centre and periphery, their projection to forms of the territorial communities social and economic behaviour, dynamics of the given forms in a continuum «core (centre) – semi-periphery – periphery». There are designated specificity of relations system «centre – periphery» in Russia and a disposition of the Far Eastern region in the given system.

Существенный рост взаимозависимости и, что особенно важно – взаимовлияния государств и народов друг на друга в современном глобализирующемся мире актуализировал в последние два десятилетия научный и практический интерес к проблеме взаимодействия центра и периферии как на общемировом (глобальном), так и межстрановом, внутригосударственном (макро- и медиарегиональном), и местном (локальном) уровнях. Среди широкого спектра задач, решаемых исследователями в этом плане, немаловажное значение имеет выявление факторов, опосредующих формирование устойчивых во времени и локализованных в пространстве паттернов социально-экономического поведения (территориального поведения¹), характерных для центра/периферии и воспроизводящих систему отношений «периферия – центр» на протяжении поколений.

Особенно важны такие исследования для современной России, в которой после распада СССР происходят сложные и во многом противоречивые процессы, связанные с возникновением и институционализацией новой структуры данных отношений, осложненные делинеацией государственных границ, связанных с этим изменением геополитического положения государства, кардинальными преобразованиями политического режима и экономики. На фоне декларируемого властью курса на создание демократического правового государства особенно актуальным, на наш взгляд, является поиск путей институционализации паттернов автономного территориального социально-экономического пове-

дения, обеспечивающих реализацию широко артикулированного, но пока мало обеспеченного политически и экономически права территориальных (региональных) социумов на самостоятельное решение региональных (локальных) проблем.

Вопрос о мере автономности (субъектности) социального (и в том числе – территориального) поведения в России отнюдь не праздный. На протяжении столетий в социальном пространстве русской государственности формировался подданнический тип социально-политического и социально-экономического поведения, характеризующийся крайним этатизмом (воплощенном в идее преобладания интересов государства над интересами общества и личности), патриархальностью (готовностью подчиняться любому «начальству», как воплощению Власти и Закона (не в юридическом, а в сакральном смысле – закона как «божьего порядка»)), вождизмом (архетипическим представлением, глубоко укорененным в российской ментальности, что государь, генеральный секретарь, президент – непогрешимые небожители, радеющие о своем народе), патернализмом (ожиданием, что государство, власть существуют для того, чтобы помогать людям в решении их повседневных проблем).

В разные периоды российской истории степень субъектности участников социального перформанса была различной. Причем, как отмечают многие исследователи, беспрекословное повиновение у русского человека самым парадоксальным образом сочеталось с готовностью к бунту «бессмысленному и беспощадному». Россиянин перманентно демонстрировал стремление подчиниться «твердой руке», а любые демократические свободы воспринимал как слабость власти, провоцировавшей его на «волю», фактически – полную анархию. Не случайно все рос-

¹ См. подробнее: Завалишин А.Ю., Рязанцев И.П. Территориальное поведение: Опыт теоретико-методологического анализа // Социологические исследования. 2005. № 10. С. 83–92.

сийские реформаторы, начиная с Александра II и до Б.Н. Ельцина, стремившиеся «насадить» в России пусть ограниченную, но все же демократию, терпели поражение и вынуждены были (если не они сами, то их преемники на вершине власти) «закручивать гайки». Тем не менее нельзя не признать, что власть во всей ее иерархической ипостаси в принципе не способна контролировать и направлять все или даже значительную часть действий социальных субъектов. Причем в большинстве случаев это не только не приводит к бунту, но и сколько-нибудь заметному росту уровня фонового девиантного поведения. На наш взгляд, территориальные общности (как и общество в целом) демонстрируют высокую способность к самоорганизации и обеспечению эффективного социального контроля в значительной степени за счет устойчивого воспроизведения паттернов территориального поведения, складывающегося в системе отношений «периферия–центр». При этом характеристики территории, обозначаемые данными категориями, непосредственно включаются в структуру социального поведения через их рефлексию участниками социальных взаимодействий.

Однако прежде чем обратиться к анализу этих отношений и соответствующих им образцов территориального поведения, необходимо уточнить смысл, вкладываемый в категории *центр* и *периферия* в данном исследовании.

Центр и периферия: концептуализация категорий

Идея о наличии и определенном взаимодействии центра и периферии возникла в общественной мысли Европы еще во времена античности. Проблемы связей и взаимовлияния греческих полисов, Рима и провинций Римской империи, древних средиземноморских цивилизаций и германских и кельтских племенных объединений в различных аспектах поднимались многими мыслителями греко-римского мира.

В период Нового времени в связи с географическим расширением Европейской цивилизации, появлением метрополий и колоний проблема взаимодействия центра и периферии обсуждалась в категориях евроцентризма, а со второй половины XIX – начала XX вв. – в проекции многочисленных теорий модернизации. В различных своих аспектах она нашла отражение в трудах выдающихся философов и социологов конца XIX – начала XX в.: А. де Токвиля, М. Вебера, Ч. Кули, Дж. Сореля, У. Томаса, Ф. Знанецкого, Р. Парка и многих других, притом, что сами исследователи данными терминами, как правило, не пользовались.

В 1950–1990-е гг. проблема взаимодействия «периферия–центр» привлекла внимание ряда экономистов и представителей экономической социологии, в частности, Дж. Фридмана, И. Валлерстайна, С. Уивера² и др. В 1980–1990-е гг. ряд зарубежных исследователей, отталкиваясь от идей И. Валлерстайна, провели эмпирический анализ политико-экономического взаимодействия центра и периферии на уровне мировых регионов (Западно-европейского, Азиатского, Африканского, Латино-американского³ и др.).

В отечественной науке проблемы взаимодействия центра и периферии привлекли внимание исследователей (первоначально географов) еще в 60–80-е гг. XIX в., когда возникла так называемая центрография, предметом изучения которой стала историческая асимметрия территории России (несовпадения ее гео- и демоцентров). В 1920-е – 1930-е гг. в отечественной экономике и экономической географии сложились теоретические основы планового размещения производительных сил (объективировавшие проекцию экономики на систему отношений «периферия – центр»). В качестве генеральной стратегии развития Советского Союза был принят курс на социально-экономическое выравнивание регионов нередко в ущерб экономической эффективности.

В начале 1960-х гг. интерес к экономико-социологическому исследованию регионов СССР заметно активизировался в связи с пространственной мультипликацией социально-экономического планирования и управления, предпринятой по инициативе Н.С. Хрущева. И хотя уже в середине десятилетия региональные Совнархозы были ликвидированы, научный и практический интерес к регионалистике в нашей стране не уменьшился. В 1970-е – 1980-е гг. одним из главных ее лозунгов стал «сдвиг на вос-

² См.: Friedmann J. Regional Development Policy. Boston: Mass. Inst. Techn., 1966; Wallerstein I. The Modern World System. V. I–III. N.-Y.: Academic Press, 1974–1989; Weaver C. Regional Development and the Local Community: Planning, Politics and Social Context. Chichester: John Wiley and Sons, 1984.

³ См.: An Explorations of India: Geographical Perspectives on Society and Culture / Ed. by D.E. Sopher. L.: Longman, 1980; Chanan G., Vos K. Social change and local action: Coping with Disadvantage in Urban Areas. Dublin, 1989; Changing Central-local Relations in China: Reform and State Capacity / Ed. by Jia Hao, Lin Zhimin. Boulder: Westview press, 1994; Kopardekar H.D. Social Aspects of Urban Development: A Case Study of the Pattern of Urban Development in the Developing Countries. Bombay: Popular prakashan, 1986; Latin America / Ed. by E.R. Archetti. Basingstoke; London: Macmillan education, 1987; Local Government in the Third World: The Experience of Decentralization in Tropical Africa / Ed. by Ph. Mawhood. 2d ed. Pretoria: Africa inst. of South Africa, 1993.

ток» (ориентация на преимущественное развитие восточных, малозаселенных и малоосвоенных, но богатых ресурсами территорий государства). В 1990–2000-е гг. региональные исследования особенно интенсифицировались в связи с начавшимся в стране процессом регионализации. В те же годы, наряду с продолжавшимися исследованиями регионального развития и управления, появляются работы, акцентирующие внимание на взаимодействиях типа «центр–периферия», «центр–регионы»⁴.

Вместе с тем о недостаточной разработанности категорий – *центр, периферия, регион* – свидетельствует тот факт, что разные исследователи как в России, так и за рубежом используют их в контекстах, имеющих существенные концептуальные различия. Наиболее сложна в этом плане дефиниция категории – *центр*. Можно выделить, по крайней мере, три значения, в которых она используется: 1) центр как географический координат, относительно равноудаленный от границ данного территориального образования (центрография); 2) центр как внепространственный трансцендентальный идеал или сила (*power*), интегрирующий и институционализирующий общество или его сегмент и противостоящий периферии, имеющей как материальное (географическое пространство), так и нематериальное (социальное пространство) содержание (Дж. Сорель, Э. Шилз); 3) центр как тип региона, обладающий более высокими социально-экономическими и иными характеристиками в сравнении с регионами периферийного типа (в этом значении И. Валлерстайн использует когерентную ему категорию *ядро (core)*).

Отправным пунктом для нашего последующего анализа послужит основанная на методологии структурного функционализма концепция центра и периферии Э. Шилза, разработавшего данные категории на протяжении более чем 50 лет и, возможно, первым использовавшего их в социологии⁵.

⁴ См.: Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. М.: Наука, 1991; Долгов В.В. Формирование российской государственности: разнообразие взаимодействий «центр–периферия» (этнокультурный и социально-политический аспекты). Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2003; Доленко Д.В. Территориальное устройство общества: социально-политический анализ. Саранск: НИИ регионалогии, 1993; Карнишина Н.Г. Центр и регион: Исторические модели взаимодействия. Пенза: Изд-во Пенз. ГУ, 2003; Рязанцев И.П. Социально-экономические отношения «регион–центр»: теория, методология, анализ. М.: Изд-во МГУ, 1998 и др.

⁵ См.: Shils E. Center and Periphery: An Idea and Its Career, 1935-1987 // Center: Ideas and Institutions / Ed. by L. Greenfield and M. Martin. Chicago; London: The Univ. of Chicago Press, 1988. P. 250–282.

С точки зрения Э. Шилза, центр и периферия – категории не пространственные и не географические. Однако рефлекслируемое обыденным сознанием совпадение *центра* с центром государства, дислоцированным в столице (столичном регионе) приводит к устойчивому заблуждению относительно его географической детерминированности. Фактически же центр и периферия характеризуются не положением данного сектора общества (группы, учреждения, социального института) на географической карте региона, страны или мира, а его диспозицией в социальной стратификации (или, может быть, точнее – социальной сети, в которой центры выступают узлами взаимодействий, «притягивающими» периферию) общества. Центр отличается от периферии по ряду характеристик. Прежде всего он является объектом внимания для многих людей, обладает знаниями (информацией), которые расцениваются людьми как желательные или значимые, или опасные. Центр – это такой сектор общества, в котором некоторые действия имеют особое значение, либо он выполняет функции, которые относительно более высоко сконцентрированы в нем или более интенсивно им осуществляются. Именно поэтому центр не является географическим (или геометрическим) отражением его срединного положения, он вообще может не иметь пространственного воплощения и географической привязки (хотя чаще всего мы можем эту привязку обнаружить и концептуализировать в категории *ядро*). Локализация центра возможна лишь в его идеальной проекции – как фокуса внимания и интереса для многих людей. При этом в обществе, как правило, есть не один, а множество центров и противочетров, наличие и взаимодействие которых также не определяется пространственно-географически.

Периферия – своеобразный антагонист центра – это все то, что противостоит ему, стремится к нему, взаимодействует с ним, но неизменно остается «на вторых ролях». Периферия формируется вокруг центра и характеризуется глубоко укорененным чувством отличия (вплоть до депривации) от него. При этом так же, как по отношению к центру, по отношению к периферии нельзя утверждать о ее гомогенности. В обществе всегда присутствуют множество периферий, выделяемых по многим системообразующим признакам. Можно выделить рядоположенные, концентрические, накладывающиеся друг на друга периферии. Более того, любая периферия имеет свой центр (или подцентр по его отношению к центру), выполняющий либо специфиче-

ские для данной периферии функции центра, либо присваивающий часть функций центра по отношению ко всему обществу и таким образом элиминирующий границы между центром и периферией.

Важнейшим критерием, обеспечивающим дистинкцию центра и периферии является расстояние между ними. При этом категория – *расстояние*, так же как категории – *периферия* и *центр*, – в данном контексте не имеют пространственного содержания. Периферия географически может совпадать с центром, центр (или сектора центра) может дислоцироваться в перифериях (и наоборот). Расстояние между ними определяется инновационным потенциалом, степенью влияния, объемом властных полномочий, наличием/отсутствием социально-экономических и социокультурных ресурсов, количеством приверженцев, степенью распространенности и укорененности их образов в общественном сознании и т. д. В зависимости от эволюции центров и периферий расстояние между ними может сокращаться или увеличиваться, периферия может сливаться с центром или «отпочковываться» от него.

Таким образом, противостояние центра и периферии не является однозначным и заданным на все времена. Мы можем наблюдать перманентное соревнование между ними за доминирование, за сохранение или присвоение характеристик центра. Центр является *центром* только в силу того, что непрерывно и убедительно доказывает в конкуренции с периферией свои центральные полномочия. И как только центр проигрывает в этом соревновании, происходит конверсия: центр (или часть центра) становится периферией, а периферия (или какой-то ее сектор) – центром.

Центр каждодневно должен доказывать свое право на выполнение полномочий *центра*. Существует несколько распространенных путей для этого: во-первых, с помощью соединения функций нескольких центров в одном (причем важнейшим является трансцендентальный центр – набор идеалов, разделяемых всеми или большинством членов общества, легитимирующих право центра на его центральное положение); во-вторых, благодаря возможности применения принуждения во всех его формах по отношению к периферии (при этом необходимо иметь в виду, что никакой центр не способен полностью контролировать периферию; мера контроля может быть различной, но не всецелой; задача центра, таким образом, состоит не столько в том, чтобы эффективно контролировать периферию, сколько

в том, чтобы демонстрировать *способность* к такому контролю); третий путь – обращение к традиции. Поиском исторических корней «центральности» в более или менее отдаленном прошлом занят всякий центр. И чем глубже в прошлое уходят его центральные полномочия, тем более легитимным выглядит он в глазах общественности (даже в том случае, если имел место более или менее длительный перерыв в его центральном положении, связанный, например, с военно-политическими и иными событиями). При этом, чем более шатким является положение данного центра в обществе, тем с большим рвением отыскивает он свои исторические корни в отдаленных временах.

Таким образом, категория *центр* служит для обозначения фокуса внимания данного общества (или его части), узла социальной сети, выполняющего определенные функции, обеспечивающие его центральное положение, прежде всего, идеологическую, инновационную, управленческую и контрольную. В обществе, как правило, существует несколько центров, выполняющих эти функции и конкурирующих между собой за право их выполнения. Каждый центр стремится присвоить себе все или большинство центральных функций, пытаясь повысить таким образом свой статус и уровень легитимности. Конкуренция возникает не только между «центральными» центрами, но и между ними и периферийными центрами, что в ряде случаев приводит к обмену функциями и рокировке периферии и центра.

Ядро (центральный регион), как правило, обладает одним или несколькими признаками центра, детерминирующими его центральное по отношению к другим регионам положение. В современных демократических государствах нередко возникает мультиядерная территориальная структура, включающая ядра (субъядра), обладающие различными признаками «центральности»: государственной властью (столичный регион), научно-инновационными структурами (наукоград, технополис), логистическими инфраструктурными комплексами (районы пересечения транспортных коридоров, имеющих межрегиональное и международное значение; приморские регионы) и т.д. Формирование мультиядерной структуры объективно обеспечивает возрастание социально-экономической и культурно-политической однородности, способствует устойчивости и динамичности развития народнохозяйственного комплекса и общества в целом.

Категория – *периферия* – объективирует антагониста центру, выполняющего вторичные, подчиненные функции, сконцентрированного

вокруг центра на большем или меньшем расстоянии от него. Периферия не может существовать без центра так же, как и центр без периферии. Их выделение в любом обществе носит всеобщий и универсальный характер и обеспечивает формирование структуры взаимозависимости, обеспечивающей самосохранение, стабильность и воспроизводство общества во времени и пространстве.

Центр и периферия в территориальной экспликации

В территориальной экспликации взаимодействия типа «центр–периферия» наиболее обстоятельно изучены в экономической географии, где они концептуализированы в основном с позиций экономического детерминизма⁶. В социологии региона «территориальность» *центра (ядра)* и *периферии* рефлексируется через категорию *регион*: центральный регион, периферийный регион. Поскольку регион имеет определенную территориальную привязку, то соответственно *центральный регион (ядро)* – это территория и проживающее на ней население (сегмент общества по Э. Шилзу), обладающее социальными характеристиками и выполняющее функции *центра*; *периферийный регион* – территория и проживающее на ней население, имеющее социальные характеристики и выполняющее функции *периферии*. Поскольку любой центр может интегрировать в себе свойства центра и периферии (то же самое касается периферии), то и центральный (как и периферийный) регион может обладать признаками как центра, так и периферии. При этом говорить о центральном или периферийном характере каждого данного региона (как в экономическом, так и социологическом смысле) можно лишь относительно избранной нами системы социально-экономических координат и в пределах тех функций, которые рассматриваются исследователем в каждом конкретном случае.

На практике центральный регион ассоциируется и соотносится со столичным регионом, присваивающим функции политического центра. Обладание политической властью и вытекающей из этого факта возможностью принудительного влияния на периферийные регионы и присвоения наиболее ценных ресурсов, как правило, приводит к тому, что столичный регион концентрирует в себе не только центральные политические, но и экономические, и социальные, и культурные функции. Вместе с тем это явление не носит абсолютного и универсального характера. В значительной части случаев (например, во многих за-

падно-европейских государствах, в США) политический центр не совпадает с прочими центрами, территориальная дислокация которых связана с историей государства, наличием определенных природно-географических ресурсов, традициями данного общества, политическим режимом и т.д. В условиях демократии, на что указывает, в частности А. де Токвиль, происходит диверсификация политических и управленческих функций центра и их рассредоточение в обществе⁷. При этом центр и периферия как бы «накладываются» друг на друга, выделение центральных и периферийных регионов по данному признаку оказывается невозможным, поскольку центральные функции в большей или меньшей степени выполняются повсеместно и наличие столичного региона уже не предполагает присвоения им сугубо центральных функций (за исключением политических, да и то – лишь важнейших из них).

Однако это не относится к экономическим и инновационным функциям (прежде всего связанным с НТП). Историческое разделение регионов на центральные (ядерные), полупериферийные (развивающиеся) и периферийные (депрессивные или отсталые) сохраняется в любом обществе на протяжении всего времени его существования, формируя сложный механизм социально-экономической эволюции (что не отменяет возможности утраты/приобретения каждым данным регионом отдельных социально-экономических характеристик центра, периферии или полупериферии).

В рамках экономической географии сложилась достаточно пространная типология центров и периферий, основанная прежде всего на экономических дистинкциях⁸. Практическое применение данной типологии для анализа их пространственного размещения показывает, что оно носит преимущественно «чересполосный» характер. Выделение регионов, а тем более макро-регионов, на основании данного подхода – это сложная и теоретическая, и практическая задача. Но есть все основания относить к центральным – регионы, характеризующиеся преобладанием (в территориальном отношении) центров (при наличии мультицентрической структуры и сравнительно незначительными площадями, относимыми к периферии и полупериферии), к полупериферийным и периферийным – регионы, имеющие, как правило, один центр с соответствующим преобладанием полупериферийных или периферийных территорий.

⁷ См.: А. де Токвиль. Демократия в Америке / Пер. с фр. М.: Изд. группа «Прогресс» – «Литера», 1994.

⁸ См.: Грицай и др. Указ. соч. С. 75–76.

⁶ См.: Грицай и др. Указ. соч.

Таким образом, экстрагирование функций центра и периферии, имманентных каждой данной территориальной общности (региональному социуму) в пределах государства, либо каждому данному государству в пределах миросистемы, позволяет построить пространственно-географическую систему взаимозависимостей, эксплицитно или имплицитно влияющих на характер отношений между ними. В свою очередь, от этих отношений непосредственно зависит большая или меньшая степень территориальной детерминированности социально-экономического поведения социальных субъектов.

Центр и периферия в России

Своеобразие отношений «центр–периферия» и влияния этих отношений на динамику форм социально-экономического поведения в регионах России отмечают многие исследователи. Так, М.Ю. Алексеев и К.А. Крылов, рассматривающие их с позиций социальной психологии, утверждают о наличии характерной, по их мнению, для российского менталитета сугубо географической рефлексии «центра», являющегося синонимом слова «власть»: «Центр – это такое специальное место, где сидит начальство. Однако отнюдь не начальство своим присутствием создает центр. Напротив, начальством становятся те, кому посчастливилось устроиться в центре»⁹. По мнению исследователей, в этом проявляется одна из характерных черт российского пространственного устройства – специфический дефицит «центральности», рефлексированный, с одной стороны, в концентрации всех центральных функций в столице (в разные исторические периоды в Москве или Санкт-Петербурге при перманентном доминировании Москвы), с другой – в остром ощущении периферийности всей России по отношению к Европе, граничащим с отрицанием «центральности» ее собственного политического центра (отсюда – ориентация на Запад и его ценности русского дворянства XVIII – XIX вв., русского купечества XIX – начала XX в., русской – советской интеллигенции XX в., российских интеллектуалов и «новых русских» конца XX – начала XXI вв.).

Проблемы взаимодействия политического центра и регионов (как субъекта и объектов управления) нашли освещение в исследованиях советских/российских географов, в частности Б.С. Хорева, Р.Г. Хузеева, Ю.Р. Архипова и др., которые анализировали их с позиций поиска рационального баланса между экономической, социальной и экологической компонентами регио-

нального развития во взаимодействии регионов с государственной властью. Так, Б.С. Хорев, вводя в научный оборот понятие *территориальная организация общества*, концептуализирует его как перечень вопросов, касающихся территориального разделения труда, размещения производительных сил, региональных различий в производственных отношениях, расселения людей, взаимоотношения общества и природы, проблем региональной социально-экономической политики, трактуемых в плоскости взаимодействия центральной (государственной) и местной (муниципальной) систем управления¹⁰. Отдавая приоритет государственному регулированию регионального развития, учитывающего прежде всего общенациональные интересы, он делает акцент на необходимости учета специфики и интересов регионов, которые должны, по его мнению, иметь возможность самостоятельно решать вопросы, находящиеся в их компетенции.

Р.Г. Хузеев и Ю.Р. Архипов, в рамках теории принятия компромиссных решений в географии, поставили цель разработки теоретических основ, принципов и методов согласования интересов в географических системах с целью воздействия на их поведение. Центральной задачей в этом плане они считают согласование отраслевых и территориальных интересов, состоящих в поиске гармоничного сочетания, отражающего тесную взаимосвязь и взаимообусловленность природы, населения и производства, сосуществующих и соразвивающихся на одной территории. Исследователи вводят аналитическое понятие *размытости*, под которым понимают тип неопределенности, связанный с размытыми множествами – совокупностями объектов, принадлежность к которым может быть не только полной, но и частичной. Размытость имеет место тогда, когда не существует четкой границы между объектами, которые обладают заданным свойством, и объектами, которые им не обладают. Перекладывая это понятие в географическую плоскость, авторы указывают на размытость границ географических образований комплексного характера (регионов), принципиально неполную предопределенность их поведения, а также размытый характер важнейших видов отношений в геосистемах, прежде всего – отношений взаимодействия. При этом каждое управляющее воздействие, направленное на ту или иную территорию, вызывает определенное и, как правило, непредсказуемое противодействие, на-

⁹ Алексеев М.Ю., Крылов К.А. Особенности национального поведения. М. : Арт-Бизнес-Центр, 2001. С. 272.

¹⁰ Хорев Б.С. Территориальная организация общества (Актуальные проблемы регионального управления и планирования в СССР). М. : Мысль, 1981. С. 3.

правленное двояко – с одной стороны, на сохранение/восстановление равновесия геосистемы, с другой – на ее развитие. Исследователи обнаружили и концептуализировали два основных типа противоречий, вызванных несовпадением интересов разных уровней: глобального (эмерджентные интересы) и локального (имманентные интересы). Первое противоречие (вертикальное) – между функциями и интересами элементов, обусловленное соотношением имманентных и эмерджентных свойств геосистемы. Второе (горизонтальное) – связано с несовпадением имманентных интересов элементов одного иерархического уровня геосистем. При этом противоречия второго рода (между геосистемами (регионами) одного уровня) носят преимущественно конкурентный характер и проявляются в процессе потребления вещества, энергии и информации. Преодоление этих противоречий, по мнению авторов, возможно на основании принципа оптимальности В. Парето: достижения состояния, которое было бы для всех участников конфликта не хуже и хотя бы для одного участника – лучше, чем достигнутое состояние, что в принципе возможно лишь при определенном уровне свободы принятия решений на всех уровнях геосистем¹¹.

Данное теоретическое положение позволяет сделать вывод о наличии объективных социально и географически детерминированных возможностей для субъектно-субъектного взаимодействия территориальных общностей и представляющих их центров, независимо от их социально-политического и социально-экономического статуса. Вместе с тем очевидно, что мера и интенсивность такого взаимодействия могут быть различными в довольно широких пределах.

Проблемы автономии периферии от центра и меры самоуправления регионов в рамках парадигмы экономической географии¹² рассматриваются в дихотомии equity – efficiency (равенства и эффективности). По мнению исследователей, управление регионами в России советского периода имело явный уклон в сторону равенства (выравнивания). Поскольку искусственно продуцируемое равенство явно противоречит объективно складывающемуся неравенству в региональном развитии, такая политика неизбежно носила волюнтаристический (конструктивистский) характер и предполагала максимально воз-

можное доминирование центра над периферией. Однако и в этот период регионы и региональные социумы не утрачивали полностью потенциальности независимого социально-экономического территориального поведения, по крайней мере, в той степени, в какой политический центр считался с их территориальной спецификой. Полное отрицание этой специфики было в принципе невозможным (хотя такие попытки и предпринимались на начальном этапе социалистической реконструкции хозяйства), так как в большинстве случаев приводило региональную экономику к тотальной неэффективности.

Важной исторической особенностью России стала пространственно-географическая интеграция центров (политической, финансово-экономической, духовно-клерикальной власти, научно-технических, социокультурных и иных инноваций и т. д.) в одном ядре – г. Москве. Даже перенос столицы в г. Санкт-Петербург лишь незначительно поколебал ее явное доминирование над всей остальной территорией государства (лишь в конце XIX – начале XX вв. по ряду социально-экономических параметров Санкт-Петербург приблизился к Москве, на короткое время сформировав «бидерную» территориальную структуру). В советское время «отрыв» Москвы от других регионов еще более увеличился, одновременно произошло формирование столичной агломерации, что позволяет сегодня включать (с некоторыми оговорками) в географическое пространство центрального региона (ядра) Москву и часть Московской области. В связи с этим говорить о наличии мультиядерной структуры российских регионов пока не приходится. Практически все наиболее развитые на данный момент «нестолличные» регионы России (включая г. Санкт-Петербург и ряд территорий Поволжья и Урала) настолько существенно отстают от Московской агломерации, что могут рассматриваться лишь в качестве полупериферии по отношению к ней.

Историческое доминирование Москвы (прежде всего в административно-политическом и социально-экономическом плане) достаточно парадоксальным образом повлияло на территориальное социально-экономическое поведение россиян. При наличии достаточно жестких односторонних централизованных линий влияния от ядра (столичного региона) к периферии, население страны в своей массе демонстрирует своеобразное «центробежно-центростремительное» территориальное поведение. Это проявляется, с одной стороны, в желании быть подальше от Москвы с ее волюнтаристическими проектами и

¹¹ См.: Архипов Ю.Р., Хузеев Р.Г. Процессы взаимодействия в экономико-географических системах. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1980; Хузеев Р.Г. Теория принятия компромиссных решений: (географические аспекты). Казань: Изд-во Каз. ун-та, 1987.

¹² Гирцай и др. Указ. соч.

стремлением к тотальному контролю периферии, воле к игнорированию или даже саботажу решений, идущих вразрез с интересами территории (регионального субъекта); с другой – тяге к столице как месту, обладающему особым статусом и исключительно высокими потенциями, позволяющими добиться гораздо большего в плане самопрезентации, карьеры, экономического благополучия и т. п., чем на периферии.

При этом утверждать не только о тотальной, но даже существенной зависимости поведения территориальных общностей и составляющих их индивидов в регионах России от Москвы, конечно, нельзя. В масштабах государства степень свободы социального поведения и территориальной составляющей этого поведения как ее важнейшей компоненты, зависит от ряда факторов, среди которых определяющими являются тип политического режима, уровень социально-экономического развития регионов, наличие/отсутствие в них ресурсов, социально-демографические характеристики населения и т. п. Мера зависимости периферии от центра может быть различной, но никогда – абсолютной. Более того, ей свойственны флуктуации синусоидального типа. В России, например, на протяжении XX в. наблюдалась последовательная смена процессов возрастания/убывания зависимости периферии от центра, связанная не только (и не столько) с политическими, сколько с макроэкономическими процессами (большими циклами Н.Д. Кондратьева)¹³ (рис. 1).

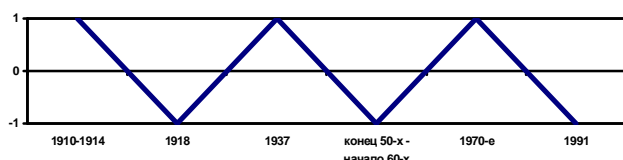

Рис. 1. Динамика отношений между центром и периферией в России: 1 – периоды наибольшей зависимости периферии от центра; 0 – периоды относительно гармоничного взаимодействия; -1 – периоды наименьшей зависимости

Динамика форм социально-экономического поведения в пространственно-временном континууме «ядро–периферия»

Путь к экстрагированию и концептуализации каналов влияния «центральности» или «периферийности» той или иной территории (региона) на формирование и динамику паттернов социально-экономического поведения их населе-

ния нам подсказала работа польского ученого А. Куклинского, посвященная анализу взаимодействия территориальных сообществ со средой¹⁴. Исследователь выделяет три типа регионов (местностей) в зависимости от отношения их населения к инновационному процессу: 1) креативные и инновационные; 2) адаптивные; 3) консервативные. Население *первого типа* регионов, демонстрируя преимущественно креативное и инновационное социально-экономическое поведение, обеспечивает научно-технический прогресс и формирует имидж региона, который можно охарактеризовать как «ядерный». Население *второго типа* регионов демонстрирует преимущественно адаптивное социально-экономическое поведение, характеризующееся способностью широко внедрять инновации на стадии их массового распространения, что, в конечном счете, приводит к формированию региона «полупериферийного» типа. Наконец, население, демонстрирующее консервативное поведение, не приемлет многих инноваций, что приводит к возникновению региона «периферийного» типа. Таким образом, мы обнаруживаем явную корреляцию между доминирующей формой социально-экономического поведения территориальной общности и типом региона. При этом очевидно, что конкретное содержание инновационной, адаптивной и консервативной форм территориального поведения должно существенно различаться в зависимости от цикла социально-экономического развития, который переживает данный регион. Этот вывод позволяет концептуализировать динамику форм социально-экономического поведения в территориальной экспликации путем «наложения» темпоральной и пространственной характеристик, используя в качестве первой кондратьевские циклы¹⁵, в качестве второй – типы регионов в континууме «ядро – периферия». При этом формы территориального социально-экономического поведения должны изменяться в двух проекциях: диахронической, в зависимости от смены кондратьевского цикла, и синхронической, в зависимости от типа региона. Схема этой зависимости представлена на рис. 2, где стрелками показано их «перемещение» (некоторые авторы называют это диффузией или вытеснением) из одного типа регионов в другой в процессе смены кондратьевских циклов.

¹⁴ См.: Kuklinski A. Local Dynamics and Environment: Some Comments and Proposals // Paper on Conf. "Local Dynamics and Environment". Lausanne, Oct., 1988. P. 11.

¹⁵ См.: Кондратьев Н.Д. Большие циклы конъюнктуры // Вопросы конъюнктуры. Т. 1. Вып. 1. М., 1925. С. 28–79.

¹³ См.: Рязанцев И.П. Указ. соч. С. 29.

Динамика данных форм представляется нам следующей. Предположим, что в определенном макрорегионе, объединяющем в социетальную целостность ядерные (центральные), полупериферийные и периферийные регионы, в n -ом кондратьевском цикле¹⁶ сложились формы социально-экономического поведения I_n, A_n, K_n . С переходом к следующему $n+1$ циклу в регионе ядерного типа формируется новая форма территориального поведения – I_{n+1} . При этом I_n , сложившаяся там в n -ом цикле, с переходом к $n+1$ циклу «перемещается» в полупериферийный регион, где воспроизводится населением как бы в снятом виде ($A_{n+1} = I_n'$), утрачивая инновационность и одновременно демонстрируя адаптивные способности данной территориальной общности. Точно также, при переходе от $n+1$ цикла к $n+2$ адаптивная форма социально-экономического поведения A_{n+1} из полупериферийного региона «вытесняется» в периферийный, где она также в несколько измененном виде проявляется как консервативная ($K_{n+2} = A_{n+1}' = I_n''$) (поскольку фактически соответствует модели поведения, бывшего инновационным около 80–100 лет назад и лишь отчасти «модернизированным» в процессе внесистемного коммуникативного обмена).

Тип региона	Цикл социально-экономического развития		
	n	n+1	n+2
Ядерный (центральный)	I_n	I_{n+1}	I_{n+2}
Полупериферийный	A_n	$A_{n+1} (I_n')$	$A_{n+2} (I_{n+1}')$
Периферийный	K_n	$K_{n+1} (A_n')$	$K_{n+2} (A_{n+1}' (I_n''))$

Рис. 2. «Перемещение» форм динамического уровня ТСЭП в синхронически-диахроническом континууме регионов различного уровня и циклов социально-экономического развития (формализованная схема): **I** – инновационное поведение; **A** – адаптивное поведение; **K** – консервативное поведение

Для нас ad hoc важно то, что данная схема иллюстрирует не только функциональную зави-

симость динамики трех форм социально-экономического поведения от двух переменных – времени и места, – но и показывает общую направленность эволюции макрорегиона (как единого социально-экономического организма, включающего в себя систему «ядро–полупериферия–периферия»), а также причины, приводящие к воспроизведению социально-экономической иерархии регионов на каждом следующем этапе их развития.

Дальний Восток России в системе отношений «периферия–центр»

Основываясь на теоретических положениях, сформулированных выше, представляется интересным и практически важным проанализировать специфику дальневосточного региона и продуцируемую этой спецификой динамику форм социально-экономического поведения на востоке России.

Необходимо отметить, что вплоть до самого последнего времени каких-либо специальных эмпирических исследований в этом отношении не проводилось. Поэтому те идеи, которые сформулированы ниже, мы попытаемся обосновать преимущественно на основе опубликованных статистических данных, характеризующих социально-экономические процессы, имевшие место в России и, в частности на российском Дальнем Востоке в XX в.

На протяжении всего этого периода восточная окраина страны традиционно и во многом справедливо рассматривалась в качестве, пожалуй, самой отдаленной периферии Российского государства. Периферийность Дальнего Востока ассоциировалась с географической удаленностью от демоэкономического центра, самыми низкими в стране показателями плотности населения и уровня хозяйственной освоенности территории, сырьевой ориентированностью экономики, крайне невысокими показателями уровня жизни населения, развития социальной инфраструктуры и т. д.

Все это верно. Однако в проекции настоящего исследования предположение о сугубой периферийности Дальнего Востока, вытекающее преимущественно из демогеографических и макроэкономических показателей, должно находить подтверждение и в поведенческих характеристиках его населения.

Рассмотрим данную ситуацию с позиций, изложенных выше. Мы утверждали, что «чистой» периферии, как и «чистого» центра в принципе быть не может. Если рассмотреть это положение применительно к Дальнему Востоку России, то закономерно предположить, что его территория также должна иметь признаки, имманентные и

¹⁶ На протяжении XVIII – начала XXI вв. современные исследователи концептуализируют последовательную смену шести циклов.

центру, и периферии. И такие признаки действительно обнаруживаются, объективируясь в своеобразии ряда его административно-политических и социально-экономических характеристик. Наиболее показательно в этом плане то, что на протяжении всех лет нахождения в составе России территория Дальнего Востока всегда имела больший или меньший уровень автономности от политического центра, что эксплицитно проявлялось в динамике административно-территориального устройства (выделении в качестве субъектов административно-политического управления Восточно-Сибирского генерал-губернаторства, Приамурского края, Дальневосточной республики, Дальневосточного края, наконец, Дальневосточного федерального округа).

Будучи очевидной периферией по отношению к Москве и вообще – Европейской части страны, Дальний Восток представляет собой сравнительно целостное макрорегиональное образование, в пространстве которого достаточно определенно просматриваются ядро (Приморский и Хабаровский края) и периферия (остальная территория с вкраплениями полупериферий, представленных, главным образом, центрами субъектов Федерации – городами Благовещенском, Магаданом, Петропавловском-Камчатским, Южно-Сахалинском, Якутском и некоторыми др.).

Ядерный характер двух краев в составе Дальневосточного макрорегиона детерминируется интеграцией на их территории ряда существенных признаков центра: во-первых, сосредоточением политико-административных функций в г. Хабаровске (на протяжении последних 100 лет, хотя и с перерывами Хабаровск являлся «столицей» Приамурского края в составе Российской империи, Дальневосточного края в составе РСФСР, Дальневосточного федерального округа в составе РФ), во-вторых – высокой концентрацией НИИ и вузов, объективно обеспечивающих высокий креативный и инновационный потенциал населения (Владивосток – научный центр Дальнего Востока, в нем находится Дальневосточное отделение РАН, на территории Приморского и Хабаровского краев – большинство научно-исследовательских и проектных институтов макрорегиона), в-третьих, пространственным пересечением на их территории важнейших международных транспортных коридоров, соединяющих Американский континент, Азию и Европу, наконец, *last but not least*, в геополитическом отношении – их дислокацией вблизи географического центра Азиатско-Тихоокеанского региона, места пересечения политико-экономических интересов мировых держав (Рос-

сийской Федерации, Республики Корея, Китая, США, Японии).

Все, названное выше, характеризует Дальний Восток, а особенно его юго-восточную часть как специфическую территорию, интегрирующую в себе и центральные, и периферийные характеристики. Этот дуализм, имманентный геополитическому и геоэкономическому статусу макрорегиона, не мог не отразиться на своеобразии социально-экономического поведения его населения, демонстрирующего, с одной стороны, поведенческие паттерны периферии (преимущественная специализация на сырьевых отраслях экономики, доминирование ориентированной на Запад миграционной мотивации, распространение алармистских настроений и т. п.), с другой – ядра (более высокое по сравнению со многими другими территориями страны стремление к получению высшего профессионального образования, ориентация на инновационные формы экономической деятельности, успешная адаптация значительной части населения к новым социально-экономическим условиям, выраженная региональная идентичность и т. д.).

Не имея возможности в ограниченном объеме журнальной статьи обстоятельно проанализировать названные выше явления, мы остановимся лишь на некоторых моментах, наиболее явно характеризующих социально-экономическое своеобразие и инновационную ориентированность дальневосточников не только в последние 10–15, но на протяжении, по крайней мере, последних 100–120 лет.

Так, уже в конце XIX – начале XX вв. в силу специфики заселения Дальнего Востока здесь сформировалось территориальное сообщество, по ряду характеристик существенно отличавшееся от населения Сибири и России в целом. Важнейшими его особенностями в контексте данного исследования были сравнительно более высокие доли лиц, владевших грамотой, горожан, материально обеспеченных, т. е., групп населения, ориентированных преимущественно инновационно в сравнении с неграмотными, жителями села, малообеспеченными (табл. 1).

В последующие годы (1920–1980-е) произошло существенное выравнивание социально-экономических показателей регионов России, характеризующих территориальное социально-экономическое поведение их населения или непосредственно влияющих на него. Однако вплоть до конца прошедшего столетия сохранились важные отличия, позволяющие говорить о воспроизведении населением, прежде всего, юга Дальнего Востока, ряда характеристик, соответ-

ствующих ядерным регионам, и, в силу этого, не позволяющих рассматривать весь Дальневосточный регион сугубо периферийным (табл. 2).

Таблица 1

Некоторые социально-экономические характеристики населения регионов Дальнего Востока России в начале XX в. (в сравнении)¹

Показатель	Амур-ская область	Примор-ская область	Тоболь-ская губерния (Сибирь)	По России (в сред-нем)
Доля грамот-ных, %	24,8	24,7	11,3	21,1
Доля городско-го населения в 1913 г., %	28,6	32,9	7,4	14,2
Уровень благо-состояния населения ²	26,0	31,6	4,8	12,0

¹ Составлено по: Ежегодник России, 1911. С. 86–88; Ежегодник России, 1914, С. 53–77, 271–278, 307–309, 386–401, 634–636; Народное хозяйство, 1922. С. 130–137.

² Уровень благосостояния рассчитан по формуле $W = 10^{-2}SM$, где W – уровень благосостояния; S – количество вкладчиков в государственные сберегательные кассы в данном регионе в 1911 г.; M – средняя сумма вклада одного вкладчика в руб. в той же губернии.

Таким образом, Дальний Восток без всякого преувеличения – специфическая территория в составе Российской Федерации. Особенно явно данная специфика просматривается по отношению к его юго-восточной части (Приморскому и Хабаровскому краям), которые эксплицитно являются периферией России, а имплицитно – субъядром Дальневосточного макрорегиона (Дальневосточного федерального округа, и в определенном смысле – всей азиатской части государства), имманентным рядом концептуализированных выше характеристик центра. Из этого факта со всей очевидностью следует высокая потенция его социально-экономического развития, которая может быть реализована со значительной степенью вероятности уже в обозримом будущем, на что указывают и прогнозные исследования, проведенные коллективом ИЭИ ДВО РАН (г. Хабаровск) под руководством П.А. Минакира, в которых отмечается как непреложный факт, что Дальний Восток «сыграл и продолжает играть важнейшую роль в политической, военной, экономической жизни России... это богатейший и перспективнейший край»¹⁷.

Таблица 2

Некоторые социально-экономические характеристики населения регионов Дальнего Востока России в конце XX в. (в сравнении)¹

Показатель	Примор-ский край	Хабаровский край	Новоси-бирская область	По России (в сред-нем)
Доля населения с высшим обра-зованием в 1989 г., %	12,8	12,7	11,7	11,3
Доля городского населения в 2000 г., %	78,3	80,6	74,0	73,0
Уровень дивер-сифицированно-сти промыш-ленности ²	2,92	6,92	5,19	8,10
Индекс роста ВРП на душу населения ³	19,4	19,5	12,4	22,7
Уровень развития малого пред-принимательства ⁴	46,5	53,1	74,5	59,6
Соотношение среднедушевых доходов с вели-чиной прожи-точного мини-мума в 1999 г., (ко-во раз)	1,35	1,65	1,12	1,77

¹ Расчет сделан по: Регионы России: Социально-экономические показатели 2002. Стат. сб. / Председатель ред. ком. В.И. Галицкий. В 2 т. Т. 2. М., 2002. С. 128–129, 283–285, 324–325; 436; 555; 562.

² Уровень диверсифицированности промышленности рассчитан по индексу Гарфинкеля по 12 формуле $Ld = 104/\sum I_i^2$, где Ld – уровень диверсифицированности промышленности, I_i – $I = 1$ доля i -й отрасли в структуре промышленного производства региона (по 12 учитываемым статистикой отраслям, в процентах) по состоянию на 1999 г. (данный показатель изменяется в интервале от 1 (моноотраслевой регион) до 12, когда все 12 отраслей представлены равными долями).

³ Индекс роста ВРП на душу населения рассчитан по формуле $Iv = 10-4VT$, где Iv – индекс роста ВРП; V – среднедушевой размер ВРП (в 1999 г. в руб.); T – динамика роста (количество раз, во сколько увеличился данный показатель за период с 1994 по 1999 гг.).

⁴ Уровень развития малого предпринимательства – число зарегистрированных малых предприятий на 10 000 населения в 1999 г.

¹⁷ Стратегии макрорегионов России: Методологические подходы, приоритеты и пути реализации / Под ред. акад. А.Г. Гранберга. М. : Наука, 2004. С. 593.

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ КЛАССИФИКАЦИЯ СПОСОБОВ СОВЕРШЕНИЯ НЕСАНКЦИОНИРОВАННОГО ДОСТУПА К СЕТЯМ СОТОВОЙ РАДИОТЕЛЕФОННОЙ СВЯЗИ

И.В. Лазарева

Лазарева Инна Владимировна – ведущий юрисконсульт ЗАО «Дальневосточные сотовые системы – 900».

В статье рассматриваются существующие подходы к классификации способов совершения преступных деяний, связанных с несанкционированным доступом к сетям сотовой связи, а также предлагается авторский вариант данной классификации с описанием ее элементов.

In this article existing approaches to classification of ways of fulfillment of the criminal actions connected with not authorized access to networks of cellular communication, and also the author's variant of the given classification with the description of its elements is offered.

Сотовая радиотелефонная связь является сегодня одной из наиболее динамично развивающихся отраслей инфраструктуры современного общества. Эволюция систем сотовой связи характеризуется внедрением современных технологий и услуг, интеграцией с всемирной сетью Интернет, что влечет постоянный рост числа их пользователей во всем мире. Вместе с тем с прогрессом телекоммуникационных технологий возникла проблема защиты сетей сотовой связи от преднамеренных воздействий злоумышленников. Появился новый вид преступной деятельности, занимающийся неправомерным доступом, имеющим цели наживы за счет компаний-операторов связи и их абонентов, а также нелегального получения информации, находящейся в сети сотовой связи.

Одним из направлений противодействия данному явлению является создание методики расследования указанных преступлений, где немаловажную роль имеет рассмотрение способов их совершения.

Исследованием способов совершения преступлений в сфере сотовой связи и их классификацией впервые начали заниматься зарубежные специалисты, что связано с более ранним началом развития мобильных телекоммуникаций в иностранных государствах.

В 1999 г. европейские специалисты Фил Госсет (Phil Gosset) и Марк Хайленд (Mark Nyland)¹ выделили основные виды криминальных действий в области мобильной связи, квалифицируемые как мошенничество, и именуемые «фрод» (англ. «fraud»):

¹ Фил Госсет (Phil Gosset), Марк Хайленд (Mark Nyland). Мошенничество в мобильных сетях – классификация, обнаружение, судебное преследование // MOBILE Communications International/ Russian Edition (MCI/RE). 2000. № 1. С. 31–34.

1) мошеннический доступ (access fraud) – несанкционированное использование услуг связи путем перепрограммирования серийных или идентификационных номеров сотовых телефонов;

2) мошенничество с украденным телефоном (stolen fraud) – использование украденного или потерянного телефона;

3) контрактное мошенничество (subscription fraud) – преднамеренное указание неверных данных при заключении контракта или невыполнение абонентом контрактных условий оплаты;

4) хакерское мошенничество (hacking fraud) – проникновение в компьютерную систему безопасности для удаления механизмов защиты или переконфигурирования системы с целью несанкционированного использования сети;

5) техническое мошенничество (technical fraud) – неправомерное изготовление (клонирование) телефонных трубок или платежных телефонных карточек с фальшивыми идентификаторами абонентов, номеров и платежных отметок, а также внутрикорпоративное техническое мошенничество, когда преступник получает возможность пользования услугами связи по сниженной цене за счет незаконного доступа к корпоративной системе;

6) процедурное мошенничество (procedural fraud) – неправомерное вмешательство в бизнес-процедуры (например, биллинг) с целью уменьшения оплаты услуг связи.

Позднее все способы преступных деяний были объединены в четыре группы: контрактное мошенничество, хакерское мошенничество, техническое мошенничество и процедурное мошенничество, а также выделен еще один вид – внутреннее мошенничество (internal fraud), т. е. неправомерное действие сотрудника компании-оператора с целью изменения стоимости услуг связи.

С распространением преступлений в сфере сотовой связи в нашей стране, появились работы и российских исследователей, посвященные данной проблематике. Ее криминалистические аспекты нашли отражение в трудах В.Б. Вехова², Г.В. Семенова³; классификация способов преступлений в сфере сотовой связи приведена В.В. Крыловым⁴, В.Д. Нестеренко⁵, М.В. Ратынским⁶ и др.

В основу некоторых классификаций вышеуказанных авторов была положена методологическая разработка Фила Госсета и Марка Хайленда. Так, например, М.В. Ратынский выделяет следующие способы совершения преступлений в сфере сотовой связи в Российской Федерации:

– подписной фрод (subscription fraud): фактически сводится к злостным неплатежам при интенсивном использовании сотового телефона, возможно с перепродажей эфирного времени, при этом потенциальный клиент уже при подписке на услуги сотовой связи имеет намерение эти услуги не оплачивать⁷;

– технический фрод (technical fraud): примерами служат переделка электронных серийных номеров в абонентских аппаратах (характерно для раннего периода развития сотовой связи на территории Российской Федерации), клонирование, или явление «сотовых двойников» и использование незаконного сотового аппарата типа клона для коммерческой связи, например для продажи дорогих международных вызовов⁸;

– кражи абонентских аппаратов, которые наносят ущерб непосредственно пострадавшему абоненту и приводят к дополнительному потоку неоплачиваемых вызовов для компании – оператора связи⁹.

Как указывает Г.В. Семенов, классификация Фила Госсета и Марка Хайленда, «имея большую ценность для криминалистики, страдает

отсутствием единого классификационного основания, позволяющего привести способы совершения сотового мошенничества в упорядоченном виде и тем самым составить системное видение сотового мошенничества и его сущности»¹⁰.

Руководствуясь принципом объединения способов преступлений по ряду типовых действий, совершенных преступником, Г.В. Семенов выделяет.

1. Способы подготовки к пользованию ресурсами мобильной связи (действия по доступу к системе мобильной связи):

- доступ к аппаратно-техническим средствам поддержки системы мобильной связи: кража, грабеж, разбой и т.д. мобильного телефона законного пользователя, а также приобретение клонированных мобильных телефонов;

- доступ посредством подключения мобильного телефона через вспомогательные средства поддержки системы мобильной связи (центры по работе с клиентами, дилеры и др.): преднамеренное указание неверных данных при заключении контракта или невыполнении абонентом контрактных условий оплаты в криминальных целях;

- доступ к идентификационным данным: перепрограммирование в мобильный телефон преступника несанкционированно полученных идентификационных данных легальных пользователей (создание «двойника»);

- доступ к системе базовых станций, коммутатору, аппаратным и программным средствам, осуществляющим биллинговые операции и т.д.: проникновение в компьютерную систему защиты для удаления механизмов защиты или переконфигурации системы базовых станций в целях использования (либо последующей реализации) имеющихся в системе функциональных возможностей.

2. Способы совершения действий по пользованию ресурсами мобильной связи (криминальная абонентская активность). Они классифицируются: по характеру поведения абонента (постоянное, периодическое); по субъекту, использующему ресурсы мобильной связи (непосредственное, опосредованное – предоставление возможности пользования ресурсами мобильной связи третьим лицам)¹¹.

² Вехов В.Б. Аспекты расследования преступлений в сфере предоставления услуг сотовой электросвязи // Труды Тамбовского филиала юридического института МВД России за первое полугодие 2001 г. 2001. Вып. 4. С. 102–108.

³ Семенов Г.В. Криминалистическая классификация способов совершения мошенничества в системе сотовой связи // ИНФОРМОСТ – Средства связи. 2001. № 3(16). С. 37–45.

⁴ Крылов В.В. Расследование преступлений в сфере компьютерной информации. М., 1998. С. 197–198.

⁵ Нестеренко В.Д. Вопросы обеспечения безопасности сети ОКСТ ОАО «Северо-западный Телеком» // Доверие и безопасность в информационном обществе : тез. докл. межд. конгресса. СПб., 2001. С. 32–36.

⁶ Ратынский М.В. Основы сотовой связи / Под ред. Д.Б. Зимина. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2000. С. 158–164.

⁷ Там же. С. 159.

⁸ Ратынский М.В. Указ. соч. С. 161.

⁹ Там же. С. 162.

¹⁰ Семенов Г.В. Указ. соч. С. 38.

¹¹ Семенов Г.В. Расследование преступлений в сфере мобильных телекоммуникаций : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Воронеж, 2003. С. 14–15.

Классификация, предложенная В.Д. Нестеренко, так же, как и Г.В. Семенова, связана с характером преступных действий:

- 1) доступа к системе сотовой связи;
- 2) доступа к абонентскому терминалу;
- 3) доступа к идентификационным данным;
- 4) доступа к системе базовых станций;
- 5) мошенничества с использованием заключенного контракта;
- 6) мошенничества при использовании льготного тарифа.

С учетом изложенного, можно констатировать, что в настоящее время нет единообразного мнения на построение классификации способов преступных действий в сфере сотовой связи. Наиболее удачным, на наш взгляд, является подход Г.В. Семенова, который в качестве основания классификации берет типовые преступные действия, однако, следует добавить, что в данном случае, при структурировании способов преступления необходимо учитывать корреляционную связь «способ преступления – предмет посягательства». По мнению О.В. Чельшевой и М.В. Феськова, способ совершения преступления заключается в системе связей и отношений субъектов преступления между собой, средствами совершения преступления, а также предметом преступления в процессе подготовки, самого преступного посягательства и сокрытия преступления¹².

Наши исследования показали, что согласиться с Г.В. Семеновым, разделяющим способы совершения преступления на доступ к сети сотовой связи (являющийся, по его мнению, подготовкой) и использование ресурсов сети, нельзя. Как отмечает Р.С. Белкин, термином «способ совершения преступления» обозначаются действия по приготовлению и осуществлению преступления¹³, а если действия субъекта исчерпываются приготовлением, употребляется термин «способ приготовления к преступлению»¹⁴. По нашему мнению, реализация несанкционированного доступа к сети сотовой связи включает подготовку и осуществление преступного посягательства, имеющего множество видов. Пользование ресурсами мобильной связи в данном случае является составной частью несанкционированного доступа и целью преступления. В связи с этим обозначение несанкционированного доступа к сети сотовой

связи как «подготовка к пользованию ресурсами», и включение в таком виде указанных действий в классификацию способов *совершения* преступлений необоснованно.

Принимая во внимание перечисленные обстоятельства, а так же тот факт, что методы криминальных действий с развитием высоких технологий стремительно совершенствуются и видоизменяются, думается, более правильно следует классифицировать способы совершения несанкционированного доступа к сети сотовой связи по предмету преступного посягательства и формам оказываемого на него воздействия. Это дает возможность выделить виды способов, которые можно объединить в следующие группы:

1) несанкционированный доступ к элементам системы сотовой связи: подвижным (мобильным) станциям, подсистеме базовых станций, сетевой подсистеме (непосредственно прямым путем или опосредованно, с использованием специальных аппаратных или программных устройств);

2) несанкционированный доступ к услугам связи (реализуется техническими способами или мошенническим путем – обманом или злоупотреблением доверием);

3) несанкционированный доступ к информации, находящейся в сети сотовой связи (осуществляется путем перехвата передаваемой информации в эфире или проникновения в другие подсистемы сотовой связи и манипуляции имеющимися там данными).

По мнению автора, предложенная классификация позволяет учесть все возможные способы совершения преступлений в системе сотовой связи, связанные с несанкционированным доступом, предусматривая появление новых и модифицированных методов преступных действий.

Рассмотрим более подробно вышеуказанные способы несанкционированного доступа к сетям сотовой связи в соответствии с приведенной классификацией.

Несанкционированный доступ к элементам сети сотовой связи. Сущность данной группы способов преступлений выражается в воздействии на элементы сети сотовой связи (мобильную станцию, подсистему базовых станций, сетевую подсистему, программное обеспечение сети и др.), в результате чего нарушается их целостность, сохранность и нормальное функционирование.

Практика свидетельствует, что данный вид несанкционированного доступа может выражаться в следующих вариантах преступных действий:

¹² Чельшева О.В., Феськов М.В. Расследование налоговых преступлений. СПб., 2001. С. 36.

¹³ Белкин Р.С. Курс криминалистики. В 3 т. Т. 3. М., 1997. С. 361.

¹⁴ Там же. С. 361.

а) кражи, а также иных уголовно-наказуемых деяний (грабеж, разбой и т. д.), в результате которых становится возможным неправомерное завладение подвижной (мобильной) станцией;

б) доступа к сетевым элементам системы сотовой связи через Интернет, который чаще всего выражается в массовой рассылке рекламной или иной информации, не запрашиваемой пользователями сотовой связью, адресованной на серверы соответствующих служб оператора связи или на абонентские терминалы, так называемый «SMS-спам» (например, рассылка абонентам компании SMS-сообщений с предложением секс-услуг);

в) взлома¹⁵ систем автоматизированного расчета с абонентами (биллинга);

г) заражения информационно-коммутационной системы сотовой связи компьютерными вирусами;

д) использования, либо распространения вредоносных программ для мобильных телефонов¹⁶.

Несанкционированный доступ к услугам сотовой связи. Данный вид доступа реализуется техническими и мошенническими способами.

Технические способы представляют собой использование изготовленных или приобретенных специальных средств, обладающих возможностью получения бесплатных услуг сотовой связи. Вариантов таких действий много, отметим наиболее распространенные.

Классический пример технического доступа к услугам сотовой связи – доступ с помощью изготовленного или приобретенного «клонированного» сотового телефона или «сотового двойника». Суть данного способа заключается в использовании дублирующего абонентского аппарата с теми же числами-паролями (например, электронного серийного номера или идентификаци-

¹⁵ Взлом – попытка получения доступа к защищенным кодам (паролям) путем подбора.

¹⁶ Так называемые «мобильные вирусы» являются новой разработкой злоумышленников. Введение в мобильный терминал вирусов влечет нарушение функционирования программного обеспечения или физических элементов телефона, а также перегрузку сети сотовой связи путем провоцирования массированных звонков и передачи данных по определенным адресам. Примером может служить вирус, размножающийся по новой мобильной технологии MMS, которая позволяет передавать с телефона на телефон текст, звук и картинки. Вирус способен причинить материальный ущерб пользователю сотового телефона, так как за отправку MMS необходимо платить по установленному тарифу оператору связи. Вредоносная программа рассылает свои копии по мультимедийным каналам, при этом берет информацию из адресной книги телефона. Зараженное сообщение выглядит вполне легитимной программой или невинной картинкой.

онного номера), что и у мобильной станции законного пользователя. За вызовы с дублирующего аппарата расплачивается владелец основного телефона.

«Клонированный» сотовый телефон может использоваться не только для получения бесплатных услуг сотовой связи, но и для организации коммерческой связи, например, для продажи дорогих международных вызовов. В этом случае преступник предоставляет услуги международной связи с использованием услуг оператора мобильной связи «переадресация вызова» или «конференц-связь». Незаконный сотовый телефон является в этой схеме связующим звеном между пользователем обычного телефонного аппарата и зарубежным абонентом.

Необходимо отметить, что несанкционированный доступ с помощью сотового телефона – «двойника» применим только в аналоговых стандартах сотовой связи (в России AMPS, NMT-50), которые являются первым поколением сотовой связи. Данный вид телекоммуникационных преступлений являлся в России одним из самых распространенных на первоначальном этапе развития сотовой связи. В настоящее время аналоговые системы уходят в прошлое, уступая место цифровым сетям сотовой связи – системам второго и третьего поколения (GSM, CDMA и др.).

С появлением цифровых стандартов, обеспечивающих защиту от «сотовых двойников», преступники нашли новые способы для своей деятельности. Сегодня технические методы несанкционированного доступа к сетям сотовой связи представлены клонированием SIM-карт, использованием специальных устройств, имитирующих работу сотового телефона на стационарном аппарате и др.

Среди вышеуказанных способов наибольшую угрозу по масштабу распространения и возможным последствиям принимает клонирование SIM-карт.

Клонирование SIM-карт сравнительно новый вид преступной деятельности. Как отмечает Детлеф Отт, до середины 2002 г. были выявлены немногие случаи клонирования SIM-карт, однако, такие криминальные действия быстро превратились из потенциальной угрозы в реальную. По оценкам специалистов, данные преступления могут обойтись операторам мобильной связи в миллионы долларов¹⁷.

¹⁷ Детлеф Отт (Detlef Ott). Использование сигнальной информации для борьбы с мошенничеством // Мобильные телекоммуникации. 2003. № 3. С. 66.

Первоначально клонирование SIM-карт было возможно только при физическом доступе к ней, в результате чего осуществлялась перезапись хранящейся в ней информации в другой модуль (или его эмулятор). Однако появился новый метод, заключающийся в том, что специальная программа, действующая как фальшивая базовая станция, осуществляет просмотр соединений и сбор номеров IMSI (международных мобильных идентификационных номеров абонентов). Поскольку в сетях сотовой связи второго поколения аутентификация базовой станции в системе не производится (производится только аутентификация мобильного терминала), то фальшивая базовая станция может перехватывать вызовы легального абонента, управлять его телефоном, в частности, может заставить его отключить шифрование информации. В этом случае номер IMSI передается «открытым текстом», а, значит, может быть считан фальшивой базовой станцией и записан на чистую SIM-карту.

В отличие от технических способов несанкционированного доступа к услугам сотовой связи мошеннические действия представляют собой преступные деяния, связанные с обманом или злоупотреблением доверием.

Результаты проведенных исследований показали, что для достижения своих целей преступники используют типичные способы мошенничества.

Во-первых, подключение к сети сотовой связи и использование украденной, а также вывешенной иным путем помимо воли законного владельца подвижной (мобильной) станции. Доступ к услугам сотовой связи в этом случае продолжается, пока надлежащий владелец не уведомит оператора сотовой связи о необходимости блокирования его счета.

Во-вторых, мошенничество с договорами на оказание услуг сотовой связи.

Как правило, преступник в этом случае заключает договор с оператором сотовой связи на имя другого лица без ведома последнего, используя его удостоверение личности (паспорт, военный билет и др.), которое было похищено или утеряно, либо указывает преднамеренно чужие персональные данные. Заключив таким способом договор, преступник пользуется услугами сотовой связи или перепродает их третьим лицам, при этом счета на оплату выставляются указанному в договоре лицу.

Так, в июле 2003 г. представителями сотовой компании «Мобильные ТелеСистемы» (МТС) было обнародовано заявление о существовании фальшивых контрактов-договоров на

оказание услуг сотовой связи. Это стало возможным из-за того, что недобросовестные дилеры компании МТС регистрировали на один паспорт десятки сотовых телефонов, а реальные абоненты ничего не подозревали до тех пор, пока с их счетов не списывалась крупная сумма¹⁸.

В-третьих, мошенничество в роуминге, т. е. при использовании сотовой связью в другом регионе, где действует зона оператора связи, с которым заключено роуминговое соглашение.

Такой способ неправомерных действий выражается в использовании недобросовестным абонентом задержки получения информации от компании – роумингового партнера о его телефонных соединениях в месте пребывания, что позволяет нарушительно интенсивно пользоваться сотовой связью, а также перепродавать эфирное время. По истечении отчетного периода абонент исчезает, уходя от оплаты, причиняя ущерб оператору связи.

В некоторых случаях возможно сочетание вышеуказанного способа с преднамеренным указанием неверных данных при заключении договора на оказание услуг сотовой связи и подключении услуги «роуминг»¹⁹.

В-четвертых, мошенничество с картами предоплаты, когда преступниками используются бракованные или подложные карты предоплаты услуг сотовой связи, двойная авторизация карт.

Так, в мае 2002 г. в продажу поступили поддельные карты предоплаты услуг сотовой связи «Би +». Один из основных дилеров сотовой компании «Би Лайн» произвел и распространил гигантскую партию фальшивых карточек для пополнения баланса «Би +». Преступники сумели продать своим партнерам большую ее часть. Всего на рынок было выброшено около 600 тыс. поддельных карт «Би +» самого популярного номинала – по 10 и 20 долларов США²⁰.

В пятых, внутреннее мошенничество, которое представляет собой серьезную угрозу для компании – оператора сотовой связи. По данным исследования, проведенного в одной из европейских стран, 66 % всех случаев мошенничества являются внутренними; 75 % случаев внутренне-

¹⁸ Скробот А. Фальшивые звонки. Сектор мобильной связи становится все более притягательным для мошенников // Независимая газета. 2003. 20 июля.

¹⁹ Известны факты, когда по поддельным документам, удостоверяющим личность (паспортам), преступники заключают договор на оказание услуг сотовой связи, и, пользуясь услугой «роуминг» при выезде за границу предлагают гражданам позвонить в Россию за полцены от стоимости стандартного тарифа. Такие переговоры, ведаясь почти круглосуточно, приносят преступникам прибыль в несколько тысяч долларов в день.

²⁰ Скробот А. Указ. соч.

го мошенничества осуществляется управляющим персоналом компании – оператора связи; 58 % всех случаев мошенничества было обнаружено случайно²¹. При таком способе криминального деяния сотрудники компании (нарушители) вносят изменения в определенную внутреннюю информацию, чтобы получить доступ к услугам сотовой связи по сниженной стоимости или бесплатно. Чаще всего преступник меняет режим некоего счета с предоплатного на постоплатный, в результате чего соответствующие этому счету учетные записи бракуются как некорректные, и остаток средств на счете не уменьшается.

Рассмотренные виды мошенничества показывают, что действия злоумышленников разнообразны и изощренны. Нами установлено, что в сфере мобильных телекоммуникаций появляются и криминальные деяния крупного масштаба, примерами которых могут быть:

1. Мошенничества, связанные с межсетевой коммуникацией нескольких операторов связи.

В основе таких преступных операций – использование должностными лицами технических методов, позволяющих обманывать другого оператора связи при передаче транзитного трафика²² с целью обогащения:

– установка специального оборудования (SIM Voicing), позволяющего направлять трафик, минуя формальный шлюз между сетями;

– конфигурирование коммутатора, дающее недобросовестному оператору экономии значительных средств на международных вызовах; применение технологии «защелкивания» звонков с целью получения дополнительного дохода;

– другие способы.

2. Мошенничества, связанные с незаконным оказанием услуг международной связи с использованием элементов сети сотовой связи.

Примером может служить организация нелегальных переговорных пунктов, оказывающих услуги международных соединений с применением IP-телефонии (услуга телефонии по IP-протоколу²³). Новый способ передачи голоса на расстояние привлекателен прежде всего своей

дешевизной – перед отправкой голосовые данные пакетируются, занимая меньше места, и, следовательно, происходит экономия ресурсов. В своей схеме преступники используют определенное программное обеспечение, специальное оборудование (маршрутизатор, с помощью которого производится подключение к Интернету), шлюз, соединяющий компьютер с телефоном, и GSM-терминал. Последний элемент переговорного пункта позволяет адресовать звонок с обычного мобильного телефона, у которого даже не включены услуги международной связи и роуминга, на номер абонента любой страны мира. В GSM-терминале установлена SIM-карта, клиент совершает звонок на ее номер, а после соединения набирает определенную комбинацию цифр – PIN-код, в результате программа открывает абоненту выход на международную линию, остается набрать номер телефона иностранного абонента. Сколько бы ни длился разговор, мобильный оператор не сможет классифицировать его как международный: по отчетам компании, два абонента мобильной сети говорят друг с другом, за что один расплачивается по внутрисетевым тарифам. Таким образом, причиняется ущерб компании сотовой связи и оператору международных линий.

Указанные преступные способы мошенничества не являются исчерпывающими, однако, всем им свойственны общие черты: обман оператора связи с использованием его же ресурсов; применение подложных документов; нелегальных мобильных станций; незаконные действия с платежными средствами.

Несанкционированный доступ к информации, находящейся в сети сотовой связи. Такой вид преступной деятельности осуществляется рядом способов, в результате которых злоумышленники получают доступ к обрабатываемой, передаваемой или хранящейся в сети сотовой связи информации. Криминальные деяния по доступу к информации можно выделить в двух видах:

а) перехвате передаваемой информации в эфир;

б) уничтожении, блокировании, модификации, либо копировании информации, находящейся в сетевой подсистеме сотовой связи.

Перехват передаваемой информации в эфире является наиболее опасным преступлением против интересов пользователей сотовой телефонной связью. В виде перехваченной информации может выступать непосредственно разговор абонентов, или данные, передаваемые по каналам связи.

²¹ Цит. по ст.: Детлеф Отт (Detlef Ott). Указ. соч. С. 67.

²² Трафик – нагрузка, создаваемая потоком вызовов, сообщений и сигналов, поступающих на средства связи (См.: Ст.1 Федерального закона о связи от 7 июля 2003 г. № 126 // Собрание зак-ва РФ. 2003. № 28. ст.2895).

²³ IP-телефония – вид электросвязи по передаче голосовых сообщений в двустороннем режиме в реальном масштабе времени по сетям с пакетной коммутацией на базе IP-протокола. Позволяет осуществлять телефонные соединения, используя сети передачи данных (Интернет, локальные сети).

Несмотря на сложность технической организации сотовой связи, она от подслушивания в полной мере на сегодняшний день не защищена. В аналоговых системах первого поколения подслушать передаваемую информацию проще, в цифровых – сложнее, но в обоих случаях эта задача технически разрешима. Разговор, ведущийся с сотового телефона, прослушивается злоумышленниками с помощью специальных средств (например, программируемого сканера). Применяемый в цифровых сотовых телефонах алгоритм шифрования вскрывается с помощью персонального компьютера.

Используя сканирующее эфир оборудование, преступники также осуществляют проникновение к иной информации, передаваемой по радиоканалу в системе сотовой связи:

- идентификационным данным чужих телефонов (они необходимы для создания телефона – «двойника» или «клонирования» SIM-карты);
- кодам, набираемым на клавиатуре (телефонным номерам, номерам кредитных карточек, персональных PIN и др.);
- информации, позволяющей определить местоположение мобильной станции²⁴.

Несанкционированный доступ к информации, находящейся в сетевой подсистеме сотовой связи, осуществляется такими способами, как:

- внесение изменений в системы сбора и анализа информации о звонках;
- копирование персональных данных абонентов;

– копирование информации о телефонных соединениях абонента (детализаций счетов)²⁵;

– копирование сведений домашнего и гостевого регистров центра коммутации об абонентах, зарегистрированных в системе сотовой связи (включая по условиям роуминга) и о предоставляемых им услугах (отслеживание абонентов);

– изменение режимов счетов за оказанные услуги сотовой связи.

Несанкционированный доступ в базы данных оператора сотовой связи осуществляется через сетевые ресурсы (например, Интернет) или сотрудниками компании оператора сотовой связи, преследующими преступные цели.

Приведенный обзор способов совершения несанкционированного доступа к сетям сотовой радиотелефонной связи свидетельствует о том, что действия преступников отличаются: наличие сложных алгоритмов, хорошая техническая подготовка и организованность, отличное знание технологической стороны мобильной связи. В большинстве случаев преступники используют различные комбинации нескольких способов несанкционированного доступа (комплексные методы). Применяемые преступником методы постоянно совершенствуются и видоизменяются, что существенно затрудняет их выявление. Разработка и практическое внедрение криминалистических рекомендаций, отражающих специфику «мобильной» преступности, является условием успешного раскрытия и расследования данного вида преступлений.

²⁴ В стандарте GSM, например, подвижная станция измеряет и периодически передает на базовую станцию уровень сигнала базовой станции рабочей («своей») ячейки и до 16 смежных ячеек, измеряемый по каналу управления, используя эти данные, можно определить местоположение подвижной станции с точностью до нескольких десятков метров.

²⁵ Детализация счета – это информация о номерах всех входящих и исходящих звонков с указанием длительности разговоров и их стоимости. Формируется оператором сотовой связи по данным коммутационной системы. По этой информации можно сделать вывод о текущей деятельности абонента, его сфере интересов и круге знакомств.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗНАНИЙ ПРИ УСТАНОВЛЕНИИ МЕХАНИЗМА СОВЕРШЕНИЯ ХИЩЕНИЙ ПРЕДМЕТОВ, ИМЕЮЩИХ КУЛЬТУРНУЮ ЦЕННОСТЬ, ИЗ ЗДАНИЙ КУЛЬТОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

А.М. Медведев

Медведев Андрей Михайлович – адъюнкт Дальневосточного юридического института Министерства внутренних дел Российской Федерации.

В статье на основе изучения эмпирического материала, предпринята попытка обосновать необходимость проведения судебных экспертиз при установлении механизма совершения хищений предметов, имеющих культурную ценность из зданий культового назначения

The author attempts to prove the necessity of expert examination when determining the mechanism of pilfering objects of cultural value from the cultural purpose buildings. The analysis is given on the empirical base.

С позиций принятой методологической парадигмы процесс выявления и раскрытия хищений культурных ценностей из зданий культового назначения, представляет собой опосредованное взаимодействие, взаимосвязь и взаимообусловленность преступной деятельности субъекта и деятельности по выявлению и раскрытию обозначенных преступлений. При этом изменения, отобразившиеся в материальной среде, вызванные действиями субъектов преступной деятельности, выступают компонентом опосредования, который содержит криминалистически значимую информацию о функциональных сторонах преступной деятельности.

Для распознавания существующей объективно криминалистически значимой информации в ходе осуществления раскрытия и расследования хищений культурных ценностей из зданий культового назначения, возникает необходимость в использовании специальных знаний, которыми не располагают в достаточной степени лица, осуществляющие предварительное расследование. Это обуславливается, с одной стороны, спецификой предмета преступного посягательства – культурными ценностями, с другой – следовой информацией, порождаемой преступной деятельностью субъектов, которая при совершении исследуемых преступлений имеет специфические особенности, а для ее исследования требуются специальные знания одновременно из нескольких областей.

Прежде чем рассматривать выработанные в криминалистике основные положения, касающиеся применения специальных знаний для установления механизма совершенного хищения культурных ценностей при его раскрытии и расследовании, на наш взгляд, необходимо определить, что понимается под специальными знаниями и провести разграничение между знаниями и

умениями в области науки, техники, искусства или ремесла и знаниями необходимыми для решения вопросов, возникших при расследовании конкретных уголовных дел.

В законодательстве нет четкого закрепления понятия «специальные знания», а указывается лишь цель либо субъект их применения. Так, в соответствии со ст. 9 Федерального Закона «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» (№ 73-ФЗ от 31 мая 2001 г.) для проведения исследований и дачи заключения экспертам необходимы специальные знания в области науки, техники, искусства или ремесла, что устанавливает цель использования специальных знаний. В уголовно-процессуальном законе специальные знания определены через субъекта-эксперта, специалиста (ст. 57, 58 УПК РФ). Вместе с тем в научной юридической литературе определение содержания понятия «специальные знания» до сих пор остается дискуссионным.

По мнению А.Р. Шляхова, под этим термином обычно понимают знания, приобретенные при получении специального образования или в процессе практической работы по конкретной специальности¹.

Однако специальные знания, по замечанию А.А. Эйсмана, – это не общеизвестные, не общедоступные, не имеющие массового распространения знания, которыми располагает ограниченный круг специалистов². Выделив один из существенных признаков специальных знаний – необщедоступность и необщеизвестность, автор указал, что знания в области законодательства и

¹ Шляхов А.Р. Теория и практика криминалистической экспертизы : сб. № 9–10. М., 1962. С. 13.

² Эйсман А.А. Криминалистика в системе юридических и естественных наук : сб. науч. работ НИИСЭ. Вильнюс, 1963. Вып. 1. С. 9.

науки права не относятся к специальным знаниям в том смысле, в каком это понятие употребляется в законе. Тем самым он подчеркнул, что это знания, которыми не располагает адресат доказания.

В юридической литературе существует мнение, что граница между общедоступными и специальными знаниями носит субъективный характер, и решающее слово в ее определении принадлежит следователю по конкретному уголовному делу. Однако, по мнению автора, такой подход может вызвать ряд возражений. Во-первых, нет определенного критерия для разграничения специальных знаний на общие и специальные. Во-вторых, по одному уголовному делу, в зависимости от его обстоятельств и от квалификации лиц, имеющих к нему то или иное отношение, определенные знания могут быть отнесены к числу специальных, а по другому – к числу общих. Это может привести к отсутствию единства в правоприменительной практике как в обнаружении, изъятии и оценке доказательств, так и в назначении экспертиз.

В свою очередь, Ю.Г. Корухов не включает в число специальных знаний умения и навыки в различных ремеслах, а относит к ним лишь совокупность в определенной отрасли современной науки, техники или искусства, применяемых в целях доказывания³. Как далее отмечает автор, навыки и умения в различных ремеслах не стоит исключать из специальных знаний, так как практика расследования и рассмотрения в суде конкретных уголовных дел свидетельствует о том, что довольно часто возникает необходимость в таких знаниях при собирании, оценке и использовании доказательств.

В этой связи Н.Е. Сурыгина под специальными знаниями понимает «... совокупность знаний и профессионального опыта в области науки, техники, искусства и ремесла, применяемых для получения, обработки и использования розыскной и доказательственной информации в целях предупреждения или быстрого и полного раскрытия и расследования преступлений»⁴. Таким образом, автор включает возможность использования не только совокупность знаний для разрешения уголовных дел, но и профессиональный

опыт, тем самым не разграничивая специальные знания по содержанию, объединяя их поставленной целью – разрешением задач уголовного судопроизводства.

В то же время не совсем удачным представляется определение специальных знаний, данное Е.И. Зуевым, считающим, что это любые знания в науке, технике, искусстве или ремесле (исключая область процессуального и материального права), применяемые для разрешения вопросов, возникающих при осуществлении правосудия⁵. По нашему мнению, автор излишне широко толкует область применения специальных знаний, так как при осуществлении правосудия решается обширный круг вопросов. Законодатель же ограничивает этот круг только обнаружением, фиксацией, изъятием и исследованием доказательств.

Между тем А.В. Самойлов отмечает, что специальные знания являются категорией объективной. Далее автор делает акцент на то, что их нельзя ставить в зависимость от того, обладают ли ими конкретные лица⁶. В этой связи вряд ли можно согласиться с данной точкой зрения, поскольку специальные знания не существуют изолировано от субъекта. Не совсем ясно, что автор вкладывает в понятие объективное содержание. Ведь знания являются специальными только тогда, когда оцениваются, применяются и используются конкретным лицом для разрешения определенной задачи.

Несколько иначе В.Д. Арсеньев и В.Г. Заблоцкий рассматривают специальные знания «как систему сведений, полученных в результате научной и практической деятельности в определенных отраслях ... и зафиксированных в научной литературе, методических пособиях, наставлениях, инструкциях и т. п.»⁷. Данная точка зрения, безусловно, представляет определенный интерес, но следует учитывать, что сведения, отображенные в материальных носителях, не всегда являются бесспорными и основополагающими.

В этом отношении прав В.Н. Махов, который замечает, что если исходить из происхождения термина, то не следует принимать содержание его традиционной формы за основу⁸. Следо-

³ Корухов Ю.Г. Правовые основания применения научно-технических средств при расследовании преступлений. М., 1974. С. 17–18.

⁴ Сурыгина Н.Е. Повышение эффективности использования специальных технико-криминалистических познаний в раскрытии и расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1992. С. 27.

⁵ Зуев Е.И. Непроцессуальная помощь сотрудника криминалистического подразделения следователю. М, 1975. С. 89.

⁶ Самойлов А.В. Установление механизма совершения кражи в процессе расследования : дис. ... канд. юрид. наук. М., 2003. С. 154.

⁷ Арсеньев В.Д., Заблоцкий В.Г. Использование специальных знаний при установлении фактических обстоятельств уголовного дела. Красноярск, 1986. С. 4.

⁸ Махов, В.Н. Использование знаний сведущих лиц при расследовании преступлений. М., 2000. С. 39.

вательно, глубокие знания, например, в области криминалистической техники, судебных экспертиз, будут специальными по отношению к адресату доказывания (следователю, суду, участникам процесса и др.), так как последние этими познаниями в достаточной степени не обладают.

При конкретизации содержания специальных знаний, нами разделяется мнение П.П. Ищенко о том, что следует учитывать не только суть знаний как таковых, но и их роль в системе уголовного процесса, связь с теорией и практикой доказывания, в частности собирания, исследования и оценки доказательств⁹. Именно специальные знания обеспечивают качество и результативность раскрытия и расследования преступлений, поэтому не следует принципиально разграничивать специальные знания на общие и криминалистические.

Для определения специальных знаний в процессуальном смысле нужно исходить из понятий «специальность» (в смысле отдельной, обособленной отрасли науки, техники, искусства), «специалист» (в смысле самостоятельной профессии как человек, профессионально занимающийся тем или иным видом специального труда, квалифицированный представитель какой-либо профессии).

Под специальными знаниями следует понимать совокупность сведений, полученных в результате профессиональной специальной подготовки, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области. Основным признаком здесь является вид профессиональной подготовки, в рамках которой изучаются сведения, нужные для решения возникшего по делу вопроса. Такое понимание специальных знаний обеспечивает единообразие в решении вопроса о назначении экспертизы, исключают «субъективный характер оценки» границы между общими и специальными знаниями.

По обозначенным хищениям возникает потребность, во-первых, в таких специальных знаниях, как искусствоведение, геммология, металловедение и т. д. Во-вторых, для установления механизма совершенного хищения используются знания специально-криминалистические, которые являются знаниями о закономерностях, позволяющим собирать, исследовать, оценивать и использовать доказательства для установления элементов механизма преступления¹⁰, где их

⁹ Ищенко П.П. Специалист в следственных действиях : практич. пособие. М. : Юрид. лит., 1990. С. 5–8.

¹⁰ Матусинский С.В. Использование специальных познаний для установления механизма происшествя : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1994. С. 23.

применение используется с целью получения доказательственной информации.

Количественный и качественный спектр необходимых специальных знаний по уголовным делам о хищениях культурных ценностей из зданий культового назначения достаточно широк и разнообразен. К ним относятся специальные знания в следующих областях:

- криминалистического исследования следов, средств фиксации, криминалистических учетов;
- медицины, микробиологии, психиатрии;
- культуры, технологии и организации музейного, библиотечного, архивного дела;
- различных направлений искусства, архитектуры, археологии, истории, религии;
- связанных с искусством: дендрохронологии, геммологии, исследования ювелирных и художественных изделий из драгоценных металлов на основе химического и спектрального анализов и др.

В ходе проведенного опроса сотрудников правоохранительных органов нами установлено, что в 69 % случаев – специальные знания применяются для определения путей получения криминалистически значимой информации о механизме совершения хищения и в 31 % случаев их применение является средством получения искомой информации о механизме совершения преступления.

Формами использования специальных знаний на предварительном следствии являются:

1) *привлечение специалистов к расследованию преступлений.* Это обусловлено требованиями закона и особенностями самой обстановки преступного события, когда необходимо своевременно обнаружить, правильно закрепить и изъять доказательства. В соответствии с Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации, специалист может участвовать при допросах, выемке и обыске; следственном осмотре; освидетельствовании; следственном эксперименте; получении образцов для сравнительного исследования и т.п. В качестве специалистов могут выступать лица, обладающие познаниями в самых различных областях науки, техники, искусства и ремесла, в том числе сотрудники экспертных учреждений. Рекомендации специалиста могут касаться тактики, порядка и времени проведения процессуального действия, его участников, научно-технических и криминалистических приемов.

Процессуальная форма применения специальных познаний предусмотрена законом и конкретизирует отношения следователя и специали-

ста в процессе предварительного расследования. Это наиболее эффективный путь использования специальных знаний, так как многие обстоятельства, имеющие значение для уголовного дела, можно выявить только в тех случаях, когда специалист принимает личное участие в процессуальных и следственных действиях.

Как справедливо отмечает К.-Ю.А. Стунгинс: «Привлечение специалиста к участию в производстве следственных действий целесообразно и полезно не только в случаях, когда следователь не обладает определенным уровнем знаний, но и для выполнения работы, которую мог бы проделать следователь, если применение технических средств или выполнение действий не требует длительного отвлечения следователя»¹¹.

Аналогичная точка зрения и у А.А. Сидорова, который пишет, что следователи, являясь юристами, не могут разобраться в тонкостях специальных вопросов, да и, имея отдельные специальные знания, например, в дактилоскопии зачастую, во-первых, ограничены процессуальными сроками и не могут уделить достаточно времени. Во-вторых, у специалистов-криминалистов существуют специализации, по которым они работают годами, становясь высококлассными профессионалами по тем или иным вопросам¹².

Применительно к исследуемым преступлениям специалист-искусствовед при производстве осмотра места происшествия привлекался лишь в 18 % случаев. Однако в ходе изучения протоколов осмотра места происшествия, нами было отмечено, что в большинстве случаев документировался только факт участия специалиста-искусствоведа, и невозможно было определить, в чем конкретно выразилось его содействие. Также следует отметить, что при осмотре и описании обнаруженных и изъятых культурных ценностей специалист-искусствовед привлекался лишь в 7 % случаев.

Пренебрежение в использовании помощи специалистов-искусствоведов нередко приводит к следственным ошибкам. В качестве примера здесь уместно привести следующий факт. Так, дознаватель, после осмотра места происшествия по факту хищения из храма «Михаила Архангела» Лысковского района Нижегородской области

семи икон, вынес постановление об отказе в возбуждении уголовного дела, мотивируя свое решение малозначительной стоимостью икон, так как по описанию потерпевшего и свидетелей они были очень старые и растрескавшиеся. К данному заключению он пришел, не прибегая к помощи специалиста или иных сведущих лиц¹³.

Следователь привлекает специалиста-криминалиста к проведению следственного осмотра прежде всего в тех случаях, когда есть реальная возможность обнаружения материально-фиксированных источников информации, которые могут послужить основой для установления элементов механизма совершенного преступления.

Кроме того, анализ материалов уголовных дел показал, что в ходе производства обыска и выемки в 87 % привлекался один специалист-криминалист, несмотря на то, что, как указывают С.А. Приданов и С.П. Щерба, «идентифицировать предмет, находящийся в розыске, а также определить степень исторической и культурной ценности обнаруженных предметов может, как правило, только специалист-искусствовед»¹⁴.

Так, по мнению автора, в ходе производства обыска и выемки, при расследовании хищений культурных ценностей из зданий культового назначения специалист-криминалист, искусствовед может оказать следующую помощь:

- в отыскании, изъятии орудий преступлений, культурных ценностей добытых преступным путем, со следами, указывающими на совершение преступления, объектов, которыми могли быть оставлены следы. Такие объекты напрямую могут быть не связаны с расследуемым событием, но они позволяют проводить идентификационные исследования в тех ситуациях, когда следообразующий объект не найден или уничтожен;

- обнаружении, фиксации и изъятии следов, имеющихся на обнаруженных объектах, в случаях, когда на них могут оказаться следы владельцев или пользователей;

- использовании научно-технических средств;
- предупреждении или недопущении повреждений предметов, обстановки и следов на них в результате неумелого обращения;

- отыскании искомого предмета в общей массе (при обыске у скупщиков антиквариата, коллекционеров);

¹¹ Стунгинс К.-Ю.А. Применение специальных автотехнических знаний при расследовании дел о нарушении правил безопасности движения и эксплуатации транспорта : дис. ... канд. юрид. наук. М., 1973. С. 59.

¹² Сидоров А.А. Проблемы организации участия специалистов в расследовании преступлений : дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2000. С. 16.

¹³ Архив Лысковского РУВД Нижегородской области. Архивное дело № 341901.

¹⁴ Приданов, С.А. Преступления, посягающие на культурные ценности России: квалификация и расследование. М. : ООО Изд-во «Юрлитинформ», 2002. С. 218.

– составлении ориентировки (составить эскиз, описать и т. п.).

Примером непроцессуальной формы участия специалистов в ходе раскрытия и расследования обозначенных преступлений будет являться получение следователем консультации у специалиста-искусствоведа, религиоведа, по оценке культурных ценностей, сбора и объема доказательственной информации. Предварительный обмен мнениями со специалистами в процессе всего расследования позволяет следователю убедиться в правильности анализа поступившей информации, выдвинуть версии о лицах, совершивших преступления, о возможном месте реализации похищенных культурных ценностей, информационно и психологически подготовить себя к допросам обвиняемого (подозреваемого) или свидетелей.

Кроме того, при организации производства такого следственного действия, как опознание предметов, вещей, документов консультация у соответствующего специалиста поможет следователю определить организацию, учреждение, частное лицо (коллекционеры, антиквары и т.п.), у которых имеются похожие предметы, так как предмет преступного посягательства, являющийся культурной ценностью аналогов не имеет.

В этой связи участие специалиста в расследовании хищений предметов, имеющих культурную ценность из зданий культового назначения, объективно необходимо, при этом его деятельность должна являться органической частью процесса расследования.

2) *назначение и производство судебных экспертиз.* Важнейшей формой использования специальных знаний считается экспертиза. Судебные экспертизы помогают следователю изучить следы и иные вещественные доказательства, определить психическое состояние участников процесса и ответить на другие вопросы, интересующие следователя.

В качестве основных признаков, позволяющих раскрыть сущность судебной экспертизы как сложного процессуально-познавательного явления, по мнению Ю.К. Орлова, выделяются следующие:

- экспертиза – это особая форма использования специальных знаний в судопроизводстве;
- ядро экспертизы образует проведение исследования в целях установления обстоятельств, имеющих значение для правильного разрешения дела;
- экспертиза может проводиться только специальным субъектом-экспертом;
- законодательством установлен специфический процессуальный порядок производства экспертиз;

– ход и результаты экспертного исследования оформляются в виде особого документа – заключения эксперта¹⁵.

По обоснованному мнению А.А. Эйсмана, экспертиза назначается в тех случаях, когда факт, являющийся доказательством, может быть установлен лишь как вывод, основанный на специальных знаниях, т. е. не являющийся очевидным по характеру¹⁶.

Относительно хищений культурных ценностей еще И.Н. Сорокотягин отмечал, что судебно-следственная практика испытывает потребность в установлении ценности картин, икон, скульптур и других произведений культуры, в определении подлинности изделий ремесленного промысла¹⁷. В то же время как свидетельствует анализ изученных материалов уголовных дел по преступлениям обозначенной категории, следователи недостаточно полно используют экспертное исследование.

Во-первых, это связано с тем, что многие следователи не совсем четко представляют себе важность тех или иных экспертиз.

Во-вторых, исходя из специфики предмета преступного посягательства, проблемой является отсутствие необходимых знаний у следователей о видах экспертного исследования, возможности проведения тех или иных экспертиз.

В-третьих, поиск специалистов, уровень знаний и квалификация которых позволяет назначить их экспертами по уголовному делу.

Полагаем, что при расследовании хищений культурных ценностей из зданий культового назначения, могут быть назначены следующие виды криминалистических экспертиз – дактилоскопическая, трасологическая, биологическая, почвоведческая, экспертиза объектов волокнистой породы, металлов, сплавов и изделий из них и др. Кроме того, назначаются и нетрадиционные экспертизы – пробирная¹⁸, геммологическая¹⁹,

¹⁵ Орлов, Ю.К. Производство экспертизы в уголовном процессе : учеб. пособ. / Отв. ред. П.А. Лупинская. М., 1982. С. 4–5.

¹⁶ См.: Эйсман А.А. Критерии и формы использования специальных познаний при криминалистическом исследовании в целях получения судебных доказательств // Вопросы криминалистики. Вып. 6–7. М., 1962. С. 36.

¹⁷ Сорокотягин И.Н. Специальные познания в расследовании преступлений. Ростов-н/Д, 1984. С. 35.

¹⁸ Данная экспертиза определяет состав сплавов, содержание в них драгоценных металлов, изготовителя изделия, год, способ изготовления, подлинность оттисков пробирных клейм.

¹⁹ Разрешает вопросы, связанные с установлением характеристики ювелирных камней, их названий, стоимости, а также исторической, художественной и иной культурной ценности.

товароведческая, искусствоведческая, дендрохронологическая²⁰ и т. п.

Объектами этих экспертиз будут являться предметы изобразительного и декоративно-прикладного искусства, имеющие культовое назначение, такие, как иконы, кресты, киоты, оклады, складни, сосуды для причастия, реликтовые книги, ювелирные изделия, украшенные различными драгоценными, полудрагоценными камнями минералами либо стразами, стеклами, эмалью и т. д.

Таким образом, следует отметить исключительно важное значение судебной экспертизы в установлении механизма совершенного преступления. Как и любое другое процессуальное действие, экспертиза способствует всестороннему, полному и объективному исследованию обстоятельств уголовного дела. Она является эффективным средством решения вопросов, возникающих перед следствием. При этом цель достигается с помощью научно-обоснованных методов, которыми следователь, как правило, не владеет. Экспертиза существенно расширяет возможности следствия по обнаружению, закреплению, изъятию и проверке доказательств. Особо необходимо подчеркнуть, что заключение эксперта является полноценным источником доказательств. Содержащиеся в нем фактические данные, после оценки их следователем, благодаря своей научной обоснованности становятся весомым аргументом на пути достижения истины. И, наконец, производство экспертизы предполагает вовлечение в уголовный процесс квалифицированного незаинтересованного в исходе уголовного дела субъекта-эксперта.

Во многих случаях качество экспертизы напрямую зависит от компетентности эксперта. Уровень его подготовки, степень активности, нравственная позиция нередко обуславливают роль и значение судебной экспертизы по уголовному делу.

3) *применение следователем собственных специальных знаний.* Специальные знания следователя – это совокупность современных теоретических знаний и практических навыков в области науки, техники, искусства и ремесла, полученных в результате специальной подготовки или профессионального опыта и приме-

няемых с целью расследования и предупреждения преступлений. Как отмечает Б.Н. Ермоленко, получение знаний это не только постоянный процесс их накопления о предметах, установлении закономерностей (теорий), но также и применение накопленных знаний в определенной практической деятельности, направленное на познание конкретных объектов и явлений, развитие процесса познания отдельных свойств и сторон этих объектов²¹. Следовательно, в ходе получения знаний человек вырабатывает определенные навыки в их применении, поэтому как указывает В.И. Шиканов, для признания человека лицом, обладающим специальными знаниями, необходимо чтобы он имел не только теоретическую подготовку в какой-либо области не общеизвестных знаний, но умел их применять на практике²².

По мере накопления профессионального опыта у следователя «вырабатывается своеобразная избирательность наблюдения, направленная на отыскание доказательств, на выяснение признаков-последствий расследуемого события, на установления определенного рода связей между явлениями»²³. В соответствии с этим собственные специальные знания следователем используются при раскрытии и расследовании конкретных уголовных дел, в ходе которого он собирает, исследует и оценивает доказательственную информацию и на этой основе моделирует механизм совершенного преступления.

В сознании следователя со временем вырабатываются определенные стереотипы и установки, которые позволяют ему в определенной сложившейся следственной ситуации выстроить последовательный алгоритм следственных и процессуальных действий, направленный на раскрытие и расследование преступления, изобличение виновных. Вместе с тем быстрое сопоставление полученной информации со своими знаниями предоставляет ему возможность оценить ее.

Таким образом, целями применения собственных знаний следователем при раскрытии и расследовании хищений предметов, имеющих культурную ценность, являются: непосредст-

²¹ Ермоленко Б.Н. О судебной экспертизе как процессе познания // Криминалистика и судебная экспертиза. Киев, 1976. № 12. С. 55.

²² Шиканов В.И. Использование специальных познаний. Иркутск, 1976. С. 4.

²³ Более подробно см.: Рагинов, А.Р. Судебная психология для следователя. М., 1967. С. 88–91; Хлынцов М.Н. Криминалистическая информация и моделирование при расследовании преступлений. Саратов, 1982. С. 39.

²⁰ Назначается при спорных вопросах установления возраста иконы и породы досок, из которых изготовлены предметы религиозного культа, время (век) наложение на них живописного слоя.

венное обнаружение, фиксация, предварительное изучение, оценка и использование доказательств, решение вопроса об их относимости и допустимости, правильная квалификация преступного деяния, определение предмета и пределов доказывания, качественное проведение процессуальных и следственных действий, организация взаимодействия со специалистами и экспертами в процессе их раскрытия и расследования.

Исходя из изложенного выше, можно сделать вывод, что посредством использования специальных знаний при установлении механизма совершения хищений предметов, имеющих культурную ценность из зданий культового назначения, происходит постепенное наполнение моделей расследуемого события, построенных на основе всех установленных фактов. Полагаем, чем большей информацией обладает лицо, проводящее расследование, тем меньше поле версий, требующих расследование.

Под специальными знаниями, используемыми при установлении механизма совершения исследуемых хищений в процессе их расследования, по нашему мнению, следует понимать совокупность сведений, полученных, *во-первых*, в результате профессиональной специальной подготовки, *во-вторых*, создающих для их обладателя возможность решения вопросов в какой-либо области.

По обозначенным преступлениям нами рекомендуется использовать знания специалиста-искусствоведа, который окажет существенную помощь в ходе подготовки и производства следственных действий на протяжении всего процесса расследования, успех которого обеспечивается сочетанием процессуальных и непроцессуальных форм использования специальных знаний. В этом случае полученная информация об элементах механизма совершения хищений культурных ценностей из зданий культового назначения, становится полной и достоверной. Назначаемые судебные экспертизы по исследуемым преступлениям могут проводиться на всех этапах расследования. Своевременное назначение любых видов судебных экспертиз оказывает положительное влияние на расследование уголовных дел, а их результаты несут важное доказательственное значение.

Таким образом, сведения, полученные в результате проведения судебных экспертиз, должны составлять определенную систему, отражающую признаки преступления. Знания, полученные в результате проведения экспертного исследования, позволяют на практике работникам правоохранительных органов изблечить не только лицо, совершившее преступление, но и его соучастников, а в конечном итоге, установить все обстоятельства, способствовавшие его совершению.

ГЕРМАНСКИЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ В ПРОЦЕССЕ ОБЪЕДИНЕНИЯ ГЕРМАНИИ: ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Е.Н. Спасский

Спасский Евгений Новомирович – кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье рассматривается политическая конкуренция германских партий в процессе государственного объединения Германии. Основные партийные группировки исследуются с точки зрения выполнения своих функций: программной, артикуляции и агрегирования интересов, политической мобилизации. Делается вывод о том, что правые партии, реализуя их более эффективно, чем левые, предопределили свою победу на общегерманских выборах 2 декабря 1990 г.

The article is devoted to considering the political competition among the German parties at the process of the state reunion of Germany. Basic party's groups are analyzed from the angle of view of the implementation of their functions: of the program function, of the function of the articulation and aggregation of the interests, of the function of the political mobilization. The conclusion draws about the fact, that the right parties realized this functions more effectually*, than left group. It was created for victory of the right parties in the all German elections 2 December 1990 year.

Одним из методов исследования политических партий является их рассмотрение через призму выполнения этими институтами своих функций. Несмотря на то, что среди учёных отсутствует консенсус относительно содержания этого понятия, можно выделить наиболее часто употребляемые его значения¹. В их числе такие, как следствие проявляемой партиями активности, партийные задачи, цели, образцы поведения. Круг партийных функций довольно обширен. Так, один из авторитетных германских политологов К. фон Байме выделяет следующие: определение целей (идеология и программа), артикуляция и агрегирование интересов, мобилизация и социализация граждан, рекрутирование политических элит и формирование правительства¹. Согласно классификации известных американских исследователей Г. Алмонда и Д. Пауэлла, партии участвуют в выполнении функций разработки, применения и присуждения правил поведения, а также в осуществлении правительственных функций, выполняют коммуникативную функцию, реализуют функции, способствующие адаптации к системе и её сохранению. Однако основной их функцией они считают агрегирование интересов². Э. Визендаль, проанализировав высказывания по поводу партийных функций почти трёх десятков различных авторов,

насчитывает их почти два десятка³. К наиболее упоминаемым относятся: отбор и рекрутирование элит, выработка программ, формирование общественного мнения, налаживание коммуникации между элитами и массами, координация правительственных решений и управление ими, поиск поддержки среди избирателей, артикуляция интересов, системная интеграция различных групп интересов. Следует отметить, что перечисляемые функции характеризуют различные стадии проявления партийной активности, которые обуславливаются в свою очередь статусом партии в политической системе. Так, например, в момент борьбы за власть на первое место выдвигаются одни функции, тогда как в период пребывания у руля правительственной ответственности – другие.

Предметом исследования настоящей статьи является взаимодействие германских партий в ходе государственного объединения Германии, которое протекало под знаком грядущих общенациональных выборов. Объединительный процесс проходил в условиях активной политической борьбы, где главной целью партий было получение максимального доступа к государственной власти. Наиболее важными для партийных группировок в этот период стали такие функции, как программная, артикуляции и агрегирования интересов, политической мобилизации избирателей и членов партий. Далее, на примере реализаций указанных партийных функций, мы попытаемся выяснить, в какой степени различным партиям удалось добиться этой цели.

* Sorauf F. Political parties and political analysis // The American party system / Burnham W., Chambers W. (Eds.). New-York, London, Toronto, 1967. P. 33–55. Wiesendahl, E. Parteien und Demokratie. Opladen, 1980. S. 190–191.

¹ Beyme, K. von. Parteien in westlichen Demokratien. München, 1984. S. 25.

² Цит. по: Шварценберг Р.-Ж. Политическая социология. Ч. 3. М., 1992. С. 19–20.

³ Wiesendahl, E. Parteien und Demokratie. S. 187–188.

Программная функция

Эта партийная функция находит своё выражение в выработке перспективных стратегий, реализуя которые, они могли бы получить в свое распоряжение политическую власть. Всю партийную программатiku можно разделить на две части. С одной стороны, это долгосрочные, идеологические программы принципов, в которых формулируется видение центральных общественных проблем. Как правило, их выработка длится в течение достаточно продолжительного периода и сопряжена со значительными интеллектуальными затратами. С другой стороны, программную функцию выполняют краткосрочные, тактические разработки. Они находят свое выражение, главным образом, в предвыборных программах, а также в так называемых программах действий⁴, где освещается актуальная на данный момент проблематика, и предлагаются способы решения конкретных вопросов.

Нас в данном случае будет интересовать второй аспект партийной программатики, где речь пойдет о практическом решении основной политической проблемы рассматриваемого периода – объединении Германии.

Ещё во второй половине 1980-х гг. в качестве главных тем, дискутировавшихся партиями ФРГ, выступали глобальные проблемы будущего, которые должны были определять содержание политики до конца второго тысячелетия. Вопрос о том, «кто будет в 1990-е гг. определять политический ландшафт Федеративной республики Германия остается открытым. Это будет та политическая сила, которая более компетентно подойдет к определению задач будущего»⁵. Тон здесь задавали ведущие группировки – Христианско-демократический союз и Социал-демократическая партия Германии. Если ХДС, принятым своего «Манифеста будущего» на съезде в Майнце в 1986 г. определил главное направление политических дебатов в отношении этих проблем, то СДПГ на протяжении всей второй половины 1980-х гг. находилась в состоянии перманентного обсуждения новой программы принципов, которое завершилось её официальным утверждением в декабре 1989 г. Однако события в ГДР осени 1989 г. кардинально изменили политическую повестку дня, поставив во главу угла

проблему объединения Германии. Таким образом, актуальной задачей партий в этих условиях становилась выработка конкретной программы решения «германского вопроса», которая была бы наиболее адекватна складывающейся социально-политической и экономической ситуации. С одной стороны, коренное изменение ситуации требовало, в первую очередь, умения политической импровизации и быстроты реакции на стремительно развивающиеся события. С другой стороны, нужно учитывать, что партии имели различные исходные позиции в отношении данной проблемы, в значительной мере повлиявшие на их последующие действия. В этой связи следует отметить, что правые формирования и их сторонники были более ориентированы на национально-государственное объединение двух германских государств, нежели левые⁶. Если в официальных документах и выступлениях лидеров как ХДС, так и ХСС неизменно говорилось о единстве немецкой нации, то социал-демократы в середине 1980-х годов призывали прекратить «бесплодную дискуссию об открытости германского вопроса»⁷. С выдвижением в СДПГ нового поколения политиков во главе с О. Лафонтемом, его решение всё более рассматривалось в контексте европейского объединения. По мнению самого Лафонтена, традиционная национальная государственность очень мало сочеталась с будущим. «Будущее называется Европа»⁸. В этом его взгляды отчасти перекликались с точкой зрения бывшего генерального секретаря ХДС Х. Гайслера, говорившего о «мультикультурном обществе», а также о том, что «лучшими временами для немцев были те периоды их истории, когда они не имели единого национального государства»⁹. В новой программе принципов СДПГ, одним из авторов которой был О. Лафонтен, по поводу будущего немцев говорилось: «Люди в обоих германских государствах будут решать вопрос о форме институционального сообщества в рамках объединяющейся Европы. Исторический опыт немцев и их решение в пользу объединенной Европы исключает особый германский путь»¹⁰.

⁶ Спасский Е.Н. Германские политические партии в процессе и после объединения Германии. Хабаровск, Владивосток, 2006. С. 17–20.

⁷ Цит. по: Петелин Б.В. ХДС/ХСС и объединение Германии. Вологда, 2002. С. 44.

⁸ Общественно-политические взгляды О. Лафонтена. М.: ИНИОН, 1989. С. 26.

⁹ Цит. по: Lafontaine O. Deutsche Wahrheiten. Hamburg, 1990. S. 178.

¹⁰ Der Vorwärts. Bonn, 1990. № 1. S. 6.

⁴ Kaak H. Geschichte und Struktur des deutschen Parteiensystem. Opladen, 1971. S. 401.

⁵ Schmid J., Tiemann H. Die Zukunftsdiskussionen und -programme der Parteien und Verbände // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1991. № 44. S. 32.

Что касается других партий, то наиболее отчётливо требование о воссоединении Германии, причём в границах 1937 г., звучало в программе «республиканцев»¹¹, которые к концу 1980-х гг. переживали взлёт политической популярности. В противоположность этому, западно-германская Партия зелёных занимала в этом вопросе открыто «антинациональную» позицию.

Таким образом, правые политические партии ФРГ в программном отношении были более подготовлены к решению «германского вопроса» в русле государственного объединения, что оказалось наиболее адекватно ситуации, когда национальное самосознание немцев по обе стороны границы было подвержено бурному росту. Однако до определённого момента эти программные ориентиры оставались лишь в потенции. Так, всего лишь за считанные месяцы до падения берлинской стены Г. Коль выступал ярким сторонником форсированного процесса европейской интеграции. «Цель германской политики, если она нацелена в будущее, ... должна состоять в том, чтобы мы расстались с мыслями о прежнем национальном государстве XIX в. И политическое единство Европы является предпосылкой для этого»¹². Более того, 19 июля 1989 г. в газете «Франкфуртер альгемайне цайтунг» была опубликована статья ближайших советников канцлера М. Мертеса и Н. Приля, где говорилось о значительных трудностях политического и экономического объединения Германии, если исходить из требования восстановления единого германского государства¹³. Однако именно эти эксперты несколько месяцев спустя приняли непосредственное участие в разработке программы Г. Коля из десяти пунктов по вопросу германского объединения¹⁴.

«Десять пунктов» федерального канцлера стали первой конкретной политической программой, предложенной какой-либо из партий в новой ситуации. Хотя план вызвал неоднозначную реакцию как вне, так и внутри ФРГ, однако, он был терминологически выдержан в категориях международных совещаний и документов¹⁵. Г. Коль попытался также упредить международную критику тем, что

приписал большую часть заслуг в начавшемся процессе германского объединения соседям как на Западе, так и на Востоке. По поводу же будущего внутригерманского устройства говорилось следующее: «Мы также готовы к тому, чтобы сделать ещё один решающий шаг, а именно развивать конфедеративные структуры между обоими германскими государствами с целью создания федерации, т. е. федеративно-государственного устройства»¹⁶. Введя термин «конфедеративные структуры», канцлер перевёл германский объединительный процесс в конкретную плоскость. Конфедерация предполагала существование суверенных государств, что означало бы дальнейшее признание ГДР в качестве самостоятельного государства, поэтому говорилось не о конфедерации, а о конфедеративных структурах с перспективой создания единого федеративного государства.

Обнародовав этот план, ХДС во главе с Г. Колем, перехватил инициативу у своих политических конкурентов как слева, так и справа. На правом фланге это имело своим следствием падение популярности праворадикальной Республиканской партии, претендовавшей на особое место в решении «германского вопроса». Что касается главного конкурента христианских демократов, то СДПГ, казалось бы, лучше теоретически оснащённая в силу только что принятой, совершенно новой партийной программы, оказалась не готовой своевременно дать адекватную оценку событиям, происходящим не только в ГДР, но и процессам, развернувшимся во всей Восточной Европе, что было отмечено в ходе дискуссий по поводу этого документа¹⁷. Историческим невезением стало для социал-демократов то, что программные дебаты шли в тот момент, когда процесс изменений в Восточной Европе, начавшийся с перемен в СССР, только разворачивался. Пик этого процесса, в том числе и мирная революция в ГДР, пришелся на тот момент, когда программа была уже готова к официальному утверждению.

Программа Г. Коля застала социал-демократов буквально врасплох. Первой реакцией их депутатов в бундестаге на предложенный канцлером план, стало почти безоговорочное его одобрение¹⁸. Лишь отсутствие в предложениях главы правительства гарантий польских границ и тре-

¹¹ Партия «Республиканцы» на политической арене ФРГ и Западного Берлина. М.: ИНИОН, 1989. С. 11.

¹² Цит. по: Herles, W. Nationalrausch. Szenen aus dem gesamtdeutschen Machtkampf. München, 1990. S. 29.

¹³ Frankfurter Allgemeine Zeitung. 1989. 19. Juli

¹⁴ См.: Мертес М. Немецкие вопросы – европейские ответы. М., 2001. С. 104–113.

¹⁵ Zehnunkte-Programm zur Überwindung der Teilung Deutschlands und Europas: Rede von Bundeskanzler H. Kohl am 28. November vor dem Deutschen Bundestag // Der Weg zur deutschen Einheit / Zanetti B. (Hrsg.). München, 1990. S. 257–265.

¹⁶ Ibid., S. S62.

¹⁷ Дискуссия вокруг проекта программы принципов социал-демократической партии Германии. М.: ИНИОН, 1990. С. 5.

¹⁸ Zur Sache. Deutschlandpolitische Debatten im Deutschen Bundestag vom 28 November 1989 bis zum 8 März 1990. Bonn, 1990. № 8. S. 82.

бований о разоружении, позволили фракции СДПГ отклонить принятие коллективной парламентской резолюции одобряющей этот план¹⁹.

Всё же, несмотря на то, что «десять пунктов» и являлись перспективной политической программой, во многом это был план, носивший общий характер, требовавший тщательной социально-экономической проработки. И здесь социал-демократы, уступившие инициативу правительству, могли наверстать упущенное. Прежде всего, это касалось разработки программы структурной перестройки экономики ГДР. В то время как правительственные партии возлагали большие надежды на свободную игру рыночных сил, то СДПГ могла исходя из своего опыта предложить государственную программу переориентации восточно-германской промышленности²⁰. С другой стороны, её подготовка таила в себе определенные опасности. Как отмечал Р. Де Векк, «здесь необходима большая смелость, чтобы с чёткой и продуманной аргументацией вести предвыборную борьбу, пропагандируя, вопреки духу времени, возможности государства. К тому же требование о необходимости структурной государственной политики равно признанию того, что экономического чуда не будет»²¹. Кроме того, создание программы требовало наличия большого интеллектуально-организационного потенциала. В этом отношении консервативно-либеральный блок имел очевидное преимущество перед оппозицией, опираясь на возможности министерских бюрократий. Наконец, не последнюю роль играло то, что экономическая компетенция СДПГ в сравнении с правительственными партиями оценивалась избирателями ниже, что касалось, в частности, и вопросов содействия социально-экономическому развитию восточных земель²². Это обстоятельство, а также факт 8-летнего пребывания СДПГ в оппозиции, лишавшего её доступа к рычагам экономического управления на федеральном уровне, увеличивали риск относительно того, что разработанный документ не найдет отклика среди населения и ещё более ослабит партийные позиции. В этих условиях часть руководства СДПГ, во главе с кандидатом в канцлеры О. Лафонтемом, сделала главный упор на использование негативной стратегии по отношению к правительству. И хотя кан-

дидат в канцлеры имел содержательную предвыборную программу «Прогресс-90», где в качестве главной задачи для Германии провозглашалась экологическая перестройка экономики и связанное с этим обновление налоговой системы²³, центром его избирательной кампании стала критика правящих партий в отношении финансирования германского объединения и введения в действие договора о валютном, экономическом и социальном союзе.

В то же время внутри СДПГ существовала значительная оппозиция политике, проводимой О. Лафонтемом. Часть руководства партии во главе с Й. Фогелем и В. Брандтом предпочитали в большей степени кооперативную стратегию во взаимоотношениях с правительством, стратегически не ставя под сомнение взятый им курс. Опасаясь оказаться в деле национального объединения Германии в положении консервативных партий в эпоху подписания восточных договоров, эта часть социал-демократов критиковала Г. Коля, главным образом, за недостаточные усилия по привлечению всех политических сил для участия в процессе объединения. С их точки зрения, историческое значение происходящего требовало солидарных действий с правительством, оставив в сторону свои политические амбиции²⁴. В целом, оценивая наличие у СДПГ разработанной программтики относительно проблем, связанных с объединением Германии, сошлёмся на мнение одного из членов руководства партии Клауса фон Донани, выступавшего в той ситуации в качестве оппонента О. Лафонтема. «СДПГ, которая могла бы способствовать своим опытом и убеждениями в качестве оппозиционной партии, прежде всего, выработке политической концепции экономического процесса объединения, между тем застряла на двух второстепенных вещах: на дебатах по поводу сохранения двух германских государств, а затем ввязалась в совершенно бесполезную дискуссию об отклонении валютного союза. Так были упущены из виду задачи и шансы создания политической концепции для социального и экономического объединения»²⁵.

Что же касается правящих партий, то их конкретная социально-экономическая программтика нашла свое выражение в разработке концепции валютного союза, а затем и в подготовке второго государственного договора. При этом важно заметить, что они обладали существенным

¹⁹ Herles, W. Nationalrausch. Szenen aus dem gesamtdeutschen Machtkampf. S. 88.

²⁰ Die Zeit. Hamburg, 1990. № 48. S. 27.

²¹ Ibidem.

²² Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 47. S. 44

²³ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 33. S. 22.

²⁴ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 22. S. 31.

²⁵ Dohnanyi K. von. Das deutsche Wagnis. München, 1990. S. 197.

преимуществом по отношению к оппозиции – в их руках были экономические рычаги управления, что позволяло на практике реализовывать свои проективные разработки.

Западно-германские ХДС и СДПГ составляли два основных полюса притяжения, как в ФРГ, так и в ГДР. Их программные стратегии в решении германского вопроса были главной осью, вокруг которой вращалась тематика других германских партий. Партнёры демохристиан по правительственной коалиции Свободно-демократическая партия и Христианско-социальный союз выступали с ним в отношении проблем объединения Германии единым фронтом, хотя главную роль при этом играл, естественно, ХДС. Достаточно сказать, что ноябрьский план канцлера явился неожиданностью не только для политических соперников, но и для собственных партнеров. В рамках этого альянса СвДП выступала с типичными либерально-экономическими требованиями, делая упор на минимальное государственное вмешательство в реконструкцию восточногерманских земель. Особым её условием было требование о превращении Восточной Германии в зону с низким налогообложением, которое, ввиду складывающейся финансовой ситуации, было впоследствии снято. ХСС же, в лице своего председателя Т. Вайгеля, являвшегося одновременно министром финансов, был также активным участником создания экономической стратегии объединения Германии.

«Зелёные» были единственной значимой западно-германской организацией, которая в течение определенного периода выступала принципиальной противницей национального объединения Германии. Исходя из своего понимания политики, они предполагали существование двух германских государств в демилитаризованной, свободной от блоков Европе, надеясь, что в будущем ГДР осуществит нечто вроде социализма²⁶.

Программные стратегии восточногерманских объединений были ориентированы на политику родственных группировок из ФРГ. Подобно тому, как и там, водораздел в отношении национально-государственного объединения Германии проходил между левыми и правыми партиями. Так, Партия демократического социализма и организации, входившие в Союз 90²⁷, дольше других отстаивали положение о государственной самостоятельности ГДР, в основе кото-

рого лежали надежды на формирование нового национального самосознания восточных немцев. В этом их позиции в некоторой степени перекликались с точкой зрения «зелёных» ФРГ. Восточно-германские социал-демократы, ориентируясь на родственную им партию в Западной Германии, увязывали национальное объединение с европейским процессом, одновременно оговаривая постепенность его осуществления. Как и их коллеги в ФРГ, СДПГ ГДР настаивала в начале на объединении согласно статье 146 Основного закона Федеративной республики. Правые группировки – Христианско-демократический союз и Немецкий социальный союз²⁸ – требовали скорейшего присоединения ГДР к ФРГ в соответствии со статьей 23 западно-германской Конституции. Более сдержанно в этом вопросе выступали восточно-германские либералы²⁹.

Подводя итог рассмотрения реализации различными политическими формированиями своих программных функций, можно заключить, что правые партии, как в ФРГ, так и в ГДР, оказались в этом отношении лучше подготовлены к решению германского вопроса, нежели левые, ориентируясь на национально-государственное объединение Германии. В какой мере это отражало интересы различных электоральных групп, позволяет выявить анализ следующей партийной функции – функции артикуляции и агрегирования общественных интересов.

Функция артикуляции и агрегирования общественных интересов

Под артикуляцией интересов понимается процесс, посредством которого индивиды и группы предъявляют требования лицам, принимающим политические решения. Что же касается второй части указанной функции, то когда «политическая партия на этапе подготовки своей программы сводит воедино требования различных групп интересов, вступает с ними в контакт с целью поиска компромисса, а затем выражает его в форме политического заявления, она тем самым занимается агрегированием интересов»³⁰. Если речь идёт об артикуляции интересов, то главным образом здесь подразумеваются интересы тех электоральных групп, представителями которых на политическом уровне выступают

²⁶ Herles W. Nationalrausch. Szenen aus dem gesamtdeutschen Machtkampf. S. 103.

²⁷ Альянс гражданских объединений непартийного характера, сыгравших одну из главных ролей в мирной революции в ГДР осенью 1989 г.

²⁸ Восточно-германская группировка правого направления, ориентированная на западно-германский ХСС.

²⁹ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 11. S. 15.

³⁰ Шаран, П. Сравнительная политология. М., 1992. Ч. 2. С. 190

партии. Таким образом, для характеристики этой функции необходимо выяснить позиции различных групп населения относительно интересующей нас проблемы, а также рассмотреть, насколько они нашли свое отражение в программных стратегиях партийных формирований.

До сих пор мы исходили из того, что темой номер один в 1990 г. был вопрос об объединении Германии. Однако важно учитывать, что в силу складывающейся ситуации, внутренний механизм его осуществления затрагивал в основном интересы граждан ГДР. Иными словами, когда речь шла о государственном объединении, то это означало, прежде всего, кардинальное изменение судеб восточных немцев, не говоря уже о том, что это было связано с прекращением юридического существования ГДР. Западно-германские граждане выступали здесь в большей степени в качестве сторонних наблюдателей. Для них тема германского объединения являлась неким общим фоном, где важную роль продолжали играть другие проблемы. Так, согласно опросу, проведенному Эмнид-институтом среди жителей ФРГ в мае 1990 г., среди десяти важнейших проблем, объединение Германии в качестве главной темы, считали лишь 28 % опрошенных. На первое же место выходили такие проблемы, как защита окружающей среды, борьба с безработицей, обеспечение стабильности западно-германской марки и т. д. Из комплекса вопросов, связанных непосредственно с темой национального объединения, западно-германского избирателя больше всего волновал вопрос, насколько это окажет влияние на его финансовое положение³¹. Хотя среди сторонников различных партий отношение к объединению Германии было неоднозначным. Главное место среди всех проблем ему отводило 24 % избирателей СДПГ, 14 % «зелёных», 34 % сторонников ХДС/ХСС и 33% симпатизирующих СвДП³².

Итак, западно-германские избиратели, в целом приветствуя объединение, не отводили ему роль самой важной из всех тем. В этой ситуации позиция О. Лафонтена, сделавшего упор на социально-экономические и финансовые издержки объединительного процесса, имела под собой определенные основания и отражала, в известной мере, настроения жителей Западной Германии.

Необходимо также отметить, что, несмотря на своеобразие своей позиции, кандидат в канцлеры от СДПГ следовал курсу, который в целом поддерживался партией. Главные темы О. Ла-

фонтена – социальные аспекты объединения, критика его чрезмерного темпа, вполне согласовывались с мнением СДПГ и её избирателей. Согласно опросам, проведенным в июне 1990 г., 61 % членов СДПГ и 69 % «зелёных» были озабочены судьбой западногерманской марки (в канун введения в действие договора о валютном союзе), тогда как большинство сторонников ХДС/ХСС и СвДП верили в то, что она останется стабильной. Слишком быстрым считали объединительный процесс 45 % сторонников ХДС/ХСС и 48 % приверженцев СвДП, тогда как среди избирателей СДПГ и «зелёных» таковых было соответственно 82 % и 80 %³³.

Таким образом, СДПГ в целом действовала в русле своей традиции, акцентируя внимание на социальной проблематике, дополняемой требованиями об экологических реформах. Поэтому электорат СДПГ в старых федеральных землях, несмотря на её внутривнутрипартийные разногласия, продолжал оставаться стабильным. В той же мере это можно было сказать и о сторонниках ХДС/ХСС. Христианский альянс, по мнению избирателей, были более компетентен в решении экономических проблем, вопросов борьбы с преступностью и т. д., то есть там, где его опыт оценивался всегда выше, чем политика СДПГ. После введения в действие договора о валютном союзе, правительственные партии стали считаться и более сведущими относительно проблем объединения Германии. Но сама проблема объединения, как говорилось выше, не являлась для жителей Западной Германии настолько важной, что могла бы обусловить значительную переориентацию избирателей в пользу блока ХДС/ХСС. Это объясняется прежде всего тем, что западно-германский электорат обеих «народных партий» был детерминирован стабильными социально-культурными связями, устойчивость которых лишь в незначительной степени зависела от смены политической проблематики.

В целом можно констатировать, что проблема объединения Германии не оказала влияния на реализацию основными политическими партиями ФРГ функции артикуляции и агрегирования интересов в той мере, чтобы это могло привести к существенным изменениям их электоральных пропорций.

Западно-германские «зелёные» были единственной организацией, которая в течение долгого периода выступала против национально-государственного объединения Германии. В этом позиция партии существенно расходилась с тре-

³¹ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 22. S. 34.

³² Ibidem.

³³ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 26. S. 45.

бованиями её приверженцев. Почти четверть избирателей «зелёных» еще в ноябре 1989 г. одобрительно отнеслась к плану, предложенному Г. Колем. В начале 1990 г. уже абсолютное большинство их сторонников высказывалось в пользу объединения. В то же время, когда к лету 1990 г. партия изменила свою позицию в этом вопросе, треть её электората продолжала выступать принципиальной противницей объединения³⁴. Итак, следует констатировать, что сторонники «зелёных», подобно избирателям СДПГ, были расколоты по вопросу германского объединения. Это привело к тому, что партия не смогла успешно агрегировать интересы своих приверженцев, следствием чего стала значительная потеря голосов избирателей на общегерманских выборах.

Что же касается республиканцев, то с того момента, как инициативой в решении германского вопроса завладели правящие партии, их популярность, достигавшая накануне 1990 г. почти пятипроцентного уровня, резко упала. Поднимаемые ими проблемы переселенцев, усиления внутренней безопасности и т. д., поблекли на фоне объединения Германии.

Если западно-германский электорат был социально детерминирован и политические группировки программно представляли интересы своего традиционного электората, то в Восточной Германии ситуация была совершенно иной. В условиях, когда устойчивые связи между партиями и избирателями, подобно тому, как это было в ФРГ, отсутствовали, артикуляция интересов обуславливалась актуальными, на данный момент, вопросами, а также вариантами их решений, которые предлагал тот или иной партийный кандидат. Без сомнения, что проблемой номер один для восточных немцев являлось объединение Германии.

К моменту выборов в Народную палату ГДР³⁵ абсолютное большинство сторонников всех партий высказывалось за национальное объединение. Различие между ними, равно как и среди электората западногерманских формирований, касалось темпов и механизма объединительного процесса. Если за скорейшее объединение высказывались 57,5 % сторонников консервативных партий, то среди потенциальных избирателей левых группировок таковых было значи-

тельно меньше. В целом же, в этот период 35 % населения высказывалось за быстрые темпы объединения, тогда как более 55 % выступало за сдержанность в этом процессе³⁶.

После того, как в ГДР в течение немногих месяцев сложилась партийная система во многом аналогичная западно-германской, основными конкурирующими партиями здесь стали также СДПГ и ХДС. Ориентируясь на эти объединения, восточно-германский избиратель имел в виду, прежде всего, стоящие за ними родственные организации Западной Германии, а также политику, проводимую их лидерами – Г. Колем и О. Лафонтемом. Итоги всех состоявшихся в 1990 г. выборов в ГДР наглядно показали, что взятый с самого начала федеральным канцлером курс на форсированное объединение Германии гораздо в большей степени совпадал с устремлениями восточногерманского электората, нежели та политика, которой следовал лидер социал-демократов.

Партийная система, существовавшая в ГДР до присоединения к ФРГ, отличалась от западногерманской наличием на левом её фланге таких политических формирований, как ПДС и Союз 90. Эти группировки дольше других настаивали на сохранении двух германских государств, в чём их позиция в начальный период была сходна с позицией «зелёных» ФРГ. Однако, отражая интересы определённой части избирателей, их точка зрения в значительной мере расходилась с требованием о национальном объединении, звучавшем среди основной массы населения ГДР. Организации, входившие в Союз 90, очутившиеся в силу возникшего осенью 1989 года вакуума власти на гребне политических событий, оказались не способны к выработке позитивной стратегической концепции, которая бы консолидировала широкие слои населения. Попытки сделать это на основе новой национальной идентификации ГДР, которая, по их мнению, могла питаться идеями мирной революции, не нашла отклика среди граждан Восточной Германии.

Для ПДС же, оказавшейся на грани роспуска, главной задачей в этот период было преодоление внутреннего кризиса, которую она отчасти решила к выборам в Народную палату.

Таким образом, подводя итог рассмотрению этой партийной функции, можно резюмировать, что программные стратегии правых группировок в отношении германского объединения, а самое главное их практическая реализация, в большей

³⁴ Kleinert H. Die Grünen 1990/1991. Vom Wahldebakel zum Neuanfang. S. 29.

³⁵ Народная палата – высший законодательный орган ГДР, последние выборы в который состоялись 18 марта 1990 г., после падения коммунистического режима.

³⁶ Jung, M. Parteiensystem und Wahlen in der DDR // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1990. № 27. S. 12.

степени соответствовали настроениям избирателей. Как это отразилось на сплочённости членов партий и их избирателей в процессе подготовки к выборам, иллюстрирует функция политической мобилизации.

Функция мобилизации избирателей и членов политических партий

Эта функция, выполняемая партиями, позволяет выявить, насколько они способны привлечь граждан к участию в политической жизни, побудить их высказаться по поводу тех или иных проблем, играющих определенную роль в жизни общества. Институциональной формой, посредством которой реализуется эта функция, служат, главным образом, выборы различного уровня. Отсюда проистекает и вероятность количественного её измерения, что обуславливается участием в голосовании, а также возможность определения степени партийной идентификаций избирателей. В свою очередь, электоральная мобилизация, осуществляемая партиями, в значительной мере зависит от степени их собственной, внутренней консолидации.

В ФРГ в рассматриваемый нами период, правительственные и оппозиционные группировки особенно наглядно демонстрировали различную степень внутрипартийной мобилизации.

В СДПГ отношение к проблеме объединения Германии вызвало размежевание в рядах её руководства, вылившееся в июне 1990 г. в острый внутренний кризис. О. Лафонтен условием своего выдвижения в качестве кандидата в канцлеры выдвинул требование о соблюдении внутрипартийной дисциплины, когда бы партия полностью поддерживала своего лидера в осуществляемой им стратегии. Тогда же он сразу обозначил свою позицию, высказавшись против «быстрого введения валютного союза»³⁷. Однако с самого начала часть высшего эшелона СДПГ во главе с её председателем Й. Фогелем заняла иную позицию. Оценивая стратегию О. Лафонтена, нужно признать, что занятая им конфронтационная позиция по отношению к правительственному курсу, имела под собой, с точки зрения политической конкуренции, определенные основания. Ведь агрегирование интересов предполагает выработку политических альтернатив, которые предлагаются различными партиями. Об этом говорил и сам кандидат, отвечая на упреки относительно своего антипатриотизма³⁸. Занять в

германском вопросе позицию, которой придерживались В. Брандт и Й. Фогель, значило бы о самого начала согласиться с тем, что СДПГ признает себя побежденной в борьбе за власть с правящими группировками. Дальнейший ход событий привел к тому, что когда фракция социал-демократов в бундестаге отказалась голосовать против ратификации договора о валютном союзе, О. Лафонтен готов был отказаться от поста кандидата в канцлеры, что, в свою очередь, побудило его сторонников организовать перевыборы Й. Фогеля на посту председателя СДПГ³⁹. Разразившийся внутрипартийный кризис отразился не только на популярности О. Лафонтена и его партии среди общей массы избирателей, но и вселил неуверенность в её электорат. Согласно опросам общественного мнения, проведенным в ФРГ, в июле 1990 г. в первый раз проявились пораженческие настроения среди сторонников оппозиции, которые считали, что исходя из ситуации на данный момент, они уже проиграли выборы. Тогда как 84 % опрошенных заявили о том, что ХДС/ХСС действует «очень слаженно» или «довольно слаженно», то о СДПГ такого мнения придерживалось лишь 68 % респондентов⁴⁰.

Если споры в СДПГ были обусловлены различными подходами в выработке политических стратегий, то другая левая оппозиционная группировка – «зелёные», была охвачена глубоким внутренним кризисом, который в меньшей степени был порожден конкретной ситуацией 1990 г. Борьба между «фундаменталистами» и «реалистами», развернувшаяся на очередном партийном съезде (апрель 1990 г.), закончилась безрезультатно, сохранив существующий баланс сил⁴¹.

Республиканцы, внушавшие так много опасений альянсу ХДС/ХСС в 1990 году, также были парализованы внутрипартийной борьбой.

Сплочённость правительственных группировок ФРГ резко контрастировала по отношению к разногласиям в рядах оппозиции. В апреле 1990 г., впервые за 2,5 года, ХДС/ХСС оказался тем партийным альянсом, к которому, по мнению участвующих в опросах граждан ФРГ, особенно благоприятствовало общественное мнение. Ещё в сентябре 1989 года 59 % опрошенных полагали, что ХДС/ХСС не полностью поддерживают решения Г. Коля, тогда как в апреле 1990 г. 60 % считали, что ХДС/ХСС и канцлер

³⁷ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 24. S. 26.

³⁸ Die Zeit. Hamburg, 1990. № 48. S. 52.

³⁹ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 27. S. 24–26.

⁴⁰ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 31. S. 33.

⁴¹ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 16. S. 43–45.

действуют согласованно⁴². В дальнейшем ситуация продолжала улучшаться в пользу правящего блока. Накануне голосования 2 декабря 1990 г.⁴³, 81 % сторонников ХДС/ХСС поддерживали Г. Коля в его германской политике, тогда как в рядах СДПГ лишь каждый второй одобрял в этом вопросе позицию О. Лафонтена⁴⁴. Единственным серьезным источником напряжения в христианско-либеральной коалиции служила вновь всплывшая на поверхность проблема участия ХСС в политической борьбе на общегерманском уровне, которая, однако, была улажена при сохранении прежнего статус-кво.

За несколько месяцев до общегерманских выборов их исход, по мнению большинства сторонников как правительственных, так и оппозиционных партий, был фактически предрешен. Особенно наглядно это подтверждает тот факт, что в сентябре 1990 г. каждый десятый избиратель СДПГ в случае прямых выборов голосовал бы скорее за Г. Коля, чем за О. Лафонтена, и только лишь каждый сотый избиратель ХДС/ХСС сделал бы выбор в пользу О. Лафонтена⁴⁵.

В отличие от ФРГ, в ГДР основные политические оппоненты – ХДС и СДПГ – не были по разную сторону баррикад, находясь в составе действующего кабинета министров. Если среди западногерманских социал-демократов раскол произошел в вопросе отношения к объединению Германии, то размежевание в СДПГ ГДР проходило между сторонниками и противниками вхождения партии в восточногерманское правительство. Впоследствии, войдя в него, социал-демократы не сумели сформировать за время пребывания там свой собственный профиль, что обусловило уменьшение партийных рядов. К началу июня 1990 года из организации вышло 5 тысяч человек.

В противоположность СДПГ, восточногерманскому ХДС удалось еще с начала 1990 г. стабилизировать свой состав на уровне 140 тысяч⁴⁶. После того, как к ХДС присоединилась крестьянская партия, он стал насчитывать приблизительно 200 тысяч⁴⁷. Электорат демохристиан с марта по октябрь 1990 года оставался весьма устойчивым.

Для либералов ГДР было характерно то, что они были представлены сразу тремя организационно самостоятельными партиями, разногласия между которыми не позволили им создать единую организацию вплоть до общегерманского объединительного съезда. Однако подобно ХДС, восточногерманские либералы продолжали сохранять значительный по численности состав, насчитывающий в совокупности около 140 тысяч человек, что более чем в 2 раза превосходило количество членов западногерманской СвДП⁴⁸. Их электорат составлял к моменту объединения Германии более 10 %, тогда как на выборах в марте 1990 г. за них голосовало чуть больше 5 % избирателей.

Ещё одна коалиционная партия последнего восточно-берлинского правительства – Немецкий социальный союз, являвшийся креатурой баварского ХСС, в отличие от других правых группировок ГДР, находился в кризисном положении. После выборов в Народную палату ГДР он, взяв курс на конфронтацию по отношению к бывшим партнерам по «Альянсу за Германию»⁴⁹, стал занимать более радикальные позиции. Это привело к внутренним разногласиям, в результате чего летом 1990 г. ряды организации покинула часть её руководства, среди которой были министры, представлявшие партию в правительстве ГДР⁵⁰. Указанные обстоятельства обусловили существенное сокращение числа приверженцев Немецкого социального союза. Если в марте 1990 г. он сумел набрать более 6 % голосов избирателей, то в августе количество его сторонников колебалось от 1 до 2 %⁵¹. Раскол в ХСС и, как следствие, снижение электоральной поддержки партии, явились одной из причин, по которой ХСС отказался от распространения своего влияния за пределы Баварии.

Оппозиционные группировки ГДР также находились в состоянии структурного кризиса, хотя и обусловленного различными причинами.

Количество членов ПДС, которая продолжала оставаться самым крупным по численности политическим объединением ГДР, в течение 1990 г. продолжало катастрофически сокращаться. С октября 1989 года по декабрь 1990 г. её членский состав уменьшился с 2,3 млн до 284 тыс. человек⁵².

⁴² Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 18. S. 59.

⁴³ Дата избрания общегерманского парламента.

⁴⁴ Gibowski, W., Kaase, M. Auf dem Weg zum politischen Alltag // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1991. № 11/12. S. 12–13.

⁴⁵ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 38. S. 33.

⁴⁶ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 41. S. 87.

⁴⁷ Gläßner, G.-J. Der schwierige Weg zur Demokratie. Darmstadt. 1991. S. 115.

⁴⁸ Ibid., S. 118.

⁴⁹ Предвыборный блок правых партий на выборах в Народную палату ГДР.

⁵⁰ Süddeutsche Zeitung. 1990. 2. Juli.

⁵¹ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 35. S. 44

⁵² Moreau P. Die PDS: eine postkommunistische Partei // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1992. № 6. S. 35–36.

Осенью число её сторонников в ГДР составляло 9 %, что в общегерманском масштабе равнялось 2 % голосов потенциальных избирателей⁵³.

Между группировками, образовавшими Союз 90, также существовали разногласия. После того, как на выборах в Народную палату Союз 90 получил, вопреки ожиданиям, весьма незначительную электоральную поддержку (2,9 %), внутри него усилились дебаты относительно дальнейших политических перспектив. Летом 1990 г. внутри Союза 90 едва не произошел раскол ввиду различного отношения его членов к западногерманским «зеленым», которые занимали негативную позицию в вопросе объединения Германии⁵⁴. Численность его электората колебалась в течение 1990 г. на уровне нескольких процентов.

Таким образом, в ГДР, в отличие от ФРГ, степень мобилизованности и сплоченности партий и их избирателей не зависела от принадлежности к правительственному или оппозиционному лагерю, однако, как и в Западной Германии, восточногерманские правые группировки, за исключением НСС, превосходили в этом организации левого спектра.

Что касается степени политической ангажированности граждан, которая находила своё выражение в активности на выборах, то она в ГДР и ФРГ была неодинакова. Если избрание Народной палаты ГДР 18 марта 1990 г. дало чрезвычайно высокий процент участия – 94,6 %⁵⁵, то на земельных выборах в октябре он снизился до 69,6 %⁵⁶. В общегерманском голосовании участвовало 74,7 % восточно-германского электората⁵⁷. В то же время в Западной Германии 2 декабря 1990 г. к избирательным урнам пришло 78,5 % избирателей, что было почти на 6 % ниже, чем на прошлых выборах в бундестаг и самым низким результатом с 1949 г.⁵⁸. Комментируя степень избирательной мобилизации, следует сказать, что снижение активности жителей Восточной Германии объясняется в значительной мере их политической усталостью, так как с учетом избрания коммунальных органов в мае, для них общегерманские выборы были уже четвертым голосованием в 1990 г. Сюда добавляется и то обстоятельство, что исход выборов в бундестаг, в отличие от выборов в Народную палату,

был во многом предreshён заранее, что также снизило уровень электорального участия. Поведение же граждан старых федеральных земель интерпретировалось наблюдателями, главным образом, в русле прежней тенденции падения интереса к политике и снижения значимости политических партий, которая наблюдалась на протяжении 1980-х гг.⁵⁹.

Таким образом, следует констатировать – как в ФРГ, так и в ГДР членский состав и электорат правых партий в год германского объединения были более мобилизованы, нежели у левых формирований, что стало залогом будущего избирательного успеха консервативно-либерального альянса.

Подводя итог рассмотрению германских политических группировок посредством выполнения программной, артикуляционно-агрегирующей и мобилизационной функций, можно сделать вывод, что христианские и либеральные партии в исследуемый период в обеих частях Германии выполняли их более эффективно. Это позволило им, уже в качестве общегерманских группировок, удержать власть на выборах в бундестаг 2 декабря 1990 г. Существенной предпосылкой более успешной реализации правыми объединения своего функционального потенциала и, как следствие, победы над оппозицией, послужило то обстоятельство, что христианско-либеральный блок в момент государственного объединения находился у руля правительственной власти в ФРГ.

⁵³ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 38. S. 32. Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 44. S. 41.

⁵⁴ Gläßner G.-J. Der schwierige Weg zur Demokratie. S. 125.

⁵⁵ Jung, M. Parteiensystem und Wahlen in der DDR. S. 6.

⁵⁶ Der Spiegel. Hamburg, 1990. № 43. S. 21.

⁵⁷ Gibowski, W., Kaase, M. Auf dem Weg zum politischen Alltag. S. 12.

⁵⁸ Ibid., S. 4.

⁵⁹ Wiesendahl, E. Volksparteien im Abstieg // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1992. № 34/35. S. 3–14; Kleinert, H. Die Krise der Politik // Aus Politik und Zeitgeschichte. Bonn, 1992. № 34/35. S. 15–25.

ИСТОРИЯ

ДОКТРИНА КЛИНТОНА (ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И ЕЕ ОСОБЕННОСТИ)

А.А. Киреев

Киреев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета.

Статья посвящена вопросам формирования внешней политики США после окончания «холодной войны». Проанализированы причины пересмотра американских внешнеполитических доктрин в начале 1990-х гг. Выявлена общая преемственность между внешней политикой США в годы «холодной войны», концепцией «нового мирового порядка», предложенной администрацией Дж. Буша и доктриной Клинтона.

Особенностями внешней политики администрации Клинтона являлись: больший упор на экономическую политику; стремление распространить идеалы демократии на весь мир; обязательства совместно с союзниками бороться с нарушениями прав человека.

Article is devoted to questions of formation of foreign policy of the USA after the ending of «cold war». The reasons of revision of the American foreign policy doctrines in the beginning of 1990th are analyzed. It is revealed the common continuity between foreign policy of the USA within «cold war», the concept of «the new world order», offered administration Bush and Clinton doctrine.

Features of foreign policy of administration of Clinton were: a greater emphasis on economic policy; aspiration to distribute ideals of democracy for the whole world; obligations together with allies to struggle with infringements of human rights.

Уильям Джефферсон Клинтон (или Билл Клинтон) – 42-й президент Соединенных Штатов Америки (1993–2001) – личность незаурядная и известная не только тем, кто интересуется историей США. Время его правления для широких кругов общественности осталось в памяти как непрерывающаяся череда разнокалиберных политических и иного рода скандалов. Деятельность президента-демократа вызывала и вызывает интерес, поскольку многое в ней было заявлено как новое, осуществленное впервые.

Повышенному вниманию к личности У. Клинтона способствовало и сама обстановка в мире. Распад социалистической системы, прекращение «холодной войны» как следствие ухода главного антагониста США Советского Союза – все это требовало переоценки старых концепций и доктрин, определения пути, по которому будет развиваться американское общество. Это было важно не только для США, но и для большинства стран мира, так как Соединенные Штаты остались единственной сверхдержавой¹.

Между тем успех внешнеполитического курса администрации У. Клинтона зависел от нескольких обстоятельств:

- во-первых, необходимо было правильно оценить реалии новой ситуации, сложившейся в международных отношениях в начале 1990-х гг.;

- во-вторых, разрабатывая и внедряя новые концепции и доктрины, необходимо было учитывать преемственность всего внешнеполитического курса США. В противном случае можно было дестабилизировать внешнюю политику страны;

- в-третьих, обеспечить в мировой экономике и политике первенство принципов, наиболее отвечающих лидерству Соединенных Штатов Америки.

Новый мир – новые доктрины

Ни один из политиков или ученых США в 1980-е гг. не предполагал распада СССР и исчезновение основного оппонента в «холодной войне»². Именно поэтому вопрос, о том какова должна быть новая внешняя политика, вызывал многочисленные споры. Обострились разногласия не только между республиканцами и демократами, но и между представителями различных направлений среди политологов.

С завершением «холодной войны» Соединенные Штаты не имели себе равных по финансовой и военной мощи, экономическому и технологическому потенциалу. Они обеспечивали себе военное присутствие практически на всех континентах. В систему союзов Соединенных

¹ Имеется в виду не только обладание оружием массового поражения, но и наличие мощной экономики глубоко интегрированной в мировой рынок. Кроме этого США своей политической и общественной системой, а также культурой определяют один из магистральных путей развития современной цивилизации.

² Пророческие слова Георгия Арбатова, сказанные им в 1987 г., о наступающих для Вашингтона трудных временах, поскольку «мы вскоре можем лишиться вас столь привычного для Америки образа врага», оказались не услышанными. См.: Рыхтик М.И. США в поисках более совершенного союза: как живут американцы сейчас, к чему они готовятся, и что из этого может получиться. Н.Новгород, 2002. С. 17.

Штатов входили самые развитые страны мира. На долю США и дружественных им государств в 1991 г. приходилось 77 % мирового ВВП, 71 % мирового экспорта. Они контролировали 96 % всех прямых инвестиций³. Идеалы либеральной демократии, защита которых в годы «холодной войны» провозглашалась основной целью американской дипломатии, завоевали широкую популярность во многих странах. Все это укрепляло международный престиж США.

Закрепил положение США и первый международный кризис постбиполярного мира в связи с оккупацией Кувейта Ираком. Провозглашая лозунг – освобождение суверенного государства, США получили возможность нанести сокрушительный удар по режиму Саддама Хусейна, подорвать военный потенциал Ирака, обеспечить надежные гарантии сохранения позиций Запада в стратегической зоне Залива. США решили не только региональные задачи. В ходе военной операции «Буря в пустыне» была продемонстрирована лидирующая роль Америки в современном мире, апробирована новая тактика нанесения удара по суверенным государствам под своей эгидой с привлечением мандата ООН. Эти события подвели президента США Джорджа Буша к формулированию концепции «нового мирового порядка», т. е. мира, в котором Соединенные Штаты лидируют, а союзники следуют за ними⁴. В основе подобного заявления лежали различные мотивы. Это и упоенность «победой» над «империей зла» и представление о безоблачном будущем Америки.

Однако ряд исследователей достаточно точно оценили ее суть. Так, историк Пол Шредер писал, что подобный мировой порядок основан на силе и принуждении, что является не новой целостной структурой системных политических связей, ценностей и установок, а лишь одним из аспектов военно-политической стратегии США и их союзников⁵. Авторитетный аналитик-международник Джон Гэддис писал, что в конце «холодной войны» сложился консенсус в пользу американских ценностей – коллективной безопасности, демократии, капитализма, что «новый мировой порядок» отражает конвергенцию интересов великих держав, которая, не являясь со-

вершенной, была тем не менее беспрецедентной. «Американцы, как казалось, нашли, наконец, конгениальный мир» – восклицает автор⁶.

Таким образом, «новый мировой порядок», как его понимали в Вашингтоне после «Войны в Заливе», – это политический порядок, который:

- основан на базовых американских ценностях (демократия, капитализм, либерализм и т. д.), получивших во второй половине XX в. широкое распространение в мире и ставших теперь уже не только американскими;

- ориентирован на сохранение мира во всем мире, предотвращение или быстрое разрешение международных конфликтов (межгосударственных и внутригосударственных – например, религиозных и этнических), недопущение гуманитарных катастроф;

- предполагает безусловное глобальное политическое лидерство США;

- допускает применение силы не только против реальных, но и «предполагаемых агрессоров и нарушителей закона»⁷;

- ориентирует на действия «желательно» (а, значит, не обязательно) под эгидой ООН;

- добровольно или не очень добровольно, но в конечном счете принимается большинством стран.

Несмотря на неоднозначное отношение к идеи «нового мирового порядка» в политических и академических кругах, в целом американская политическая мысль рассматривала сложившееся положение как исключительно благоприятное для обеспечения «мирового лидерства» Соединенных Штатов.

В то же время, необходимо отметить, что идея «нового мирового порядка» оставалась самым значительным идеологическим продуктом администрации Дж. Буша. К середине 1990 г. правительство с трудом смогло сформулировать общие направления новой официальной стратегии национальной безопасности. Причины такого положения лежат в двух областях: слабая эффективность внешнеполитического аппарата правительства и стремительно меняющиеся условия и ситуация в международных отношениях⁸.

Выступая в Аспнеском институте, президент Дж. Буш сформулировал четыре принципа политики национальной безопасности: сдерживание, передовое присутствие, кризисное реагирование и

³ Foreign Policy into the 21st Century: The U.S. Leadership Challenge. Washington, 1996. P. 141.

⁴ Public Papers of the Presidents of the United States: George Bush. 1991. Book 1. Wash., D.C.: U.S. Government Printing Office, 1992. P. 79, 366.

⁵ Schroeder P. The New World Order: A Historical Perspective // Roberts D. (ed.) Order and Disorder after the Cold War. Camb., Mass.: L., 1995. P. 368.

⁶ Gaddis J.L. And Now This: Lessons from the Old Era for the New One // The Age of Terror. America and the World after September 11. N.-Y., 2001. P. 11.

⁷ Schroeder P. The New World Order. P. 368.

⁸ См.: Рыхтик М.И. США в поисках более совершенного союза. С. 34-42.

реконструкция⁹. Остальные особенности внешнеполитического курса США выявились в дебатах с конгрессом по военному бюджету. Так, администрация планировала сократить численность армии на 25 %, а суммарные расходы на оборону – только на 10 %¹⁰. Буш категорически отказывался закрыть какую-либо из оборонных программ, начатых еще в период Р. Рейгана. Он даже увеличил расходы на ПРО, приобретение нового стратегического оружия и исследования в оборонной сфере¹¹. Не проявила активности администрация и в вопросах разоружения, хотя договор по РСМД, подписанный в декабре 1987 г., в наибольшей степени отвечал представлениям Буша о разоружении¹².

Это не могло не вызвать противодействие оппозиции. По общему мнению, основой поведения правительства республиканцев Дж. Буша стало правило – «чем меньше изменений, тем лучше».

Таким образом, республиканцы предприняли попытку дать новую интерпретацию внешнеполитическому курсу США, оставаясь в рамках основных глобальных целей. Однако предложенные ими концепции либо были связаны с прошлым и не отвечали требованиям настоящего (сдерживание), либо нуждались в серьезной идеологической и практической доработке («новый мировой порядок»). Администрация Буша больше рассчитывала на инерцию прошлого в своих поступках и не желала углублять новые идеи, опасаясь расколоть общество и тем самым лишиться себя политического будущего. На выборах 1992 г. новый президент (кто бы им не стал) должен был получить «мандат на перемены».

Внешнеполитическая платформа демократов

Выдвинув на роль кандидата в президенты Билла Клинтона, губернатора штата Арканзас, демократическая партия сделала ставку на перемены. Клинтон, как и претендент на пост вице-президента сенатор от штата Теннесси Альберт (Ал) Гор, принадлежал к крылу «новых демократов»¹³. Они были ориентированы больше на внутреннюю политику – совершенствование системы образования, здравоохранения, пенсионно-

го обеспечения, ликвидацию дефицита бюджета. Завершение «холодной войны» они рассматривали как возможность отказаться от сверхбольших расходов на оборону и направить средства на решение социальных проблем. Этому соответствовал лозунг предвыборной программы Клинтона-Гора – «Перемены в противовес продолжению прежней политики. Это экономика, глупый! Не забывай о здравоохранении!»¹⁴. Кроме этого, «новые демократы» указывали, что «холодная война» привела к злоупотреблениям администрации в финансовой сфере и проявлению аморального поведения и беспринципности во внешней политике. Примером этого был скандал в администрации Р. Рейгана «Ирангейт»¹⁵.

Попытка сформулировать комплексную внешнюю политику была предпринята в предвыборной платформе демократической партии. По традиции все обещания строились на критике предыдущей республиканской администрации и всей консервативной политики 1980-х гг.

Демократы указывали, что администрация Буша не смогла за четыре года представить четкую стратегию в мировом лидерстве. По мнению Клинтона и его команды, необходимо «не противостоят переменам в мире, но суметь направить их в нужное для Америки русло. Отстаивание свободы и поддержка демократии по всему миру не только отражают наши фундаментальные ценности, но и соответствуют национальным интересам Америки»¹⁶.

Строительство более безопасного, процветающего и демократического миропорядка, говорится в платформе, не только отражает победу идеалов свободы, одержанную в «холодной войне», но и «будет отражать проявление законных прав нашего (американского – А.К.) народа»¹⁷.

Из этой посылки выводилась основная концепция внешней политики США – в эпоху фундаментальных перемен Америка должна осуществлять свою лидирующую роль на мировом уровне, своевременно реагируя на возможные антидемократические вызовы. Вот конкретные меры, предлагаемые для обеспечения этого лидерства:

– возродить американскую экономическую мощь. «Мы не можем осуществлять лидерство за рубежом, если не преодолеем слабость у себя дома»;

– сохранить присутствие США на международной арене, проявляя готовность ответить на

⁹ Remarks by the President to the Aspen Institute Symposium. The White House. 2.08.1990.

¹⁰ Department of Defense Annual Report, Fiscal Year 1990. P. 58.

¹¹ Kaufmann W., Steinbruner J. decisions for Defense: Prospects for a New Order. Wash. : Brookings, 1991. P. 35–42.

¹² Cox M. US Foreign Policy after the Cold War: Superpower Without a Mission? The Royal Institute of International Affairs: Pinter, 1995. P. 40–41.

¹³ Клинтон У.Дж. Моя жизнь. М. : Альпина Бизнес Букс, 2005. С. 458.

¹⁴ Там же. С. 471.

¹⁵ Там же. С. 481.

¹⁶ Клинтон Б., Ал Гор. Народ прежде всего: как мы все вместе можем изменить Америку. М. : СП «Квадрат», 1995. С. 114.

¹⁷ Там же. С. 114.

угрозу стабильности, исходящую из бывших коммунистических государств и от продолжающихся региональных конфликтов. Конец холодной войны не означает конца угрозы нашим интересам. Настало время сместить акценты;

– использовать власть американских доходов в создании «эры после холодной войны»¹⁸.

Основываясь на этих принципах, демократы ставили три ясные цели: возрождение экономического лидерства США за рубежом и внутри страны; подготовка американских вооруженных сил к новой эре; увеличение роста и консолидации демократии за рубежом.

Примечательно, что большинство из этих целей увязывалось с экономикой. Так, возрождение экономического лидерства предусматривало продвижение рыночных принципов в мировую экономику, расширение американских торговых интересов, сокращение бюджетных военных расходов, разделением бремени затрат на миротворческие операции с союзниками.

Вооруженные силы также должны были сокращаться. В частности, военный контингент в Европе уменьшался до 75–100 тыс. чел., прекращалось финансирование программ противоракетной обороны (известной как «стратегическая оборонная инициатива») космического разветывания, планировалось для защиты морских коммуникаций оставить десять авианосных групп, а не двенадцать и многое др.¹⁹. Обеспечивать превосходство предполагалось за счет сохранения технологического превосходства.

Единственным компонентом, который соответствовал только политическим целям, была поддержка демократии. Конечно, это было не ново для внешней политики США. В годы «холодной войны» тематика защиты демократии звучала постоянно, но с распадом Советского Союза для ее распространения открылись новые горизонты. Тем более, что сам Клинтон и многие его приближенные являлись почитателями теории «демократического мира», которая утверждала что с обретением всеми государствами демократических принципов наступит бесконфликтное существование в международных отношениях. Сам Клинтон не раз возвращался к этой теории, подчеркивая ее важность для понимания современного мира и политики США. Основной тезис его выступлений: «демократии

редко вступают в войну друг с другом»²⁰.

Спорность данного тезиса очевидна. В настоящее время в отечественной историографии имеются работы, содержащие существенную критику концепции «демократического мира»²¹. Однако несомненно, что в начале 1990-х гг. данная теория завоевала умы многих представителей американского истеблишмента. Она полностью оправдывала не только лидерство США в мире, как самой демократической страны, но и давала возможность подвести базу под возможное вмешательство в дела тех суверенных государств, которые объявлялись «недемократическими». Так, по словам Энтони Лэйка, помощника Клинтона по вопросам национальной безопасности, «в той мере, в какой демократия и рыночная экономика получают распространение среди других наций, наша собственная нация будет находиться в большей безопасности и будет более процветающей и влиятельной»²².

В предвыборной платформе лозунг – «поддержка демократии» содержал все необходимые элементы – провозглашение морального и политического приоритета демократических ценностей и утверждение неразрывности распространения демократии в мире и национальных интересов США. «Наш успех на этом пути будет зависеть от успеха всех тех, кто по всему миру продолжает борьбу за демократию, права человека, экономику, основанную на рыночных свободах»²³. В рамках этой концепции предполагалось не только оказывать помощь тем, кто борется за установление демократии, но и вести борьбу с ее противниками. При этом ставилось под сомнение право соответствующего народа на выбор пути развития (только демократия) и право государства на суверенитет.

Таким образом, демократическая партия уже до прихода к власти сформулировала в общих чертах свое видение нового внешнеполитического курса США. Во многом он был подчинен внутренней, экономической программе Клинтона-Гора, носил декларативный характер. Только реальная деятельность администрации могла дать ответ – какова будет «новая политика» новой администрации.

²⁰ Clinton W. Confronting the Challenges of a Broader World // U.S. Department of State Dispatch. Sept. 1993. Vol. 4. № 39. P. 3.

²¹ См.: Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок (анализ современных американских концепций). М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. С. 272–285.

²² Remarks of Antony Lake, Sept. 21, 1993 // John Hopkins School of Advanced International Studies. Wash., D.C., 1993.

²³ Народ прежде всего. С. 116.

¹⁸ Клинтон Б., Ал Гор. Народ прежде всего: как мы все вместе можем изменить Америку. М.: СП «Квадрат», 1995. С. 115.

¹⁹ Там же. С. 113.

«Стратегия расширения и вовлечения»

Администрация Б. Клинтона, придя к власти, не обладала собственной внешнеполитической стратегией. Ее успех на выборах был обеспечен скорее экономической программой демократов. Внутренняя политика стала приоритетной в действиях новой администрации, а что касается внешней политики, там продолжался курс, намеченный ее предшественниками.

Во многом это объяснялось своеобразным подходом к внешнеполитическим вопросам самого президента. Клинтон являлся одним из самых профессионально подготовленных президентов США. Он получил хорошее образование в сфере внешней политики в Джорджтаунском университете и обладал длительным опытом политической деятельности. Билл Клинтон связывал себя и свои достижения с великим президентством и продвижением страны к процветанию под его руководством. Эти достижения он видел именно в расцвете экономики и повышении уровня жизни, ее качества, а также образования и здравоохранения. К внешней политике у него проявлялся интерес исключительно по остаточному принципу²⁴. Именно поэтому внешняя политика стала серьезным полигоном для Клинтона. Он не только имел к ней малый интерес, но и не чувствовал себя в этой сфере уверенно.

Некоторые отечественные исследователи, отмечая эту особенность, сделали вывод, что Клинтон был плохим стратегом, поскольку пытался избежать конфликтов и предпочитал осторожную линию поведения²⁵. Американские политологи называли стратегию демократов «путаной и невнятной»²⁶. Сам Билл Клинтон объяснял это тем, что из-за возросших экономических трудностей приоритетом считал внутренние проблемы. Он понимал, что из-за повысившейся взаимозависимости всех стран мира грань между внешней и внутренней политикой стиралась²⁷.

Кроме того, президент слишком доверился своим помощникам, которые уверили его, что об успехе внешней политики можно судить по тому, удалось ли предотвратить возникновение проблем или снять их остроту до того, как они стали создавать трудности и попали в заголовки газет²⁸. Впрочем, связь СМИ и внешней полити-

ки в США подчеркивали многие представители американской политологии и журналистского сообщества, например, редактор журнала «Foreign Policy»²⁹.

Факт остается фактом. Первые полгода нахождения у власти администрация в разработке нового стратегического курса ничего существенного не проявила. Госдепартамент во главе с Уорреном Кристофером ограничивался реакцией на события, происходящие в мире. По всей видимости, все силы правительства были брошены на экономику и внутреннюю политику. Тогда как пересмотр внешнеполитического курса мог вызывать осложнения в отношениях с конгрессом, прессой и некоторыми ведомствами.

Неопределенность с будущим внешнеполитического курса не могла долго продолжаться. Толчок к более активным действиям администрации в этой сфере был вызван «делом Тарноффа». В мае 1993 г. заместитель госсекретаря США по политическим вопросам Питер Тарнофф выступил перед группой журналистов с комментариями по поводу американской внешней политики. Оценивая эволюцию международной ситуации и ее влияние на политику Вашингтона, Тарнофф отметил, что в новых условиях Соединенным Штатам было бы лучше умерить свою внешнеполитическую активность и побережить свои ресурсы, существенно истощенные противоборством в годы «холодной войны». Он высказался за существенный пересмотр внешней политики США в сторону ограничения их вовлеченности в мировые дела, сокращения связанных с этим расходов, усиление ставки на международное сотрудничество как с традиционными союзниками США, так и их бывшими противниками – Россией, Украиной и другими странами СНГ³⁰.

На выступления Тарноффа последовала жесткая реакция со стороны главы госдепартамента и президента страны. Тем не менее, по мнению некоторых наблюдателей, заявление П. Тарноффа свидетельствовало и о наличии у администрации Клинтона серьезных намерений попытаться решить три важных проблемы – растущее влияние средств массовой информации на определение международного курса страны; утрату геополитических аргументов времен «холодной войны», которые администрация могла противопоставить давлению СМИ; преодоление сопротивления общественности выделению необходимых средств для проведения энергичной внеш-

²⁴ Interview PBS. Maraniss D. July 17, 1996.

²⁵ Егорова-Гантман Е. Игра в солдатики. Политическая психология президентов. М. : Группа компаний «Никколо М», 2003. С.261.

²⁶ Vacevich A. American Empire. The Realities and Consequences of U.S. Diplomacy. Cambridge, Mass., 2002. P.2.

²⁷ Клинтон У.Дж. Моя жизнь. С. 561.

²⁸ Там же.

²⁹ Maynes Ch. W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign policy. N.-Y., 1993–94. Winter. № 93. P. 4.

³⁰ Ibid. P. 4–5.

ней политики³¹.

В августе 1993 г. Клинтон поручил помощнику по национальной безопасности Э. Лейку создать специальную группу в рамках Совета Национальной Безопасности (СНБ) по разработке «большой» стратегии США. В процессе подготовки документа немалые усилия были направлены на поиск удачного общего названия доктрины, которое бы отвечало основополагающему постулату «от сдерживания к расширению». Такие предполагавшиеся термины как «демократический экспансионизм» или «жесткий интернационализм» наводили на мысль о силовой политике США, о давлении, возникали аналогии с терминологией времен «холодной войны». В конце концов пришли к таким формулировкам, как «распространению демократии», «участии в процессах строительства демократических институтов в мире и развития рыночной экономики»³².

В четырех выступлениях, состоявшихся в сентябре 1993 г., были изложены основные доктринальные установки внешнеполитического курса США: в выступлениях президента Клинтона на Генеральной Ассамблее ООН, госсекретаря У. Кристофера в Колумбийском университете, в речи Э. Лейка в школе международных исследований Джона Гопкинса и в речи представителя США в ООН М.Олбрайт в Университете национальной обороны. Места для выступлений были выбраны не случайно. Сотрудники трех упомянутых университетов работали в различных администрациях, занимали и продолжают занимать видные государственные посты.

Акцент был сделан на четырех направлениях американской политики продвижения демократии и рыночной экономики: 1) укрепить сообщество стран с рыночной экономикой; 2) поддерживать и укреплять новые демократии и общества с рыночной экономикой там, где для этого есть возможности; 3) бороться с агрессией и поддерживать либерализацию стран, враждебных демократии; 4) оказывать поддержку развитию демократии и рыночной экономики в регионах, вызывающих наибольшую тревогу³³.

Предложенная стратегия освобождала США от глобализма в политике, позволяя им сосредоточить усилия только на тех регионах, где у них были стратегические и экономические интересы. Такой подход освобождал администрацию от бу-

душких ошибок, подобных неудачам в Сомали и на Гаити. Наиболее привлекательным в предложенной стратегии для президента Клинтона была увязка экономических и внешнеполитических задач, перспектива сохранения лидирующего положения США в мировом экспорте.

Тем не менее данная концепция вызвала не мало критики прежде всего со стороны приверженцев подхода, ориентированного на группу ведущих мировых держав, противников расширения НАТО, использования военной силы для урегулирования международных проблем. В 1994 г. предложенная стратегия не была объявлена официальной доктриной.

По настоянию президента Клинтона она была в июле 1994 г. оформлена в новый документ – стратегию национальной безопасности. В нем определялись цели, задачи и направления деятельности американской администрации в сфере внешней и военной политики. Согласно закону США такой документ издается ежегодно, но в данном случае был представлен действительно новый, концептуальный взгляд на международные отношения после «холодной войны» и внешнюю политику США. Об этом свидетельствовало название – «Стратегия вовлеченности в международные дела и распространения демократии в мире»³⁴.

В преамбуле документа указывалось, что главной задачей правительства является защита национальной безопасности, под которой понимается народ, территория и образ жизни Америки³⁵, подчеркивалось, что меняется основной вектор стратегии, так как изменились угрозы, которые представляли для США опасность. «Основной вызов – угроза коммунистической экспансии – устранен. Спектр опасностей, с которыми мы сталкиваемся сегодня, более широк и разнообразен»³⁶.

В то же время в документе подчеркивалось, что новая ситуация весьма благоприятна для повышения благосостояния страны и укрепления ее безопасности. «Никогда еще лидирующая роль Америки не была столь необходима для преодоления новых опасностей, угрожающих миру, и использования возникающих в нем благоприятных возможностей»³⁷.

«Стратегия национальной безопасности» распространялась на политическую, военную и экономическую сферы и была направлена на

³¹ Maynes Ch. W. A Workable Clinton Doctrine. P. 4.

³² Brinkley D. Democratic Enlargement: The Clinton Doctrine // Foreign Policy, Spring 1997. № 106. P. 111–127.

³³ Lake A. From Containment to Enlargement. U.S. Department of State Dispatch, vol. 4, 39 (27.09.1993), p. 658–664.

³⁴ National Security Strategy of Engagement and Enlargement. Wash., 1994.

³⁵ Ibidem.

³⁶ Ibid. P. 3.

³⁷ Ibidem.

достижение приоритетных целей.

Во-первых, укрепление безопасности. Особо подчеркивалось, что после «холодной войны» возникли новые угрозы, в связи с чем вооруженные силы США должны иметь такую численность и размещение группировок, чтобы совместно с региональными союзниками победить в двух крупных региональных конфликтах, происходящих почти одновременно. Параллельно декларировалась готовность продолжать борьбу за достижение соглашений по контролю за вооружениями с целью уменьшить опасности возникновения ядерного конфликта и обеспечить стабильность.

Во-вторых, обеспечение процветания страны. Это относилось не только к экономике. В плане внешней политики это означало – обеспечить свободный и равноправный доступ США к зарубежным рынкам.

В-третьих, развитие демократии. Указывалось, что расширение демократии повышает безопасность США, так как существовало глубокое убеждение о природном миролюбии стран с рыночной экономикой и демократическими режимами. Особо подчеркивалось, что Россия, Украина и другие новые государства бывшего Советского Союза являются наиболее важными объектами для распространения демократии.

Каждое из этих приоритетных направлений раскладывалось на составляющие элементы – своего рода задачи, выполнение которых должно обеспечить проведение основных направлений.

Укрепление безопасности США увязывалось с сохранением устойчивых взаимоотношений с союзниками и дружественными странами. Это считалось необходимым для борьбы с главной угрозой Соединенным Штатам – военной, хотя признавалось, что существуют и другие угрозы – терроризм, торговля наркотиками, экология и т. д.

Отсюда главную задачу для укрепления безопасности они видели в поддержании мощного военного потенциала. В «Стратегии» отмечалось: «Соединенные Штаты – единственное государство, способное проводить широкомасштабные и успешные операции вдали от своих границ»³⁸. Кроме этого, указывалось что, США являются партнером по безопасности во многих регионах мира, что создает основу для поддержания региональной стабильности посредством взаимовыгодного сотрудничества в этой сфере.

«Стратегия» особо свидетельствовала о характере использования вооруженных сил США. Здесь впервые возникали слова об ограниченно-

сти ресурсов Америки. Это должно было заставить американское руководство тщательно определять средства и масштабы вмешательства в каждом конкретном случае, что должно повлиять на определение принципов применения вооруженных сил США.

Во-первых, только национальные интересы должны определять степень и размер участия. «Во всех случаях цена и возможный риск при привлечении войск должны быть тщательно проанализированы и приведены в соответствие с важностью политических целей»³⁹.

Во-вторых, США будут стремиться, насколько это возможно, использовать помощь союзников или действовать в рамках соответствующих международных организаций. Однако далее следует оговорка, что если будут затронуты важнейшие национальные интересы, Вашингтон готов действовать и в одиночку.

В-третьих, перед использованием вооруженной силы необходимо определять некоторые параметры – исчерпаны ли невоенные ресурсы и средства; какие возможности потребуются от вооруженных сил США и соответствует ли это политическим целям; есть ли уверенность, что эти действия получат одобрение американского народа и его избранных представителей; определены ли временные рамки и этапы, которые дадут возможность оценить степень успеха или неудачи, и разработан ли в обязательном порядке план прекращения военного участия в конфликте.

В-четвертых, при вмешательстве необходимо учитывать такие факторы, как разумная стоимость операции и выполнимость задач.

Отдельно в «Стратегии» говорится о том, что США сохраняют за собой право нанести удар по тем странам, которые захотели бы применить ОМП. Это также относится к компетенции вооруженных сил. Кроме этого, декларировалось поддержание стратегических ядерных сил США на достаточном уровне для сдерживания в будущем любого враждебно настроенного в отношении Америки. Данное положение свидетельствует, что отказ от «доктрины сдерживания» в ее ядерной составляющей в «Стратегии» не произошел. Очевидна попытка применить ее в новых реалиях. Поскольку единственная серьезная угроза устранена, сделана попытка расширить применение доктрины. Любое государство, обладающее ОМП и средствами его доставки, не отвечающее критериям либеральной демократии, а также враждебное Вашингтону, автоматически становилось угрозой для национальной безопас-

³⁸ Ibid. P. 12.

³⁹ Ibid. P. 18.

ности США, со всеми вытекающими последствиями. В свою очередь это могло способствовать втягиванию Соединенных Штатов в региональные конфликты.

Особо оговаривались отношения с Организацией Объединенных Наций.

Во-первых, с окончанием «холодной войны» ООН уже не рассматривалась как поле для битвы между сверхдержавами, а следовательно, США могут себе позволить минимизировать экономические и политические расходы на эту организацию.

Во-вторых, американская администрация в рамках новой стратегии может не спрашивать разрешения ООН для вмешательства в какой-либо конфликт или регион и тем более не желает связывать себя ненужными обязательствами в тех районах, которые для нее не важны.

Второе приоритетное направление «Стратегии» – обеспечение процветания нации. Основные составляющие этого направления, которые имели непосредственное отношение к внешнеполитическому курсу США.

Прежде всего, это содействие доступу США на иностранные рынки. Среди направлений данной политики выделялись следующие – развитие североамериканской зоны свободной торговли, азиатско-тихоокеанское экономическое сотрудничество, развитие отношений с Японией и расширение сферы свободной торговли. Под последним понималось расширение рынков в Азиатско-Тихоокеанском регионе и прежде всего в рамках АТЭС.

Немаловажным было обеспечение энергетической безопасности. В «Стратегии» отмечается, что США 45 % всех потребностей в нефти покрывает за счет импорта, причем большая часть этого импорта осуществляется из зоны Персидского залива⁴⁰. Два нефтяных кризиса в этом районе (в 1973 и 1991 гг.) привели американскую администрацию к двум выводам. Во-первых, необходимость контролировать политическую ситуацию в данном регионе. Во-вторых, сокращать зависимость экономики от импорта нефти.

Содействие развитию демократии – третье приоритетное направление «Стратегии». Авторы документа убежденно говорили о новой волне демократии, которая была вызвана прекращением «холодной войны» и распадом СССР. В связи с этим первым элементом новой стратегии формулируется сотрудничество с другими странами демократической ориентации в мире и расширение контактов с ними по экономическим вопросам и вопросам безопасности. Суть этой политики должна заключаться в содействии демокра-

тии, расширении рынков и сохранении позиций США в регионах, вызывающих наибольшую озабоченность с точки зрения безопасности и интересов США. В «Стратегии» подчеркивается: «Это не крестовый подход для установления демократии. Это прагматическая политика для поддержания свободы там, где она будет в наибольшей степени соответствовать интересам США»⁴¹. Исходя из этого назывались основные подходы к внешней политике в области поддержки демократии – готовность к принятию срочных мер (имеется в виду оказание силового давления либо вооруженного вмешательства); консолидация усилий по мобилизации международных ресурсов для поддержания демократии (финансовая помощь). Особо выделялась деятельность по защите основных прав человека в глобальном масштабе. В 1993 г. США настояли на проведении конференции ООН по правам человека, которая утвердила точку зрения об универсализации таких прав. И, наконец, в «Стратегии» указывалось, что достигать цели необходимо не только по линии сотрудничества с правительственными структурами, но и задействовать частные и неправительственные организации, которые «являются естественными союзниками в наших усилиях по укреплению рыночных отношений»⁴².

Таким образом, официально в этом документе декларировалось вмешательство США в интересы суверенных государств. «Стратегия вовлеченности в международные дела и распространение демократии в мире» дорабатывалась и дополнялась в последующие годы нахождения у власти администрации Клинтона. Однако общие идеи оставались без изменения.

Оценка новой стратегии США не однозначна. Так, по определению заместителя госсекретаря С. Тэлбота, она соединила в себе прагматический реализм и разумный идеализм, идеи распространения демократии и геоэкономику⁴³. По мнению известного специалиста по международным отношениям Дж. Айкенберри, расширение границ либерального демократического мира, о чем говорится в «Стратегии», отражает право США возглавить процесс по созданию нового мирового порядка⁴⁴.

Как ни странно, но доводы критиков были примерно такого же порядка. С. Хантингтон и

⁴¹ Ibid. P. 25.

⁴² Ibidem.

⁴³ См.: Тэлбот С. Концепция «нового атлантического сообщества» и безопасность России // США ЭПИ. 1997. №2.

⁴⁴ Ikenberry J. The Myth of Post-Cold War Chaos // Foreign Affairs, vol. 75. №3 (May/June 1996), p. 79.

⁴⁰ Ibid. P. 24.

Ч. Мэйнс говорили, что поведение США как мирового гегемона и «босса», не желающего считаться с другими странами, приведет к ослаблению американского влияния. Кроме этого, есть угроза дальнейшей дестабилизации международных отношений, что отрицательно скажется не только на внешней политике, но и экономике США⁴⁵.

Среди отечественных исследователей закрепились в основном критическая оценка внешнеполитической стратегии администрации Клинтона. Отмечается ее эклектический характер, поспешность и непродуманность многих установок, концептуальная рыхлость⁴⁶. По мнению известного американиста Н.В. Загладина, «доктрина Клинтона» отличалась конструктивностью, поскольку в основном учитывала возможность взаимодействия США со всеми странами, в том числе и признающимися недружественными для решения общих задач повышения управляемости глобальными процессами. Администрация Клинтона в целом учитывала, что при росте взаимозависимости в международном сообществе обеспечение национальных интересов США требует взаимодействия с другими государствами в деле создания более стабильного и безопасного мира.

Однако попытка реализации «доктрины Клинтона», утверждения американского мирового лидерства стали источником серьезных проблем и опасений как у общественности, так и у руководителей многих стран⁴⁷.

Администрация Б. Клинтона проводила свой внешнеполитический курс в не простое время в истории международных отношений. Можно согласиться с обоснованной критикой в ее адрес. Действительно, «доктрина Клинтона» по многим компонентам проигрывала доктринам, которые существовали до нее. Однако их стабильность и концептуальная разработанность обеспечивалась в течение сорока лет «холодной войны».

«Стратегия», предложенная администрацией Клинтона, несомненно, имела преемственность по отношению к предыдущей внешней политике США. Идея лидерства Соединенных Штатов Аме-

рики, стремление распространить демократию на весь мир – это неизменные глобальные задачи внешнеполитического курса Вашингтона. Сохранили свое значение и многие национальные приоритеты – обеспечения безопасности страны и доступа на мировые рынки и к источникам ресурсов. Все это не потеряло ценности для американской внешней политики. Более того, над обеспечением этих задач работали лучшие умы Америки не одно десятилетие. Глупо было бросать эту выстроенную, отлаженную политику, которая принесла Соединенным Штатам «победу» в «холодной войне». Рискну предположить, что если бы не распад Советского Союза, мы бы не стали свидетелями попыток кардинально пересмотреть внешнеполитические доктрины США.

Особенности доктрины Клинтона такие, как – возвеличивание идеалов демократии и прав человека, попытка обосновать первенство США исходя из их «особого положения» в мировой экономике и т. д. – безусловно, важны для понимания сути перемен во внешнеполитическом курсе США. Однако, на наш взгляд важно другое – стремление найти адекватный ответ на все реалии сразу, учесть в своей политике мнение большинства политологов, моментально изобрести гениальную формулу, способную продлить процветание Америки. Эти моменты как нельзя лучше характеризуют особенность внешнеполитической доктрины Клинтона – ее аморфность, слабую идеологическую и концептуальную основу, ее переходный характер. Это полностью соответствовало реалиям как внутривнутриполитической жизни США, так и ситуации на мировой арене.

Правительству Клинтона пришлось преодолеть инертность политики сдерживания, стремление части элиты и общества поставить во главу угла внешней политики изоляционизм. Все это не отвечало интересам США как мирового экономического и политического лидера. Кроме этого, Вашингтон вынужден был искать ответы на новые «вызовы», которые возникали валообразно. Это отразилось в 1990-е гг. на внешнеполитическом курсе США, который трудно назвать выверенным и последовательным.

⁴⁵ Huntington S. The Erosion of American National Interests. // Foreign Affairs, vol. 76, №5 (September/October 1997). pp. 28–49.; Maynes Ch. A Closing Word. // Foreign Policy. № 106 (Spring 1997), p. 15.

⁴⁶ Баталов Э.Я. Мировое развитие и мировой порядок. С. 263–264; Кременюк В.А. Внешняя политика администрации Клинтона: на новый срок со старым багажом // США ЭПИ, № 5. 1997. С. 24; Евстафьев Д.Г. Современные приоритеты национальной безопасности США // США ЭПИ. № 7. 1996. С. 24.

⁴⁷ Загладин Н.В. США: общество, власть, политика. М. : ООО «Торгово-издательский дом «Русское слово-РС», 2001. С. 214–215.

ОСОБЕННОСТИ СОЦИАЛЬНОГО СОСТАВА НАСЕЛЕНИЯ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ РСФСР В 20–30-Е ГГ. XX ВЕКА

С.А. Головин

Головин Сергей Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Благовещенского государственного педагогического университета.

Данная статья обращена к страницам истории Дальнего Востока России XX в. и посвящена особенностям социального состава населения на Дальнем Востоке РСФСР в 20–30-е гг. XX в. Автор поставил перед собой задачу выделить характерные черты социальной структуры региона в рассматриваемый период и проанализировать причины ее своеобразия.

Статья подготовлена к публикации на основе документов Российского государственного архива экономики и Государственного архива Хабаровского края. Публикация представляет интерес для научных работников, преподавателей, учащихся вузов и для всех исследователей истории Дальнего Востока России.

The article applies to the pages of the Far East history of Russia in the 20th c. and it deals with the peculiarities of the Social structure of the Far East population of RSFSR in the 20–30-s of the 20th c. The author aims at finding out some features of the social structure of the region in the mentioned period of time and also at analyzing the reasons of its originality.

Prepared for publication, the article is based on the documents of the Russian State Archives on Economics and the Russian State Archives of the Khabarovsk region. It may become interesting for scientists, teachers, students and all the researchers of the Far East history of Russia.

Дифференциация населения на отдельные социальные слои (страты) происходит под воздействием целого ряда параметров, которые отражают социальные позиции, интересы и социальный статус людей. При исследовании социальной структуры общества необходимо различать номинальные факторы (пол, этническая принадлежность, вероисповедание, местожительство, область деятельности (профессия), язык, возраст, партийная принадлежность, раса), характеризующие горизонтальную социальную мобильность индивидов, влияющую на изменение *социального состава* населения; и ранговые факторы (образование, собственность /доход, богатство/, происхождение /семья/, власть, профессиональный престиж), указывающие на вертикальную мобильность, на *классовое*, иерархическое положение определенных слоев в обществе.

Общая величина поверхности Дальнего Востока РСФСР составляла в начале 20-х гг. 2 636 463 км² (около 12 % поверхности СССР). После проведения районирования 1926 г. площадь Дальневосточного края несколько уменьшилась и составила на 1 января 1927 г. 2 598 100 км². По общей площади административной территории Дальний Восток занимал третье место в РСФСР после Казахстана и Якутии¹.

Численность населения Дальнего Востока РСФСР в 1923 г. составляла 1 млн 572 тыс. 747 человек (без Камчатки и Сахалина), на 17 января 1939 г. (по переписи 1939 г.) – 2 млн 366 тыс. 534 чел. (Хабаровский и Приморский края). На ог-

ромном пространстве Камчатской губернии (области) проживало к 1923 г. всего 36,2 тыс. чел. (2,3 % населения советского Дальнего Востока), в северной части Сахалина – 12,2 тыс. (0,8 %). По плотности сельского населения Дальний Восток в 20-е гг. занимал одно из последних мест среди других регионов СССР – 0,9 чел. на км² (Амурская и Приморская – 0,7; Забайкальская – 1,4; СССР – 6,0). Если не учитывать Забайкальскую губернию, то плотность населения на Дальнем Востоке в 20-е гг. составляла 0,6 чел. на км², к концу 30-х гг. – 1,2 чел. на км² (в СССР к концу 30-х гг. плотность населения увеличилась до 8,7 чел. на км²). Плотность населения в 1927 г. в европейской части СССР составляла 22 чел. на км², в граничащих с Дальним Востоком РСФСР странах – в Китае – 40 чел. на км², в Корее – 83 чел. на км², в Японии – 151,7 на км².

Распределение населения внутри региона в дореволюционной России обуславливалось природными условиями отдельных частей края. Территория российского Дальнего Востока по природно-климатическим условиям делится на две части: южную, наиболее благоприятную для земледелия; и северную, с малообжитыми районами, осваиваемую в основном в связи с разработкой золотых приисков и лесозаготовками.

Население проживало главным образом в южных и юго-восточных областях края, на равнинах и побережьях главных водных артерий (р. Амур, Зeya, Усури и др.), т.е. в тех районах,

¹ Отчет Дальревкома и Дальэкоза за 1923–1924 г. Хабаровск, 1925. С. 34–35; СССР за 1928 г. Статистический справочник. М., 1929. С. 23.

² Отчет Дальревкома и Дальэкоза за 1923–24 г. Хабаровск, 1925. С. 35; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 277–286. Л.Л. 3; СССР за 1928 г. Статистический справочник. М., 1929. С. 23.

где более или менее благоприятные сельскохозяйственные условия выгодно комбинировались с экономической обстановкой заселения (близостью населенных торговых и административных пунктов, судоходных рек).

В наиболее заселенной Забайкальской губернии Дальнего Востока в 20-е гг. (с 1926 г. Читинский и Сретенский округа) площадь культурных угодий (пашни и покоса) составляла около 3 % всей площади губернии; в Амурской – 1,8 %, без приусадебной площади и выгонов; в Приморской – 0,9 % всей территории губернии (округа). Территории с более высокой плотностью населения были сгруппированы по бассейнам рек и вдоль линий железных дорог, по которым шло основное заселение края с начала XX века. Наиболее густо заселены были долины рек Шилки и Ингоды в Забайкальской губернии, районы, прилегающие к реке Амуру, граничащие с Монголией и Маньчжурией, Зейско-Буреинская равнина Амурской губернии и долина, идущая по бассейну реки Уссури, переходящая далее в Приханкайскую низменность в Приморской губернии (области).

В большей же части Дальнего Востока (север), занятой горными хребтами, тайгой, тундрой, непригодными для земледелия, население было представлено лишь туземными племенами (аборигенами края), старателями и приисковыми рабочими. Все оседлое население занимало около 16 % территории ДВО (без Камчатки и Сахалина), и этот процент падал от 40,3 в Забайкальской губернии, до 10,7 в Амурской и 6,4 в Приморской губерниях. Плотность оседлого населения на заселенной территории Дальнего Востока в среднем была равна 7,5 человека на кв. км.³ Исторический процесс заселения Дальнего Востока, шедший с запада на восток, привел к тому, что Забайкальская губерния, лежащая первой на пути переселенческого потока, оказалась плотнее заселенной, чем восточные – Амурская и Приморская губернии (округа, области).

Малонаселенность Камчатской губернии (округа, области) была обусловлена обширными тундровыми пространствами (не менее 2/3 ее территории), не являвшимися благоприятным фактором для колонизации в первой трети XX в. Основная часть населения была сосредоточена на Камчатском полуострове преимущественно в долине р. Камчатки и на побережье, где оно занималось исключительно рыбной ловлей и охо-

той; и в отдельных близких к Охотскому морю районах, где главным источником средств существования выступало оленеводство.

Низкая плотность населения на Сахалине, помимо природных условий (тундра в северной части), определялась также тем, что на Сахалине до 1917 г. были расположены пенитенциарные учреждения. Как место каторги и ссылки Сахалин не мог привлечь большого числа переселенцев, а коренное население исчислялось несколькими сотнями. С 1905 г. южная часть острова в результате Портсмутского мира отошла к Японии (в японских географических атласах о. Сахалин – о. Карафуто), что также не могло способствовать русской колонизации острова. К 1920 г. японское население южной части Сахалина равнялось 106 тыс. чел. и плотность населения в японской части острова составляла 3,1 чел. на км², что превышало в восемь раз плотность населения в русской части⁴.

Из других районов Дальнего Востока слабо были заселены таежные и промысловые – Зейский и Николаевский округа (Зейская и Нижне-Амурская области); плотность населения в последнем сильно понизилась после включения в его состав обширного Охотского района. Малонаселенна была и северная таежная часть Забайкалья.

Огромная территория российского Дальнего Востока при малой плотности населения, которое большей частью было сосредоточено на юге региона, обусловили и другие особенности распределения социального состава населения на Дальнем Востоке:

а) более низкий процент сельского населения и соответственно более высокая доля городских жителей по сравнению с остальными регионами страны.

В СССР сельское население составляло по переписи 1926 г. 82,1 %, по переписи 1939 г. – 67,1 % от общей численности населения. Процент сельского населения на Дальнем Востоке в 20-е гг. понижался с запада на восток: Забайкальская губерния – 77,4, Амурская – 75, Приморская – 67. К 1939 г. сельское население Дальнего Востока составляло 52,6 % (учитывая Хабаровский и Приморский края, Читинскую область), и 50,9 % (если не учитывать Читинскую область)⁵.

³ Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальневосточное краевое статистическое управление. Ч.1. Хабаровск, 1926. С. 25.

⁴ Архипов Н.Б. Дальневосточный край. М.-Л., 1929. С. 23.

⁵ Всесоюзная перепись населения 1926 года. Т. 34. М., 1930; РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 277–286. Л.Л. 3. Основные итоги переписи населения.

Сельское население представляло собой весьма разнородную массу, которую можно разделить на ряд более мелких групп по форме хозяйственной деятельности: земледельческое русское население, земледельческое корейское население Приморья, скотоводческие хозяйства Забайкальской губернии, земледельческие хозяйства с промыслами и промысловые хозяйства, занимающиеся охотой, рыболовством, добычей золота, извозом. К 1939 г. большая часть сельских жителей была объединена в колхозы и совхозы, единоличных крестьянских хозяйств почти не осталось.

Наиболее крупным городом в 1939 г. по численности населения был г. Владивосток – 206,4 тыс. (в 1926 г. – 106,7 тыс.), затем г. Хабаровск – 199,2 тыс. (в 1926 г. – 34,3 тыс.), г. Чита – 102,6 тыс. (в 1926 г. – 62,9 тыс.), г. Ворошилов (Уссурийск) – 71,9 тыс. (в 1926 г. – 35,3 тыс.), г. Благовещенск – 58,8 тыс. (в 1926 г. – 57,7 тыс.), г. Свободный – 44,0 тыс. (в 1926 г. – 10,3 тыс.), г. Петропавловск-на-Камчатке – 35,4 тыс. (в 1926 г. – 1,7 тыс.), г. Александровск – 25,0 тыс. (в 1926 г. – 2,8 тыс.); г. Николаевск-на-Амуре – 17,3 тыс. (в 1926 г. – 7,4 тыс.). К 1939 г. на Дальнем Востоке были основаны г. Комсомольск-на-Амуре (70,8 тыс.) и г. Биробиджан (29,6 тыс.)⁶.

К 1939 г. городское население Дальнего Востока насчитывало 1161,9 тыс. чел. (с Читинской областью – 1671,4 тыс.). Доля городского населения Дальнего Востока в 1939 г. составляла – 49,1 % (если учитывать Читинскую область – 47,4 %), повышаясь от 44,0 % в Читинской области до 51,6 % в Приморском крае⁷.

К 1939 г. из состава городского населения Дальнего Востока – 48,0 % (557,4 тыс. от 1161,9 тыс.) имели хозяйственное занятие (из них 72,4 % – мужчины, 27,6 % – женщины). Если учитывать в расчетах, помимо Хабаровского и Приморского краев, и Читинскую область, то из состава городского населения – 47,3 % (790,3 тыс. от 1671,4 тыс.) имели трудовое занятие (из них 73,1 % – мужчины, 26,9 % – женщины). Наибольший процент самодельные жители городов составляли в Приморском крае – 53,5 %, наименьший в Нижне-Амурской области – 18,5 %, Камчатской области – 32,8 %, Уссурийской области – 33,8 %⁸;

б) преобладание мужского населения над женским по всем областям (губерниям), в населенных пунктах всех типов.

Численность населения ДВО, на 1 января 1925 г., составляла 1 666,4 тыс. чел., мужчины – 873,5 тыс. (52,4 %), женщины – 792,9 тыс. (47,6 %). Преобладание мужчин над женщинами возрастало от Забайкальской губернии к Приморской: в Забайкальской губернии разница составляла 2,2 %, в Амурской – 2,4 %, Приморской – 8 %. В сельских местностях перевес мужчин равнялся по Дальнему Востоку 2,6 %, в мелких поселениях несельского типа – 8,8 %, а в городах разница доходила до 12,8 %⁹.

Данное соотношение мужчин и женщин не только сохранялось и в 30-е годы, но еще больше увеличилось, несмотря ни на какие мероприятия Советской власти. Численность мужского населения Дальнего Востока, на 17 января 1939 г., составляла 1 307,9 тыс. чел. (55,3 %), женского – 1 058,7 тыс. (44,7 %). В Читинской области данное соотношение было следующим: мужчины – 613,3 тыс. чел. (52,9 %), женщины – 545,3 тыс. (47,1 %). Преобладание мужчин над женщинами по областям выражалось следующими цифрами: в Приморском крае – 2,9 %; в Уссурийской области – 2,4 %; в Хабаровском крае – 6,7 %; в Амурской области – 0,7 %; в Нижне-Амурской области – 3,1 %; в Камчатской области – 5,9 %; в Сахалинской области – 2,8 %; в ЕАО – 3,7 %; в Читинской области – 2,9 %. Максимумом разница достигала в городах Камчатской области – 10,2 %¹⁰.

К концу 30-х гг. большая часть китайского населения, мигрирующая в пределы российского Дальнего Востока, в зависимости от сезона, из Китая и обратно, была выселена за пределы края, и не могла повлиять, как в 20-е гг., на преобладание мужчин в регионе. Несоответствие в численности между мужским и женским населением, сохранившееся на Дальнем Востоке и к концу 30-х гг., было обусловлено задачами переселенческой политики государства. Проведение политики колонизации Дальнего Востока в 30-е гг. предусматривало развитие оборонной, золотодобывающей, лесной, рыбной отраслей промышленности, использующих в основном мужскую рабочую силу, в связи с чем, в переселении было задействовано в основном мужское население, и заключенные, большая часть которых, была представлена мужчинами;

в) массовое перемещение населения из европейских регионов СССР в 1925–1941 гг. на Дальний Восток вследствие активной экономической, репрессивной и переселенческой политики государства.

⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 277–286. Л.Л. 3.

⁷ Там же.

⁸ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 277–286. Л.Л. 16, 17, 18, 19, 20, 22.

⁹ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. С. 7.

¹⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 277–286. Л.Л. 3.

Масштабы переселенческой политики в 20–30-е гг. носят противоречивый характер и содержат различную оценку численности переселенных жителей СССР за определенные промежутки времени в рассматриваемый период. Увеличение численности населения на Дальнем Востоке в 1922–1925 гг. обеспечивалось в основном за счет естественного прироста. Количество водворившихся переселенцев в эти годы составило по оценке краевого статистического управления в 1926 г. – 6,3 тыс. чел. (из них одна треть являлась выходцами из других частей Дальнего Востока РСФСР). По данным Ю.В. Пикалова в 1922–1926 гг. в регион вселилось 20 тыс. чел., у Н.Б. Архипова фигурирует 37 тыс. чел. вселившихся на Дальний Восток в 1923–1925 годах. По сведениям Г.А.Ткачевой в ДВК на момент переписи 1926 г. (17 декабря) 75,5 тыс. чел. являлись пришлыми, с продолжительностью проживания менее года, а у 94 тыс. чел. срок пребывания в крае не превышал двух лет¹¹.

В 20-е гг. преобладало сельскохозяйственное переселение, но активная политика по превращению региона в военно-индустриальную базу на востоке СССР переместила с начала 30-х гг. акценты с сельскохозяйственного сектора экономики на промышленный. Расширение сферы индустриального производства на Дальнем Востоке вызвало необходимость увеличения профессионально подготовленных трудовых кадров для промышленности.

С 30-х гг. в процессе переселения в деятельности государственных органов власти проявляется четкая тенденция к объединению переселенцев в единых населенных местах. Это относится как к принудительному переселению – созданию поселков спецпереселенцев, так и к добровольному – формированию особого колхозного корпуса общей численностью 60 тыс. чел. со сроком службы четыре года, с последующим обоснованием с семьей (по желанию) на территории Особой Краснознаменной Дальневосточной Армии (ОДВА). К началу 1936 г. через колхозный корпус переселилось около 5 тыс. чел., всего с 1928 г. по 1940 г. на Дальнем Востоке осталось около 39 тыс. демобилизованных военнослужащих.

Данные о численности населения, пересе-

ленного в регион за 1925–1941 гг., как и за 1922–1925 гг., также крайне разноречивы. Трудность подсчета, и как следствие этого несоответствие приведенных сведений по переселению, вытекает из так называемого процесса «обратничества» в ходе переселения. Каждый год определенная часть переселенного населения выбывала с территории Дальнего Востока, причем процент уезжающих переселенцев обратно постоянно колебался. К причинам отъезда с Дальнего Востока переселенцев, на основе опроса уезжающего населения, относятся: плохие почвы и трудности в обработке земли (51 % опрошенных), болезни (20 %), недостаток средств (14 %), неурожай и трудности со снабжением (11 %), неизвестные причины (4 %). Основную массу отъезжающего населения составляли переселенцы, прожившие на своих участках 1–2 года. Численность возвратившихся переселенцев в 1925–1929 гг. оценивается Ю.В. Пикаловым в 74–87 %. Г.А. Ткачева приводит данные о 71,9 % выбывших переселенцев из Приморского края с 1928 г. по 1941 год¹².

Г.А. Ткачева приводит только отдельные цифры о переселенном населении в регион за короткие промежутки времени – в 1932 г. прибыло в ДВК 120 тыс. рабочих., в годы второй пятилетки – 446,4 тыс. чел., с 1928 г. по 1941 г. в Приморский край прибыло 1081,7 тыс. чел., из них выбыло – 778 тыс. человек.

По сведениям Н.А. Билима население края увеличилось за счет переселенцев из других регионов СССР в 1925–1939 гг. на 800 тыс. чел.¹³.

Не оценивая итоговую цифру численности переселенных в 20–30-е гг. на Дальний Восток, Ю.В. Пикалов приводит информацию о механическом приросте населения Дальнего Востока в 1920–1939 гг., который составил 1120 тыс. человек. Данная цифра нуждается в разъяснении – в нее входят и добровольно вселившиеся в край в ходе переселенческой политики, так и «спецконтингент» ГУЛАГ, большая часть которого состояла из заключенных и спецпоселенцев. Механический прирост населения в 1920–1929 гг. на Дальнем Востоке составлял 310 тыс. человек. Поскольку численность «спецконтингента» в эти годы была минимальна – большую часть меха-

¹¹ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. С. 24–27; Пикалов Ю.В. Очерк истории социального развития Дальнего Востока России в 1922–1941 гг. Хабаровск, 1999. С. 21; Архипов Н.Б. Дальне-Восточный край. М.-Л., 1929. С. 29–30; Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. XX в. Владивосток, 2000. С. 10.

¹² См.: Пикалов Ю.В. Очерк истории социального развития Дальнего Востока России в 1922–1941 гг. Хабаровск, 1999; Ткачева Г.А. Демографическая ситуация на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. XX в. Владивосток, 2000. С. 19.

¹³ См.: Ткачева Г.А. Указ Соч. С. 19; Билим Н.А. Сто дорог на Восток. Из истории переселения трудящихся на Дальний Восток. Хабаровск, 1978. С. 10.

нического прироста в 1920–1929 гг. можно отнести к добровольным переселенцам на Дальний Восток. Механический прирост в 1930–1939 гг. оценивается Ю.В. Пикаловым в 810 тыс. человек¹⁴. На 21 февраля 1939 г. численность «спецконтингента» на Дальнем Востоке составляла 455,3 тыс. человек¹⁵. Соответственно 354,7 тыс. населения на Дальнем Востоке в 1930–1939 гг. приходится на переселенцев, прибывших в регион добровольно. В итоге, если взять за исходные данные цифры механического прироста, на Дальний Восток с 1920 г. по 1939 г. в результате добровольного переселения прибыло 664,7 тыс. человек. В 1940 г. на Дальний Восток, по данным ЦУНХУ, прибыло 52,3 тыс. чел. (11580 хозяйств – из них 391 (3,4 %) выбыли обратно) – без оформленных на месте переселения; в первом квартале 1941 г. – 10 тыс. человек¹⁶;

г) высокий удельный вес «спецконтингента» ГУЛАГ НКВД¹⁷ в 30-е годы в регионе.

В 30-е гг. территория Дальнего Востока становится одним из приоритетных направлений деятельности ГУЛАГа. В эти годы здесь была создана сеть исправительно-трудовых лагерей и колоний. В начале 30-х гг. на территории ДВК функционировало управление Дальневосточного исправительно-трудового лагеря (Дальлаг ОГПУ). В 1935 г. управление Дальлага включается в состав УНКВД и впредь именуется как Управление лагерями, трудпоселениями и местами заключения УНКВД.

К концу 1938 г. на Дальнем Востоке было расположено пять самостоятельных управлений исправительно трудовыми лагерями НКВД, подчиненных ГУЛАГу НКВД – Дальлаг (г. Хабаровск), Райчихлаг (ст. Райчиха), Ушосстройлаг

(г. Хабаровск), Ново-Тамбовский ИТЛ (г. Комсомольск-на-Амуре), ЖДСУ НКВД на ДВК (г. Свободный)¹⁸. Помимо самостоятельных управлений ИТЛ НКВД на Дальнем Востоке, Владивостокский лагерь также непосредственно подчинялся ГУЛАГу и имел на 1 января 1941 г. 36,5 тыс. заключенных¹⁹.

1. Второй (после УЖДС) по численности заключенных и объему производственных работ Дальлаг (центр г. Хабаровск) объединял 9 отделений: Средне-Бельское, Бироканское, Бирское, Розенгартовское, Комсомольское (строительства № 430 и № 437), Николаевское (строительство № 201), Сахалинское (строительство №429-2), Камчатское (№ 426-438), Хабаровское (3-е отделение). На конец 1938 г. в Дальлаге насчитывалось 58,2 тыс. заключенных²⁰.

2. Райчихинский исправительно-трудовой лагерь НКВД находился на ст. Райчиха Амурской железной дороги. Управление лагеря подчинялось ГУЛАГу НКВД и входило в группу горных лагерей. По характеру производственной работы специализировался на добыче угля и имел 4 отделения: Райчихинское, Кивдинское, Аллочкин отрог и Архаринское. На конец 1938 г. в Райчихлаге содержалось около 9 тыс. заключенных²¹.

3. Управление шоссейно-дорожного строительства (г. Хабаровск) и его ИТЛ подчинялись по линии строительства Гушосдору НКВД СССР, лагерь – ГУЛАГу НКВД. Производственная специализация – строительство шоссейных дорог на Дальнем Востоке, на возведении которых трудилось 13,8 тыс. заключенных²².

4. Управление Ново-Тамбовского ИТЛ (г. Комсомольск-на-Амуре) непосредственно подчинялось ГУЛАГу НКВД. Основной характер производства – лесозаготовки. Управление лагеря имело 10 отдельных лагерных пунктов, расположенных в лесных массивах, на расстоянии от г. Комсомольска-на-Амуре от 18 до 50 км. На 1 февраля 1939 г. управление содержало 10,7 тыс. заключенных²³.

5. Одним из самых мощных подразделений ГУЛАГа на Дальнем Востоке в 30-е гг. был БАМлаг НКВД (образован приказом ОГПУ от 10 ноября 1932 года), самостоятельная структура в системе ГУЛАГа НКВД в 1932–1938 гг., осуществлявший строительство Байкало-Амурской магистрали. С весны 1933 г. лагерь должен был осуще

¹⁴ Пикалов Ю.В. Переселенческая политика и изменение социально-классового состава населения Дальнего Востока РСФСР (ноябрь 1922–июнь 1941 гг.). Хабаровск, 2003. С. 165.

¹⁵ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 277. Л. 155.

¹⁶ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 540. Л.Л. 7, 87, 98, 154.

¹⁷ Термином «спецконтингент» в 30-е гг. именовались: «А» – личный состав оперативно-чеккистских управлений и отделов НКВД СССР, до 1934 г. – ОГПУ, их органов, школ, курсов и тюрем, весь личный состав пограничных и внутренних войск, аппаратов в центре и на местах; «Б» – постоянный и переменный состав частей и школ милиции, состоящий на казарменном положении, военизированной пожарной охраны, штатный и вольнонаемный состав аппаратов лагерей, управлений и отделов, мест заключения, тюрем, колоний, трудовых колоний, строительство ГУЛАГа НКВД; «В» – осужденные и следственные, заключенные в тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и трудовых колониях НКВД СССР, трудпоселенцы, проживающие в зоне, трудпоселках ГУЛАГа НКВД, задержанные в арестных помещениях в НКВД, воспитанники трудколоний, трудкоммун и приемников-распределителей отдела трудовых колоний для несовершеннолетних НКВД СССР (контингент «В»).

¹⁸ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 311. Л. 1.

¹⁹ См. Ткачева Г.А. Указ. Соч. С. 25.

²⁰ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 311. Л. 1–2.

²¹ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 311. Л. 2.

²² ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 311. Л. 3.

²³ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 311. Л.4.

ствлять не только строительство БАМа, но и сооружений вторых путей Транссиба, лесозаготовительные мероприятия. На 1 июля 1935 г. в БАМлаге содержалось 162,4 тыс. заключенных. Огромный объем строительства путей сообщения в регионе привел к необходимости создания железнодорожного стройуправления (ЖДСУ) ГУЛАГ НКВД СССР²⁴.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 28 февраля 1939 г. было организовано Управление железнодорожного строительства НКВД на Дальнем Востоке, возглавляемое Н.А. Френке-лем (первым начальником строительства БАМ с 26 февраля 1932 г. по 8 сентября 1933 г. был С.В. Мрачковский, затем его сменил Н.А. Френкель)²⁵. Помимо руководства УЖДС на Дальнем Востоке Н.А. Френкель выполнял еще и обязанности начальника Амурского железнодорожного лагеря.

В структуру УЖДС (261,8 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г. без Приморлага, 258,5 тыс. на 1 апреля 1939 г. включая Приморлаг) вошли: Западный (центр п. Тайшет – 17 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г., 10,2 тыс. на 1 апреля 1939 г.), Южный (г. Улан-Удэ – 33,2 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г., 26,1 тыс. на 1 апреля 1939 г.), Амурский (г. Свободный – 107 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г., 84 тыс. на 1 апреля 1939 г.), Буреинский (ст. Известковая – 42 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г., 44,1 тыс. на 1 апреля 1939 г.), Восточный (25 км западнее г. Комсомольска-на-Амуре – 15,6 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г., 18,8 тыс. на 1 апреля 1939 г.), Юго-Восточный (ст. Волочаевка-2 – 38,3 тыс. заключенных на 30 декабря 1938 г., 26,9 тыс. на 1 апреля 1939 г.) и Приморский (37,1 тыс. заключенных в марте 1939 г., 50,2 тыс. в апреле 1939 г.) исправительно-трудовые лагеря²⁶.

²⁴ Еланцева О.П. Обреченная дорога: БАМ (1932-1941 гг.). Владивосток, 1994. С. 108.

²⁵ Нафталий Аронович Френкель – коммерсант в годы нэпа, арестован в 1923 г. за мошенничество и переход государственной границы, заключенный Соловецкого ИТЛ, в 1927 г. освобожден и назначен начальником производственного отдела Управления Соловецких лагерей ОГПУ, затем – начальником представительства Управления Соловецких лагерей (г. Москва), возглавил производственный отдел ГУЛАГа, в 1931–1933 годы – начальник производственных работ и помощник начальника Белморстроя, за строительство которого награжден орденом Красной Звезды и орденом Ленина. В 1940 г. возглавил железнодорожное строительство по линии НКВД, одновременно являясь зам. начальника ГУЛАГ НКВД. В 1947 г. вышел в отставку по болезни с должности начальника Главного управления железнодорожного строительства НКВД.

²⁶ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 317. Л.Л. 43; ГАХК. Ф. П-35. Оп. 1. Д. 311. Л.Л. 4–6.

Общая численность заключенных в БАМлаге – ЖДСУ НКВД – УЖДС НКВД, по данным О.П. Еланцевой, составляла в январе 1938 г. – 201, 1 тыс. чел., в мае 1938 г. – 255,3 тыс., в январе 1939 г. – 263,3 тыс., в мае 1939 г. – 291,4 тыс. человек. У Г.А.Ткачевой фигурируют такие цифры: в 1938 г. в ИТЛ УЖДС насчитывалось 273,4 тыс. заключенных (без Приморлага), в апреле 1939 г. – 254, 9 тыс. (включая Приморлаг)²⁷.

Приказом НКВД СССР от 4 января 1940 г. на основе Управления железнодорожного строительства ГУЛАГа НКВД СССР (ЖДСУ НКВД) было образовано Главное управление железнодорожного строительства НКВД СССР (УЖДС НКВД). В процессе реорганизации Амурский, Восточный и Юго-Восточный ИТЛ были объединены в Нижне-Амурский исправительно-трудовой лагерь²⁸.

Суммируя приведенные выше цифровые данные, содержащиеся в Государственном архиве Хабаровского края, о количестве заключенных на Дальнем Востоке к началу 1939 г., получим – 390 тыс. человек (не учитывая заключенных Дальстроя, и учитывая заключенных Приморлага на 1 января 1941 г.). Можно сравнить эти цифры с данными Всесоюзной переписи населения 17 января 1939 г., хранящимися в Российском государственном архиве экономики.

На 21 февраля 1939 г. «спецконтингент» на Дальнем Востоке (Хабаровский и Приморский края) насчитывал 455,3 тыс. чел., из них 38,85 тыс. (8,5%) контингент «А»; на 22 марта 1939 г. (уточненные данные по переписи) – 459,7 тыс., из них 39,1 тыс. (8,5%) контингент «А»²⁹. Контингенты «Б» и «В» соответственно составляли 416,5 тыс. и 420,6 тыс. человек. Главная проблема – разделить по численности контингенты «Б» и «В». Именно контингент «В» составляли осужденные, заключенные и задержанные в тюрьмах, арестных помещениях, лагерях и колониях НКВД СССР, трудпоселенцы, воспитанники трудколоний и трудкоммун. Опубликованные данные переписи, по состоянию на 21 февраля 1939 г., данного разделения не содержат³⁰.

В РГАЭ содержатся данные о контингенте «В» в Приморском и Хабаровском краях в следующем месяце 1939 г. В марте 1939 г. численность контингента «В» на Дальнем Востоке со-

²⁷ См. Еланцева О.П. Указ. Соч. С. 108; Ткачева Г.А. Указ. соч. С. 25.

²⁸ Ткачева Г.А. Указ. Соч. С. 25.

²⁹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 277. Л. 144.

³⁰ Всесоюзная перепись населения 1939 года: Основные итоги/ Под ред. Ю.А.Полякова. М., 1992. С. 233–235.

ставляла 335 тыс. чел. – 72,9 % от общей численности «спецконтингента» и 79,7 % от общей численности контингентов «Б» и «В» (в Приморском крае на 20 марта – 102498, в Хабаровском крае на 13 марта – 232530)³¹. Соответственно численность контингента «Б» на Дальнем Востоке в марте 1939 г. по материалам РГАЭ равнялась 85,6 тыс. человек.

Приблизительную численность заключенных в ДВК можно определить и на основе переписи 1937 г. В экземпляре предварительных итогов переписи населения ДВК на 11 января 1937 г., хранящемся в ГАХК, не учтены данные о населении, проживающем на территории, где перепись производилась органами НКО и НКВД³². Численность населения ДВК по этому источнику составляет 1977211 человек. Общее же число жителей ДВК на 6 января 1937 г., на основе данных переписи населения СССР 1937 г. РГАЭ, введенных в научный оборот Ю.А.Поляковым, В.Б.Жиромской, И.Н.Киселевым равнялось 2481185 человек³³. Сопоставление двух экземпляров переписи населения ДВК дает разницу в 503974 человек, которая приходилась на «спецконтингент». Наркомат Обороны никогда не включал численность вооруженных сил в общегражданские списки. Если взять за основу, что численность контингента «В», как и по переписи 1939 г., составляла 72,9 % от общей численности «спецконтингента», то количество заключенных на 6 января 1937 г. равнялось 367,4 тыс. человек (14,8 % от общего количества населения ДВК по переписи 1937 г.). Если же взять за основу предварительные цифровые итоги контингентов «Б» и «В» в ДВК по переписи 1937 г. – 387698³⁴, и предположить, что, как и в 1939 г., доля контингента «В» составила 79,7 % от общей численности групп «Б» и «В», то численность заключенных и трудпоселенцев в крае по переписи 1937 г. – 309 тыс. чел. (12,5 %).

Таким образом, на основе материалов РГАЭ и ГАХК приблизительная численность заключенных на Дальнем Востоке к началу 1939 года составляла 335-390 тыс. чел. – 14,2-16,5% от общего количества населения региона по переписи 1939 г., к 1937 г. – 309-367,4 тыс. чел. (12,5-

14,8% от всего числа жителей ДВК);

д) *своеобразное распределение грамотного населения на Дальнем Востоке в 20-е гг., в отличие от РСФСР.*

В переписях 20–30-х гг. все население разделено на две группы – «грамотные» и «неграмотные». В группу «грамотные» были объединены люди самого разнообразного уровня образованности и грамотности. Вследствие этого, данные переписи могут быть применены только по критерию – «неграмотность». В сущности, переписи 20-30-х гг. делят население на «читающие» и «не читающие», и в дальнейшем под термином «грамотные» следует понимать «читающие», а под понятием «неграмотные» – «не читающие».

Общее количество неграмотных в 1923 г. превышало половину всех жителей ДВО и составляло по отношению ко всему населению 62,5 % (все население – 1 568,8 тыс.; грамотные – 588,4 тыс.; неграмотные – 980,4 тыс.). Но для определения показателя овладения грамотой необходимо исследовать все население в возрасте от восьми лет и старше, т. е. ту часть жителей, которая при всеобщем, обязательном обучении была бы на сто процентов грамотной. Из всего населения ДВО, в возрасте от восьми лет и старше в количестве 1 220,8 тыс. человек, грамотных было 585,1 тыс. чел. (47,9 %)³⁵. Для сравнения состояния грамотности населения Дальнего Востока с общесоюзными показателями обратимся к данным по Советской России за 1920 г. (табл. 1).

При сопоставлении данных табл. 1 показатели распространения грамотности среди сельского и городского населения Дальнего Востока в 1923г. очень близки со сведениями по охвату грамотностью населения СССР в 1920 г. (у женщин эти цифры в точности совпадали). Доля грамотного городского населения ДВО превышала, как и по всему СССР, показатель числа грамотных сельских жителей и у мужчин, и у женщин. Вместе с тем средние данные по численности грамотного городского населения Дальнего Востока ниже сведений по среднему числу грамотных горожан по СССР, а показатель распространения грамотности сельского населения ДВО превысил общесоюзный.

Показатель грамотности мужского населения уменьшался от Забайкальской губернии – 775 человек на 1000, до 750 грамотных мужчин в Амурской губернии и 709 в Приморской губернии. Падение средней грамотности мужчин в

³¹ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 329. Д. 277. Л.Л. 145-146.

³² ГАХК. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1302. Л.Л. 240-243.

³³ Жиромская В.Б., Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Население СССР по переписи 1937 и 1939 гг. // Комплексный подход к изучению социальной структуры. Источники и методы. М., 1991. С. 30.

³⁴ Жиромская В.Б., Поляков Ю.А., Киселев И.Н. Полвека молчания (Всесоюзная перепись населения 1937 г.) // Социологические исследования. 1990. № 8. С. 34.

³⁵ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. С. 27.

Приморье было связано с наличием в городах Приморской губернии значительного количества неграмотных выходцев из Китая и Кореи. Женская грамотность, наоборот, выше всего была распространена в городских поселениях Приморской губернии (662 грамотные на 1000 женщин в возрасте от 8 лет и старше), далее в Забайкальской (591 на 1000), и ниже всего в Амурской губернии (589 на 1000). В общем, по всему населению обоего пола в городах и городских поселениях Приморской и Забайкальской губерний на 1000 жителей приходилось 691 грамотный, а в Амурской губернии – 671³⁶.

Таблица 1

Численный состав грамотного населения СССР и ДВО в начале 20-х гг.

Наименование	Грамотные на 1000 чел. населения в возрасте от 8 лет и старше		
	мужчины	женщины	обоего пола
СССР 1920 г.			
города	831	660	735
сельская местность	543	275	389
всего	617	336	465
ДВО 1923 г.			
города	724	627	681
сельская местность	549	231	395
всего	605	336	479

Источник: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. I. Хабаровск, 1926. С. 24.

Грамотность в среде сельского населения имела прямо противоположный, чем у городского населения, характер распределения. Низкое распространение грамотности наблюдалось у сельского населения Забайкальской губернии – 25,9 %, в Амурской губернии грамотные составляли 31 % сельских жителей, а в Приморской губернии был зарегистрирован самый высокий охват грамотностью сельского населения – 33,2 %³⁷.

Таким образом, показатель средней численности грамотного городского населения Дальнего Востока в 1923 г. был ниже данных по грамотности горожан РСФСР, а охват грамотностью сельского населения ДВО превышал общесоюзный показатель. Доля грамотного городского

населения ДВО уменьшалась с запада на восток (от Забайкальской до Приморской губерний). Грамотность сельского населения имела прямо противоположный, чем у городского населения, характер распределения, увеличиваясь с запада на восток (наиболее высокий показатель распространения грамотности у сельского населения ДВО был отмечен в ряде волостей, расположенных по линии железной дороги).

Распространение грамотности по этническим группам населения ДВО в начале 20-х гг. было различным, как по общему количеству среди них грамотного населения, так и по охвату грамотностью мужчин и женщин. Наиболее высокую долю грамотных имели народности, в незначительном количестве представленные в ДВО: караимы (96% грамотных), датчане (93,5%), французы (91,7%), итальянцы (90,5%), японцы (83% – постоянно проживавших на российском Дальнем Востоке). Русское население, составлявшее основную массу жителей ДВО, имело значительно меньший процент грамотных – 40,8; украинское – 33,6; белорусское – 32,5³⁸.

Сопоставление распространения грамотности среди отдельных народностей по Дальнему Востоку РСФСР и по СССР в 20-е гг. выявляет более высокий показатель грамотных среди населения в доминирующих (по численности) этнических группах ДВО (табл. 2).

Таблица 2

Сравнительная характеристика распространения грамотности среди отдельных народностей (на 1000 чел.)

Этническая принадлежность	Дальний Восток (1923 г.)	СССР (1920 г.)
Русские	408	334
Украинцы	336	246
Белорусы	325	282
Евреи	784	704
Латыши	742	678
Эстонцы	744	661
Поляки	609	599

Источник: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. I. Хабаровск, 1926. С. 26.

В небольших по численности населения народностях Дальнего Востока в 20-е гг. иногда отмечалась меньшая степень грамотных, чем по

³⁶ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. I. Хабаровск, 1926. Таблицы II. Население. С. 16–63.

³⁷ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Таблицы II. Население. С. 16–63.

³⁸ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Таблицы II. Население. С. 16–63.

СССР (грамотное немецкое сельское население ДВО составляло 25,4 %, а по СССР 44,3 %). Во всех этнических группах ДВО в начале 20-х гг. сохранялось преобладание грамотных у мужской части населения по сравнению с женской.

К концу 30-х гг. показатели распространения грамотности среди населения и по городской, и по сельской местности превысили общероссийские показатели. Процент грамотных на 17 января 1939 г. по РСФСР в возрасте 9 лет и старше равнялся – 81,9. Среди городского населения РСФСР 90,3 % было грамотным (мужчины – 96,5 %; женщины – 84,9 %), среди сельского населения – 77,2 % (мужчины – 89,7 %; женщины – 66,5 %) ³⁹.

К 1939 г. 87,1 % населения Дальнего Востока в возрасте 9 лет и старше было грамотным (в Читинской области – 81,6 %). Доля грамотных мужчин в данном возрасте составляла – 93,9 %, женщин – 78,3 % (в Читинской области – 90,4 % и 71,4 %). В сельской местности процент грамотных равнялся 84,6; среди мужчин – 92,1; среди женщин – 73,9 (в Читинской области – 78,4 %; 88,4 %; 67,1 % соответственно). Среди городского населения Дальнего Востока к 1939 г. – 94,4 % было грамотным, мужчины – 96,0 %, женщины – 92,5 % (в Читинской области – 85,5 %; 92,7 % и 76,7 % соответственно) ⁴⁰;

е) многонациональный состав населения при различном культурном уровне этносов.

В национальном составе населения Дальнего Востока, согласно переписи 1923 г., доминировали русские – 954 тыс. чел. (60,8 %) из 1569 тыс. человек, без учета населения Камчатки и Сахалина (в документах 20-х гг. употребляется термин «великороссы») ⁴¹. В Забайкальской губернии «великороссы» насчитывали девять десятых всего населения. По мере продвижения на восток их количество уменьшалось, и в Приморье, где большинство населения составляли украинцы и корейцы, процент «великороссов» снижался до 34,6.

Второе место по численности населения занимали украинцы (22,8 %). Украинское население главным образом было сконцентрировано в Амурской и Приморской губерниях, где составляло треть населения, в Забайкальской губернии – оно почти отсутствовало (2 %).

Белорусская этническая группа насчитывала

около 2 % населения ДВО. Более значительный конгломерат белорусы образовали в Хабаровском уезде, где ряд сел имело только белорусское население, и составили 16,4 % сельского населения уезда. Украинцы и белорусы занимались, за немногими исключениями, сельским хозяйством, и жили, в основном, в сельской местности. Русские занимались, помимо сельского хозяйства, торговлей, ремеслами и службой; значительная их часть (34 %) проживала в городах и городских поселениях. Из других славянских этносов необходимо отметить поляков – 10,8 тыс. чел. (0,7 %), иных славянских этнических групп, больших по численности, на Дальнем Востоке в начале 20-х гг. попросту не было. Население, принадлежащее к славянским народностям, составляло 86,3 % жителей края ⁴².

Другие индоевропейские этнические группы представляли ничтожно малую долю населения Дальневосточной области: евреи – 7,83 тыс. (0,5 %), латыши – 3,1 тыс. (0,2 %), немцы – 2,22 тыс. (0,14 %), эстонцы – 2,15 тыс. (0,13 %), литовцы – 1,8 тыс. (0,1 %), греки – 571 (0,04 %), цыгане – 226 (0,01 %). Представители прочих индоевропейских народностей были столь малочисленны на Дальнем Востоке, что не могли образовать самостоятельные этнические единицы ⁴³.

В западной части Забайкальской губернии, в Петрозаводском уезде, компактной этнической группой расселилось 7,4 тыс. бурят (0,5 % от всего населения ДВО, 6 % от населения Петрозаводского уезда), которые занимались, в основном, скотоводством (97,3 % проживало в сельской местности). В отличие от бурятской этнической группы, татарская общность на Дальнем Востоке (6 тыс. – 0,4 %) стремилась селиться, главным образом, в городах и поселках городского типа (30 % татар проживало в сельской местности).

В социальной структуре населения Дальнего Востока в 20-е годы большие по величине этнические группы образовали выходцы из Юго-Восточной Азии. При переписи 1923 г. в пределах российского Дальнего Востока находилось 110,3 тыс. корейцев (7 % от всего населения ДВО), ко второй половине 30-х гг. их численность возросла до 160–170 тыс. человек. Рост количества корейского населения в Приморской

³⁹ Всесоюзная перепись населения 1939 г.: основные итоги / Под ред. Ю.А.Полякова. М., 1992. С. 39, 43.

⁴⁰ РГАЭ. Ф. 1562. Оп. 336. Д. 277–286. Л.Л. 5. (Основные итоги переписи населения 1939 г.).

⁴¹ Статистический справочник. Дальне-Восточное областное статистическое управление. Хабаровск, 1925. С. 7, 16–19.

⁴² Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. 1. Таблицы. II. Население. Хабаровск, 1926. С. 16–63.

⁴³ ГАХК. Ф. 791. Оп. 2. Д. 3. Л. 90–91.

губернии заметно обгонял увеличение русскоязычного населения. Помимо оседлого корейского населения, некоторая его часть периодически прибывала в пределы ДВО в качестве наемных сельскохозяйственных рабочих.

Русская колонизация, иммиграция корейцев и движение на промыслы китайцев развивались параллельно со второй половины XIX в. Русское население постепенно, при содействии органов власти, к началу XX в. вытеснило китайцев с Усури и Амура. Корейское население одновременно с русским оседало в южной части Приморья. В противоположность корейскому населению российского Дальнего Востока, которое занималось в основном земледелием, китайское пересекало границу с целью промысловых заработков в качестве золотоискателей, строительных рабочих, торговцев и чернорабочих.

Китайская этническая группа в ДВО по переписи 1923 г. насчитывала 50,2 тыс. чел. (3,2 % населения ДВО) и проживала преимущественно в городах, занимаясь временной, низкооплачиваемой работой, ремеслами и торговлей (42,3 тыс. человек – городские жители; из них 92,9 % – мужчины, приехавшие в край на сезонные работы и оставившие свои семьи в Китае)⁴⁴.

Японская этническая группа по переписи 1923 г. насчитывала 1 095 чел. (0,06 % всего населения ДВО), и почти полностью была сосредоточена в Приморской губернии. По материалам переписи, доля японцев в хозяйственной деятельности российского Дальнего Востока невелика, но в переписи не учтены 20–25 тыс. японских рабочих, ежегодно прибывавших в русские территориальные воды на время рыболовного сезона главным образом на Камчатку⁴⁵.

По данным на 1 октября 1925 г. на Дальнем Востоке иностранных подданных насчитывалось 133,1 тыс. чел. (китайцы – 57,17 тыс., корейцы – 73,14 тыс., японцы – 608, прочие – 2,2 тыс.)⁴⁶.

Коренное население Северной и Северо-Восточной Азии в социальной структуре населения ДВО было представлено полукочевыми и кочевыми племенами, главным занятием которых было скотоводство, охота и рыболовство. В переписи 1923 г., при определении национального состава населения ДВО, были учтены под критерием «туземные народности» общей численностью – 13,7 тыс. человек: эвенки (устарев-

шее название – тунгусы) – 5,8 тыс. чел.; нанайцы (устаревшее название – гольды) – 4,2 тыс.; нивхи (устаревшее название – гиляки) – 3,4 тыс., ороченцы – 311, тазы – 3, камчадалы – 1⁴⁷. Других сведений об аборигенах края перепись не приводит. Необходимо отметить, что данные о коренном населении в переписи 1923 г. относятся исключительно к оседлому населению и без учета территории Камчатки и Сахалина, где проживала значительная часть аборигенов края. Сведения же об аборигенах, ведущих кочевой образ жизни в переписи отсутствуют. Потому наиболее ценными сведениями предстают данные о «туземных» народностях, составленные в 1911 г.

Коренные народности края (около 20), по учету 1911 г., были разделены на три группы, согласно языковой общности: палеоазиаты (31,5 тыс. чел.), тунгусо-маньчжуры (18,9 тыс.), тюрки (3,1 тыс.), общей численностью 53,5 тыс. чел. (3 % от всего населения края).

Приведенные данные национального состава ДВО за 1923–1925 гг. позволяют измерить коэффициент гетерогенности⁴⁸ (горизонтальной социальной мобильности) населения по этнической принадлежности, который составляет 0,57 (средний). Но население российского Дальнего Востока СССР в 20-е гг. по этническому признаку можно разделить на три резко отличные группы: аборигенов края, представленных небольшими по численности народностями; выходцев с запа-

⁴⁷ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. С. 16.

⁴⁸ Измерение гетерогенности обычно проводится по одному номинальному параметру (в данном случае – этническому). Уровень гетерогенности всегда колеблется в пределах от 0 до 1 (больше 0 – низкий, меньше 1 – высокий, в пределах 0,5 – средний). Измеряется гетерогенность по формуле $H = 1 - \frac{x_1^2 + x_2^2 + \dots + x_n^2}{(x_1 + x_2 + \dots + x_n)^2}$; где H – показатель гетерогенности, x – число индивидов, составляющих исследуемую группу (%), n – каждая из взятых для исследования групп. Если исследуемое общество полностью однородно (мононационально) гетерогенность отсутствует (равна 0), но чем больше в обществе исследуемых групп (этнических), тем выше будет значение H. Чем выше уровень гетерогенности, тем больше закрыты для общения и затруднены контакты исследуемых этнических групп. При определении уровня гетерогенности очень важна пропорциональность, равномерность численности этнических групп (если этнических групп много, но одна из них доминирует по численности, уровень гетерогенности будет не высоким, а средним; если же этнических групп в обществе много, но не одна из них не преобладает по численности, уровень гетерогенности будет высоким). Знание уровня гетерогенности в большой группе по такому параметру, как этническая принадлежность, позволяет повысить степень обособленности или сплоченности общества по национальному признаку.

⁴⁴ Отчет Дальревкома и Дальэжоса за 1923–24 г. Хабаровск, 1925. С. 36–37.

⁴⁵ См.: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. С. 15.

⁴⁶ Статистический справочник. Дальне-Восточное областное статистическое управление. Хабаровск, 1925. С. 15.

да Евразии в лице колонизаторов индоевропейской расы главным образом русских; и выходцев из Юго-Восточной Азии, в лице иммигрантов и сезонных рабочих, торговцев из Китая, Кореи и Японии (остальные этнические группы были столь малочисленны, что не могли оказывать самостоятельное влияние на хозяйственную и общественную жизнь в регионе) (табл. 3).

Таблица 3

**Численное соотношение этнических групп
(по данным 1925 г.)**

Группа населения	Соотношение	
	тыс. чел.	%
Аборигены края	45	3
Русские переселенцы (украинцы, белорусы)	1454	87
Выходцы из Юго-Восточной Азии	167	10
Всего	1666	100

Источник: Статистический ежегодник. 1923–1925 гг. Дальне-Восточное краевое статистическое управление. Ч. I. Хабаровск, 1926. С. 19.

Если измерить коэффициент гетерогенности по трем основным этническим группам, то он в этом случае понизится до 0,24 (между низким и средним). Повышение гетерогенности в обществе по этническому признаку приводит к значительным изменениям в системе связей между разными социальными слоями, образует между ними границы, связанные с различными интересами и культурными образцами. Подобное разделение уменьшает количество связей между индивидами, принадлежащими к различным этносам, так как представители одной национальности устанавливают наиболее тесные отношения в рамках своей национальной культуры. В этом случае представители определенной этнической группы (чаще всего доминирующей) вводят более или менее жесткие границы по отношению к другим национальностям. В результате увеличивается интенсивность внутренних связей, внутренняя однородность определенной этнической группы. Но одновременно с увеличением интенсивности социальных связей внутри этнической группы наблюдается снижение интенсивности и значимости связей между представителями различных национальностей (вплоть до полного разрыва связей).

Знание уровня гетерогенности по этническому признаку позволяет проанализировать формирование социальных и культурных связей

между представителями различных национальностей, динамику их развития. Социальная структура Дальнего Востока СССР в первой половине 20-х гг. многонациональна, но коэффициент гетерогенности по этническому признаку был не высокий, и не превышал средний (0,57), вследствие преобладания русскоязычного населения (свыше 80 %). Значительно более высокий хозяйственный и технический уровень колонизаторов края (из России и Юго-Восточной Азии) и их подавляющая численность (главным образом русскоязычного населения) определяли взаимоотношения основных этнических групп русского Дальнего Востока в 20-е годы.

Разнообразный этнический состав населения Дальнего Востока РСФСР в 20-е гг. обусловил наличие трех и более хозяйственных систем, свойственных непохожим друг на друга культурным цивилизациям. Коренное население оказалось отодвинутым на окраины края преимущественно на север и восток; оседлые выходцы из Юго-Восточной Азии сосредоточились по соседству с местами выхода на юге Приморья; не имеющие постоянного места жительства занимались промыслами по всему краю; русскоязычное население расселилось в центральных и пограничных (южных) районах, расположенных в долинах главнейших рек, наиболее пригодных для сельскохозяйственной деятельности.

К концу 30-х гг. коэффициент гетерогенности еще больше понизился вследствие депортации китайского и корейского населения из региона.

Таким образом, природно-климатические условия и особенности экономического, политического, культурного, этнического развития общества на Дальнем Востоке России в 20–30-е гг. определили отличия в формировании новой социальной структуры региона. С начала 30-х гг. Дальний Восток РСФСР становятся одним из приоритетных направлений в политике государства по привлечению дополнительной рабочей силы, в качестве которой использовался труд заключенных. Переплетение экономических особенностей развития края (необходимость скорейшего промышленного освоения края, особенно на севере) с политическими (обострение международной обстановки на границе и др.) оказало свое влияние на формирование социального состава населения в крае в 30-е годы.

ПРОЦЕССЫ ФОРМИРОВАНИЯ ТАРИФОВ НА ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЕ ГРУЗОВЫЕ ПЕРЕВОЗКИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Р.Г. Леонтьев, В.В. Комарова

Леонтьев Рудольф Георгиевич – доктор экономических наук, профессор, академик Российской академии транспорта, действительный член Нью-Йоркской академии наук.

Комарова Валентина Викторовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры «Экономика транспорта» Дальневосточного государственного университета путей сообщения.

В статье рассматриваются исторические аспекты формирования тарифов на железнодорожном транспорте. Процессы формирования тарифов и тарифной политики отражают развитие государства на определенных этапах. Исторический обзор принципов тарифообразования позволяет сделать вывод о том, что на определенном этапе тот или иной принцип может быть основополагающим. Это зависит от поставленных задач развития железнодорожного транспорта и экономики страны в целом.

The article is devoted to the historical aspects of forming the prices of railway transportation. The process of forming prices and price policy reflects the development of the state on appropriate stages. The historical observe of price forming principles allow to make a conclusion that on the certain stage the certain principle can be the essential one. This depends on the economic and railway development problem of a state.

Исключительная значимость тарифов и тарифной политики железнодорожного транспорта предопределяется ролью железнодорожного транспорта России как одной из ведущих отраслей производственной инфраструктуры национальной экономики. Железнодорожный транспорт имеет существенное значение для обеспечения хозяйственных и межрегиональных связей.

В тарифообразовании отражаются все сложные экономические проблемы: прогнозирование и планирование, оценка эффективности инвестиций, способы отражения текущих затрат, кредитная и налоговая политика, эффективность управленческих решений и др.

История тарифообразования изобилует использованием различных принципов. Одним из первых был принцип, согласно которому уровень тарифа основывался на затратах (издержках) с добавлением определенной доли прибыли. Второй опирался на полезный эффект. При таком подходе величина тарифа в значительной степени зависела от редкости и дефицитности предоставляемой транспортной услуги¹.

Вопросы регулирования и принципов построения тарифов на первом этапе развития железнодорожной сети были связаны с формами собственности, со значительным участием иностранного капитала в строительстве железных дорог и возникшей при этих обстоятельствах конкуренции между железными дорогами, а также с другими видами транспорта, в первую очередь водным.

Первые железные дороги в России, в частности Царскосельская (Санкт-Петербург – Царское село, 1837 г.), строились частными акционерными компаниями. Николаевская (ныне Октябрьская

железная дорога) строилась государством (казной) с 1843 г. по 1851 г., но впоследствии была передана в частные руки. Одесскую железную дорогу строили частные компании; после постройки отдельных участков и сдачи их в эксплуатацию они постепенно передавались в казну. Затем в шестидесятых годах прошлого столетия указанная выше Николаевская дорога была передана в частные компании, соответственно в Главное общество Российских железных дорог и Русское общество пароходства и торговли².

Российское правительство при организации строительства железных дорог применяло так называемую концессионную систему. Капитал железнодорожных обществ состоял из акций и облигаций. По облигациям, а позднее по акциям, казна гарантировала высокий доход, в связи с чем их можно было реализовать через банки, большей частью – иностранные. Все это в конечном счете обеспечивало успех размещения облигаций и акций, а следовательно, и строительство железных дорог. В тех случаях, когда акции не были полностью размещены, строительство заканчивало казна. Таким образом, к 1864 г. железнодорожная сеть России насчитывала 3583 км эксплуатационной длины и она принадлежала примерно 45 частным железнодорожным обществам. Эти общества конкурировали между собой, стремясь привлечь к перевозке по своим дорогам как можно больше грузов. Общества были свободны в установлении тарифов на перевозки

¹ Бем-Баверк Е. Основы теории ценности хозяйственных благ. СПб.: Изд-во О.Н. Поповой, 1903. 217 с.

² Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.)// Бюллетень транспортной информации. 1998, № 1, 2, 3; Леонтьев Р.Г., Копылов Ю.М. Государственная политика начала 21-го века: реформирование железнодорожного транспорта России. ВИНТИ РАН. 2003. 556 с. Ил.

грузов по своим дорогам. Так как каждая частная железная дорога проявляла самостоятельность в своих действиях, не считаясь с интересами других дорог, а нередко и вопреки им, случались серьезные перебои в движении: дороги не предоставляли друг другу вагоны, приходилось производить перегрузку или перевозить грузы гужевым транспортом со станции одной дороги на станцию другой. Кроме того, тарифы на отдельных дорогах различались не только по уровню, но и по единице измерения.

В целях пресечения некоторого произвола в установлении тарифов Правительство через МПС при заключении соглашений с частными обществами предусматривало в компенсационных уставах предельные тарифные ставки, выше которых частные общества взимать провозную плату не могли. Ниже обусловленных правительством ставок железная дорога имела право назначать плату, если она была выгодна железной дороге. Однако не было правил, по которым железные дороги обязаны были заранее публиковать применяемые на дороге тарифы с тем, чтобы они были известны потребителям транспортной продукции. Поэтому действовали объявленные и необъявленные тарифы.

Так же действовали не публикуемые, рефакционные тарифы. Они устанавливались для отдельных отправителей на основе соглашения, в котором отправителю предоставлялась скидка с тарифа, если он предъявлял к перевозке определенный значительный объем. Предоставление скидки в этом случае было обоснованно, поскольку при дополнительных до определенного предела объемах перевозок постоянные расходы железных дорог не изменялись и железные дороги имели экономию средств. Кроме того, железные дороги конкурировали между собой и это вынуждало их понижать тарифы, что приводило к убыточности перевозок. Следует отметить, что сами железные дороги в этом случае были гарантированы государством в погашении убытков, т.е. облигации и значительная часть акций защищалась казной. Это приводило в конечном счете к тому, что убытки должны были покрываться казной, поскольку она гарантировала капиталы железных дорог.

Для решения возникших в этих условиях таких проблем как регламентация отношений между Правительством, которое представляли Министерство путей сообщения и Министерство финансов, и частными железными дорогами, казенными и частными дорогами; подготовки организации прямого железнодорожного сообщения; регулирование тарифов; унификации техни-

ческих решений; обеспечение идентичности условий перевозок и др. вопросов, в 1869 г. был создан постоянно действующий институт – Съезд представителей русских железных дорог. Съезд по статусу носил совещательный характер, но если решения принимались единогласно, они были обязательны для всех железных дорог. Решения, принятые на Съезде, были обязательны и для казенных железных дорог, и окончательное решение принимал присутствующий на Съезде представитель МПС. Следует отметить, что на Съездах представители частных железных дорог тщательно и подробно рассматривали просьбы грузовладельцев о понижении тарифов. Если эти предложения были достаточно обоснованы, то принимались соответствующие положительные решения. Окончательные решения о понижении тарифов Съездами принимались только после предварительного согласования с частными железными дорогами. Если предварительного согласования не было, материалы с просьбой о понижении тарифа, направлялись для рассмотрения соответствующим частным железным дорогам.

Поскольку вопросы разработки тарифов, принципов их построения в целом и по отдельным родам грузов приобрели все большее значение, с 1887 г. стали действовать Общие съезды по тарифным вопросам³. Институт Общих тарифных Съездов действовал до 1917 г., а затем он был отменен и восстановлен лишь при введении новой экономической политики.

Данная система управления тарифами не удовлетворяла Правительство России, развивающаяся экономика требовала осуществления изменений в управлении тарифами. И с 1889 г. Правительство управление тарифами взяло в свое ведение: установление новых тарифов, отмена их или внесение отдельных изменений как на государственных, так и на частных железных дорогах стали осуществляться образованными при Министерстве финансов межведомственным Тарифным комитетом и Советом по тарифным делам. В случаях возникновения вопросов, которые требовали законодательного решения, или в случае разногласий в Тарифном комитете между его членами или между членами комитета и частными железнодорожными обществами эти во-

³ Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Вехи перемен в развитии железнодорожного транспорта. Т. 1–2 М.: Издательский дом «Парус», 1998; Крейнин А.В. Транспортные тарифы в СССР. М.: Транспорт, 1978; Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.) // Бюллетень транспортной информации. 1998. № 1, 2, 3.

просы должны были решаться в Совете по тарифным делам. После образования центральных тарифных учреждений деятельность Общих тарифных Съездов продолжалась и принятые ими решения подлежали утверждению или согласованию с Тарифным комитетом, а случаях необходимости и с Советом по тарифным делам.

Начиная с 1902 г., на Общих тарифных Съездах было принято решение о публикации, кроме Протоколов, Указателя вопросов рассмотренных на каждом съезде. Съезды собирались, как правило, через каждые 1–2 месяца и рассматривали большое число вопросов. На них рассматривались вопросы об уровне тарифов на отдельные грузы, о правилах перевозок и применении тарифов, о вывозных тарифах, льготные тарифы и другие вопросы.

Таким образом, на первоначальном этапе развития железных дорог создавалась определенная конкурентная среда, дававшая возможность на этой основе формировать железнодорожные тарифы, построенные на принципах платежеспособности, отвечающие интересам железных дорог и грузовладельцев. Но сложившаяся к 1913 г. тарифная система была все же крайне сложной, содержала свыше 100 классов и дифференцированных схем тарифов для отдельных категорий грузов, сотни исключительных и льготных тарифов в этой системе были заключены в так называемые своды тарифных руководств⁴. При этом железнодорожные тарифы были установлены единые по стране, а фрахты и тарифы морского и речного флота устанавливались децентрализованно и не имели единых принципиальных основ или единой базы. Это объяснялось монопольным положением железнодорожных компаний в связи с высокой концентрацией капитала на железнодорожном транспорте, отсутствием в течение длительного времени конкуренции со стороны других видов транспорта.

Большое влияние на систему ценообразования на транспорте оказали взгляды С.Ю. Витте. Определение принципов построения железнодорожных тарифов дано им в книге «Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов», изданной в Киеве в 1883 г. и Санкт-Петербурге в 1910 г. Он утверждал, что в основе тарифов должны лежать издержки, установленные на основе взаимодействия спроса и предложения⁵.

В своей работе С.Ю. Витте показал возможность отражения в тарифах принципа – «спроса и предложения» независимо от принадлежности железных дорог – казенные (государственные) или частной компании⁶. Из принципа «спроса и предложения» и «предельной полезности» С.Ю. Витте выведен принцип «ad valorem» или принцип «сообразно ценности платежеспособности грузов». С.Ю. Витте считал, что высокие тарифы на перевозку дорогостоящих грузов и низкие – для малоценных грузов способствуют увеличению объема перевозок и отвечают интересам как железных дорог, так и предпринимателей, пользующихся их услугами⁷. С.Ю. Витте подчеркивал: «Для извлечения наибольшего чистого дохода необходимо возможно полнее руководствоваться основным тарифным принципом, чтобы тарифы платили за провоз все то, что они могут заплатить – не менее, но и не более того»⁸. В своем фундаментальном труде С.Ю. Витте также рассматривает принципиальный вопрос: правомерно ли относить железные дороги к естественным монополиям. Автором убедительно показано, что относить железнодорожный транспорт полностью к монополюльной структуре необоснованно. Автор исходит из предпосылки, что непосредственной конкурентной борьбы между производителями не существует. Непосредственная борьба происходит между потребителем и производителем, и она основывается на способности, которой обладает потребитель искать у другого производителя то, что один из производителей предлагает на условиях, ему не подходящих. Монополия не отменяет этот вид конкуренции, она видоизменяет, но не уничтожает действие закона спроса и предложения.

На основании исследования видов конкуренции и их проявлений на железных дорогах С.Ю. Витте формулирует основной принцип железнодорожных тарифов: тарифы должны регулироваться по ценам провоза, определяемых законом спроса и предложения, и чем выше цена перевозимых грузов в пункте потребления, тем выше уровень тарифов и наоборот. Поэтому основой для определения тарифов служат исследования условий образования цен товаров в пунктах отправления и назначения, а также условий увеличения интенсивности спроса их распространения в зависимости от уровня тарифов. Каждый товар имеет свою ценность, непосредственно связанную с условиями их производства и потребления. Поэтому тариф за провоз груза по

⁴ Крейнин А.В. Транспортные тарифы в СССР. М.: Транспорт, 1978; Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.) // Бюллетень транспортной информации. 1998. № 1, 2, 3.

⁵ Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев, 1883. С. 243.

⁶ Там же.

⁷ Там же.

⁸ Там же.

железнодорожной дороге составляет лишь элемент рыночных ценностей самих товаров, в числе других элементов, влияющих на рыночные ценности. Железная дорога должна обоснованно производить повышение или понижение тарифа согласно своим собственным интересам, а главное – соблюдая интересы потребителей. При этом необходимо делать это дифференцированно по видам грузов. Для одних видов понижение тарифа может вызвать увеличение объема перевозок, для других же видов понижение тарифа повлияет в ничтожно малом размере. В первом случае понижение тарифа вызовет увеличение спроса, в результате железная дорога получит дополнительные доходы за счет роста объема перевозок, торговли и промышленности – новый элемент для своего развития, потребитель – удешевление продуктов. Во втором случае, понижение тарифа нанесло бы убыток железным дорогам, не принося почти никакой пользы грузоотправителю. Из рассмотренных двух случаев снижения уровня тарифов С.Ю. Витте приходит к выводу, что железным дорогам необходимо постоянно вести исследование условий спроса и предложения грузов и в зависимости от результатов принимать решение о понижении или повышении тарифа. Таким образом, С.Ю. Витте предвосхитил идею эластичности спроса в последней четверти XIX в. «Эти исследования, выражающиеся статистикой движения, производства и потребления товаров, при действии различных провозных плат, должны служить, и в действительности служат, железным дорогам главным руководством для регулирования своих тарифов»⁹.

В 1918 г. декретами Совета Народных Комиссаров были национализированы частные железные дороги. Поэтому введение, изменение и отмена тарифов стали прерогативой Правительства, а именно Совета Народных Комиссаров (СНК). В первые годы Советской власти (до 1 июля 1920 г.) сохранялось действие применяемой до 1917 г. системы тарифов с определенным процентом их повышения, учитывающим инфляционные процессы, происходящие в этот период. В то же время Декретом СНК от 20 апреля 1918 г. для частных железных дорог, которые не были национализированы, первоначально был сохранен действовавший ранее режим, в котором на основе Уставов частных обществ предусматривалось применение высших предельных ставок на перевозку грузов и багажа. Декретом предельные тарифные ставки были индексированы в соответствии с инфляцией с коэффициентом 1,5

⁹ Витте С.Ю. Принципы железнодорожных тарифов по перевозке грузов. Киев, 1883, с. 243.

по отношению к тарифам действовавшим до ноября 1917 г. Таким образом, было сохранено право частных железных дорог применять когда это целесообразно, более низкие ставки, чем установленные декретом предельные тарифные ставки. На первом этапе развития советской власти управление тарифами осуществлялось Народным Комиссариатом финансов с подчиненными ему тарифными учреждениями. В январе 1920 г. руководство всем тарифным делом было передано в ведение Народного Комиссариата путей сообщения (НКПС). При НКПС была учреждена Тарифная комиссия, которая состояла из представителей народных комиссаров путей сообщения, продовольствия, финансов и Высшего Совета народного хозяйства. Задачей Тарифной Комиссии была разработка системы тарифов. Постановления Тарифной Комиссии об установлении, изменении или отмене тарифов подлежали утверждению народного комиссара и в случае разногласия с ним представлялись на рассмотрение в Совет Народных Комиссаров. Но указанная Комиссия действовала только до 31 декабря 1920 г.¹⁰.

В условиях военного коммунизма при централизованном порядке оплаты перевозок грузов советских учреждений, муниципальных и национализированных предприятий возникла необходимость всемерного упрощения системы тарифов. С 1 июля 1920 г. была введена новая тарифная система, содержащая всего 7 классов тарифов, из которых 3 класса относились ко всем грузам (независимо от их наименования) и они дифференцировались в зависимости от массы отправки; остальные 4 класса специальных тарифов были установлены только для повагонных перевозок.

Большие полномочия были предоставлены Управлениям железных дорог по установлению тарифов в местном сообщении, т. е. на перевозки грузов только в пределах данной дороги на расстояние до 500 км. В 1920 г. многие массовые грузы государственных предприятий разрешалось перевозить бесплатно. С 1 января 1921 г., в условиях разрушенного народного хозяйства, ограниченности перевозок главным образом воинскими и государственными грузами для централизованного распределения была введена система бесплатного транспорта. Эта мера дик-

¹⁰ Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Вехи перемен в развитии железнодорожного транспорта. Т. 1–2 М.: Издательский дом «Парус», 1998; Крейнин А.В. Транспортные тарифы в СССР. М.: Транспорт, 1978; Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.) // Бюллетень транспортной информации. 1998. № 1, 2, 3.

товалась необходимостью оживления промышленности, сельского хозяйства, торговли. В этот период не было необходимости в регулировании тарифов¹¹. Финансирование железных дорог осуществлялось по сметам.

По мере решения поставленной задачи, принцип бесплатности был отменен¹². В связи с переходом к новой экономической политике декретом от 9 июля 1921 г. «Об оплате за перевозки по железнодорожным и водным путям» с 15 августа 1921 г. были введены тарифы, дифференцированные по социальному принципу, в зависимости от принадлежности предъявляемых к перевозке грузов обществу или частному сектору. Первоначально применялась тарифная система, установленная в 1920 г. Платность перевозок вводилась постепенно – сначала для частных граждан, затем для кооперации и, наконец, для государственных предприятий и учреждений. Безденежный расчет был сохранен только для воинских и правительственных перевозок¹³. Для грузов частного сектора тарифы устанавливались в несколько раз выше по сравнению с тарифами на перевозку тех же грузов, принадлежащих обществу. Восстановление свободной торговли, организация государственных предприятий на началах хозяйственного расчета поставили первоочередными задачами прекращение обесценивания денег и укрепления денежного обращения, а также планомерного установления экономически обоснованных цен, в том числе транспортных тарифов. В этих целях был создан Тарифный Комитет, под руководством которого была осуществлена реформа тарифов в 1922 и 1931 гг.

С 1 декабря 1922 г. была введена новая система общих тарифов, которая состояла из 12 классов и 9 специальных схем. Классные тарифы были построены по тарифным ставкам в твердых единицах (довоенные тарифные копейки), которые понижались с увеличением расстояния перевозки, а также с переходом от высших классов к нижним. Применялась 12-классная система тарифов в основном на перевозки грузов народного потребления и на перевозки грузов мелкими и партионными отправлениями. Предусмотренные в тарифной системе 1922 г.

9 специальных тарифных схем были установлены на более низком уровне на повагонную перевозку массовых грузов: хлебных грузов (3 схемы), каменного угля, торфа, лесных и строительных материалов, дров, керосина и нефти. Одновременно с установлением в 1922 г. тарифов была введена тарифная номенклатура грузов, которая содержала 129 групп и 4500 наименований грузов с различным уровнем тарифов. Кроме того, в тарифной системе предусматривалось до 60 исключительных пониженных тарифов. Средний уровень тарифов на массовые промышленные грузы с учетом применявшихся исключительных тарифов был установлен ниже себестоимости перевозок. Вместе с тем при установлении уровня тарифов на некоторые грузы учитывались цена груза и её изменение по сравнению с довоенным уровнем.

Реформа железнодорожных грузовых тарифов 1922 г. была первым опытом решения вопроса установления тарифов на железнодорожном транспорте. Железнодорожный транспорт не располагал в то время необходимыми данными о себестоимости перевозок, поэтому дифференциация тарифных ставок по родам грузов и расстояниям перевозки основывалась не на действительных соотношениях издержек транспорта, а на соотношениях сложившихся в дореволюционных тарифах. Это означало, что в тарифной системе 1922 г. был сохранен принцип платежеспособности.

Реформа 1931 г. получила название «Генеральной». На ней был взят курс на построение тарифов на основе фактических издержек железных дорог с начислением определенного процента рентабельности. В директивах, разработанных Госпланом, указывалось, что тарифные ставки не должны опускаться ниже расходов, зависящих от движения; в расходы, зависящие от движения, включались в определенной части расходы на эксплуатацию, на восстановление имущества и вложения на расширения воспроизводства. Для некоторых малоценных грузов, а также для грузов, имеющих особо важное значение для народного хозяйства и обороны страны, в расходы, зависящие от движения не включались вложения на расширенное воспроизводство¹⁴. Всего в тарифной системе 1931 г. было установлено 179 исключительных тарифов, из них 163 пониженных (91 %) и 13 повышенных (9 %). Пониженные исключительные тарифы были установлены для стимулирования перевозок грузов в смешанном же-

¹¹ Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Вехи перемен в развитии железнодорожного транспорта. Т. 1–2 М.: Издательский дом «Парус», 1998; Крейнин А.В. Транспортные тарифы в СССР. М.: Транспорт, 1978; Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.) // Бюллетень транспортной информации. 1998. № 1, 2, 3.

¹² Там же.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же.

лезнодорожно-водном сообщении – 55 тарифов (33,7 % общего количества пониженных тарифов), на перевозку грузов на экспорт – 63 тарифа (38,7 %), на перевозку важнейших массовых грузов маршрутными и повагонными отправлениями для предприятий металлургической, цементной и др. отраслей промышленности – 45 тарифов (27,6 %). Льготные тарифы применялись только к перевозкам обобщественного сектора. Перевозка грузов частного сектора производилась по общим классным тарифам с повышением от 50 до 400 %.

В тарифной реформе 1931 г. были проведены мероприятия по упрощению тарифных руководств, таксировки грузов и созданию новой номенклатуры грузов для железнодорожного и речного транспорта, которая с изменениями действовала до 1961 г. В основе реформы тарифов был положен принцип приближения цен и тарифов к себестоимости продукции и перевозок. В то же время в связи с тем, что тарифы на перевозку массовых грузов не покрывали полной себестоимости, для обеспечения рентабельности в целом по всем грузовым перевозкам на многие другие грузы (сахар, ткань, бумага, масло) тарифы были установлены на уровне, значительно превышающем себестоимость перевозок. Вследствие того, что в тарифной системе введенной в 1931 г. уровень тарифных ставок был низок, резко отставал от уровня цен в народном хозяйстве и не покрывал расходов НКПС по перевозкам, в 1939 г. на железнодорожном транспорте была введена новая система грузовых тарифов. В реформе 1939 г. было принято принципиальное решение по перестройке тарифных схем, предусматривалось повышение тарифных ставок сверх определенного расстояния перевозки. В новых тарифных схемах по мере увеличения расстояния перевозок снижение тарифных ставок было меньше, чем предусмотренное реформой 1931 г. Такое построение тарифов рассматривалось как мера борьбы с излишне дальними перевозками. Сверх этих расстояний перевозки подвергались штрафному воздействию. Как показали исследования, перевозки сверхнормальной дальности составляли от 50 до 75 % всех перевозок. Таким образом, эта мера оказывала отрицательное воздействие на развитие экономики. Важная роль в тарифной реформе отводилась установлению исключительных пониженных тарифов в порожних направлениях следования вагонов. Эта система тарифов действовала в течение 25 лет с 1939 г. по 1974 г. и была полностью отменена в реформах тарифов 1968 и 1974 гг. После завершения послевоенной перестройки народного хо-

зяйства и проведением в 1947 г. денежной реформы возникла возможность ликвидации системы государственных дотаций путем снижения себестоимости продукции и некоторого повышения оптовых цен на продукцию ряда отраслей тяжелой промышленности и транспортных грузовых тарифов. В связи с этим грузовые тарифы были повышены без учета сборов за дополнительные операции на 68,9 %, а с учетом этих сборов – 64,5 %, то оптовые цены на продукцию тяжелой промышленности были повышены в среднем на 50 %. В тарифной реформе 1949 г. было сохранено установленное в 1939 г. дифференцирование тарифных ставок по расстояниям перевозки.

По основным массовым грузам по важнейшим направлениям, параллельным железнодорожным линиям, стоимость перевозок в смешанных железнодорожно-водных сообщениях была установлена ниже, чем в прямом железнодорожном сообщении. Установленные в смешанных железнодорожно-водных сообщениях навигационные железнодорожные тарифы были повышены на 50–100 % против общих, а также пониженный на 30 % тариф на перевозку грузов в прямых смешанных железнодорожно-водных сообщениях. После реформы 1949 г. неоднократно проводилось изменение оптовых цен и грузовых тарифов. Однако вплоть до 1967 г. принцип построения железнодорожных тарифов не изменялся.

В связи с изменением в 1961 г. масштаба цен на транспорте были введены тарифы, исчисленные по новому масштабу цен. Расчетные таблицы плат за перевозки грузов были пересчитаны по соотношению 1:10. Кроме того, количество повагонных тарифных схем, в новом Тарифном руководстве, сократилось на 22 или на 20 %, количество схем по перевозке грузов в контейнерах – на 23 или на 43 %. Сокращение тарифных схем было достигнуто за счет установления в 1959 г. одного тарифа на некоторые однородные грузы по условиям и себестоимости перевозок.

В 1967 г., в соответствии с разработанными Отделением экономики ЦНИИ МПС предложениями для грузов 30 тарифных позиций, составлявших примерно половину грузооборота сети, были установлены схемы тарифов двухставочной формы: с разделением на ставки, возмещающие расходы по начально-конечной и отдельно по движущейся операциям такая форма наилучшим образом отражала изменение транспортных расходов по расстояниям перевозок.

Пересмотр тарифов в 1974 г. завершил процесс, начатый в 1967 г. по установлению на все

без исключения грузы двухставочной формы тарифов по начально-конечной и движущейся операциям. Двухставочная форма способствовала упрощению и автоматизации коммерческих операций и централизации расчетов по перевозкам.

Следовательно, в условиях централизованного управления экономикой тарифы являлись также монопольными ценами. Основопологающий принцип установления тарифов вытекал из трудовой теории стоимости. В соответствии с этой теорией цена есть денежное выражение стоимости. Однако довольно сложно определить общественно-необходимые затраты (ОНЗТ)¹⁵. В связи с этим практика ценообразования в нашей стране в большинстве случаев принимала в качестве основы цены не ОНЗТ, а фактические затраты.

И на практике, до 90-х годов, различные концепции тарифообразования в итоге сводились к признанию в качестве общественно необходимых затрат фактической себестоимости, корректируемой в соответствии с фондоемкостью, зарплатоемкостью, нормативной рентабельностью. На железнодорожном транспорте под общественно необходимыми затратами труда понимались среднеотраслевые издержки, на основе которых по всей территории страны был установлен единый тариф на грузовые перевозки¹⁶. Формирование тарифов осуществлялось по схеме «себестоимость перевозок плюс прибыль». До 1990 г. тарифы на перевозки многих грузов сознательно отклонялись от издержек в связи с тем, что на грузовые тарифы возлагалась перераспределительная и стимулирующая функции. Хотя официально отвергался принцип построения тарифов по «платежеспособности» грузов признаки его в той или иной мере сохранялись до реформы 1990 г.¹⁷ В тарифы на перевозки относительно дешевых грузов добывающей промышленности «закладывалась» меньшая рентабельность, чем на перевозки продукции легкой про-

мышленности. Объяснялось это не применением принципа «платежеспособности», а необходимостью перераспределения через тарифы средств в пользу продукции «А», т. е. производства средств производства.

В 1990 г. была введена в действие система тарифов на грузовые перевозки, основанная совершенно на других принципах. Дифференциация тарифных ставок установлена в соответствии с себестоимостью перевозок в вагонах различного рода и нормативной нагрузки вагонов. Уровень рентабельности по отношению к себестоимости перевозок в зависимости от расстояния перевозки установлен на одном уровне. Одинаковая рентабельность перевозок имела целью обеспечение равновыгодности их для железных дорог.

В 1991–1995 гг. в литературе¹⁸ высказывается мнение, что тарифы должны строиться исходя из принципа «платежеспособности». В основе тарифа лежит платежеспособность грузовладельца, определяемая выгодой, которую он получит в результате конкретной перевозки своего товара. Такой принцип целесообразно применять при установлении плат за перевозку грузов, являющихся конечным продуктом.

Законом РФ «О естественных монополиях» от 17 августа 1995 года № 147 –ФЗ все железнодорожные перевозки включены в сферу естественных монополий, в то время как по другим видам транспорта к ней отнесены услуги транспортных терминалов, портов и аэропортов. В действительности же железнодорожный транспорт, особенно с переходом к рыночным отношениям перестает доминировать на ряде сегментов транспортного рынка. Свободная торговля на рынке предъявляет совершенно новые требования к качеству перевозки (партионность, скорость доставки и др. параметры транспортной услуги). В себестоимость железнодорожных перевозок включаются все затраты, связанные с перевозкой, на автомобильном – только часть затрат, не включаются затраты на содержание, ремонт и амортизацию шоссейных дорог. Эти расходы покрывают дорожные фонды, источниками средств для которых являются налоги.

Технико-экономические расчеты показывают, что перевозка дешевых массовых грузов (щебень, гравий, руда, строительные материалы и конструкции и др.) на большие расстояния – это сфера деятельности только железнодорожного транспорта. Наличие и состояние автомобильных дорог, начертание водных путей и другие факторы приводят к выводу о том, что при пере-

¹⁵ Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Принципы формирования тарифов на железнодорожном транспорте // Железнодорожный транспорт. 1995. № 6. С. 66–68; Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Вехи перемен в развитии железнодорожного транспорта. Т. 1–2. М.: Издательский дом «Парус», 1998.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же; Крейнин А.В. Транспортные тарифы в СССР. М.: Транспорт, 1978; Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.) // Бюллетень транспортной информации. 1998. № 1, 2, 3; Леонтьев Р.Г., Копылов Ю.М. Государственная политика начала 21-го века: реформирование железнодорожного транспорта России. ВИНТИ РАН. 2003. 556 с. Ил.; Леонтьев Р.Г. Очерки постиндустриальной экономики ресурсного типа. В 2 т. Т. 2. Императивы трансформаций транспорта. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН, 2003. 398 с.

¹⁸ Там же.

возке массовых (дешевых) грузов на большие расстояния железнодорожный транспорт выступает как монополист, так как обеспечивает наиболее низкую себестоимость перевозки по сравнению с другими видами транспорта, за исключением водного параллельного пути. При перевозке же дорогих грузов, контейнеров и др. – железнодорожный транспорт выступает как коммерческая структура.

Приведенные примеры подтверждают вывод о том, что государственное регулирование тарифов целесообразно только при монопольном положении железнодорожного транспорта общего пользования. Вместе с тем для железнодорожной компании, действующей в рыночных условиях, более адекватен другой методологический подход к формированию грузовых тарифов.

Концепцией структурной реформы на железнодорожном транспорте определены следующие основополагающие принципы ценообразования на транспорте – в монопольном секторе осуществляется государственное регулирование тарифов, а в конкурентном секторе их поэтапная либерализация.

Введенный в действие в 2003 г. новый Прейскурант 10-01 «Тарифы на перевозки грузов и услуги инфраструктуры, выполняемые Российскими железными дорогами» имеет следующие особенности:

1) с целью создания конкурентных условий в сфере железнодорожных перевозок грузов впервые в нашей теории и практике тариф разделен на две составляющие: за использование инфраструктуры и локомотивной тяги железных дорог; за использование вагонов железных дорог. Вагонная составляющая включает затраты по плановым и текущему ремонту, амортизации с рентабельностью, учитывающих заинтересованность предприятий и организаций в приобретении и обновлении вагонного парка;

2) пересмотрена зависимость тарифных ставок от расстояния перевозок. Тарифы на дальнее расстояние перевозки снижены, а на короткое расстояние – повышены;

3) тарифы дифференцированы в зависимости от размера партии перевозимого груза и типа используемых грузовых вагонов;

4) снижены минимальные весовые нормы на ряд грузов.

В новом Прейскуранте 10-01 в основу положена двухставочная модель тарифных схем с разделением на начально-конечные и движущие операции. Расчет прейскурантного уровня тарифов базируется на среднесетевой себестоимости; тарифы дифференцируются по таким транспортным признакам, как вид отправок, гру-

зоподъемность вагонов, особые условия перевозок, скорость и расстояние перевозок. В новом Прейскуранте сохраняется дифференциация перевозимых грузов по тарифным классам. Однако новый Прейскурант не в полной мере отвечает целям и задачам развития корпорации ОАО «РЖД». ОАО «РЖД» – коммерческая компания, работающая в рыночных условиях, и её цель – «заботиться об устойчивой и возрастающей доходной базе». Стратегической программой развития компании¹⁹ определена необходимость изменения подходов к ценообразованию в естественно-монопольной сфере деятельности и конкурентной. ОАО «РЖД» в настоящее время является крупнейшей транспортной компанией России, обеспечивающей 40 % грузооборота и свыше 41 % пассажирооборота. Значительные объемы перевозок и статус естественного монополиста не в полной мере характеризуют реальное положение Компании на рынке транспортных услуг, во многих сегментах рынка железные дороги работают в условиях усиливающейся и жесткой конкуренции. Стратегия Компании ориентирует на ограничение предельного уровня тарифов: до 2006 г. уровнем инфляции – не выше, а с 2007 г. – с коэффициентом 0,98 % от инфляции.

В естественно-монопольной сфере деятельности необходимо унифицировать принципы государственного регулирования в различных отраслях экономики и ввести механизм инвестиционной составляющей в структуру тарифа. В конкурентном секторе необходимо дерегулировать грузовые тарифы²⁰. Для железнодорожного транспорта, действующего в сегменте рынка, применим следующий принцип обоснования грузовых тарифов. Принцип основывается на маржинальной теории, хорошо зарекомендовавшей себя в странах с развитой рыночной экономикой, согласно которой нижняя граница цены (тарифа) определяется дополнительно возни-

¹⁹ Проект Стратегии развития ОАО «РЖД» // РЖД Партнер. 2004. 11 июня.

²⁰ Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Принципы формирования тарифов на железнодорожном транспорте // Железнодорожный транспорт. 1995. № 6. С. 66–68; Зайцев А.А., Ефанов А.Н., Третьяк В.П. Вехи перемен в развитии железнодорожного транспорта. Т. 1–2. М.: Издательский дом «Парус», 1998; Крейнин А.В. Исследование регулирования железнодорожных грузовых тарифов в России (1837–1997 гг.) // Бюллетень транспортной информации, 1998. № 1, 2, 3; Леонтьев Р.Г., Копылов Ю.М. Государственная политика начала 21-го века: реформирование железнодорожного транспорта России. ВИНТИ РАН. 2003. 556 с. Ил.; Леонтьев Р.Г. Очерки постиндустриальной экономики ресурсного типа. В 2 т. Т. 2. Императивы трансформаций транспорта. Владивосток-Хабаровск: ДВО РАН. 2003. 398 с.

кающими маржинальными затратами железной дороги при данной перевозке. Отсюда верхний уровень тарифа определяется конкурентными факторами. В конкурентных сегментах транспортного рынка максимальный предел железнодорожного тарифа обусловлен стоимостью доставки альтернативным перевозчиком с учетом подвоза, вывоза, перевалки, переоформления перевозочных документов, качественных различий при общих сроках транспортировки, сохранности и уровне сервиса, включая информационное, таможенное обслуживание и другие дополнительные услуги, предоставляемые транспортной фирмой. При отсутствии альтернативного перевозчика ограничивающим конкурентным фактором в транспортном ценообразовании выступает мировая цена экспортируемого товара, так как в случае завышения тарифа покупатель воспользуется товаром из других стран, а железная дорога лишится данной перевозки.

Аналогичные условия конкуренции существуют и на внутреннем рынке, когда стоимость транспортировки определяет выбор между отечественным и зарубежным товаром. Товарная конкуренция оказывает влияние и на размер тарифа, если существует альтернатива замены потребляемого товара.

По мере стабилизации экономических взаимоотношений ОАО «РЖД» необходима разработка новых принципов формирования системы грузовых тарифов, которая способствовала бы не только развитию рыночных отношений, но и совершенствованию хозяйственных связей в стране, притоку инвестиций в целях усиления транспортного комплекса и снижения затрат на транспортировку грузов.

Таким образом, процессы формирования тарифов на железнодорожные перевозки должны обеспечивать следующие условия:

1) покрывать все экономически обоснованные эксплуатационные затраты;

2) обеспечивать суммарные доходы хозяйствующих субъектов достаточные для формирования справедливой, соответствующей установленной норме рентабельности;

3) являться едиными для всех пользователей и определяться на основании утвержденных прейскурантов.

4) тарифы на грузовые перевозки должны формироваться на основе оптимального сочетания двух подходов:

– *затратного*, согласно которому тариф должен основываться на себестоимости транспортной услуги;

– *маркетингового*, согласно которому та-

риф должен формироваться с учетом «платежеспособности» груза;

5) рыночные факторы должны дополнительно «надстраиваться» на тарифную базу, устанавливаемую исходя из себестоимости и рентабельности перевозок только в тех случаях, когда эти факторы ограничивают сбыт и объем перевозок;

6) маркетинговый подход должен основываться не на эффективности конкретных предприятий, а на изменении рыночной конъюнктуры на отдельные товарные группы;

7) минимальный уровень исключительных тарифов не должен опускаться ниже переменных, зависящих от объема перевозок, издержек железных дорог, кроме случаев целевых гарантированных дотаций со стороны государства;

8) в целях развития конкурентного сектора в сфере грузовых перевозок система тарифов предусматривает установление отдельных тарифов за пользование подвижным составом и инфраструктурой ОАО «РЖД», в том числе локомотивной тягой;

9) определение соотношения тарифов за пользование подвижным составом и инфраструктурой, обеспечивающего равные условия хозяйствования частных и государственных компаний перевозчиков, должно осуществляться в процессе финансового разделения бизнесов в системе железнодорожного транспорта.

Выполнение этих условий позволит на современном этапе развития корпорации ОАО «Российские железные дороги» повысить эффективность функционирования в рыночных условиях, привлечь новых клиентов и повысить рентабельность железнодорожного транспорта.

ФИЛОЛОГИЯ

О РЕГИОНАЛЬНЫХ ВАРИАНТАХ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ВОСТОЧНОЙ АЗИИ (ПРОИЗНОСИТЕЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ)

Л.П. Бондаренко

Бондаренко Людмила Петровна – кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой фонетики английского языка, декан факультета германских языков, директор Института иностранных языков Дальневосточного государственного университета.

В статье рассматриваются особенности в произношении региональных вариантов английского языка в Восточной Азии, а именно: китайского, корейского, вьетнамского. В основе исследования лежат особенности слогостроения, ударения и ритмической структуры английской речи, в реализации носителей китайского, корейского и вьетнамского языков, в целом вопросы, связанные с просодической интерференцией при взаимодействии названных восточных языков с английским языком.

The article deals with Asian Englishes, i.e. the English language of the Chinese, Koreans and Vietnamese. The accent is made upon the peculiarities in syllable formation, stress and rhythmical structure of Asian Englishes. Those are problems of prosodic interference that arise in language contacts.

Английский язык, являясь глобальным языком, широко распространен и в Восточной Азии, где он находится в стадии становления стандартов, в том числе и произносительных, и где он служит своего рода *Lingua franca* при общении народов Азии между собой и с европейцами. Такие региональные варианты английского языка, как китайский, корейский, вьетнамский имеют свои произносительные особенности, вызванные, в свою очередь, звуковым строем соответствующего восточного языка.

В данной статье мы рассматриваем своеобразие слогоритмической организации английской речи носителями китайского, корейского и вьетнамского языков как отражение специфических особенностей звукового строя названных языков, которые являются генеалогически, ареально и морфологически безусловно дистантными по отношению к английскому языку, что непосредственным образом сказывается, в частности, на ритмическом строении английской речи носителями названных восточных языков. Наше обращение к ритмической организации речи вызвано тем, что ритм является одним из важнейших параметров звучащей речи, обслуживающих её смысловую функцию. Неверная организация слогоритмической структуры слова и фразы английской речи носителей восточных языков может оказывать отрицательное влияние как на производство речи, так и на восприятие смысла высказывания и, следовательно, существенно затруднять процесс коммуникации в целом.

Речевой ритм любого языка предполагает определенным образом организованную последовательность базовых произносительных структур с более или менее ярко выраженной контра-

стностью их выделенности по отношению друг к другу.

В *английском языке* базовой произносительной и структурной единицей, которая является вместе с тем и минимальной единицей порождения и восприятия высказывания, является *слог*, что также характерно и для *корейского языка*. Следует, однако, отметить, что в этих языках возможно, но далеко не обязательно, тождество слога и морфемы, т. е. слог может быть носителем смысла. И тем не менее английский язык, безусловно, относится к языкам фонемного строя¹.

В отличие от них в *китайском и вьетнамском языках* слог является не только базовой произносительной единицей, но и *структурно-семантической*.

В китайском и вьетнамском языках имеет место *обязательное тождество* слога и морфемы, т. е. слог в этих языках *всегда* является носителем смысла. В силу этого исследователи относят китайский и вьетнамский языки к языкам слогового строя².

Тем не менее известен и другой подход к описанию структуры, в частности китайского

¹ Касевич В.Б., Матта М.М., Ягунова Е.В. Структура слова в корейском языке // Вестник Центра корейского языка и культуры / Под ред. А.Г. Васильева СПб, 2003 г. Вып. 5–6. С. 716.

² Гордина М.В. Линейные фонологические единицы слоговых и неслоговых языков // Теория языка. Методы его исследования и преподавания. К 100-летию со дня рождения Л.В. Щербы / Под ред. Р.И. Аванесова. Л.: Наука, 1981. С. 75–79; Касевич 1983, Нгуен Куанг Хонг. Проблема силлабемы как основной звучащей единицы языка (на материале вьетнамского и китайского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1974. 19 с.

слога, согласно которому фонема является универсальной минимальной функциональной звуковой единицей³. Исследователь Соколовский А.Я. выдвигает концепцию о существовании в изолирующих языках (как в китайском) разных типов фонологических единиц – фонем, инициалей, финалей, медиалей, централей, терминалий и силлабем⁴.

Существенным образом отличаются типы и структурные особенности слогов исследуемых языков, которые также в конечном счёте приводят к нарушению ритма английской речи в реализации носителей восточных языков.

Так, жёстко регламентированная дистрибуция звуков во вьетнамском слоге, строго фиксированная сочетаемость звуков в слоге китайского языка, а также регламентированная дистрибуция звуков в слове в корейском языке в отличие от ситуации в английском языке, где имеет место свободная дистрибуция звуков в слоге (за исключением нескольких ограничений), создает трудности для носителей восточных языков как при построении английской речи, так и при её восприятии, поскольку как при говорении, так и восприятии говорящий ориентируется прежде всего на звуковую строй родного языка.

В корейском, китайском и вьетнамском языках преобладают *открытые* слоги, в отличие от английского языка, слоговой стереотип которого характеризуется сильным примыканием согласного к предшествующему гласному, что проявляется в преобладании слогов *закрытого типа*. В силу этого носители названных восточных языков по-своему делят английскую речь на слоги, стремясь к их закрытости, несмотря даже на то, что в корейском языке, например, возможны все четыре типа слога, как и в английском: открытый, закрытый, прикрытый в начале, прикрытый в конце.

Стремление говорящих на восточных языках избежать скопления согласных в консонантных сочетаниях английского языка предполагает по-

явление эпентетических гласных звуков, а также огласовку конечно-слогового согласного (эпитезу), что приводит к количественной модификации слоговой структуры английской фразы. Это, в свою очередь, отражается на ритмической и интонационной моделях фразы в английской речи носителей восточных языков, которые читают (или произносят) английские слова с консонативными сочетаниями так, как это показано далее в примерах*:

speaking	[sq'pJkiN]	в китайском, вьетнамском, корейском вариантах
frequently	[fq'rikw qnt qli]	
strike	[su:tu:raik]	в корейском языке, где [ш] – гласный среднего ряда высокого подъема как альтернатива традиционному гласному неполного образования [q]
mask	[mxsʃkʃ]	
robbed	[r'Qʊdʃ]	
and many	[xndq'meni]	
and to	[xndq'tu:]	эпентетический гласный может появляться на стыке слов
best chinese	[bestq'tSaini:z]	

Ещё одна общая для восточных языков особенность строения слога также служит мощным источником некорректной ритмической организации английской речи. Здесь имеется в виду низкая степень консонантной насыщенности, в отличие от высокой консонантной насыщенности слога в английском языке, где имеют место разнообразные сочетания как в начальной, так и в конечно-слоговой позициях. К примеру, английский конечный консонантизм включает 22 фонемы, в корейском их только 7 (это сонанты и глухие смычные импозивные), в китайском – только сонанты, во вьетнамском – 8 фонем.

Так, английские слова с конечно-слоговым консонантным сочетанием озвучиваются, как и названные выше примеры, носителями восточных языков с включением эпентетического гласного или огласовкой конечно-слогового согласного – эпитезы:

* Эти и другие примеры взяты из исследований слогоритмической структуры английской речи носителями китайского, корейского и вьетнамского языков; Завьялова В.Л. Особенности слогоритмической организации английской речи носителями китайского языка : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2001, 234 с.; Уютова Е.В. Слогоритмическая структура английской речи носителей корейского языка : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2004, 263 с.; Пивоварова М.О. Слогоритмическая структура английской речи носителей вьетнамского языка : дис. ... канд. филол. наук. Владивосток, 2005, 178 с.

³ Румянцев М.К. Машинное моделирование единиц речи. М.: Изд-во МГУ, 1990. 272 с.; Зубкова Л.Г. Типология фонологических систем в свете сущностных свойств языка // Языки Дальнего Востока, Юго-Восточной Азии и Западной Африки : тезисы докладов. III между. конф. М. : МГУ, институт стран Азии и Африки, Санкт-Петербургский государственный ун-т, 1995. С. 35–38.

Соянцев В.М. Введение в теорию изолирующих языков. М. : Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995. 352 с.

⁴ Соколовский А.Я. О различных типах фонологических единиц изолирующих языков Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии // Известия Восточного института ДВГУ. Владивосток: ДВГУ, 1999. С. 120–123.

accent	[xksqntɰ] [xksqntɰ]	в корейском английском в китайском английском
friend	[fqrendɰ] [frendq]	в корейском английском в китайском английском
strange	[suutɰrenGi]	в корейском английском
people	[pi:pq]	в китайском английском

В большинстве случаев появление гласного звука влечет за собой значительную модификацию слоговой структуры английского слога в реализации носителей восточных языков, что вызвано образованием дополнительного слога (как правило, открытого).

В целом недопустимость консонантных сочетаний в конце и начале слога в восточных языках является типологической особенностью структуры слогов восточных языков в отличие от английского языка, где допустимое количество согласных в начале слога – 3 фонемы, в конце слога – 5 фонем.

Более того, слог в английском языке может состоять также только из согласных, где его ядром является сонант, что совершенно недопустимо в восточных языках.

В связи с тем, что слог в китайском и вьетнамском языках является носителем тона, необходимость полного проявления тональных признаков в каждом слоге этих языков может вызвать некорректную реализацию и восприятие фонетических коррелятов английского словесного ударения. Это несомненно отражается на ритмической организации единиц большей протяженности таких, как: ритмических структур (групп), синтагм, фраз. В конечном итоге это приводит к отсутствию варьирования степени выделенности слов в составе более сложных синтаксических единиц, к акцентному выделению служебных слов и местоимений, которые в английском языке являются безударными, а также к отсутствию качественной и количественной редукции безударных гласных.

Мы «подошли», таким образом, ко второй важной составляющей ритмического строя любого языка – к выделенности единиц относительно друг друга в потоке речи, т.е. к ударению.

Здесь также существует целый ряд несоответствий восточных языков английскому.

Английский язык является языком акцентного типа. Признаком самостоятельности, цельноформленности слова в английском языке является наличие в нем ударения как просодического противопоставления выделенного слога (слова) невыделенному.

Отношение корейского языка к языкам акцентного типа является в определенной степени

условным. Мнения лингвистов-корееведов по поводу природы и качества ударения в корейском языке противоречивы. Как считал выдающийся исследователь-лингвист первой половины XX в. Е.Д. Поливанов, долготные, мелодические и экспираторно-акцентные различия в корейском языке не являются сигнификативными. По его мнению, законы ударяемости в корейском языке одинаковы для всех слов, независимо от их значения, и они состоят в выделении как начала, так и конца слова, но в различной степени в зависимости от расположения слова во фразе⁵. В более поздних работах Е.Д. Поливанов приходит к выводу о силовом характере корейского ударения⁶. Поэтому можно сказать, что тип словесного ударения в корейском языке характеризуется слабой выраженностью, своего рода «неуловимостью». В традиционной классификации типов ударения корейское ударение характеризуется как динамическое, дополняемое тоновым (музыкальным), которое отличается от китайского и вьетнамского тем, что не имеет системы тональных различий⁷. Корейский исследователь Бен Енг Сук приходит к заключению, что корейское словесное ударение является долготным (количественным) и динамическим. И тем не менее Бен Енг Сук в ходе перцептивного эксперимента увидел, что некоторые аудиторы-корейцы не могут выделить ударный слог в корейском слове. По мнению автора, «такое обстоятельство может наводить на мысль об отсутствии понятия «словесное ударение» в языковом сознании носителей корейского языка»⁸.

Просодическая структура слова в *китайском языке* характеризуется соотношением модификаций тональных характеристик, входящих в его состав слогов, определяемых закономерностями реализации тонов в данной позиции.

Во *вьетнамском языке* просодическая структура многосложного слова складывается из соотношения тонов, входящих в его состав слогов. Это – язык тонального типа.

Феномен выделенности в *английском языке* создается взаимодействием просодических характеристик параметров *ЧОТ* и *интенсивности*.

⁵ Поливанов Е.Д. Гласные корейского языка // Советское востоковедение. 1956. № 3. С. 96–103.

⁶ Поливанов Е.Д. К вопросу о родственных отношениях корейского и алтайского языков // Статьи по общему языкознанию: Избранные работы. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1968. С. 169–183.

⁷ Мазур Ю.Н. Корейский язык // Языки мира. М.: Изд-во «Индрик». 1997. С. 361–378.

⁸ Бен Енг Сук. Просодическая организация фонетического слова и синтагмы в русском и корейском языках: дис. ... канд. филол. наук. М., 2000. 187 с.

В *корейском языке* феномен выделенности создается сочетанием *длительности и интенсивности*.

В *китайском языке* – это увеличение *длительности*, т. е. имеет место долготный акцент.

Во *вьетнамском языке* – это сочетание параметров *интенсивности, длительности и основного тона*. В данных языках по разному организуется речевой поток в силу того, что параметры выделенности в этих языках также различны.

В *английском языке* имеет место ярко выраженный контраст ударных и безударных слогов, что находит отражение в качественной и количественной редукции безударных гласных.

В *корейском языке* слабоцентрирующий характер словесного ударения имеет следствием отсутствие редукции безударных гласных.

В *китайском языке* редукция возможна, но только в конце и середине слова. Возможны, таким образом, безударные слоги.

Во *вьетнамском языке* невозможна качественная редукция. Возможна модификация тональных характеристик слогов слова.

Ударение в названных языках имеет функциональную нагрузку.

Так, в *английском языке* словесное ударение выполняет несколько функций, а именно: конститутивную, опознавательную и дистинктивную.

В *корейском языке* ударение имеет низкую степень функциональной нагрузки: конститутивная функция, как указывалось выше, выражена слабо; дистинктивная функция отсутствует вообще.

В *китайском языке* имеет место ограниченное функционирование ударения в плане дифференциации лексем, сложных слов и словосочетаний. Ударение здесь может выполнять дистинктивную функцию.

Во *вьетнамском языке* ударение функционально незначимо. Здесь тон выполняет конститутивную и дистинктивную функции.

Особенности слогостроения и ударения в восточных языках имеют в качестве следствия и отличительные особенности ритмического построения речи.

Так, в *китайском языке*, где около 70 % лексического состава составляют двусложные слова (биномы), двусложность является главным признаком слоговой структуры современного *китайского слова*. Исследователь Сунь Линь отличает непосредственную зависимость двусложности от китайской культурной традиции, приоритет в которой отдавался парности и симметричности⁹. В связи с этим в китайском языке воз-

можено преимущественно только один безударный слог между двумя ударными, т. е. модель ритмического такта – двусложная.

Тенденция к употреблению симметричных ритмических тактов проявляется в так называемой ритмической синонимии.

Под влиянием ритма могут редуцироваться тоны, но длительность слога сохраняется и является своего рода относительно постоянным признаком. Одной из главных закономерностей ритма китайской речи является *обязательное разделение паузой* двух стоящих рядом сильноударных слогов¹⁰.

Для ритма *корейской речи* характерно употребление трех и четырех сложных ритмических структур с ударением на первом слоге. Ритм в корейском языке имеет слогосчитающий характер. Как и в других слогосчитающих языках, в корейском языке имеет место относительная изохронность слогов, меньшая компрессия и вариативность длительности безударных слогов, отсутствие модификации длительности под влиянием ритма¹¹. Именно поэтому, как считают П. Айвери и С. Эрих, в английской речи носителей корейского языка наблюдается выраженная тенденция к слогосчитающему ритму, отсутствию редукции гласных безударных слогов, что диктуется навыками ритмизации речи на родном языке, обладающим слогосчитающим ритмом¹².

Во *вьетнамском языке*, где слог является базовой структурно-семантической единицей, имеет место преимущественное употребление односложных ритмических структур. Характер ритма здесь, как и в китайском языке, является слогосчитающим, при котором имеет место тенденция уравнивать длительность ударных слогов. Пауза возможна только как сигнал синтагматической границы.

По мнению Цзян Ямина, фонетическая структура любого языка отражает определенные психические, лингвокультурные характеристики этноса¹³. В силу этого носители различных лингвокультурных традиций по-разному воспринимают просодические характеристики языка. Поэтому названные выше особенности ритмическо-

¹⁰ Спешнев Н.А. Фонетика китайского языка. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1980. С. 143.

¹¹ Чой Сун Ми. Сопоставление слоговых структур корейского и русского языков. М.: МГУ, 1996. 9 с. Деп. в ИНИОН РАН 12.12.96, 52138.

¹² Avery P. Ehrich. Teaching American English Pronunciation. Oxford: Oxford University Press, 2004. 250 p.

¹³ Цзян Ямин. Словесное ударение как фрагмент этно-типа носителей русского и китайского языков: дис. ... канд. филол. наук. М., 1996. 136 с.

⁹ Сунь Линь. О ритме в китайском языке // Вестник Московского университета. Сер. 13, Востоковедение, 1997. № 2. С. 53–57.

го строя китайской, корейской и вьетнамской речи по-разному реализуются при построении ими английской речи, поскольку ритм английской речи коренным образом отличается от ритма названных восточных языков.

К основным характеристикам ритма английской речи относятся следующие:

- тактосчитающий характер ритма;
- тенденция уравнивать временные интервалы между последовательностью ударных слогов обычно путем компрессии длительности безударных звуков, так называемая изохронность ритма;
- модификация длительности слогов под влиянием ритма; существование «слабых форм» слов, допускающих различную степень качественной и количественной редукции;
- возможность постановки паузы для формирования ритмического такта.

Известно, что при общении на неродном языке фонетические автоматизмы просодического оформления высказывания наименее осознаваемы¹⁴, поэтому именно просодический компонент речи «страдает» в наибольшей степени при производстве и восприятии речи на неродном языке.

Это, по мнению российского лингвиста В.Б. Касевича и других, объясняется тем, что «просодия принадлежит к фонологическим средствам, которые в онтогенезе усваиваются ранее всего»¹⁵. Законы ритма, просодического оформления слова, интонации – глубинны и относятся к наиболее стойко диктуемым родным языком законам¹⁶.

В Институте иностранных языков ДВГУ одна из научных школ института, возглавляемая д-ром филол. наук, профессором Е.Г. Прошиной, занимается вопросами вариантологии. Так, около десяти лет ведутся исследовательские работы по изучению вариантов английского языка, в частности, в области слогоритмической организации английской речи носителями корейского, китайского, вьетнамского, японского и тайского языков. Защищены 3 кандидатские диссертации по слогоритмической организации английской речи китайцев, корейцев и вьетнамцев¹⁷.

¹⁴ Иванова М.А. Акцентуационно-ритмическая структура русского слова и словосочетания в речи китайцев : дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1994. 190 с.

¹⁵ Касевич Фонологические проблемы общего и восточного языкознания. М. : Наука, 1983. 295 с.

¹⁶ Панкова И.В. О некоторых явлениях интерференции в словесной просодии. Л. : ЛГУ, 1987. 4 с. Деп. в ИНИОН РАН 11.10.87, № 28661.

¹⁷ Завьялова В.Л. 2001, Уютова Е.В. 2004, Пивоварова М.О. 2005.

К концу 2006 г. планируется завершение исследования по ритму английской речи японцев (автор Ю.В. Дмитриева). Начата работа по исследованию ритма английской речи носителей тайского языка (автор И.А. Киритова). Исследования слогоритмической структуры английской речи в речи носителей восточных языков носят экспериментально-фонетический характер и затрагивают как производство, так и восприятие речи. Разработана методика проведения эксперимента, которая заключается в следующем.

Основой для исследования просодической интерференции контактирующих языков является анализ интерференционного варианта (ИВ) – речь корейцев, китайцев, вьетнамцев на английском языке, в сопоставлении с эталонным вариантом (ЭВ) – речь носителей американского языка (General American).

Образцы звучащей речи подверглись следующим видам анализа:

- слуховому (который осуществляется автором исследования);
- аудиторскому (в котором принимали участие специально приглашенные аудиторы, носители американского варианта английского языка и профессиональные фонетисты);
- электроакустический анализ образцов звучащей речи.

Цель экспериментального исследования заключалась в выявлении корпуса нарушений, связанных с некорректной реализацией слогоритмической организации английской речи носителей восточных языков на уровне слова и фразы. Эксперимент проходил в несколько этапов.

На *первом этапе* были записаны образцы чтения письменного текста на английском языке носителями китайского, корейского и вьетнамского языков с целью анализа специфики производства английской речи носителями названных языков.

Выбор чтения письменного текста в качестве материала исследования обусловлен тем, что чтение рассматривается в лингвистической литературе как наиболее простой и упорядоченный вид монологической речи. Чтение характеризуется минимальной степенью спонтанности: перед читающим – уже готовое речевое сообщение, которое нужно озвучить. Чтение снимает трудности лексико-грамматического характера, что позволяет в определенной степени избежать явлений интерференции на морфологическом, синтаксическом, семантическом уровнях, неизбежно возникающих в спонтанной речи говорящих на неродном языке. С целью сравнения особенно-

стей реализации спонтанной речи и прочитанных образцов, всем дикторам-носителям восточных языков предлагалось ответить на несложные вопросы о себе, требующие распространенных ответов. Таким образом, были получены образцы квазиспонтанной речи.

На *втором этапе* были записаны а) аналогичные тексты, озвученные носителями General American с целью дальнейшего их использования в качестве эталона для сравнения; б) тексты для проведения эксперимента на восприятие нормативной английской речи носителями восточных языков.

На *третьем этапе* эксперимента записанные образцы английской речи носителей восточных языков были предложены для прослушивания носителями американского варианта английского языка неспециалистам в области английского языка для определения соответствия звучащего текста произносительной норме американского английского.

На *четвертом этапе* образцы английской речи носителей восточных языков, отобранные по результатам эксперимента на восприятие (этап 3) как характеризующиеся наибольшей степенью отклонения от нормы, были подвергнуты более детальному слуховому анализу в сопоставительном плане, с привлечением при необходимости элементов электроакустического анализа.

На *пятом этапе* выборочные фразы английской речи носителей восточных языков, определенные нами как наиболее демонстративные, были предложены для анализа группе преподавателей кафедры фонетики ИИЯ ДВГУ с целью достижения большей достоверности результатов исследования.

Названные выше 5 этапов имели целью выявить специфику производства английской речи носителями восточных языков.

На *шестом этапе* был произведен эксперимент на восприятие нормативной английской речи носителями восточных языков. Проведение эксперимента на восприятие обусловлено принципиальным изоморфизмом процессов производства и восприятия речи.

В озвучивании экспериментального материала принимали участие:

– дикторы-носители нормативного английского языка (эталонный вариант), двое мужчин – преподавателей английского языка в возрасте 30–35 лет;

– дикторы-носители восточных языков.

Дикторы-носители китайского языка

Группа А – 3 человека, преподаватели английского языка факультета английского языка Даляньского университета иностранных языков с

небольшими отклонениями от произносительной нормы (slight deviation).

Группа Б – 18 носителей китайского языка – студенты этого же факультета: 9 мужчин и 9 женщин, студенты 2-го и 3-го курсов, имеющих большие отклонения от произносительной нормы английского языка (fair-to-slight deviation).

Группа В – 3 студента экономического факультета и факультета компьютерных технологий, имеющих значительные отклонения от произносительной нормы английского языка (strong deviation).

При подобном распределении аудиторов на группы исследователи исходили из того, что нарушения в ритмической организации английской речи продвинутыми дикторами будут свидетельствовать о наиболее устойчивых явлениях интерференции.

В речи наиболее слабых студентов эти явления будут представлены в гипертрофированной форме.

Поэтому английская речь дикторов группы Б является наиболее репрезентативной с точки зрения явлений просодической интерференции.

Дикторы-носители корейского языка

В эксперименте принимали участие носители корейского языка (сеульский диалект) – 16 женщин и 20 мужчин в возрасте от 20 до 25 лет, студенты университетов Республики Корея, проходившие стажировку в ДВГУ.

Среди дикторов были выделены:

Группа А – дикторы с продвинутым уровнем знания английского языка (slight deviation)

Группа Б – дикторы с достаточно высоким уровнем владения английским языком (выше средней) (fair-to-slight deviation)

Группа В – дикторы, недостаточно хорошо владеющие английским языком (strong deviation).

Как и в случае с носителями китайского языка, основной акцент при анализе особенностей слогоритмической организации английской речи носителей корейского языка делался на экспериментальном материале группы Б.

Дикторы-носители вьетнамского языка – носители нормативного варианта вьетнамского языка (ханойский диалект) в возрасте от 18 до 40 лет. Всего 37 дикторов.

В группу А вошли 8 преподавателей английского языка Хайфонского педагогического университета, имеющих незначительные отклонения от произносительной нормы английского языка (slight deviation).

Группа Б состояла из 11 человек, студентов 4 курса этого же факультета с достаточно высо-

ким уровнем владения английским языком (fair-to-slight deviation).

В группу В вошли 18 человек, студентов 2-го курса с менее продвинутым уровнем владения английским языком (strong deviation).

Основной акцент при анализе особенностей слогоритмической организации английской речи вьетнамцами делался, как и в случае с китайским и корейскими языками, на группе Б.

Подбор материала осуществляется экспериментаторами. Материал включал записанные на магнитную ленту образцы прочтения письменных аутентичных текстов (монологи и диалоги), а также фразы, составленные авторами исследования, включающие наиболее характерные для восточных языков особенности, которые далее были озвучены носителями восточных языков, в частности:

1) слова и словосочетания, в составе которых имеются слоговые структуры, не свойственные этим языкам:

– со скоплением согласных в начале и конце слова;

– с типами слогов, состоящих только из согласных;

– с дистрибуцией звуков, нетипичных для слогов в восточных языках;

2) слова с различными акцентно-ритмическими структурами (одно-, двух-, трех-, четырех- и пятисложные слова) с ударением на первом, втором или третьем слогах, а также слова, имеющие два ударения – главное и второстепенное;

3) короткие ритмические группы с различной акцентно-ритмической структурой с характерными для английского языка явлениями слитной речи (связующая «г», потеря взрыва, носовой взрыв, латеральный взрыв);

4) предложения, состоящие из двух синтагм, с тем, чтобы выявить развитие ритмической структуры на более длительном отрезке и показать, что основные произносительные ошибки сохраняются во фразах большей протяженности;

5) образцы аутентичных письменных текстов в форме монолога и диалога.

Общее звучание экспериментального материала для каждого языка составило 170–180 мин.

Электроакустический анализ экспериментального материала осуществлялся с использованием программы Speech Analyzer (version 1.5), Summer Institute of Linguistics Waxhaw, NC, 1996–2002, предназначенный для ввода, обработки, редактирования и исследования звуковых сигналов, а также программы Praat 3.8.1, Institute of Phonetics Sciences, University of Amsterdam, 1992–1999.

Экспериментальный анализ материала подтвердил результаты наших теоретических исследований особенностей слогоритмического строения речи носителей восточных языков, которые сказались на организации слога-ритмической структуры их речи на английском языке.

Для носителей названных восточных языков качество их общей характеристики отмечается в стремлении «облегчить» артикуляцию иноязычной речи.

Для корейского варианта английского языка наиболее характерными способами «облегчения» артикуляции слога и слоговой последовательности в английском языке являются следующие:

– вставка гласного элемента между элементами консонантного сочетания – эпентеза;

– огласовка конечнослогового согласного (эпитеза);

– упрощение консонантного сочетания – выпадение одного или нескольких элементов сочетания.

Среди несоответствий на супрасегментном уровне следует отметить нарушения, связанные с некорректной локализацией словесного ударения, а именно:

– перенос ударения;

– употребление избыточного ударения;

– неиспользование словесного ударения для дифференциации пар слов, различающихся местоположением ударения.

В целом ритмическая структура английского слова подвергается существенной модификации в речи корейцев. Отмечается устойчивая тенденция к формированию односложных ритмических структур, отсутствие качественной и количественной редукции гласных, что ведет к воспринимаемой ритмической изохронности слогов слова.

При изучении просодических характеристик ритмических структур учитывалась суммарная длительность ритмических структур, соотношение просодических характеристик ударных и безударных слогов в составе РС.

По данным инструментального анализа материала распределения длительности слогов в составе РС в ЭВ и ИВ (интерференционный вариант) характеризуется большой степенью различия.

Для ИВ разница в длительности между ударными и безударными слогами оказалась незначительной по сравнению с эталонным вариантом, в котором ударные слоги регулярно превосходят безударные слоги по длительности. В английской речи носителей корейского языка часто наблюдалась практически полная нивелировка слогов по длительности.

Кроме тенденции к изохронности ударных и безударных слогов английская речь носителей корейского языка перцептивно и акустически характеризуется незначительными перепадами по силе (интенсивности) и мелодике (ЧОТ) между ударными и безударными слогами.

Эксперимент также показал и различие в речи на английском языке корейцев в характере примыкания безударных слогов к ударному. В ИВ наблюдается более чеканное и в некоторой степени послоговое произнесение фразы в отличие от плавного примыкания слогов друг к другу в ЭВ.

В связи с этим английская фраза в реализации носителей корейского языка характеризуется более дробным паузальным членением по сравнению с ЭВ. Все это создает впечатление «ритмической шероховатости» английской речи корейцев.

Слогоритмическая структура английской речи китайцев характеризуется следующими особенностями:

1) появлением эпентетического гласного, что приводит к образованию дополнительного (открытого) слога;

2) изменениями локализации ударения с появлением дополнительного слога (spring [s q'prɪn]);

3) упрощениями артикуляции группы согласных (nineteen [naiti:n]);

4) огласовкой конечнослогового согласного;

5) ошибочной локализацией словесного ударения:

а) акцентированием более одного слога в многосложном слове английского языка, имеющем одно ударение;

б) смещением ударения на начальный слог слова, имеющего одно ударение в английском языке;

в) неиспользованием локализации ударения для дифференциации пар слов, различающихся местоположением ударения.

На уровне фразы имеет место образование дополнительного типа слога преимущественно открытого типа с одним согласным в поствокальной позиции вследствие появления эпентетического гласного звука, что влечет за собой и изменение РС, свойственной ЭВ, в результате образования дополнительного слога; формирование РС преимущественно энклитического типа, образованием омофонических структур типа but [bAtq] = butter, внутреннее перераспределение длительности ударных и неударных слогов в РС, дробность синтагматического членения фразы вследствие фонетической и семантической

автономности китайского слога, что и приводит к отсутствию слитности слогов в слове английского языка и плавности артикуляции в пределах английской фразы, длительность является относительно постоянной просодической характеристикой слога в китайском английском. Отсутствие должной степени редукции безударных гласных ведет к формированию эффекта рубленной речи.

На уровне фразы в английской речи китайцев пауза выступает в качестве одного из средств «облегчения» артикуляции в случае несвойственных китайскому языку фонотактических моделей, таких, как скопление согласных на стыке слов. Такое нарушение общего рисунка фразы английской речи китайцев непосредственно ведет к ослаблению восприятия смысла высказывания.

Слогоритмическая структура фразы в китайском английском характеризуется большим слоговым составом и числом ударных слогов по сравнению с ЭВ.

Нарушается временная организация РС в китайском английском, поскольку нет должной количественной (и качественной) редукции безударных слогов. Длительность, как мы указывали выше, является постоянным признаком каждого слога. Английская речь носителей китайского языка характеризуется также более дробным паузальным членением, поскольку пауза в китайском английском используется в качестве пограничного сигнала речевых тактов.

Сравнение данных, полученных в результате анализа речи более продвинутых информантов и информантов средней степени владения английским языком привело нас к выводу, что основные черты слого-ритмической организации фразы в обеих группах сохраняются.

Это такие черты, как: *более дробное паузальное членение, больший слоговой состав и число ударных слогов* по сравнению с ЭВ. Наиболее частотными ритмическими моделями являются также энклитические РС типа 2/1 и 1/1 (где первая цифра означает количество слогов в слове, а вторая – номер ударного слога). Временные параметры РС также не соответствуют ЭВ вследствие отсутствия должной редукции безударных слогов. В результате трансформации временного контура РС нарушается изохронность ритма фразы в английской речи китайцев.

Особенности слогоритмической организации английской речи носителей вьетнамского языка, как показал эксперимент на производство речи, сводятся к следующему:

1) явлению паузации на стыке слогов внутри слова;

2) минусу сегментации, т. е. уменьшению числа элементов в сегменте, а именно:

– выпадению согласного в слове при стечении согласных в слове (диэреза) – splendid [s'penid], street [sri:t];

– выпадению гласного или согласного внутри фонемосочетания (синкопа) – action [xsqn];

– элизии согласного в конце сочетания (апокопа) – old ['ol];

– выпадению согласного, который по законам дистрибуции фонем вьетнамского английского не может находиться в конечной позиции – case [kei];

3) плюсу сегментации – увеличению числа элементов в сегменте:

– протезу, наращиванию гласного звука перед сочетанием согласных в начале слова – helpful [ihelpful];

– эпентезе, вставке гласного звука между сочетанием фонем в середине слова;

– эпитезе – появлению гласного после сочетания согласных в исходе слова.

Наиболее распространенным типом плюс сегментации является эпентетическая вставка, что влечет за собой значительную модификацию слоговой структуры английского слова в речи вьетнамцев, и что, в свою очередь, вызвано образованием дополнительного (как правило, открытого) слога. Это делает возможным перемещение границ слогораздела, а также перераспределение длительности ударных и безударных слогов. Имеют место нарушения, связанные с некорректной локализацией словесного ударения, а именно:

– смещение локализации ударения

– появление избыточного ударения в слове

– выделение каждого слога и послоговое произнесение слова в целом. Этот тип является самым распространенным случаем нарушения просодического устройства английского слова в речи носителей вьетнамского языка.

Сравнение результатов анализа нарушений в слогоритмической организации речи информантов группы средней степени владения английским языком и продвинутой группы показали, что самыми устойчивыми несоответствиями являются:

1) выпадение одного или нескольких согласных в слове при стечении согласных, в том числе и в конечной позиции в слове six [si:], likes [laik];

2) появление гласного в слове при стечении согласных или после согласного в исходе слова couldn't [kudqnt], send [sendq];

3) изменение локализации ударения в слове, что вызвано появлением гласной вставки frequently [fq-ri-kwen-tq-li];

4) изменение локализации ударения не вызванное увеличением слогового состава слов blanket [blxn'-kit];

5) создание избыточного ударения в слове shopping ['SP- 'piN].

Нарушения слогоритмической структуры английской речи вьетнамцев на уровне фразы сводятся к следующему:

1) увеличению или уменьшению слоговой структуры РС, в состав которых входят нехарактерные для носителей вьетнамского языка согласные или сочетания согласных, что приводит к нарушению изохронности РС;

2) акцентному выделению служебных слов и местоимений, входящих в состав фразы, а также увеличению длительности безударных слогов, что непременно сопровождалось отсутствием качественной редукции безударных гласных;

3) изменению места ударения в знаменательных словах или возникновению избыточного ударения;

4) месту отдельного произношения слов во фразах.

Таким образом, анализ теоретической литературы слогоритмической организации английской речи носителями китайского, корейского и вьетнамского языков, с выявлением их зон несоответствия со слого-ритмической организацией английского языка, и также анализ данных эксперимента на производство английской речи носителями названных восточных языков позволяют нам сделать следующие выводы.

При контактировании английского языка с языками восточной Азии происходит интерференция слогоритмической структуры как на уровне слова, так и на уровне фразы.

Несмотря на определенные характерные особенности реализации восточной речи носителями восточных языков, имеют место и общие типологические характеристики этих языков в организации речи на английском языке.

На уровне слова – это появление эпентетического гласного, что приводит к образованию дополнительного (открытого) слога; огласовка конечнослогового согласного (эпитеза); упрощение консонатных сочетаний – выпадение одного или нескольких элементов сочетания.

На супraseгментном уровне имеет место некорректная локализация словесного ударения, а именно: перенос ударения, употребление избы-

точного ударения, неиспользование словесного ударения для дифференциации пар слов, различающихся местоположением ударения.

К типологическим характеристикам слогоритмической организации фразы в английской речи носителей восточных языков можно отнести следующее:

– отсутствие качественной и количественной редукции гласных, практически полная нивелировка слогов по длительности, т.е. имеет место тенденция к изохронности ударных и безударных слогов;

– акцентное выделение служебных слов и местоимений, увеличение длительности их безударных слогов.

Английская речь носителей восточных языков отличается и характером примыкания безударных слогов к ударному, так как имеет место чеканное и в некоторой степени послоговое произнесение фразы в отличие от плавного примыкания слогов друг к другу в английском языке, т.е. эффект «рубленной речи».

Также формирование РС преимущественно энклитического типа.

Отмеченные выше различия в слогоритмической организации речи носителей названных восточных языков от английского языка, являясь наиболее типичными (низкая степень консонантной насыщенности слога, жесткая регламентация дистрибуции звуков в слоге, слабая функциональная нагрузка ударения и отсутствие контрастной выделенности, преобладание открытого типа слога), имеют и другие несоответствия более частного характера. Вместе с тем названные восточные языки имеют и свои различительные особенности.

Так, китайский и вьетнамский языки отличаются от корейского языка более сложной структурой слога, значительной ролью тона в слоге: слог – обязательный носитель тона; в обоих языках просодическая структура многосложного слова складывается из соотношения тонов, входящих в его состав слогов, а также тем, что и в китайском и во вьетнамском языках слог является базовой произносительной структурно-семантической единицей, в то время, как в корейском языке – слог является базовой произносительной структурной единицей.

Тем не менее уже на этом материале можно говорить о необходимости некоей стандартизации произносительного варианта английского языка в языках региона Восточной Азии, и таким образом использовать эти данные при анализе и исправлении произносительных ошибок, особенно тех, что ведут к нарушению смысла высказывания.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОТНОШЕНИЯ МЕЖДУ ОДНОЗНАЧНЫМИ ОБЩЕРУССКИМИ НАРЕЧИЯМИ ОБРАЗА ДЕЙСТВИЯ В ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ И АРХАНГЕЛЬСКИХ НАРОДНЫХ ГОВОРАХ

О.А. Глущенко

Глущенко Олеся Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка Камчатского государственного университета.

В статье рассматривается проблема семантики общерусского слова в диалектной системе. Сопоставлены значения 185 общерусских однозначных наречий образа действия (наречий «как»-вопроса) и выявлены типы соотношения значений: тождество, частичное совпадение и омонимия. Предложен вариант универсальной типологии для описания общерусских слов любой части речи в разных подсистемах национального языка.

The problem of semantics of a general word in a dialect system is considered. The meanings of 185 monosemantic Russian adverbs of manner (*how*-adverbs) are compared. The following types of meaning relations are revealed: identity, partial similarity and homonymy. A universal classification for the description of general words, referring to any part of speech, in different subsystems of the national language is suggested.

I. Обоснование типологии соотношений значений общерусских слов в литературном языке и архангельских народных говорах

Лексическая система каждого говора русского языка имеет в своем составе общерусские слова, которые составляют «общерусский лексический фонд и одновременно основу словарного состава любого территориального диалекта»¹. Эти слова, живущие в окружении диалектной лексики, связаны с ней внутрисистемными отношениями, функционируют и развиваются по лексико-семантическим законам говора. В такой ситуации неизбежно появление диалектной специфики у общерусского слова. Отечественная лингвистика не баловала общерусские слова своим вниманием, семантика таких слов относительно недавно стала объектом изучения, она выявляется в сопоставлении значений общерусских слов в литературном языке (ЛЯ) и в диалектной системе.

В этом плане интересны исследования О.И. Блиновой, которая выделила три категории слов в словарном составе говора (общенародные, диалектно-просторечные и собственно диалектные слова), охарактеризовала статус каждой категории слов, выявила типы отличий лексической единицы в говоре и системе ЛЯ:

- 1) в диалекте реализуются не все значения, которые имеет слово в ЛЯ;
- 2) в диалекте формируется более узкое, конкретное // более широкое, общее значение, чем у этого же слова в ЛЯ;
- 3) в диалекте у слова кроме значения, общего с литературным, развивается (или сохраняет-

ся) отличное от литературного значение².

В синхронно-сопоставительном аспекте Н.А. Лукьянова рассмотрела общерусские слова в ЛЯ и диалектной системе новосибирских говоров. Ею были описаны следующие разновидности общерусских лексических единиц в говорах:

- 1) слова, не имеющие диалектной специфики в семантике и употреблении (однозначные и многозначные слова являют отношения тождества);
- 2) слова, имеющие диалектные отличия в семантике и // или употреблении от соотносительных единиц ЛЯ (такие слова показывают относительное тождество, при котором системы значений этих слов частично совмещаются или имеют иное распределение в семантической структуре соотносительной лексической единицы).

Виды диалектных отличий общерусского слова в ЛЯ и говоре таковы:

- 1) многозначное в системе ЛЯ слово имеет только одно значение в диалектной системе;
- 2) многозначное в системе ЛЯ слово является многозначным и в диалектной системе, но количество значений соотносительных лексических единиц не совпадает:
 - в диалектной системе у слова значений меньше, чем в ЛЯ;
 - в диалектной системе у слова значений больше, чем в ЛЯ;
 - общерусское слово употребляется в диалектной системе с диалектным оттенком значения;
 - при семантическом тождестве общерусское слово в системе диалекта более // менее употребительно, чем в ЛЯ³.

² Там же. С. 34–35.

³ Лукьянова Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения. Новосибирск, 1983. С. 29–35.

¹ Блинова О.И. Введение в современную региональную лексикологию. Томск, 1973. С. 33.

Однако все названные диалектные различия, по мнению Н.А. Лукьяновой, не нарушают единства слова: «в диалектной системе общерусское слово является тем же словом, что и в системе ЛЯ, а не другим словом»⁴. Тождество слов нельзя усмотреть только в том случае, если значения соотносительных лексических единиц существенно расходятся, расщепляются. Критикуя позицию И.А. Оссовецкого, Л.А. Ивашко, О.С. Мжельской, Н.А. Лукьянова утверждает, что случаи омонимии, обусловленные таким расщеплением значения общерусского слова, редки, единичны. Наш материал показывает, что появление омонимии литературного и диалектного слова в результате расхождения значений не редкость.

О самобытности общерусского слова в системе говора говорит О.В. Загоровская, считающая, что совпадения в семантике диалектных и литературных слов общерусского лексического фонда «в любом случае не могут быть полными, так, в семантике названных словесных знаков с необходимостью отражаются особенности различных лексико-семантических образований со специфическим набором семантических связей и отношений». Следовательно, «семантическое тождество слова в разных формах существования национального языка является относительным»⁵.

Схожая точка зрения на семантику общерусского слова и у Р.Т. Гриб: «в подавляющем большинстве случаев общерусское слово в говоре имеет иную семантическую структуру, чем в ЛЯ, т. е. в нем в связи с нуждами общения развивается еще одно или несколько значений в рамках лексико-семантического варьирования»⁶.

Мы не отрицаем правоту данных исследователей, но в то же время утверждаем, что не все общерусские слова имеют семантические различия на уровне лексико-семантической структуры слова в ЛЯ и говоре, хотя значимость, системные связи и сочетаемостные возможности таких тождественных по значению слов в ЛЯ и говоре могут различаться.

Мы рассмотрели соотношение значений 185 однозначных общерусских слов в архангель-

ских народных говорах⁷ (АНГ) и ЛЯ⁸. Основой для сопоставления является особенность таких слов – это соотносительные лексические единицы⁹, которые одновременно функционируют в ЛЯ и АНГ и имеют сходство в плане выражения. Именно этот факт будет основанием для сопоставления слов в плане содержания. Специфика общерусского слова выявляется методом сравнения слов при наложении систем значений соотносительных общерусских наречий. В результате сравнения поэтапно оформляется общая типология соотношений общерусских слов в языковых системах ЛЯ и АНГ.

При ее создании важно учесть следующие характеристики слова:

1) наличие особых употреблений (оттенков значения) у значения в ЛЯ и // или АНГ (если у сравниваемого значения слова имеются особые употребления¹⁰ в обеих соотносительных языковых системах, то такие значения обладают симметричным семантическим членением; если особое употребление имеется только в одной из двух языковых систем, то представлена асимметрия семантического членения значения);

2) вид семантического соотношения слов: совпадение или несовпадение значений;

3) степень совпадения значений – полное, частичное или асимметричное (значение из одной соотносительной языковой системы совпадает одновременно со значением и его особым употреблением в другой системе);

Изучая подобие и различие общерусского слова в содержательном плане, мы обращаем внимание и на случаи формального варьирования слова (акцентологическое, фонетико-фонологическое и графическое варьирование).

⁷ Источником языкового материала стали 12 выпусков Архангельского областного словаря (под редакцией О.Г. Гецевой), картотека Архангельского областного словаря на филологическом факультете МГУ им. М.В. Ломоносова и собственные наблюдения автора, сделанные во время диалектологических экспедиций в населенные пункты Архангельской области.

⁸ Мы опираемся на Словарь русского языка : В 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. М. : Русский язык, 1981–1984 (МАС). В большинстве случаев мы самостоятельно интерпретируем значение наречия, опираясь на словарную статью в МАС, поскольку в этом словаре большинство наречий истолковано через отсылку к мотивирующему прилагательному. Орфография МАС сохранена. Иллюстративный материал из МАС не используется.

⁹ Термин «соотносительные языковые единицы» и «соотносительные языковые системы» мы используем вслед за Н.А. Лукьяновой.

¹⁰ Особым употреблением мы называем оттенок значения.

⁴ Лукьянова Н.А. Лексика современных говоров как объект изучения. Новосибирск, 1983. С. 34.

⁵ Загоровская О.В. Семантика диалектного слова и проблемы диалектной лексикографии : автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1991. С. 21–22.

⁶ Гриб Р.Т. К вопросу о терминах «диалектизм» и «семантический диалектизм» // Русские говоры Сибири. Лексикография : сб. статей / Под ред. Г.А. Ракова. Томск, 1993. С. 124.

«Зависимость материального облика общенародного слова от закономерностей и особенностей фонетической системы диалекта со всей очевидностью проявилась в возможности выявления большого количества фонетических и фонематических вариантов в исследуемом массиве общенародной лексики»¹¹. Однако формальные оппозиции общерусских слов в ЛЯ и АНГ мы не включаем в общую типологию. Виды соотношения значений общерусского слова в ЛЯ и иной разновидности общерусского языка могут быть универсальными, а формальное варьирование – это индивидуальное соотношение графических (в *обтяжку*, *настежь* в ЛЯ – *вобтяжку*, *настеж* в АНГ), акцентологических (*храбро* в ЛЯ – *храбрó* в АНГ), фонетико-фонологических (*украдкой* в ЛЯ – *окра́дкой* в АНГ) обликов общерусского слова. Такое варьирование не приводит к семантической трансформации наречия и не нарушает тождества общерусского слова в говоре.

II. Совпадение значений однозначных общерусских слов в ЛЯ и АНГ (1-й тип)

В данный тип мы включили только однозначные слова в АНГ и ЛЯ, у которых полностью или частично (не во всем объеме) совпадает значение. В зависимости от степени совпадения значений внутри первого типа можно выделить следующие подтипы:

1. Полное соответствие цельных значений (значений без особых употреблений) в ЛЯ и АНГ (типичное соотношение значений 1–1): *безви́нно*¹², *босико́м*, *вгоряча́х*, *вдогонку*, *вкúпе*, *внахлэ́ст*, *в обтя́жку* – *вобтя́жку*¹³, *возде́ржно* – *возде́ржно*, *в откры́тую* – *воткры́тую*, *впереме́жку* – *впереме́жку*, *впереме́жку*, *вправду*, *вприпры́жку*, *вприти́рку*, *впросо́нках*, *вручную*, *всуе*, *втихомолку*, *втридорога* – *втридорога́*, *в угон* – *вугон*, *въявь*, *громогла́сно*, *двойко*, *донага́* – *донага* и др. – всего 67 слов. Например:

- **Безви́нно.** Соотношение значений: 1–1.

Обращает на себя внимание различие в формулировке значений, у которых денотативный аспект идентичный. В АНГ значение наречия сформулировано более обобщенно, чем в ЛЯ.

¹¹ Щепина Е.Н. Общенародное слово в диалектной лексической системе (на материале имен существительных в брянских говорах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 6.

¹² Общерусское слово имеет одинаковый план выражения в ЛЯ и АНГ.

¹³ У слов в сопоставляемых подсистемах русского языка различается план выражения: первым в паре следует общерусское слово из ЛЯ, вторым – из АНГ.

ЛЯ: не имея вины; невинно.

АНГ: без достаточно серьезных оснований или невинно. *Я безви́нно стояла в углу-то. Бил безви́нно, а тепе́рь тебя́ пеца́лую. Он безви́нно страда́ет.* ШЕНК. ВП. Борухина меня́ вы́ругала безви́нно, напрáсно. ВЕЛЬ. Сдр.

2. Полное соответствие наречий с различным типом значений (типичное соотношение значений 1 (фразеологически связанное) – 1 (свободное) или 1 (конструктивно ограниченное) – 1 (свободное): *внакладку*, *дотла*, *дрожмя* – *дрожмя*, *уходом* – 4 слова. Например:

- **Дотла.** Соотношение значений: 1 (к. огр.) – 1 (свободное).

ЛЯ: полностью, окончательно, без остатка (преимущественно с глаголами *сгореть*, *проиграть*, *проигратъся*, *разоритъся*).

АНГ: все полностью, целиком, без остатка. *Фсе газэты дотла́ прочитаю.* МЕЗ. Мд. *Фсе́ дотла́ совьё́м.* КАРГ. Оз. *Раньшэ́ фсе́ дотла́ собира́ли, ф ка́жном ку́стике выка́шывали.* ВИИ. Мрж.

- **Уходом.** Соотношение значений: 1 (фраз.) – 1 (свободное).

ЛЯ: (устар.) в составе фразеологизмов \diamond *Выйти уходом (замуж)* или \diamond *Взять уходом (жену)* – выйти замуж или жениться без согласия родителей, тайно.

АНГ: без согласия родителей. *Тогда́ уходом уходи́ли, безо́ фсякой сва́дьбы.* МЕЗ. Цлг. *Хотела́ уходом итти за своего́ жэни́ха.* МЕЗ. Мсв. *Уходом йей укрáл жэни́х.* МЕЗ. Сфн. / В роли гл. чл. *Быва́ли сва́дьбы уходом: роди́тели не дава́ют, так одни́ роди́тели игра́ют, а други́е уходят, так йэто́ уходом.* ЛЕШ. Кб.

3. Соответствие разных по семантическому объему значений: в ЛЯ значение шире (типичное соотношение значений 1 (значение шире) – 1) – 1 слово:

- **Запо́ем.** Соотношение значений: 1 (значение шире) – 1.

В значении слова в ЛЯ заключена характеристика непрерывности процесса, увлеченности субъекта процессом, но суть этого процесса не конкретизирована. В значении наречия в АНГ однозначно определяется этот процесс – употребление спиртного.

ЛЯ: (разг.) не отвываясь, в неумеренном количестве; с безудержным увлечением.

АНГ: безудержно в своем проявлении, не зная меры в чем-либо (обычно об употреблении спиртного). *Запо́ем-то пьют.* ВЕЛЬ. Лхд. *Нет, то́лько уш не запо́ем, фтягива́ют това́рищи, попе́рвости не пил.* ЛЕШ. Вжг.

4. Соответствие разных по семантическому объёму значений: в АНГ значение шире (типичное соотношение значений 1–1 (значение шире): *безвы́ходно, голышо́м* – 2 слова. Например:

• **Безвы́ходно.** Соотношение значений: 1–1 (значение шире).

Значение наречия в АНГ семантически шире: оно характеризует непрерывность не только пребывания кого-либо где-либо, но и непрерывность вообще любого процесса, состояния.

ЛЯ: без выхода, без ухода (о пребывании где-либо).

АНГ: без перерыва, не имея перерыва в продолжение какого-либо отрезка времени. *Угна́ли на два ме́сяца безвы́ходно. ПИН. Ср. Жыл безвы́ходно. ВЕЛЬ. Пжм. Семь лет воева́л безвы́ходно. КАРГ. Нкл. Хозяин робота́т безвы́ходно. КАРГ. Хтн. / В роли гл. чл. Ка́ждой день вы́ходново нет, безвы́ходно. В-Т. Ври.*

5. Соответствие значения и его особого употребления в ЛЯ цельному значению в АНГ (типичное соотношение значений 1–1 // 1.1–1): *ве́жливо, вза́пуски, ды́бом – ды́бом, на́стежь – на́стеж, невидимо, осе́дло, остро́жно, отрыва́исто, скопом, хра́бро – хра́бро* – 10 слов. Например:

• **Отрыва́исто.** Соотношение значений: 1–1 // 1.1–1.

ЛЯ: прерывисто и резко, без плавных переходов в звучании. // Прерываясь частыми паузами, из отдельных частей (о речи).

АНГ: резко, без плавных переходов, с частыми паузами. *Она́, как ко́ростель, захохо́чет, заговори́т отрыва́исто, каг горо́х россы́пет, кряка́ет (о смехе, о речи). ВИЛ. Трп.*

6. Частичное соответствие несимметричных по семантическому объёму слов: значение наречия в ЛЯ шире за счет особых употреблений (типичное соотношение значений 1-1 // 1.1-0 или 1-0 // 1.1-1): *вдоба́вок, взаперти́ – взаперте́, голо́систо, действительно́, заново́, кала́чиком – кола́чиком, кубаре́м – кубаре́м и кубаре́м, наве́гда, наизу́сть, напока́з, неоправданно́, неплотно́, непременно́, оцупью́, сгоряча́, сле́дом* – 16 слов. Например:

• **Вдоба́вок.** Соотношение значений: 1–1 // 1.1–0.

В паре 1–1 у слов различаются функциональные признаки: наречие в ЛЯ употребляется в функции обстоятельства, а в АНГ – в функции главного члена в двусоставном предложении.

ЛЯ: (разг.) в добавление, в дополнение к

чему-либо¹⁴. // Сверх того, кроме того.

АНГ: дополнительно, в дополнение к чему-либо. В роли гл. чл. *Ма́ть шио́ вдоба́вок. ХОЛМ. Звз.*

7. Частичное соответствие несимметричных по семантическому объёму слов: значение наречия в АНГ шире за счет особых употреблений (типичное соотношение значений 1–1 // 0–1.1 или 1–1.1 // 0-1): *по отделе́ности – поотделе́ности, сы́знава – сы́знава, хороше́нько – хороше́нько* – 3 слова. Например:

• **Сы́знава – сы́знава.** Соотношение значений: 1-1 // 0-1.1.

ЛЯ: *сы́знава* (разг.): снова, опять.

АНГ: *сы́знава*: заново, повторяя какое-либо действие, состояние. *Сейго́т вы́йде́т из а́рмии, приде́т домо́й да жэ́ница, йево́ сы́знава возму́т. ЛЕН. Схд. Деву́шки, пейте ча́й сы́знава. ПИН. Кик. Мне и сы́знава пришло́сь итти́ за копе́йками. НЯНД. Ми. // Иначе, не так, как прежде. *Они́ йе́йо переи́начили сы́знава. КАРГ. Нкл.**

8. Частичное соответствие слов либо по ядру значения, либо по особым употреблениям значения (типичное соотношение значений 1–1 // 1.1–0 // 0–1.1 или 1–0 // 1.1–1.1; 0–1): *всерьё́з, снова́* – 2 слова. Например:

• **Снова́.** Соотношение значений: 1–1 // 1.1–0 // 1.2 (фраз.) – 0 // 0–1.1.

ЛЯ: еще раз, опять. // Заново, с самого начала. / *◇ Снова́-здо́рово* – употребляется как выражение неудовольствия, досады при ненужной, излишней повторяемости чего-либо.

АНГ: заново, повторяя какое-либо действие, состояние. *Сего́т-то снова́ был хоро́ший. ХОЛМ. Кзм. Потом́ взяла́ себя́ в руки́, ушла́ сучья́ руби́ть в лес, перестала́ пи́ть, стала́ для вну́чат заводи́ть фсе́ снова́. ВИЛ. Трп. // Иначе, не так, как прежде. *Часы́ стоя́ли, неправи́льно спу́сти́ла. Поста́вши снова́ да ладо́м. ЛЕШ. Пли.**

В целом же в первый тип включено **105** наречий из ЛЯ и АНГ. Часть общерусских слов 1 типа в системе ЛЯ имеет следующие пометы: «разг.» – 34 слова, «книж. устар.» – 1 слово, «устар.» – 3 слова. В отношении формального варьирования вступают 27 слов: 17 акцентологических и фонетико-фонологических вариантов (*возде́жно – возде́жно, впереме́жку – впереме́жку и впереме́жку, втридоро́га – втридоро́га, дона́а – дона́а* и др.) и 10 графических вариантов (*на́стежь – на́стеж, по*

¹⁴ В случае частичного соответствия значений слов в АНГ и ЛЯ мы подчеркиванием графически выделили толкование совпадающих значений.

*старинé – постаринé*¹⁵, *в угон – вугон*, *в обтяжку – вобтяжку* и др.).

Полностью совпадают по объему «симметричные» (равночленимые) значения в ЛЯ и АНГ у 71 слова (подтипы 1–2) – это 67,7 % всех слов первого типа. Общерусские наречия в случае полного совпадения значений слов образуют семантическую оппозицию тождества.

Непропорционально представлены совпадающие значения в ЛЯ и АНГ, т.е. цельное значение одновременно соотносится со значением и его особым употреблением у 10 слов (подтип 5) – это 9,5 % всех слов первого типа. Такие наречия тоже вступают в отношения семантической оппозиции тождества, несмотря на непропорциональность членения семантического пространства значения.

Соотносятся разные по семантическому объему значения у 3 слов (подтипы 3–4) – это 2,8 % всех слов первого типа. Большая широта значения в говорах представлена у 2 наречий (подтип 4), в системе ЛЯ – у 1 наречия (подтип 3). Такие наречия в ЛЯ и АНГ вступают между собой в отношения семантической привативной оппозиции.

Частично совпадают, но не соответствуют полностью значения у 21 однозначного слова в ЛЯ и АНГ (подтипы 6–8) – это 20 % всех слов 1-го типа. В данном случае реализованы отношения эквиополентной семантической оппозиции.

В дальнейшем классификация № 1 может быть использована при выявлении видов соотношения многозначных общерусских слов в ЛЯ и АНГ. Для этого восьмичленную классификацию мы представим в следующем виде:

1. Полное соответствие значений с равноценным семантическим объемом (объединение подтипов 1–2 базовой классификации).

2. Соответствие значений разного семанти-

¹⁵ Мы последовательно выдержали принцип единообразного слитного написания наречий и наречных выражений, несмотря на расхождения с написанием подобных слов в ЛЯ. Это решение обусловлено, во-первых, отсутствием строгих и последовательных орфографических правил для слитного, раздельного и дефисного написания литературных (часто общерусских) наречий, во-вторых, сложностью разграничения на письме наречий и наречных выражений (предложно-падежных сочетаний), в-третьих, отсутствием диалектной орфографии. Мы допускаем, что какая-то часть материала в данной работе, представленная в качестве наречия со слитным написанием, с историко-этимологических и системных позиций представляет собой свободные сочетания слов, однако каждый такой случай требует отдельного исследования. Принципы графического оформления диалектного материала таковы же, как в Архангельском областном словаре / Под ред. О.Г. Гецово́й. Вып. 1. М., 1980.

ческого объема или значений несимметричного членения (объединение подтипов 3–4–5).

3. Частичное соответствие значений (объединение подтипов 6–8 базовой классификации).

III. Несовпадение значений общерусских слов в ЛЯ и АНГ (2-й тип)

Всем словам данного типа свойственно различие значения в ЛЯ и АНГ. Для систематизации таких наречий в системе АНГ и ЛЯ существенно обратить внимание на один семантический признак – симметричность семантической структуры слова; мы разделили слова с цельными значениями (разновидность 1) и слова, в значении которых есть особые употребления (разновидность 2). Классификация наречий с несовпадающими значениями в ЛЯ и АНГ получилась двухчленной (классификация 2):

1. Несовпадение значений у однозначных слов, не имеющих особых употреблений (типичное соотношение значений 1-0; 0-1): *беспечально, без толку – бестолку, браво, броско, в забросе – взабросе, вперёбой, впра́ве, впритык, впрямую, впустую, вразнобой – врознобой* и др. – 55 слов. Например:

• **Броско.** Соотношение значений: 1-0; 0-1.

ЛЯ: бросаясь в глаза; ярко, заметно.

АНГ: много и безрассудно тратя, расходуя что-либо. *Да крайей сколько, у наз броско йедят скотине.* ЛЕН. Схд.

2. Несовпадение однозначных слов с несимметричным семантическим членением (есть особые употребления в ЛЯ и // или АНГ) (типичное соотношение значений 1-0 // 1.1-0; 0-1, или 1-0; 0-1 // 0-1.1, или 1-0 // 1.1-0; 0-1 // 0-1.1), *аппетитно – аппетитно, блаженно, вкрутую, дружелюбно, дружески, одинолично – одинолично (одинолично, одиноличнѐ), задушевно* и др. – 25 слов. Например:

• **Вкрутую.** Соотношение значений: 1-0; 0-1 // 0-1.1

ЛЯ: круто, до твердого состояния (о способе варки яйца).

АНГ: быстро, с высокой скоростью. *Она фкрутую йест-то, фкрутую.* КОН. Влц. *Домой опеть фкрутую бежыт. Глико, фкрутую пишут.* ШЕНК. ВП. *Эта, паря, дефка фкрутую выросла.* ВЕЛЬ. Лхд. // Быстро и не тратя времени на размышления. *Фкрутую сказала-то, поторопилася.* КАРГ. Нкл.

Всего во второй тип включено 80 слов. Некоторые общерусские слова имеют следующие пометы в ЛЯ: «разг.» – 12 слов (*кряду, ругательски* и др.), «спец.» – одно слово (*заподлицо*), «устар.» – одно слово (*наполю*). В отноше-

ния формального варьирования вступают 16 слов – 10 акцентологических и фонетико-фонологических вариантов (например: *неу́мно* в ЛЯ – *неу́мно* в АНГ) и 6 графических вариантов (например: *бе́з толку* в ЛЯ – *бе́столку* в АНГ).

Внутри второго типа различаются цельные значения без особых употреблений у 55 наречий в ЛЯ и АНГ (подтип 1) – 69 % слов второго типа. Несимметрично представлены несовпадающие значения в ЛЯ и АНГ у 25 слов (подтипы 2). Это составляет 31 % от общего количества слов второго типа.

Все слова второго типа образуют только формальные оппозиции и не вступают между собой в семантические оппозиции, т. к. значения у них не пересекаются. Следовательно, все 80 наречий в АНГ можно признать диалектными омонимами к общерусским словам в системе ЛЯ. В ряде случаев омонимия недавно сформировалась, поэтому еще ощущается ассоциативная связь семантически отделившихся друг от друга слов.

Сопоставительный анализ значений **185** общерусских однозначных слов в ЛЯ и АНГ позволяет сделать следующие выводы:

I. Среди общерусских однозначных слов преобладают стилистически нейтральные наречия (134 слова из 185 в ЛЯ). В отношении формального варьирования вступают 43 слова (27 акцентологических и фонетико-фонологических вариантов и 16 графических вариантов).

II. Между общерусскими словами в ЛЯ и АНГ выявлены второго типа отношений:

1) соотношение по значению однозначных слов в ЛЯ и АНГ (**105** слов);

2) несовпадение значений слов в ЛЯ и АНГ (**80** слов).

Внутри каждого типа представлена детализированная классификация. Сопоставление значений наречий в ЛЯ и АНГ показало, что всего соотносятся по семантике 57 % слов (105 общерусских слов) из 185 слов – это слова 1 типа, а 80 слов не имеют пересекающихся в ЛЯ и АНГ значений (43 %) – это слова второго типа. У семантически соотносимых 105 слов степень общности значений различна: полное совпадение, соотношение значения в одной подсистеме с особым употреблением в другой подсистеме, частичное совпадение значений или особых употреблений значений.

III. Анализ семантических оппозиций, образуемых общерусскими наречиями в ЛЯ и АНГ, показывает, что часто при формальном тождестве общерусское слово в говоре имеет иную се-

мантическую структуру, чем в ЛЯ, т.е. в нем в связи коммуникативными потребностями носителей говора развивается одно или несколько особых употреблений в рамках одного значения. Появление различий в семантической структуре общерусского слова в АНГ обусловлено, с одной стороны, процессом генерализации значений, а с другой – спецификацией значений. В первом случае причиной расширения семантики слова в говоре будет дополнительная «внутрипонятийная дифференциация, связанная с особенностями членения внеязыковой действительности»¹⁶, и существование внеязыковых реалий (процессов) с общими или схожими признаками, попадающими под одно понятие. Во втором случае имеет место спецификация значения общерусского слова, объясняющая утрату предельно обобщенного значения у наречия.

IV. Слова второго типа (80 единиц) не имеют пересекающихся значений в ЛЯ и АНГ, но соотносятся по плану выражения, образуя с наречиями в ЛЯ формальные оппозиции тождества или эквиполентного типа. Оба члена таких оппозиций являются омонимами.

V. Дальнейшая работа по сопоставлению семантики общерусских слов в ЛЯ и диалектной системе, с нашей точки зрения, перспективна и важна для разработки лексикологической и лексикографической проблематики. При построении общей типологии соотношений значений общерусских слов в разных подсистемах русского языка следует дополнительно учесть и такие критерии:

- наличие одного или нескольких значений у слова в ЛЯ и АНГ (однозначное или многозначное слово);

- пропорциональность совпадения значений (значения соотносятся в пропорции «один к одному» или «два к одному» // «один к двум» и др.);

- соотношение слов в пределах одного или нескольких значений (для многозначных слов).

Универсальная матрица для сопоставительного описания семантики общерусских слов выглядит следующим образом:

1. Соотношение слов в ЛЯ и диалектной системе:

1.1. Соотношение пропорционально членяемых значений в ЛЯ и говоре:

1.1.1. Однозначное слово в ЛЯ – однозначное слово в говоре.

¹⁶ Щепина Е.Н. Общепонимное слово в диалектной лексической системе (на материале имен существительных в брянских говорах) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 1992. С. 12.

1.1.2. Многозначное слово в ЛЯ – многозначное слово в говоре.

1.2. Соотношение непропорционально членимых значений в ЛЯ и говоре:

1.2.1. Однозначное слово в ЛЯ – многозначное слово в говоре.

1.2.2. Многозначное слово в ЛЯ – однозначное слово в говоре.

2. Отсутствие соотношения между словами в ЛЯ и говоре:

2.1. Отсутствие соотношений между пропорционально членимыми значениями в ЛЯ и говоре:

2.1.1. Однозначное слово в ЛЯ – однозначное слово в говоре.

2.1.2. Многозначное слово в ЛЯ – многозначное слово в говоре.

2.2. Отсутствие соотношений между непропорционально членимыми значениями в ЛЯ и говоре:

2.2.1. Однозначное слово в ЛЯ – многозначное слово в говоре.

2.2.2. Многозначное слово в ЛЯ – однозначное слово в говоре.

Список сокращений названия районов и населенных пунктов Архангельской области:

В-Т. — *ВЕРХНЕ-ТОЕМСКИЙ* район: *Ври.* — *Вершина*; *ВЕЛЬ.* — *ВЕЛЬСКИЙ* р-н: *Лхд.* — *Лиходеево, Пжм.* — *Пежма, Сдр.* — *Судрома*; *ВИЛ.* — *ВИЛЕГОДСКИЙ* р-н: *Трп.* — *Тырпасовская*; *ВИН.* — *ВИНОГРАДОВСКИЙ* р-н: *Мрж.* — *Моржегорское*; *КАРГ.* — *КАРГОПОЛЬСКИЙ* р-н: *Нкл.* — *Нокола, Оз.* — *Озёрко, Хтн.* — *Хотеново*; *КОН.* — *КОНОШСКИЙ* р-н: *Влц.* — *Вельци*; *ЛЕН.* — *ЛЕНСКИЙ* р-н: *Схд.* — *Суходол*; *ЛЕШ.* — *ЛЕШУКОНСКИЙ* р-н: *Вжг.* — *Вожгора, Кб.* — *Кеба, Плц.* — *Палацелье*; *МЕЗ.* — *МЕЗЕНСКИЙ* р-н: *Мд.* — *Майда, Мсв.* — *Мосеево, Сфн.* — *Сафоново, Цлг.* — *Целегора*; *НЯНД.* — *НЯНДОМСКИЙ* р-н: *Ми.* — *Моша*; *ПИН.* — *ПИНЕЖСКИЙ* р-н: *Кшк.* — *Кушкопола, Ср.* — *Сура*; *ХОЛМ.* — *ХОЛМОГОРСКИЙ* р-н: *Звз.* — *Звоз, Кзм.* — *Кузомень*; *ШЕНК.* — *ШЕНКУРСКИЙ* р-н: *ВП.* — *Верхопаденьга*.

РАЗЛИЧИЯ В ПРОЯВЛЕНИИ НЕКОТОРЫХ ГРАММАТИЧЕСКИХ ПРИЗНАКОВ ОБЩЕРУССКОГО ГЛАГОЛА В ГОВОРАХ КАМЧАДАЛОВ И ЛИТЕРАТУРНОМ ЯЗЫКЕ

А.П. Каргина

Каргина Анна Петровна – аспирантка кафедры русского языка Камчатского государственного университета.

В статье исследуются особенности функционирования общерусских глаголов в камчатских диалектах. На основе сравнительного анализа диалектного материала и данных литературного языка автор приходит к выводу о том, что общерусские глаголы в диалектных системах имеют свои отличительные грамматические особенности. В статье автор останавливается на некоторых различиях грамматического плана: различиях в проявлении грамматических признаков переходности / непереходности и возвратности / невозвратности.

The article studies functional peculiarities of the verbs in Kamchatsky dialects. Dialect verbs are contrasted with the verbs taken from the dictionaries of literary language. Based of the comparative analysis the author comes to the conclusion that the verbs in dialects and literary language differ grammatically (in transitivity and reflexivity).

В настоящее время актуальным является исследование глагола в аспекте проблемы соотношения «общерусское / диалектное» в лексической системе диалекта. Общерусские глаголы¹, бытующие в говорах камчадалов, имеют свои отличительные особенности функционирования, что подтверждается наличием фактов различий в семантике, грамматических и стилистических характеристиках слова в разных подсистемах языка (диалектной и литературной). Сопоставительный анализ общерусской глагольной лексики позволил установить и описать типологию различий глагола, функционирующего в литературном языке² и в камчатских говорах. В данной статье мы остановимся на некоторых различиях грамматического плана: различия в проявлении грамматических признаков переходности / непереходности и возвратности / невозвратности.

I. Различия в проявлении признака переходности / непереходности

Основное различие между переходностью и непереходностью связано с семантикой глагола («действие представляется переходящим или непереходящим на объект, но выражается средствами синтаксиса – наличием или отсутствием прямого дополнения»³) В говорах камчадалов общерусские глаголы, обладающие признаком непереходности в ЛЯ, получают возможность иметь при себе прямое дополнение и являются

переходными. Различие в проявлении признака переходности / непереходности наблюдается при различных предметных отношениях между переходным глаголом и существительным в винительном падеже. Выделяют следующие виды таких отношений: 1) отношения действия и внешнего, не претерпевающего никаких внутренних изменений, предмета; 2) отношения действия и внутреннего (созидаемого, видоизменяемого, уничтожаемого) предмета, или предмета-результата; 3) отношения действия и предмета, как бы извлекаемого из этого действия и существующего только вместе с ним (горе горевать); 4) отношения интеллектуального действия и предмета, составляющего его содержание⁴. В говорах камчадалов указанные виды отношений находят свое проявление. Глаголы *дышать, рыбалить, бабничать, простывать, ухаживать, ходить, чаевать, заботиться, грозить, разговаривать, досадить, хныкать, сидеть, рыбачить, бродить, плевать, пойти, уйти, гаркать, забеременеть, наблюдать, обнести*, являясь непереходными в ЛЯ (во всех или в некоторых значениях), в говорах выступают как переходные (при совпадении семантики или в собственно диалектном значении), доказательством чего является имеющееся при них прямое дополнение в форме в.п. С точки зрения признака переходности / непереходности можно выделить следующие группы общерусских глаголов, функционирующих в говорах камчадалов:

1-я группа. Глагол непереходный в ЛЯ, но переходный в говорах (при совпадении семантики).

Глагол *дышать* («Вбирать и выпускать легкими воздух, делать вдохи и выдохи»⁵):

¹ Общерусский глагол является словом, имеющим идентичную форму выражения в ЛЯ и в диалекте и функционирующим в этих двух системах.

² Далее ЛЯ.

³ Тимофеев К.А. Еще раз о залоге русского глагола (Заметки и наблюдения) // Ученые записки. Т. 257 : материалы конф. северного зонального объединения кафедр рус.яз. пединститутов 1962 г. / Под ред. А.Г. Руднева и др. Л. : ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1965. С. 50.

⁴ Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М., 2002. С. 405–406.

⁵ МАС. 1. 459.

У матери горлова́йа а́стма – за́ба, ни дай бо́х ейи́ навос ды́сать, помирла́, нас аста́лось де́вятеро ребя́тишек. Клч.

Глагол **рыбалить** («То же, что рыбачить», «Заниматься рыболовством, ловить рыбу»⁶): *Сре́днейе, – ре́чка расходи́лась рука́вами, го́льцоф рыба́лили. Млк.*

Глагол **бабничать** («Заниматься ремеслом повивальной бабки»⁷): *Бабу́шка меня́ бабни́чала, дите́й принима́ла. Млк.*

Глагол **простывать** («Несов. к простыть и простынуть. Простудиться»⁸): *Ево́ <сына> на́до было́ сохра́нить, не просты́вать, што́бы ничё. Млк.*

Глагол **ухаживать** («Заботиться о ком-, чем-л., оказывая услуги, помощь, создавая необходимые условия и т.п.»⁹): *А че́ их уха́жывать-то, не́рна, на ней не приста́ют снecк, ино́й рас приходи́ца, облиде́нейет чю́ть-чю́ть, шу́кай ножом. Млк.*

Глагол **ходить** («Ухаживать за кем-, чем-л., заботиться о ком-, чем-л.»¹⁰): *Для́ хозяй́ства одна́ оде́жда, коро́ву ходи́ть друго́йа. Млк.*

Глагол **чаевать** («То же, что чаевничать», «Проводить время за чаепитием, пить чай»¹¹): *Зде́сь лю́ди лю́бят так: у́тром ця́й ця́йу́ют, а обе́т подо́шол – обеда́ют, ф четвёртом часу́ – ця́йу́ют – виче́рний ця́й. Млк.*

Глагол **заботиться** («Испытывать тревогу, беспокойство по поводу чего-л., тревожиться»¹²): *Не́ту шпри́цеф и фсе́, никто́ ничё не заботи́ца. Млк.*

Глагол **грозить** («Предупреждать с угрозой о чем-л. тяжелом, страшном; угрожать»¹³): *И вот оди́н охотник шы́пко на нево́ серди́лся, че́-то йе́му грози́л. Млк.*

Глагол **разговаривать** («Вести разговор, беседовать»¹⁴): *Ничё не на́до разгова́ривать. Млк.*

Глагол **досадить** («Причинить, вызвать досаду, доставить неприятность»¹⁵): *Костёр развeли́, ты от ко́стра прикури́вай, вот он ми́ня досади́л, пришло́сь поко́лотить йево́. Млк.*

Глагол **хныкать** («Жаловаться на что-л., плакаться, ныть»¹⁶): *Никто́ ништо́ ни хны́кал, работа́ли де́цки́е йасли́.*

Глагол **наблюдать** («Осуществлять надзор за кем-, чем-л., следить за выполнением, соблю-

дением чего-л., заботиться о ком-, чем-л.»¹⁷) (*Взросла́йа <собака>, ко́нешино, молодо́во обижа́ет, быва́ет тако́йе, стара́йуца за ними́ наблюда́ть, ато она́ мо́жет йево́ здоро́во по́трепа́ть. Млк.*): *Коня́шки то́жэ хоро́шенькийе, а пото́му што́ их наблюда́ли: их напо́ют во́время и накормя́т во́время. Мы работа́ли, цэ́лый ле́тний де́нь дымо́кур наблюда́ли, што́бы му́хи не плевали́. Ма́ть-то йе́йо там йе́сть, наблюда́ет йе́йо в больни́це, ва́рит йе́й там. Он улучи́л тако́йе вре́мя, што́ никто́ йево́ не наблюда́ет, воспользо́вался э́том. Он з бра́том зиве́т, его́ бра́т наблюда́ет. Ко́да мы вы́шли ф ко́лхоc, ма́ть наблюда́ла те́лят. Млк. Ра́ньше ба́бусек сво́их о́чень наблюда́ли, ни то́ што́ те́перь ро́дите́лей. Ра́ньше хозяй́ство дерза́ли, при ко́лхозе сле́дили, сто́бы хозяй́ство сво́йо наблюда́ли фсе́. Длн. «Они́ йиво ни наблюда́ли, на просты́ни ни спал /Е./ Но це́, па́пка, ма́мка нэ́т, а швои́ ра́жвэ́ будут наблюда́т? /У./ Жимо́й меня́ пи́онеры на́блюда́ют, ко́ды /у/ мя́ня хто́ не жы́вйот, во́ду мне ташка́ют, шне́жок отки́нут. Товари́щ Ко́жмочёф шказа́л': «Пи́онери́и не будут наблюда́т, пу́ш конша́мол'ци на́блюда́ют, ви у́жэ /у/ на́ш жиш-лу́жили» (Клю́чи)...Олене́й сво́ихъ они́ наблюда́ют пло́хо, пасу́тся они́ большо́ею ча́стью одни́. На́блюда́ли коро́ву /Е./»^{18,19}.*

2-я группа. Глагол непереходный в ЛЯ, но переходный в говорах (в собственно диалектном значении).

Глагол **сидеть** («Находиться (обычно длительное время) на тропе, поджидая зверя»): *Ле́ха Па́ноф, мы с ним по́шли у́ток сиде́ть, ре́чку пе́решли, а Ле́ха забы́л ружьи́о. Млк.*

Глагол **рыбачить** («Захватывать живьем посредством особых приспособлений»): *В Ни́жне-Ка́мчацки́м чиви́чу риба́цили. У-К. «Го́лец' тут. Го́л'ца риба́цили то́жэ», «Риба́лку то́жэ риба́цили»²⁰.*

Глагол **бродить** («Ловить рыбу специальным приспособлением – броднем»): *Му́щины́ броди́ть ходи́ли, одева́ли бро́дни, чи́жы́, ходи́ли фсе́ вме́сте. Млк. «В бро́днях хоро́со рибу́ бро́дит'»²¹.*

⁶ МАС. 3, 743–744.

⁷ МАС. 1. 54.

⁸ МАС. 3. 529.

⁹ МАС. 4. 538.

¹⁰ МАС. 4. 611.

¹¹ МАС. 4. 651.

¹² МАС. 1. 495.

¹³ МАС. 1. 348.

¹⁴ МАС. 3. 598.

¹⁵ МАС. 1. 434.

¹⁶ МАС. 4. 609.

¹⁷ МАС. 2. 326.

¹⁸ Словарь русского камчатского наречия / Под ред. К.М. Бра-
славца, Л.В. Шатуновой и др. Хабаровск : ХГПИ, 1977. С. 105.

¹⁹ Контексты из этого источника будут подаваться в соот-
ветствии с их графическим обозначением в словаре. Состави-
тели СРКН дают разные значения: при сочетании с объектом,
называющим человека, – «Присматривать, заботиться (о боль-
ном, престарелом), оказывать помощь», при объекте, назы-
вающим животное – «Следить, содержать, ухаживать» [СРКН,
105]. Мы бы трактовали это как одно значение.

²⁰ Там же. С. 151.

²¹ Там же. С. 32.

Глагол **плевать** («Откладывать яйца, личинки на продуктах (о насекомых)»): *Дымохо́т в балага́не ста́вили, што́бы дым одгоня́л мух, што́бы му́хи не плева́ли ры́бу. Млк.*

Глагол **пойти** («Вызвать симптомы, явиться причиной каких-л. симптомов (о болезни)»): *А полегла́ в больни́цу с ра́ком, так рак расшевелила, а он и пойдёт спазмы, и человеку каюк, она́ и умерла́. Млк.*

Глагол **уйти** («Удалить, вывести грыжу, бо-родавку и т.п. посредством заговаривания, заклинаний (о знахарках)»): *Иа уйду́ грызу, е́сли ве́рить бу́дет. Млк.*

Глагол **гаркать** («Голосом побуждать приблизиться, подойти или откликнуться»): *Иа уже́ га́ркал йево́. Сбл.*

Глагол **забеременеть** («Дать начало жизни кому-л., зародить, зачать»): *В йанваре́-ме́сяце йа забере́менела Ко́лю, вот йа йево́ родила́ в э́том до́ме уже́. Млк.*

Глагол **обнести** («Привести к обмороку, вызвать головокружение»): *Обнесло́, она́ на скаме́йку упала, обнесло́ голову, закружи́лась. Млк.*

Глагол **расти** («Ухаживая, обеспечивать рост, развитие чего-л., выращивать»): *Яблоню́-то ф тиле́ расти́ надо́. Мы ф колхоза́х ра́ньше нача́ли расти́ помидо́ры, огурцы́, мы фсегда́ пабежда́ли. Анв.*

В нашем случае зафиксированы примеры, когда общерусский глагол является переходным в говорах и непереходным в ЛЯ. При этом глагол может быть переходным в говорах либо в собственно диалектном значении, либо в значении, которое свойственно этой лексеме в ЛЯ²².

II. Различия в проявлении признака возвратности / невозвратности.

Различия в проявлении признака возвратности / невозвратности связаны с тем, как соотносятся возвратные и невозвратные формы в говорах и ЛЯ: в говорах функционирует невозвратная форма при возвратной в ЛЯ или, наоборот, невозвратной форме в ЛЯ соответствуют возврат-

ная в говорах.²³ Можно называть следующие причины возникновения таких форм в диалектных языковых системах: 1) «аналогическое происхождение / подобно литературным грозить-грозиться, решить-решиться и др.»; 2) употребление древнего варианта возвратного глагола в говорах²⁴. В говорах камчадалов мы наблюдаем следующие различия в проявлении признака возвратности / невозвратности:

1. *Возвратному глаголу ЛЯ, являющемуся непереходным, в говорах соответствует невозвратная лексема, характеризующаяся переходностью.*

Глагол **здороваться** («Приветствовать друга друга при встрече»)²⁵ имеет в говорах соотносительную форму без *-ся* – **здоровать**: «Здоровать. Приветствовать. – Шначяла ёо ждоровали: «Ждраштвуй!» /Соп./»²⁶.

Возвратный глагол **охотиться** (Заниматься охотой¹ (в 1 знач.: «Поиски и преследование зверя или птицы с целью добычи или истребления»)²⁷, не имеющий невозвратной соотносительной формы в ЛЯ, может быть соотнесен с невозвратным глаголом *охотить* в говорах: *Охотим дик оле́ня. Тгл.*

Глагол **заблудиться** («Потерять дорогу, сбиться с пути»)²⁸ имеет в говорах соотносительный с ним глагол без *-ся* – **заблудить**, который имеет значение «Сбить с дороги, запутать. – И вот если беспамятливый целовек, неприметливый, собол' ево заблудит /М./»²⁹.

2. *В ЛЯ у возвратного глагола нет соотносительной невозвратной формы.*

Глаголу **дождаться** «Несов. к дожждаться. Дождаться. Пробыть, прожить до того времени, пока появится кто-либо ожидаемый, пока наступит что-либо ожидаемое»³⁰ в говорах камчадалов соответствует невозвратная форма **дождать**: *Дождыда́ть – э́то долго жда́ть. Млк. Да медве́ть э́то з детьми́ останови́ца, дете́сек дозидает́. Квр.* Глагол *дождать* широко распро-

²² Наши выводы подтверждаются исследованиями других диалектологов. Например, на материале архангельских говоров выделены следующие группы переходных общерусских глаголов в диалектных системах: 1. Общерусские глаголы, переходные в ЛЯ (при совпадающих лексических значениях). 2. Общерусские глаголы, переходные в собственно диалектных значениях. 3. Н.Г. Ильинская. Общерусские глаголы, непереходные в системе ЛЯ. Общерусский глагол в системе литературного языка и диалекта (к вопросу о переходности / непереходности) // Язык. Сознание. Коммуникация: сб. статей / Отв. ред. В.В. Красных, А.И. Изотов. М., Диалог-МГУ, 1999, с. 92.

²³ Многие диалектологи указывают на распространение подобных фактов в говорах (например, Титовская, 72–74; Бобряков, 280; Бородин, 40; Романова, 35; Соцкова, 16; Плеханова, 9; Обнорский, 61–67; Сими́на, 67; Манаенкова, 131–132).

²⁴ Бородин, 40.

²⁵ МАС. 1. 604.

²⁶ Словарь русского камчатского наречия. С. 66.

²⁷ МАС. 2. 729.

²⁸ МАС. 1. 494.

²⁹ Словарь русского камчатского наречия. С. 60.

³⁰ МАС. 1. 416–417.

странен и в других говорах³¹.

Глаголу **бахвалиться** («Кичливо, неумеренно хвастаться»)³² в говорах соответствует невозвратная форма **бахвалить**³³: *Прибегал с Верхне-Камцайка сюда на любовь и назат, йа не хочу бахвалить. Вот эту зиму четыре поймал, ты не пишы, а то скажут, бахвалит. Млк.*

Глагол **обгуляться** в ЛЯ имеет значение «Случившись с самцом, стать стельной, жеребой (о самках сельскохозяйственных животных)»³⁴. В говорах камчадалов этот глагол может иметь соотносительную невозвратную форму – **обгулять**: *Матуха приходит, обгуляца надо, сэкач приходит, живут вместе днэй дэсять. Сбл. Нэтель – не онгуляет. Корова, которая не потпустила быка. Млк.* Глаголы **обгуляться** и **бахвалить** обладают грамматическим признаком непереходности и отличаются от соотносимыми с ними в ЛЯ общерусскими лексемами только показателем возвратности, аффиксом *-ся*.

3. В ЛЯ имеется расхождение между исходным невозвратным глаголом и производным возвратным глаголом, в говорах камчадалов лексическое значение возвратного глагола не отличается от лексического значения соответствующего невозвратного.

Глаголы **интересовать** и **интересоваться** в говорах имеют общевозвратное значение, так как действие сосредотачивается в самом субъекте, и отличаются только фактом наличия или отсутствия аффикса *-ся*. В ЛЯ имеется расхождение в лексическом значении: **интересовать** «Возбуждать в ком-л. внимание, любопытство, интерес» и **интересоваться** «1. Проявлять интерес. 2. Спрашивать, любопытствовать, желая узнать что-л.»³⁵. Это связано с тем, что в ЛЯ употребление аффикса *-ся* «изменяет не только грамматическое, но и, в большей или меньшей степени, лексическое значение исходного глагола»³⁶.

³¹ Например, М.А. Бородина отмечает такие формы: «Не дождай; приходица вечера дожждать». Г.Я. Сими́на отмечает употребление невозвратного глагола *дождать* в пинежских говорах. Сими́на Г.Я. Пинежье. Очерки по морфологии пинежского говора. Л., Географическое общество СССР, Комиссия топонимики и транскрипции географических названий, 1970. 131 с. Романова М.А., Светлова В.Н., Лецкий М.А. Русские говоры Зауралья : учеб. пособие. Тюмень: ТПИ, Свердловский ГПИ, 1971, С. 67.

³² МАС. 1. 65.

³³ Такая форма глагола *бахвалиться* распространена в пинежских говорах, на это указывает Г.Я. Сими́на.

³⁴ МАС. 2. 523.

³⁵ Большой толковый словарь / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб. : Норит, 2003. С. 395–396.

³⁶ Тимофеев К.А. Еще раз о залоге русского глагола (Заметки и наблюдения) // Ученые записки. Т. 257 : материалы конф. северного зонального объединения кафедр рус.яз.

В говорах камчадалов подобного расхождения может не быть. Например: *Была цёркофь, то́лько йа не ходила, не верила, и́ли бестолкова́я была, и́ли цё, йа не интересова́ла (= интересовалась). Квр. Попадёт со́бол ф капкан, фсе́ изобьйо́т, называ́йеца у́толока, изро́зет фсе́, со́бол интере-суйеца э́тим ме́стом. Клч.* К подобным примерам относятся:

Загореться («Вспыхнув, начать светить; зажечься»)³⁷ → **загореть**: *Г до́му да́же никто́ не потхо́дит, в двена́цать часо́ф, рас – свет заго-ре́лся, э́то свеча́ заго́рела. Млк.*

Отражаться («Несов. к отразиться», «Встретив на пути преграду, получить другое, обратное направление (о световых лучах, звуковых колебаниях и т.п.)»³⁸) → **отражать**: *От наста́ лучи́ отража́ют. У-К.*

Собираться («Несов. к собраться»³⁹, «Сойтись, съехаться, сосредоточиться в одном месте»)⁴⁰ → **собрать**: *Глухома́нь была́ проста́я, на у́лице собира́лись. Собира́ли помале́нько, игра́ли горот-кам, пенкам, кто фперёт добежит. Клч.*

4. Невозвратному глаголу ЛЯ соответствует возвратная форма в говорах.

1-я группа. Невозвратные глаголы, имеющие соотносительную форму с *-ся* в говорах и не имеющие таковой в ЛЯ.

Лукавить («Хитрить, притворяться, имея какой-л. умысел»)⁴¹ – **лукавиться** («Хитрить, прятаться от охотника (о животных и птицах)»)⁴². *Лукавица со́боль, когда́ скрыва́еца. Он <со-боль> лука́вый, йево́ не шы́пко пойма́еши, при-манку́ не бирёт, он рас оборве́ца, он потом де-сятой сторо́ной обойде́т, профессора́ та́кийе йе́сть, йево́ трудно́ пойма́ть, кото́рый из го́да в гот лова́т, он зна́ет, што́ тут капкан, просто́ так кусо́к мя́са не валя́еца, поэ́тому начина́еши му́дрить, переставля́ть, лука́вица. Ума́тыва́еца соба́ка, уста́йо́т и́ли лука́вица, не тянет, ставили́ у на́рты, поро́ть што́п. Млк.*

Походить («Ходить некоторое время»)⁴³ – **походитьсь**⁴⁴: *Сосетку́ не ви́дела, когда́ она́ по-ходила́сь бере́менна. Млк.*

пединститутов 1962 г. / Под ред. А.Г. Руднева и др. Л. : ЛГПИ им. А.И.Герцена, 1965. С. 52.

³⁷ МАС. 1. 510.

³⁸ МАС. 2. 704.

³⁹ МАС. 4. 169.

⁴⁰ МАС. 4. 172.

⁴¹ МАС. 2. 203.

⁴² Словарь русского камчатского наречия. С. 96.

⁴³ МАС. 3. 340.

⁴⁴ Значение не дается при идентичности семантики.

Походить («Быть похожим на кого-, что-л.»)⁴⁵ – **походиться**: *Стланнык ольховый, ольха, ну гнутайа, ольха мо́жэт расти́ дере́вом, а та нет, бо́льшэ походи́ца на кустарник, гу́сто растёт, аш стели́ца. Млк.*

Задолжать («Взять в долг у кого-л.; войти в долг»)⁴⁶ – **задолжаться**: *Задолжа́лся колхо́с, а колхозники, да́же и они́ зарабо́тка не зна́ли. Клч.*

Затухнуть («Постепенно угасая, перестать гореть»)⁴⁷ – **затухнуться** («Затухнуться. Погаснуть /о свете/. – Затухнеца. /Кол./»)⁴⁸.

Пропасть («Погибнуть, умереть»)⁴⁹ – **пропасться**: *Пропала́сь бе́ла герань, нехоро́ша́ рука́ така́. У-Б.*

Простывать («Несов. к простыть и простынуть. Простудиться»)⁵⁰ – **простываться**: *Простыва́лись, фсе́ ф поту́. У-К.*

Рожать («Несов. к родить (в 1 и 3 зн.)»)⁵¹, «Дать (давать) жизнь кому-л. путем родов, произвести (производить) на свет подобных себе»)⁵² – **рожаться**: *Ра́ньшэ помно́гу рожали́сь, здесь кака́йя-то же́нщина ходит, тако́й жыво́т таска́йт. Млк.*

Поискать («Заняться поисками, некоторое время искать (в 1 и 2 знач.)»)⁵³ – **поискаться**: *Ра́ньшэ ба́ба: «Дава́й пои́щемся», фи́эй в голо́ве поиска́ть. Млк.*

Разбудить («Сов. к будить (в 1 знач.)»)⁵⁴, «Прерывать чей-л. сон, заставлять проснуться»)⁵⁵ – **разбудиться**: *Ло́шку вы́пйу, йе́сли разбу́жусь. Сбл.*

2-я группа. В ЛЯ невозвратный глагол и соотносительная с ним форма на -ся имеют различие в значении, в говорах они имеют идентичную семантику.

Значение, свойственное невозвратному глаголу *сидеть* («Занимать положение, при котором туловище поддерживается вертикально, опираясь на ягодицы»⁵⁶), не имеющему невозвратной соотносительной формы, может передаваться возвратной формой в говорах: *Неве́ста сиди́ца з зенихо́м, пла́цет. Кзр.* Глагол *сидеться*, функ-

ционирующий в системе ЛЯ, имеет значение «О наличии желания или возможности сидеть или оставаться где-л.» и отмечен как безличный, употребляющийся обычно с отрицанием⁵⁷. Этот глагол входит в так называемую пассивно-возвратную разновидность возвратных глаголов, где -ся возникает «в результате преобразований, вызываемых понижением ранга действующего лица»⁵⁸. Форма им. п. в контексте с данным глаголом в ЛЯ будет заменена дательным (например, вместо *я сижу – мне сидится*). Глагол, имеющий в говорах идентичную форму выражения, не расходится по значению с невозвратным глаголом *сидеть*. В данном случае «смысловая структура обоих глаголов совершенно одинакова, обе лексемы употребляются параллельно друг другу» в одном значении⁵⁹.

Глагол **лаяться** в ЛЯ имеет значение «Браниться, ругаться»⁶⁰. В говорах камчадалов этот глагол имеет то же значение, что и глагол **лаять** – «Издавать лай (о собаке, лисице и некоторых других животных)»⁶¹: *А там соба́ка си́льно лаи́ца, он с ней на охо́ту ходит. Млк.*

3-я группа. В ЛЯ невозвратный и соотносительный с ним возвратный глагол имеют разные значения, в говорах – в значении невозвратного используется форма с -ся.

Кормить («Давать корм, пищу»)⁶² → **кормиться**: *Корми́лись да́ си́бя, привизо́с ма́леньково <медвежонка>, ви́ростет. Елз.*

Таким образом, общерусский глагол, функционирующий в говорах камчадалов, может обладать различием в грамматической характеристике. С точки зрения различий в проявлении признака переходности / непереходности можно выделить следующие группы слов: 1. Глагол непереходный в ЛЯ, но переходный в говорах (при совпадении семантики). 2. Глагол непереходный в ЛЯ, но переходный в говорах (в собственно диалектном значении). Среди различий в прояв-

⁴⁵ МАС. 3. 340.

⁴⁶ МАС. 1. 516.

⁴⁷ МАС. 1. 587.

⁴⁸ Словарь русского камчатского наречия. С. 65.

⁴⁹ МАС. 3. 509.

⁵⁰ МАС. 3. 529.

⁵¹ МАС. 3. 726.

⁵² МАС. 3. 724.

⁵³ МАС. 3. 241.

⁵⁴ МАС. 3, 587.

⁵⁵ МАС. 1. 120.

⁵⁶ МАС. 4. 90.

⁵⁷ Большой толковый словарь. С. 1183–1184.

⁵⁸ Белоусова Е.А. К вопросу о пометах *возвр.* и *страд.* в Псковском областном словаре // Псковские говоры (Псковский областной словарь и актуальные проблемы региональной лексикографии) : межвуз. сб. науч. тр. / Под ред. Л.Я. Костючук. Псков : ПГПИ, 2001. С. 40.

⁵⁹ Хамидулина А.М. Смысловые отношения между каузированными глаголами движения и соответствующими формами на -ся // Исследования по семантике : межвуз. науч. сб. / Под ред. Л.М. Васильева и др. Башкирский ГУ им. 40-летия Октября, 1976. С. 114.

⁶⁰ МАС. 2. 166.

⁶¹ МАС. 2. 166.

⁶² МАС. 2. 104.

лении признака возвратности / невозвратности нами выявлены следующие: 1. Возвратному глаголу ЛЯ, являющемуся непереходным, в говорах соответствует невозвратная лексема, характеризующаяся переходностью. 2. В ЛЯ у возвратного глагола нет соотносительной невозвратной формы. 3. В ЛЯ имеется расхождение между исходным невозвратным глаголом и производным возвратным глаголом, в говорах камчадалов лексическое значение возвратного глагола не отличается от лексического значения соответствующего невозвратного. 4. Невозвратному глаголу ЛЯ соответствует возвратная форма в говорах: а) невозвратные глаголы, имеющие соотносительную форму с *-ся* в говорах и не имеющие таковой в ЛЯ; б) в ЛЯ невозвратный глагол и соотносительная с ним форма на *-ся* имеют различие в значении, в говорах они имеют идентичную семантику; в) в ЛЯ невозвратный и соотносительный с ним возвратный глагол имеют разные значения, в говорах – в значении невозвратного используется форма с *-ся*.

Список названий населенных пунктов Камчатской области и их сокращений

- с. Анавгай – Анв.
- с. Ганалы – Гнл.
- с. Долиновка – Длн.
- г. Елизово – Елз.
- с. Ковран – Квр.
- п. Козыревск – Кзр.
- с. Колпаково – Клп.
- г. Ключи – Клч.
- с. Камаки – Кмк.
- с. Каменское – Кмн.
- с. Кирганик – Крг.
- с. Коряки – Крк.
- с. Крутогорово – Крт.
- с. Кихчик – Кхч.
- с. Лазо – Лз.
- с. Малки – Мл.
- с. Мильково – Млк.
- п. Николаевка – Нкл.
- с. Палана – Плн.
- с. Пымта – Пмт.
- с. Паратунка – Прт.
- п. Раздольный – Рзд.
- с. Соболево – Сбл.
- с. Слаутное – Слт.
- с. Сосновка – Ссн.
- с. Тигиль – Тгл.
- п. Усть-Большерецк – У-Б.
- п. Усть-Камчатск – У-К.
- с. Утка – Утк.
- с. Утхолок – Утх.
- с. Шаромы – Шрм.
- п. Эссо – Эсс.

ПЕРЕВОДЫ РУССКОЙ ДРАМАТУРГИИ В КРОССКУЛЬТУРНОМ ТЕАТРАЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ. СОЛНЦЕ В ПЬЕСЕ «НА ДНЕ»

Н. Накамото, Л.А. Ахмыловская

Накамото Нобуюки – профессор факультета славянских языков Университета Канагава, заместитель председателя Совета по развитию Японо-русских театральных связей.

Ахмыловская Лариса Алексеевна – старший преподаватель кафедры английской филологии Гуманитарного института Дальневосточного государственного университета.

В конце 1990-х гг. соучредители Международной Академии Станиславского, представлявшие театральные школы США, Европы, Японии, ввели в программу изучения системы Станиславского курс русской классической драматургии. Европейские практики театра и их заокеанские коллеги полагают, что интерес к этой программе во многом определяется точностью перевода пьес. Один из наиболее адекватных переводов пьесы Горького «На дне» был написан японским режиссёром Осанай Каору.

In the late 1990s the co-founders of the International Stanislavski Academy in the USA, Europe, and Japan established a course in Russian Theatre within the ISA (the International Stanislavski Academy) program in the Stanislavski System. According to the representatives of Drama Schools in Europe as well as the Pacific Rim Countries the program has won wide recognition from faculty and professionals who benefit immensely from the expertise of translators. The authors believe that one of the most adequate translations of “The Lower depths” by Gorky was performed by Kaoru Osanai.

Работая над своей второй пьесой Горький назвал её «На дне жизни». По совету друга он укоротил название до «На дне». Под этим названием пьеса и была показана впервые на сцене Московского художественного театра. Пьеса многократно переводилась на английский язык и публиковалась под разными названиями. «The Lower Depths», пожалуй, наиболее известное из них в англоязычных странах. Многократно пересматривались и дополнялись переводы пьесы Горького и в Японии.

«Солнце всходит и заходит/
А в тюрьме моей темно/
Дни и ночи часовые/
Стерегут мое окно»

Песню, с которой начинается пьеса Горького «На дне», можно и в наши дни причислить к самым «поющим» в Японии. Многим, кто любит эту песню, знает слова и мелодию, порой неизвестно о принадлежности ее к пьесе Горького «На дне». В 1936 году в статье по поводу смерти Горького Сигэхару Накано писал: «Можно сказать, что Горький стал широко известен в Японии благодаря песне из пьесы «На дне» «Солнце всходит и заходит...», «В связи со смертью Горького свою скорбь выражают японские трудящиеся, многие из которых о Горьком не знают ничего, кроме этой песни...»¹.

* Материалы международной конференции по проблемам перевода русской классической драматургии, проводимой при участии факультета славянских языков университета Канагава; Международного фонда Станиславского; Международной академии Станиславского, Токио, Япония. 2003.

Переводы и постановки пьесы «На дне» в Японии. Опыт Каору Осанай

Премьера пьесы Горького «На дне» состоялась в Московском художественном театре в декабре 1902 г. В Японии пьеса была переведена под названием «Ночлежка» и поставлена основателем нового японского театра Каору Осанай с участием известного актера театра Кабуки Садандзи Ичикава в третьем рабочем туре «Свободного театра». Премьера состоялась в декабре 1910 г. на сцене театра «Юраку-дза». С тех пор и поныне эта пьеса является важнейшей в репертуарах японских так называемых «новых» театров. Другие постановки этой пьесы в Японии основывались в основном на режиссуре Каору Осанай, сценарии, как правило, составлялись по его переводу, который был осуществлен с немецкого языка. Но благодаря сверке этого перевода с оригиналом и переводами на другие языки, он остается известнейшим, оказывает решающее влияние на любые сценарные разработки.

Каору Осанай переводил пьесу с немецкого перевода Августа Шольца. Подстрочник делал Тэцуро Вацудзи. «Готовлю свой перевод, сверяя каждое слово, каждую фразу с текстом Шольца» – писал он².

¹ Сигэхару Накано. Горький и японская литература // журнал «Бунгаку хёрон» («Литературная критика»), августовский номер, посвященный памяти Горького, Т. 3. № 8. 1936.

² Горький М. На дне / Перевод Каору Осанай. Изд-во Кадокава бунко, 1952. В этой книге воспроизводятся «Комментарии» Каору Осанай «Воспоминания о театре-студии Цукидзи» Сакаэ Кубо впервые напечатанные в журнале «Чюо Корон» в январе 1940 г.

Перевод Осанаи пьесы «На дне» был не первым в Японии. Первым осуществил перевод, оказавшийся удачным, Сосэн Тории (1867–1928), журналист из газеты «Осака Асахи симбун».

Тории видел спектакль в Берлине. Вернувшись на родину, он перевел пьесу с немецкого, и с января 1904 г. его перевод печатался в указанной выше газете под названием «Социальная драма Горького «Ночлежный дом»». Начавшаяся русско-японская война прервала публикацию перевода на третьей картине. Тории Осанаи так не воспользовался переводом. Свой перевод Осанаи поместил в ноябрьском номере журнала «Мита бунгаку» за 1910 год. В октябре того же года отдельной книжкой вышла пьеса «На дне» в переводе Сёму Нобори непосредственно с русского. Годом раньше этот перевод под другим названием начал печатать журнал «Безымянное агентство» («Мумэй цусин»), но в № 3 и 4 успели опубликовать только первое действие – журнал вынужден был прекратить свое существование. Каору Осанаи не имел возможности ознакомиться с переводом Сёму Нобори. «Конечно, в ту пору я не видел русской постановки», – вспоминает Осанаи. «Я ставил спектакль, опираясь исключительно на текст пьесы».

Осенью 1912 года Каору Осанаи отправился в Европу изучать там театральное дело, и вернулся в августе следующего года. Особенно сильное впечатление произвели на него спектакли Московского художественного театра. За 23 дня пребывания в Москве он 13 раз посетил МХТ, «сидя в зрительском кресле, конспектировал мизансцены Станиславского в спектаклях «На дне» и «Вишневый сад».³

«На дне» в Московском художественном театре Осанаи смотрел дважды. Обладая проницательным взглядом, он глубоко воспринял режиссуру Станиславского и, вернувшись домой, пытался перенести ее при возобновлении спектакля во время седьмого рабочего тура «Свободного театра» на площадке «Императорского театра» 29–30 октября 1914 г. Вот что писал он в это время: «Я думаю, мне удалось верно уловить интерпретацию этой пьесы МХТом. И потому я задумал буквально все перенести (на свою сцену). Неважно, думал я, что это будет просто копия». Осанаи считал очень важным пересмотреть перевод. «Невозможно пересказать, что необходимо было предпринять, но в первую очередь следовало поработать над переводом. По моей просьбе перевод считывали с русским оригина-

лом, и некоторые места были исправлены». Для уточнения перевода использовался текст, принадлежащий Сёму Нобори, а также перевод с английского Лоренса Арвинга, сына знаменитого английского актера сэра Генри Арвинга. «Пересмотрели прежний перевод от первой страницы до последней».

Просмотр спектакля «На дне» в Московском художественном театре имел определённые последствия. Вот что об этом пишет Каору Осанаи: «Имелись расхождения в интерпретации персонажей. Соответственно надо было вносить изменения в реплики. Такого рода правкой мы занялись в первую очередь». И позднее, для тринадцатого рабочего турне театра-студии «Цукидзи» в октябре 1915 г., при последующих возобновлениях спектакля в том же театре в сценарий вносились правка, исправлялись языковые ошибки, подправлялся режиссерский план, и таким образом спектакль все более и более приближался к московскому.

«Однако, чем более сценическая копия приближалась к московскому оригиналу, тем более возникала необходимость в спектаклях «Цукидзи» будь то «На дне» или «Вишневый сад» – густыми мазками выражать определенные, исторического характера особенности спектаклей МХТ, виденных в свое время Каору Осанаи», – указывает Саказ Кубо, четко обозначая слабые места, свойственные театру «сингэки», «новому театру», т.е. театру европейского типа.

Дело в том, что творческие методы самого Московского художественного театра подвергались влиянию меняющегося времени. Таким образом, спектакль, тщательно воссозданный Каору Осанаи, был подражанием спектаклю МХТ определенного исторического этапа.

После Осанаи, спустя десятилетие, в ноябре 1922 г. знакомиться с театральным искусством в Европу отправился Ёси Хидзиката. Во время путешествия по Европе и Америке он имел возможность видеть за рубежом – в Париже – спектакль Московского художественного театра «Вишневый сад». Впечатление от этого спектакля сводилось к следующему: он резко отличался от спектаклей «Свободного театра», поставленных жестко по канонам системы Станиславского.

Тем не менее спектакль Каору Осанаи «На дне» был выдающимся явлением. И все последующие постановки этой пьесы так или иначе создавались под его влиянием.

Новые режиссерские концепции

От режиссерского метода Каору Осанаи отличались принципы новой режиссуры в русле

³ Саказ Кубо. Воспоминания о театре-студии «Цукидзи» // В журнале Чюо Корон. № 1. 1940.

«следования линии социалистического реализма», которые исповедовал и пытался воплотить в жизнь еще с довоенных времен Томоёси Мураяма. Обвиняя Осанаи в том, что он исповедовал режиссерский метод «сентиментального гуманиста Станиславского», Мураяма считал, что в поисках постановочного решения «следует ориентироваться прежде всего на само произведение, на то, что заложено в пьесе Горького». С 3 по 16 сентября 1936 г. Мураяма ставит свой первый вариант «На дне» с труппой «Синкё», и на площадке театра студии «Цукидзи» дает «ряд спектаклей, посвященных памяти Горького». Журнал «Бунгэй» («Художественная литература») в октябрьском номере того же года публикует «Заметки о постановке пьесы «На дне», в которых отмечает: «И прежде пьеса ставилась неоднократно, и всякий раз новые толкования выдающейся пьесы сопровождались теми или иными проблемами». Что же касается последнего прочтения пьесы, то «своей задачей новый постановщик ставил очистить пьесу от старого сентиментализма, подчеркнув замечательно выраженное в персонажах активное, прогрессирующее начало, показать и то пассивное и отрицательное, что в ней имеется»⁴.

Спектакль «На дне» в постановке Томоёси Мураяма продолжают играть и по сей день. В качестве сценария используется перевод Каору Осанаи, но «он постоянно сверяется с русскими источниками, с ноября 1936 года в каждую постановку вносятся поправки, в том числе и принадлежащие Томоёси Мураяма»⁵.

Не только Т.Мураяма стремился по-новому прочесть пьесу, использовать новый перевод, придать спектаклю новое звучание. В октябре 1971 г. режиссером театра-студии «Икэбукуро сёгэкидзё» Киёси Сэки была осуществлена постановка принципиально иная и на основе другого перевода. В частности, некоторые имена персонажей отличаются от ставших традиционными – «Актер», «Татарин» и другие; в значении «ночлежка» употребляется иное слово; в песне более выразительным синонимом заменено слово «солнце». Необходимо отметить еще одну постановку этой пьесы. В феврале 1975 г. состоялась премьера спектакля «На дне» в театре «Хайю-дза», поставленная Тосикиё Масуми. В

основу этой постановки был положен перевод Ёсико Юаса и другие тексты переводов, а также сценарий фильма «На дне» кинорежиссеров Акира Куросава и Хидэо Окуни. Текст песни, предваряющей действие, оставался тем, который использовал Каору Осанаи.⁶ Это касается и постановки Томоёси Мураяма.

Песня и «солнце»

И ночью, и днем
Темна тюрьма.
Постоянно черти, эх!
Наблюдают за окном.

Пусть себе подглядывают,
Не перебраться им через ограду.
Свобода так желанна,
Но цепей не порвать.

Ох, эти тяжелые
Железные цепи!
Ох, черти,
Наблюдают,
Не ведая отдыха.

Приведем другие варианты песни.

А. И ночью, и днем
Темно в тюрьме.
Денно и ночью тюремщик
Э-эх!
Глядит в мое окно.

Б. Когда рассветает, и когда смеркается
Темно в тюрьме.
И ночью, и днем тюремщик –
Ну давай, давай! –
Глядит в мое окно.
(Обратный перевод с японского перевода
Хакуё Накамура)

В варианте А используются слова и словосочетания «и ночью и днем», «темно», в варианте Б – «когда рассветает, и когда смеркается», «темно», «ночь – день». Оба варианта, как и перевод Каору Осанаи, грешат отходом от оригинала. Текст песни, прилагаемой к пьесе в оригинале начинается следующим образом:

«Солнце всходит и заходит...»

Песня начинается словом «солнце», которое в японском языке имеет много синонимов. Имея в виду, что сам Горький первоначально дал пьесе

⁴ Томоёси Мураяма. «На дне» Горького. Исследования. Изд-во Токё гэйдзюцу-дза (Токийского художественного театра), 1972.

⁵ Горький М. На дне. 4-е действие / Перевод Осанаи Каору, постановочный сценарий Токё Гэйдзюцу-дза, 1971. Цитата приведена с последней страницы обложки сценария.

⁶ Горький М. На дне / Перевод Каору Осанаи. Изд-во Кадокава бунко, 1952. С. 139.

название «Без солнца» (ноябрь 1901 г.), а впервые поставивший этот спектакль в Московском художественном театре Станиславский говорил, что «главный герой пьесы – солнце», становится очевидной особая важность этого понятия для пьесы⁷.

После названия «Без солнца» Горький назвал пьесу «Ночлежка» (январь – февраль 1902 г.), а затем переименовал ее в «На дне жизни». Под последним названием она и репетировалась в МХТе; по совету Немировича-Данченко пьесе окончательно было дано название «На дне», и 18 декабря 1902 г. состоялась премьера спектакля с последним названием.

Одновременно с МХТ пьесу готовил к постановке в Берлине в театре «Kleines Theater» Макс Рейнхардт; премьера прошла 10 января 1903 г. Немецкий спектакль назывался «Nachtsyl» – «Ночлежка». Как уже говорилось, в Японии пьеса впервые стала известна в 1903 году по немецкому переводу Августа Шольца; перевод вышел в Мюнхене под указанным выше названием. Огай Мори (классик японской литературы – *примечание переводчика*) называл пьесу словом, соответствующим русскому «ночлежка», а Каору Осанаи сделал перевод, дав несколько иное название, которое по-русски можно перевести как «Ночное пристанище». В английском переводе Лоренса Арвинга пьеса вышла с названием «The Lower Depth», имелись другие английские и американские названия: «A Night Lodging», «The Night Refuge» («Ночное укрытие»). Каору Осанаи использовал в работе над переводом французский вариант Хельперна Каминского «Dans les Bas-fonds». Среди японских названий были: «Нараку» («Ад», «Нараку-но соко» («Дно ада»). В конечном счете остановились на нынешнем названии «Дондзоко» (в котором «дзоко» = «соко» значит «дно», а звукообраз «дон» вызывает эмоционально отрицательную ассоциацию с глухим выстрелом).

В заметке о спектакле «На дне» Огай Мори пишет: «У меня такое предчувствие, что Каору Осанаи читает бытовую пьесу, написанную Мокуами... Он использует песню; смысл этой песни, связь ее с действием и атмосферой вокруг, то, как режиссер пользуется этим приемом, напоминает Мокуами»⁸. Таким образом, Огай Мори

песню считал чрезвычайно важным элементом спектакля.

В декабрьском номере журнала «Мита бунгаку» за 1910 г. Каору Осанаи опубликовал свой перевод пьесы – в то время под названием «Ночное пристанище», и там песня звучала следующим образом:

Даже когда наступает день
Моя тюрьма – безумный ад.
День не отличить от ночи.
А черти все наблюдают за нами
Сквозь оконце моей тюрьмы.

К премьере в «Свободном театре» Осанаи подогнал текст песни под мелодию, вставил слова «и ночью, и днем», позднее поменял эти слова местами.

В переводе Сёму Нобору, который вышел в октябре 1910 года, песня звучит так:

Солнце восходит и садится;
В тюрьме темно.
Денно и ночью тюремщики – э-эх!
Наблюдают за моим окном.

Позднее, опираясь на текст песни в варианте Каору Осанаи, Сёму Нобору изменил перевод, убрав из него образ солнца⁹.

И когда рассветает, и когда смеркается
Темно в тюрьме.
Денно и ночью тюремщики – э-эх!
Наблюдают за моим окном.

Куми Мацумото, как и Сёму Нобору, переведивший с русского,¹⁰ так перевел начало песни:

Солнце восходит, солнце садится.
Мрак накрыл тюрьму.
И днем, и ночью надзиратели – и-эх!
Наблюдают за моим окном.

В 1921 г. в издательстве «Тоа-до» вышел еще один перевод пьесы непосредственно с русского, выполненный Кокусэки Оидзуми. В нем дан следующий вариант первого куплета:

⁹ «На дне» и еще один рассказ / Пер. Сёму Нобори // Избранные сочинения Максима Горького. Т.1. Изд-во Кура-рутэ-ся, 1946. В эту книгу вошли переводы многих авторов. Сёму Нобори (Конрад даёт именно этот вариант имени) – один из них.

¹⁰ Горький М. На дне / Перевод Куми Мацумото. Изд-во Канадзакра-до. Сер. «Пантэон», 1915.

⁷ Горький М. Полное собрание сочинений. В 8 т. Т. 7. М. : Искусство, 1954, С. 407. Из комментариев, помещенных в конце тома.

⁸ Горький М. На дне / Перевод Каору Осанаи. Изд-во Кадокава бунко, 1952. С. 124.

Солнце восходит, солнце садится,
Темень окутывает тюрьму.
Денно и ночью надзиратели
Следят за моим окном.

Из сказанного видно, что, за исключением опосредованного (т. е. на японский с немецкого, минуя русский) перевода Осанаи, во всех переводах, сделанных непосредственно с русского, слово «солнце» не используется.

Композиция пьесы «На дне» и «солнце»

Какое значение идее «солнца» в пьесе придавал сам Горький, становится понятным благодаря воспоминаниям Станиславского. Апрельским вечером 1900 г. в Ялте на террасе своего дома, прислушиваясь в темноте к морскому прибою, Горький рассказывал Станиславскому о будущей пьесе: «В первой редакции главной ролью была роль лакея из хорошего дома, который больше всего берег воротничок от фрячной рубашки – единственное, что связывало его с прежней жизнью. В ночлежке было тесно, обитатели ее ругались, атмосфера была отравлена ненавистью. Второй акт кончался внезапным обходом ночлежки полицией.

При вести об этом весь муравейник начинал копошиться, спешил спрятать награбленное; а в третьем акте наступала весна, солнце, природа оживала, ночлежники из смрадной атмосферы выходили на чистый воздух, на земляные работы, они пели песни и под солнцем, на свежем воздухе, забывали о ненависти друг к другу. Разве в словах Горького Станиславскому о композиции пьесы «На дне» не отведена важная роль идее солнца? В затхлой атмосфере ночлежки, в отравленной ненавистью атмосфере склок, друг другом обруганные обитатели с наступлением весны и появлением солнца, под солнцем, на свежем воздухе с песней «Солнце восходит и заходит» забывают о ненависти друг к другу.

В последней редакции пьесы действие 1-го акта происходит ранней весной, когда за стенами подвала «без солнца» еще лежит снег; 2-й акт – там же темной ночью; и только в 3-м акте действие происходит на улице, где «солнце восходит и заходит», ранним весенним вечером. 4-й акт, как 1-й и 2-й – под землей «без солнца», за стенами его ночь с мокрым снегом.

Стихи Беранже и «солнце»

В конце 2-го акта персонаж пьесы «На дне» – Актер – читает стихи:

Если б завтра земли нашей путь
Осветить наше солнце забыло –
Завтра ж целый бы мир осветила

Мысль безумца какого-нибудь!..

Это стихотворение французского поэта Беранже (1780–1857) «Безумцы», переведенное русским поэтом Курочкиным (1831–1875). В пьесе «На дне» оно звучит как бы от имени его персонажей. Если бы эти стихи перевести буквально (как следует ниже), вряд ли бы они вызвали у сегодняшних японских зрителей ассоциацию с «солнцем» и передали бы «послание» Горького.

Если завтра под тенью небес [находящийся]
Путь людской забудут осветить
Весь мир болваны
Пустыми мечтами (=снами) осветят...
(Буквальный перевод с японского)

Выше был дан перевод известного переводчика Киёси Дзиндзай. В нем понятие «солнца» затушевано. Несколько десятков лет назад одной сильной труппой игрался спектакль «На дне» в переводе Каору Осанаи, но эти стихи были заменены на переведенные Киёси Дзиндзай; ассоциация с «солнцем» совсем не была акцентирована¹¹.

В 1998 г. та же труппа заново готовила спектакль «На дне», но в постановке русского режиссера. При этом использовался прежний сценарий. Приведенный ниже перевод этого стихотворения, выполненный Каору Осанаи представляется куда более убедительным для сегодняшнего зрителя:

Солнце, если завтра
Забудешь послать на землю свои лучи,
Весь мир, объединившись, медью сверкающие
Сны (=мечты) болвана провозгласит.

Тот факт, что в переводе Каору Осанаи эти стихи были заменены переводом Киёси Дзиндзай, говорит о неглубоком прочтении Горького.

«В России Беранже поистине обрел вторую родину»¹². Эта цитата позволяет представить себе, насколько хорошо известен поэт русским – со времен царской России по сию пору. Среди современных французов, конечно, находятся знатоки творчества Беранже, однако, в России он популярнее. Его имя значится в энциклопедических и литературоведческих словарях, переведенные на русский язык стихи многократно переиздаются, выпускались и сборники его стихов на французском.

Наполненные сарказмом, политически за-

¹¹ Томоёси Мураяма, «На дне» Горького. Исследования. Изд-во Токё гэйдзюцу-дза («Токийского художественного театра»), 1972.

¹² Старицына З.А. Вступительная статья к книге «Pierre Jean Beranger Lettres Choisies». М.: Прогресс, 1980. С. 26.

остренные, воспевающие свободу, взывающие к революционному духу, стихи Беранже запрещались, распространялись в рукописных списках, издавались подпольно. Чернышевский называл его «лучшим европейским писателем», Добролюбов – «гением поэзии». Высоко оценивали творчество Беранже Лев Толстой и Горький.

В стихотворении «Безумцы» поэт с восхищением называл имена французских утопических социалистов Сен Симона и Фурье.

З.А. Старицына пишет в статье, посвящённой творчеству Беранже: «В известной песне «Безумцы» поэт воспевал не только мечтателей, социалистов-утопистов, но и вообще смелых и гениальных людей, которые совершают бескорыстные подвиги во имя человека. Это песня-гимн во славу человеческой мысли, которая может преобразовать мир». И далее она цитирует упомянутое нами стихотворение в переводе Курочкина¹³.

Стихи Беранже, звучавшие на премьере спектакля «На дне», находили в душах зрителей горячий отклик, звали к лучшему «завтра».

Широкий спектр настроений и состояний от мягкого лиризма до гротеска, оправданных нейтральностью перевода, демонстрируют в сцене чтения стихов Беранже современные американские актёры. В английском тексте пьесы «На дне», автором которого является Александр Бакший, читаем следующее:

If the world, my friends, is unable to find
The road to justice the truth,
Honor be to the madman who weaves golden dreams
Giving mankind surcease.

If tomorrow the sun should forget to light up
Our planet's eternal path,
A thought of some madman will instantly flash
To illuminate the darkened earth¹⁴.

Перевод пьесы «На дне», выполненный Каору Осанаи, был образцовой работой. Неудивительно, что все последовавшие новые переводы этой пьесы в Японии оказывались под влиянием перевода Осанаи. Почему же пьеса первоначально называлась «Ночное пристанище»? Почему в песне употребляются слова «ночью и днем», «в тюрьме темно»? Как писал Сигэхару Накано, «тюремные песни» пели в реальной тюрьме,¹⁵ а такие «реальные тюрьмы» существовали в Японии в прошлом. Но Горький провозглашает, что «тюремную действительность» = «ночь» – обязательно сменяет солнечный день».

Мы рассмотрели понятие «солнце» в песне, начинающей пьесу Горького, и в стихотворении Беранже. Полагаем, что придет день, когда переводы русской драматургии подвергнутся значительной переработке с учетом представленных текстологических выводов.

Особое значение имеет работа над переводом русской классической драматургии в процессе постановки спектакля с участием режиссёров и переводчиков носителей русского языка (языка оригинала) и актёров, представляющих театры разных стран мира и исполняющих пьесу на родном языке (языке перевода). Положительный эффект такого кросскультурного полилога в деле трансляции смыслов драматургического текста невозможно переоценить.

¹³ Старицына З.А. Вступительная статья к книге «Pierre Jean Beranger Lettres Choisies». М.: Прогресс, 1980. С. 22.

¹⁴ Bakshy Alexander, Nathan Pau. The Lower Depths and other plays. Yale University Press, 1989. 296 p.

¹⁵ Сигэхару Накано. Горький и японская литература // журнал «Бунгаку хёрон» («Литературная критика»), августовский номер, посвященный памяти Горького. Т. 3. № 8. 1936.

ГАРМОНИЗАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ: МИФ ИЛИ РЕАЛЬНОСТЬ?

Н.Г. Юзефович

Юзефович Наталья Григорьевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии лингвистического факультета Института лингвистики и межкультурной коммуникации Дальневосточного государственного гуманитарного университета.

Статья посвящена описанию основных лингвистических процессов современного политического дискурса, участники которого представляют русскоязычную культуру и англоязычное сообщество.

The article deals with the semantic changes in modern political cross-cultural discourse, mainly Russian-English political contacts. There are certain positive tendencies in the usage of political terms. However, due to differences in worldview and world mapping, as well as social changes, the interlocutors should be aware of the mechanisms of semantic variability.

Межкультурное общение и политический дискурс

Политические изменения, предопределившие социальные и экономические перемены последнего десятилетия XX в. как в нашей стране, так и в мире в целом, способствовали вовлечению практически всех землян в политические процессы. Каждый человек, часто независимо от своего желания, становится участником политического дискурса. Все это способствовало формированию в нашей стране особого направления, политической лингвистики, которую отличает дискурсивный подход к анализу политических текстов¹. Ее методология – «исследование каждого конкретного текста с учетом политической ситуации, в которой он создан, с учетом его соотношения с другими текстами, целевых установок, политических взглядов и личностных качеств автора, специфика восприятия этого текста различными людьми, а также той роли, которую этот текст может играть в системе политических текстов и – шире – в политической жизни страны»².

Дискурс как языковая форма, посредством которой осуществляется репрезентация мира, представляет собой «упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность»³. Политический дискурс – это «определенный вид практической речи, обслуживающей политиче-

ские процессы. Он характеризуется особым словарем»⁴, ядром которого является политическая терминология.

Собственное знание о мире человека, его ментальность развиваются в соответствии с идеологией того общества, в котором он живет. Современный человек, активно участвует в общении, проявляет себя в речевой деятельности и реализует себя в коммуникации. Иначе говоря, это – «человек говорящий», который «в каждый момент своей речевой деятельности выступает одновременно в трех ипостасях: как языковая личность, речевая личность и коммуникативная личность»⁵.

Именно в сфере политики наиболее очевидно, что «говорящий не является абсолютным хозяином высказывания, так как сам в процессе речевой деятельности зависит от целого ряда экстралингвистических факторов, условий протекания речи и предшествующего контекста»⁶.

Идеология организует людей, указывает цель, к которой необходимо стремиться, и формирует нужное ей идейно-политическое сознание при помощи массовой информации, искусства. Идейно-политическая картина мира, которая, в конечном счете, формируется у человека, определяет его дальнейшее поведение и обуславливает восприятие действительности. Даже в пределах одной идеологии можно найти немало примеров несовпадающих понятий, вкладываемых в одни и те же слова и фразы. Поэтому для понимания дискурса политики необходимо учитывать идейно-политическую картину мира, отражаемую в семантике используемых языковых единиц.

¹ Баранов А.Н. Введение в прикладную лингвистику. М.: УРСС, 2003; Купина Н.А. Тоталитарный язык: словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал-ун-та, 1995.

² Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 12.

³ Чернявская В.Е. Дискурс // Стилистический энциклопедический словарь русского языка. М.: Наука, 2003. С. 54–55.

⁴ Андреев А.Л. Политическая психология. М.: Весь мир, 2002. С. 21.

⁵ Красных В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? М.: Гнозис, 2003. С. 50–51.

⁶ Кожица М.Н. Дискурсивный анализ и функциональная стилистика с речеведческих позиций // Текст – Дискурс – Стиль. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 2004. С. 13–14.

Поскольку идеологическая картина мира формирует свои концепты и закрепляет их в лексиконе, человек воспринимает концепты другой идеологии исключительно через призму своей идеологической картины мира. В результате происходит неверное толкование номинаций, что создает коммуникационные проблемы. Поэтому ученые, терминологи, лексикографы, политологи и лингвисты выделяют в качестве одной из неотложных задач – задачу унификации терминологии, ее гармонизации. Для решения данного вопроса отечественные ученые разработали методологию гармонизации терминологии.⁷

Термин и политический термин

В современной отечественной и зарубежной лингвистике терминология выделяется как особый слой специальной лексики, профессиональный язык. Политическая терминология как одна из частных терминосистем эксплицирует средствами языка политическую научную картину мира. Поскольку научная картина мира «постоянно совершенствуется (изменяется, детализируется, расширяется), стремясь стать тождественной отражаемому миру»,⁸ план содержания термина также варьируется.

Несмотря на то, что попытки сформулировать понятия «термин» и «политический термин» предпринимались в течение предыдущего столетия и продолжают и сегодня, единых критериев выработать не удалось. Это говорит о размытости границ между термином и словом общезыкового фонда.

В рамках нормативного подхода, разработанного Д.С. Лотте и его последователями, терминология рассматривается как подсистема общелитературного языка, в некоторой степени на него влияющая и обладающая как общими, так и специфическими чертами. Термин всегда отражает какое-либо научное понятие, выполняя тем самым номинативную функцию; при этом термин независим от контекста⁹.

Терминосистема является для термина своего рода терминологическим полем, которое заменяет собой контекст, и в пределах которого он об-

ладает точностью и однозначностью.¹⁰ Важной чертой термина является понятийность, которая существенно изменяется вне терминологического поля¹¹. Термин как и слово обладает лексическим значением, соотношенным с обозначаемым им понятием, стилистической нейтральностью, которая тесно связана с перечисленными характеристиками терминов¹².

Противоположная концепция развивается в работах Г.О. Винокура¹³ и Р.Г. Пиотровского: «Вряд ли можно говорить о полной стилистической нейтральности термина как научного, так и профессионального. Каждое слово, используемое в качестве термина, приобретает своеобразную окраску – оттенок привычного ему специального контекста»¹⁴.

Фактически почти каждое слово общего языка является потенциальным термином¹⁵. «Резких различий в семантической характеристике термина и нетермина не должно быть»¹⁶. Термины – это не особые слова, а слова в особой функции¹⁷.

Исследования последнего десятилетия опираются на когнитивную лингвистику и выделяют когнитивно-информационную природу термина, используя метод лингво-когнитивного анализа¹⁸.

Отсутствие единых лингвистических критериев определения понятия «термин» и разграничение его и слов общезыкового фонда предо-

¹⁰ Реформатский А.А. Что такое термин и терминология. М., 1959. С. 9.

¹¹ Суперанская А.В. Терминология и номенклатура // Проблематика определения терминов в словарях разных типов. Л.: Наука, 1976. С. 73–83.

¹² Будагов Р. А. Человек и его язык. М.: Изд-во Московского ун-та, 1974. С. 37. Sorvali I. Translation Studies in a New Perspective. Wien: Lang, 1996. С. 58–59.

¹³ Винокур Г.О. Избранные работы по русскому языку / Предисловие С. Бархударова. М.: Учпедгиз, 1980.

¹⁴ Пиотровский Р. Г. К вопросу об изучении термина // Ученые записки ЛГУ. IV. 161. Вып. 188. Л.: Изд-во ЛГУ, 1952. С. 33.

¹⁵ Гак В. Г., Лейчик В. М. Субституция терминов в синтагматическом аспекте // Вариантность как свойство языковой системы (Тезисы докладов). Ч. 2. М.: Наука, 1982. С. 42–57. Даниленко В.П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской грамматике / Отв. ред. В. П. Даниленко. М.: Наука, 1971. С. 10–18.

¹⁶ Котелова Н. З. Значение слова и сочетаемость (к формализации в языкознании). Л.: Наука, 1975. С. 41.

¹⁷ Лейчик В. М. О языковом субстрате термина // Вопросы языкознания. 1986. № 5. С. 87–97.

¹⁸ Володина М.Н. Когнитивно-информационная природа термина. М.: Изд-во МГУ, 2000; Ивина Л.В. Лингво-когнитивные основы анализа отраслевых терминосистем. М.: Академический проект, 2003.

⁷ Методические рекомендации по гармонизации терминологии на национальном и международном уровне. М., 1993.

⁸ Корнилов О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов. М.: ЧеРо, 2003. С. 73.

⁹ Лотте Д.С. Как работать над терминологией. Основы и методы: пособие составлено по трудам Д.С. Лотте и Комитета научно-технической терминологии АН СССР. М.: Наука, 1968. С. 38–39.

пределили сложности выделения политической терминологии. Существуют разнообразные номинации для обозначения политического лексикона: «политическая лексика», «идеологема» (термин А. Нойберта), «идеологически связанный» (термин В. Шмидта),¹⁹ последний термин, равно как и номинация «идеологизированный», по мнению Т.Б. Крючковой, являются наиболее адекватными обозначениями. «Дифференциация идеологических систем происходит как по классовой принадлежности, так и по признаку философских, теоретических основ и характеру отражения действительности»²⁰.

Таким образом, политический термин отличается от терминов других наук наличием идеологизированности. Однако это же свойство присуще и политической лексике в целом, кроме того, сфера политики входит в жизнь каждого человека через средства массовой информации, которые используют определенную систему манипулирования с целью воздействия на адресата соответственно требованиям национально-языковой политики общества. Относительная неустойчивость политической терминологии определяется интенсивностью общественных процессов. Термин, как обладающий научной дефиницией и отражающий научную картину политического мира, актуализирует свою терминологическую функцию в рамках своего терминологического поля, т.е. при использовании его специалистами. При функционировании в политическом дискурсе, предназначенном для широкой аудитории, термин, как правило, подвергается деспециализации. При этом упрощается его смысловая структура, в отдельных случаях даже искажается. Кроме того, узуальное употребление нетерминологического значения, переносного значения может закрепиться²¹.

В результате только часть политической терминологии является специальной и свойственной исключительно языку специалистов, в то время как значительное число терминов постепенно становится частью общеязыкового фонда.

Этому во многом способствует частотность их употребления средствами массовой информации, что обуславливает детерминализацию. Однако необходимо учитывать, что детерминализация может привести к неверному толкованию, искажению смысла, а значит, станет серьезным препятствием эффективному общению²².

Следует особо подчеркнуть, что, поскольку сфера языка политики во многом зависит от субъективного фактора, ментальности участников коммуникации, их фоновых знаний, мировоззрения, контекст не всегда может актуализировать значение термина. Для эффективного общения необходимо привлечение целого ряда факторов: исторической эпохи, идеологических взглядов автора, адресата, времени и места высказывания. Особенную важность приобретают все эти характеристики при языковом посредничестве²³.

Варьирование политических полионимов

Основной фонд политической терминологии в английском и русском языках сформировался к началу XX в. Однако уже в конце столетия русскоязычная терминология подвергается пересмотру: изменившиеся социальные условия приводят к изменению научной картины мира, а значит, и к варьированию языковых форм.

Ядром политического лексикона любой идеологии являются полионимы (от греческого *поли* – «много» + *оним*), т. е. единицы номинации, которые выступают «в качестве обозначения таких элементов окружающего нас мира, которые представлены во всех или в большей части существующих в настоящее время культурах»²⁴. Использование морфем греческого и латинского происхождения для образования политических номинаций создает огромный потенциал для интернационализации терминов, что является показателем неразрывной связи развития языка и общества.

Полионимы-интернационализмы в XX в. нередко становились «ложными друзьями переводчика». Частотность использования терминов в «марксистском значении» определила развитие

¹⁹ Schmidt W. Zur Ideologiegebundenheit der politischen Lexik // Zeitschrift für Phonetik, Sprachwissenschaft und Kommunikationsforschung. Berlin, 1969.

²⁰ Крючкова Т.Б. Особенности формирования и развития общественно-политической лексики и терминологии. М.: Наука, 1989. С. 14.

²¹ Соловьева З. В. Стилистическое использование иноязычной терминологической лексики в газетно-журнальной публицистике (на материале прессы Великобритании и США за 1973–1977 гг.): автореф. дис. ...канд. филол. наук (специальность 10.02.04 «Германские языки»). М., 1977. С. 8.

²² См., например, данные эксперимента по описанию «эффекта смысловых ножниц», описанные Дридзе, Т. М. Язык и социальная психология. М.: Высш. шк., 1980. С. 181–196.

²³ Nord Ch. Texts in Situations (A Functional Model for Text Analysis in the Translation Teaching) // Translation and Text Linguistics. M.: Joint Publication of the Russian Center for Translations and The Department of Russian Faculty of Translating Interpreting Hogeschool Maastricht, The Netherlands, 1994. С. 113.

²⁴ Кабакчи В. В. Основы англоязычной межкультурной коммуникации. СПб., 1998. С. 19.

идеологически обусловленной полисемии, что зафиксировано словарями: *bourgeoisie, communism, cosmopolitanism, revolution*.

Так, в английской картине мира понятие «буржуазия» воспринимается неоднозначно, возможно варьирование коннотаций, в зависимости от контекста, участников общения. В русской идеологической картине мира советского периода понятие «буржуазия» включало словозначение «эксплуататор» и актуализировало только негативные коннотации: **Bourgeoisie** 1. Middle class. 2. (In Marxist theory) the property-owning capitalist class.²⁵

Современные русскоязычные словари фиксируют переосмысленное значение термина «Буржуазия». Слои состоятельных людей (о предпринимателях, финансовых олигархах и т.п.).²⁶ Однако понятие «средний класс» в русском языке отличается от западного толкования, поэтому и новое определение еще отличается варьированием семантики. Оно также имплицитно несет пейоративные коннотации. Резкое материальное расслоение россиян, большинство из которых не относятся к группе «олигархов», предопределяет восприятие данного термина в узусе.

Деградация значения полионима *bureaucrat* выражалась в актуализации негативных коннотаций в функции ксенонима в речи. Его русскоязычный коррелят – это, в первую очередь, «канцелярщина», а в английском языке основное значение – «государственный служащий», коннотации могут быть как нейтральные, так и негативные. В современном русском языке наблюдаются процессы сближения значения термина «бюрократ» с английским коррелятом: **Бюрократизм**. *Полит. Неодобр.* Власть и влияние чиновничьего аппарата, основанные на громоздкой структуре управления; засилье бюрократов, бюрократии²⁷.

Взаимные контакты способствовали варьированию в толковании англоязычного полионима, современные английские аутентичные словари зафиксировали варьирование коннотаций и эксплицитно отмечают пейоративность полионима в особом контексте: **Bureaucrat** 'an official' and it is not necessarily pejorative. But when applied

to officials who take refuge behind 'Red Tape' it is a term of abuse²⁸.

Одним из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих разницу менталитетов, является термин «коммунизм». Современные английские аутентичные словари определяют данный термин как «политический и социальный строй СССР»: **Communism** the communistic social order established in Russia after the revolution of March 1917, and later in certain associated countries; = Bolshevism²⁹.

В дефиниции не отмечалось, что, в русскоязычной идеологической картине мира первым, обязательным этапом являлся социализм, высшее развитие которого – коммунизм. Такая концепция была принята советской идеологией, и те россияне, ментальность которых была сформирована в советское время, все еще придерживаются такой установки. При общении с носителями английского языка это неизбежно приводит к коммуникационным неудачам. В английской идеологической картине мира, наше государство всегда ассоциировалось именно с коммунизмом. Функционирование термина *socialism* применительно к СССР ограничивалось определениями *Soviet, Communist, Russian, Bolshevik*, и т. п.

Термин *socialism* – своего рода «серый» как номинация советского периода, он актуализирует негативные коннотации, а в терминологическом словосочетании «шведская модель социализма» термин используется мелиоративно.

Следует отметить, что в современном русском языке наблюдаются процессы восстановления семантики так называемых общечеловеческих понятий: «либерализм», «класс», «демократия», «свобода», «благотворительность» и т.д. Вследствие семантического варьирования, обусловленного экстралингвистическими факторами, их толкование сблизились с дефинициями, принятыми в западной философии.

Однако не следует проводить прямую параллель: социальные факторы, способствуя многообразию форм существования языка, в пределах одного и того же исторического периода лишь опосредованно влияют на характер эволюции и соотношение различных проявлений варьирования в языке, причем в основном через объем выполняемых им общественных функций.

²⁵ Random House Webster's College Dictionary. 2nd ed. N.-Y. : Random House, 1999. С. 157.

²⁶ Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века / Под ред. Г.Н. Складчиковской. М. : Астрель АСТ, 2001. С. 96.

²⁷ Там же. С. 100.

²⁸ Barnhart C.L. et al. The Barnhart Dictionary of the New English. London : Longman, 1973. С. 17.

²⁹ The Oxford English Dictionary. 2nd ed. Vol. III. Oxford: Clarendon Press, 1989. С. 580.

Так, несмотря на то, что восстановилась семантика полионима «спекуляция» как термина делового языка (значение 2), в русской идеологической картине мира – это все еще негативно окрашенное слово, что прямо отмечают современные словари, значение 1: **Спекуляция**. 1. *Неодобрительно*. Скупка товаров в условиях дефицита и перепродажа их по повышенным ценам с целью получения прибыли. 2. Биржевая сделка купли-продажи ценных бумаг³⁰. В английском языке пейоративные коннотации прямо не выражены.

При сопоставлении дефиниций толковых авторитетных словарей русского языка и английского языка в целом выделяются процессы сближения значительного числа основополагающих понятий. Однако при функционировании ряда терминов в речи выделяется варьирование на разных уровнях: денотата, коннотата, несовпадение референта. Семантическое варьирование политического термина во многом определяется разницей мировоззрений, определяемых отношением к политическим процессам, социальным статусом, в определенной степени и возрастом. Это подтверждается и публикацией новых статей, посвященных сравнению толкований политических терминов в современных русско-английских контактах,³¹ и значительным количеством исследований, посвященных языку политики³².

Варьирование терминов русского происхождения

Русско-английские языковые контакты в сфере политики неизбежно привели и к появлению в английском языке политических русизмов, обозначений специфических явлений русскоязычного общества. Политический дискурс влияет на план содержания, что может привести к семантическому варьированию. При ассимиляции в языке заимствование может приобрести новое значение, т. е. термин подвергается детерминологизации, становясь при этом более употребительным. Такие процессы далеко не всегда соответствуют семантической структуре термина-этимона.

Так, термин «гласность» был реставрирован

в русском языке именно в период перестройки, завершающий советский этап. Он был популярен еще в XIX в. (русские демократы-просветители называли первые попытки свободы «дитя гласности») и зарегистрирован в словаре Даля: «Гласность, известность, общеизвестность чего-либо, оглашение, огласка»³³. Однако постепенно социальное значение этого термина было утрачено. В словаре русского языка 1988 г. вообще отсутствует словарная статья «гласность», есть только производное от прилагательного «гласный»,³⁴ что говорит о низком социальном статусе данного существительного.

В английском языке неологизм *glasnost* был зарегистрирован словарями неологизмов еще в 1987 г. Значимость термина подтверждается его частотным использованием в 1980–1990-е гг. как в русском, так и в английском языке. В Нью-Йорке даже появились кафе с названием *Glasnost*³⁵.

В современном русском языке, как отмечается в словаре, термин уходит в пассив и описывается как «одна из отличительных черт процесса демократизации общества середины 1980-х гг. – открытая и полная информация...»³⁶.

Однако в английском языке номинация определяется не только как термин: определяющая политическая линия исторического периода (1), но и выделяется его новое, переносное значение, применительно к деятельности других государств (2): **glasnost** (1) In the former USSR: the policy or practice of more open consultative government and wider dissemination of information. Also (2) *transferred*. 1996 *Guardian* 2 For royal correspondents, used to being fobbed off, lied to, and told off like naughty boys, Atkinson and Villiamy represented a new *glasnost* in Palace PR³⁷. Популярность значения полионима подтверждается и другими примерами: *Headline: Abubakar begins glasnost*³⁸.

Аналогичные процессы характерны и для термина «перестройка». В русском языке термин

³³ Даль В. Толковый словарь русского языка. М., 1984. С. 355.

³⁴ Ожегов С. И. Словарь русского языка / Под ред. членкор. АН СССР Н. Ю. Шведовой. 20-е стереотип. изд. М.: Русский язык, 1988. С. 125.

³⁵ Gorbachev Mikhail. An Intimate Biography / Introduction by Strobe Talbot. USA: Time Incorporated, 1988. С. 222.

³⁶ Языковые изменения конца XX века. / Под ред. Г.Н. Складчиковской. М.: Астрель АСТ, 2001. С. 175.

³⁷ The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases / Ed. By Jennifer Speake. Oxford University Press, 2005. P. 166–167.

³⁸ *Guardian Weekly* Sep 13 1998.

³⁰ Толковый словарь современного русского языка. Языковые изменения конца XX века. / Под ред. Г.Н. Складчиковской. М.: Астрель АСТ, 2001. С. 744.

³¹ См., например, Lavelle P. Lost in Translation: Russia's Political Lexicon. <http://www.untimely-thoughts.com> Дата обращения 20 ноября 2005.

³² См., например, Купина Н.А. Тоталитарный язык: Словарь и речевые реакции. Екатеринбург-Пермь: Изд-во Урал. Ун-та, 1995.

используется для номинации реформы в СССР в 1985–1991 гг.³⁹. Его коррелят *perestroika* функционирует в политическом межкультурном дискурсе и как номинация одного из этапов советского государства (1), и в переносном значении, как полионим: **perestroika** (1) The reform of the economic and political system of the former USSR, first proposed by Leonid Brezhnev in 1979 and actively promoted under the leadership of Mikhail Gorbachev from 1985; (2) *transferred* any programme of fundamental reform⁴⁰.

Развитие семантической структуры заимствованного термина может быть идентично варьированию семантики своего коррелята-этимона. Это наиболее характерно в случае метафорического развития значения. Например, историзм *troika*, заимствование XIX века, в советский период благодаря метафорическому переносу стал использоваться в политическом лексиконе. Новое словозначение фиксируется английскими словарями: **troika** A ruling group of three; triumvirate. 1945⁴¹.

Ряд заимствований перешел на периферию языка, что объясняется изменением социальных условий. Однако, как и в случае с терминами *glasnost* и *perestroika*, термин в «советском» значении перешел в разряд историзмов, в то же время развитие переносного значения, выделяет номинацию как полионим. Примеры такого варьирования – *politburo*, *gulag*, *apparat*, *apparatchik*.

Как следует из вышеприведенных примеров, изменение социальных условий существования языка, вызывая к жизни новые представления, понятия, оттенки мысли, предопределяет изменение его содержательной стороны. При этом форма тяготеет к сохранению ранее возникших средств выражения, в результате чего она, в ряде случаев, начинает вступать в противоречие с изменившимся содержанием. Это предопределяет варьирование словарных дефиниций, которые приводятся в соответствие с изменившейся научной картиной мира в сфере политики.

Сопоставительный анализ дефиниций политических полионимов в моноязычных толковых словарях контактирующих языков, исследование их узуального использования позволяют делать выводы об определенной тенденции к гармонизации ряда терминов. Исчезла прямо выраженная «научность», обусловленная исключительно марксистско-ленинской идеологией, текст словарной дефиниции в целом характеризуется идеологической нейтральностью. Данные процессы свидетельствуют об определенном сближении культур. Однако делать категоричные выводы еще преждевременно, поскольку политический дискурс, как никакой другой, зависит от человеческого фактора. Только внимательное и уважительное отношение друг другу, изучение как словарных толкований, так и узуального функционирования терминов будет способствовать эффективному политическому дискурсу, а значит, и гармонизации межгосударственных отношений.

³⁹ Языковые изменения конца XX века. / Под ред. Г.Н. Складневской. М.: Астрель АСТ, 2001. С. 567.

⁴⁰ The Oxford Dictionary of Foreign Words and Phrases / Ed. By Jennifer Speake. Oxford University Press, 2005. С. 316–317.

⁴¹ Random House Webster's College Dictionary. 2nd ed. N.-Y.: Random House, 1999. С. 1378.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЗАЩИЩЕННЫЕ ДИССЕРТАЦИИ

**РЕГИОНАЛЬНЫЙ ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ ДМ 218.003.02
ПО ФИЛОСОФСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ
УНИВЕРСИТЕТЕ ПУТЕЙ СООБЩЕНИЯ**

**(Председатель – д-р филос. наук, профессор Ю.М. Сердюков;
Ученый секретарь – канд. социол. наук, доцент С.Е. Туркулец)**

1. Гунькин И.В. Онтология в русском духовно-академическом теизме XIX в.

На соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.03 – история философии (защита состоялась 16 марта 2006 г.).

Объект исследования – философское наследие представителей русского духовно-академического теизма XIX в.

Предмет исследования – теистическая модель философского учения о бытии, разработанная православными преподавателями духовных академий. Методологическая основа исследования – историко-философская реконструкция и содержательно-смысловая интерпретация, а также аналитические и синтетические операции над историко-философским материалом. Выявлено наличие целостной онтологической концепции в русском духовно-академическом теизме XIX в., проведена репрезентация взглядов ряда наиболее выдающихся русских профессоров-теистов.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они могут быть использованы при разработке проблем истории русской философии, а также для теоретического осмысления сущностных вопросов философии религии.

Материалы диссертационного исследования могут найти применение в научной, методической и педагогической деятельности при разработке специальных курсов по истории русской философии, а также могут послужить отправной точкой для более детального исследования проблемы.

2. Мельникова С.В. Историсофская парадигма в проблемном поле исторических исследований.

На соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.01 – онтология и теория познания (защита состоялась 16 марта 2006 г.).

Объект исследования – процессы периодических перестроек логико-методологического инструментария субъекта исторического познания.

Предмет исследования – содержание и эпистемологическое значение историсофских парадигм.

Методологическая основа исследования – системный подход, методы детерминационного и сравнительного анализов. Проанализирована логико-методологическая функция историсофских парадигм в историческом познании, раскрыты базовые компоненты историсофских парадигм, рассмотрены факторы детерминации исторического познания через призму понятия «историсофская парадигма».

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они могут использоваться в изучении комплексных проблем логико-гносеологических и историсофских исследований, а также способствовать углубленному изучению ряда соответствующих тем в онтологии и теории познания, философии истории, историографии и методологии истории. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в научной, методической и педагогической деятельности при разработке специальных курсов по онтологии и теории познания, философии истории, историографии и методологии истории.

3. Лысун О.В. Нормативность сознания как условие и ресурс развития цивилизации: социально-философский анализ.

На соискание ученой степени кандидата философских наук по специальности 09.00.11 – социальная философия (защита состоялась 16 марта 2006 г.).

Объект исследования – взаимоотношения личности и общества в их социокультурном развитии и становлении.

Предмет исследования – субъектный уровень нормативности сознания, личностные условия развития цивилизации.

Методологическая основа исследования – феноменологический, аксиологический и цивилизационный подходы. Осуществлен концептуальный анализ нормативности сознания как важнейшее условие и ресурс развития цивилизации, выявлен и исследован негэнтропийный потенци-

ал нормативности как качество индивидуального сознания. Проанализирована конструктивная социальная функция нормативного сознания, обоснована идея о том, что ценностные ориентиры нормативного сознания являются основой и ресурсом социального прогресса.

Научно-практическое значение результатов исследования состоит в том, что они могут использоваться в изучении комплексных проблем оптимизации взаимосвязи человека и социума, их совместного развития и процветания. Материалы диссертационного исследования могут найти применение в научной, методической и педагогической деятельности при разработке специальных курсов по социальной философии, философии права, социальной психологии, теории личности.

**ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ К 212.056.01
ПО ФИЛОЛОГИЧЕСКИМ НАУКАМ
ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ**

1. Адонина И.В. Концепт «успех» в современной американской речевой культуре. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Н.И. Серкова.

Объектом исследования являются лексические единицы английского языка, а также включающие их словосочетания и конструкции, вербализующие концепт «успех».

Цель работы – комплексное описание концепта «успех» в современной речевой культуре американцев.

2. Ильина С.С. Обращение в сингапурском варианте английского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – канд. филол. наук, профессор А.А. Хаматова.

Объектом исследования является обращение в сингапурском варианте английского языка. В работе впервые в отечественной лингвистике описан сингапурский вариант английского языка: выявлены исторические причины появления, определены современный статус и роль, дана общая характеристика фонетических, грамматических и лексических особенностей сингапур-

ского варианта английского языка; дифференцированы понятия «разновидность» и «вариант» английского языка; произведена классификация обращений, выявлены этимологические особенности, определены факторы, влияющие на выбор обращения, выявлены общие модели обращения; описан частичный национальный автостереотип типичного сингапурца.

3. Лебедева И.Л. Концепт «социальный протест» в языковой картине мира США (на материале периодики и Интернет-ресурсов). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Э.Г. Меграбова.

Целью работы является изучение и описание способов языкового выражения концепта «социальный протест» в США с последующим выявлением ценностных составляющих. В диссертации выявлены способы вербализации концепта «социальный протест» в США, отраженные в американском языковом сознании; применен комплексный подход, сочетающий фреймовый и концептуальный анализ; исследуемый концепт представлен в статике и динамике; установлены его национально-культурные компоненты; эксплицированы основные гештальты; описаны его ассоциативные (образные) характеристики.

4. Пивоварова М.О. Слогоритмическая организация английской речи носителей вьетнамского языка. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.П. Бондаренко.

В диссертации рассматривается просодический аспект слогоритмической организации звучащей английской речи, свойственной носителям вьетнамского языка. В работе осуществлено сопоставление просодических характеристик английского и вьетнамского языков; проанализированы просодические отклонения в английской речи носителей вьетнамского языка; исследованы особенности восприятия ударения в пределах слова и фразы во вьетнамском варианте англий-

ского языка; выявлены причины возникновения интерференционных явлений.

5. Яшкина Е.А. Динамика эмоционального концепта «страх» в британской лингвокультуре. Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальности 10.02.04 – германские языки.

Научный руководитель – д-р филос. наук, профессор доц. Т.И. Мунгалова.

Объектом исследования является концепт «страх» в его языковой манифестации.

Цель работы – реконструкция эмоционального концепта «страх» как фрагмента языковой картины мира английского сообщества в диахроническом аспекте.

ДИССЕРТАЦИОННЫЙ СОВЕТ Д 212.056.03 ПО ПОЛИТИЧЕСКИМ НАУКАМ ПРИ ДАЛЬНЕВОСТОЧНОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ

(Председатель – д-р ист. наук, профессор В.Ф. Печерица;

Ученый секретарь – канд. филос. наук, доцент С.А. Мефодьева)

1. Васильева Л.А. СМИ в политических процессах тоталитарного и транзитного типов: сравнительное исследование места и значения печатных средств массовой информации советского и российского паттернов. Диссертация на соискание учёной степени доктора политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 29 июня 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: впервые сформулирована исследовательская парадигма, применение которой позволило выявить динамику и направление функционирования СМИ в политических процессах; комплексно проанализированы основные модели функционирования СМИ тоталитарной и транзитивной политических систем; разработана концепция периодизации демократической трансформации российского общества и соответственно СМИ; изучены роль и статус мифов и ритуалов на современном этапе развития российского общества; исследованы некоторые воззрения на некоторые последствия глобализации информационного поля, частью которого стали российские СМИ; компаративно изучены концепции отече-

ственных и зарубежных исследователей о роли медийных каналов – ретрансляторов мифов и ритуалов в демократическом обществе.

Автором проанализированы печатные средства массовой информации в политическом процессе: сущность и функции; политический процесс и его роль в структуре и сущности функционирования печатных масс-медиа; печатные СМИ в условиях демократического транзита.

Предложен комплексный подход к проблеме исследования роли средств массовой информации в политических процессах тоталитарного и транзитного типов, который позволяет глубже рассмотреть особенности современного этапа и перспектив развития политической жизни России. Эта задача тем более важна, что в последние годы проявляется устойчивая тенденция к глобализации информационного процесса, не обошедшая Россию, что существенно сказывается на условиях деятельности российских СМИ. Поднят вопрос о связи политического процесса как объекта научного изучения с функционально-динамическими аспектами политической системы прежде всего со взаимодействием её с социальной средой.

Основные положения и выводы могут быть использованы при подготовке научных трудов по теории современного политического процес-

са. В диссертации содержатся конкретные рекомендации совершенствования теории и практики функционирования отечественных медийных каналов в политической системе.

2. Танцура М.С. Парламентаризм в современной России: становление и динамика (на примере Приморского края). Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 28 июня 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: комплексный анализ пути, который прошли за годы реформ региональные парламенты на примере Законодательного Собрания Приморского края. Предложен комплексный подход к проблеме современного российского парламентаризма на региональном уровне. Поднят вопрос о дальнейших путях изучения законодательной власти на современном этапе развития в России в целом и в Приморском крае в частности.

Автором проанализированы базовые концепции парламентаризма, существующие в зарубежной и отечественной политической науке, а также особенности формирования Федерального собрания и региональные аспекты формирования и реализации парламентаризма в регионе, показано особое значение, которое имеет институционализация законодательной власти в Приморском крае.

Предпринята одна из первых попыток в отечественной политической науке рассмотрения институтов парламентаризма российского региона (Приморского края) комплексно, в историко-политико-правовом аспекте; уточнено определение понятия «парламентаризм», исследованы его теоретические и институциональные основания; выявлен ряд тенденций и закономерностей в развитии института парламентаризма в рамках трансформирующего общества.

Материалы и выводы диссертации могут быть использованы в практической работе региональных и местных органов законодательной власти, в преподавании курсов политологии, сравнительной политологии, политической регионалистики, стать основой спецкурса по особенностям регионального парламентаризма в России на рубеже XX–XXI вв. Основные положения диссертации могут быть использованы в качестве фактологической и методологической базы для продолжения исследования процесса

становления парламентаризма в Российской Федерации и Приморского края.

3. Пак Хи Су (гражданин Республики Корея). Политика государств корейского полуострова в области образования: сравнительный анализ. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 28 июня 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: исследование роли образования РК и КНДР как составного элемента политической системы государств Корейского полуострова. Впервые в российской корееведческой литературе рассматривается современная система образования КНДР. Определяется роль образования в процессе объединения Кореи.

В научный оборот вводится новая информация, в том числе по северо-корейской тематике, труднодоступная для российских исследователей в силу языковых и прочих причин.

Автором проанализировано образование в РК и КНДР как элемент политической системы, а также вопросы современного образования в политических системах РК и КНДР.

Впервые в российском корееведении проведено комплексное изучение и сравнительный политологический анализ систем образования РК и КНДР. На новой документальной основе и источниках выявлены особенности современного образования как политического института северо- и южнокорейского государств. В исследовании приведены малоизвестные сведения о содержании и целях учебного процесса в КНДР и РК, анализируется его нормативно-правовая база, что восполняет определённый информационный вакуум в российской востоковедной науке.

Использованы современные, относящиеся к последнему десятилетию, зарубежные исследовательские материалы, которые ещё не вовлечены в отечественный научный оборот. Анализу подвергается мало исследованная область современной политической истории РК и КНДР – становление системы образования и её роль в современном политическом процессе.

Определённое значение имеет критическое переосмысление привычной для российской историографии трактовки некоторых аспектов политической истории РК и КНДР. Впервые в российской литературе поднимается вопрос о значе-

нии образования как важного элемента политических систем РК и КНДР, его роли на пути объединения Кореи.

Практическая значимость данной работы может быть определена в свете предстоящего решения корейской проблемы, сохраняющейся как наследие эпохи «холодной войны». В данном исследовании автор попытался наметить возможные пути реформирования сферы образования в двух корейских государствах с целью обеспечения национального единства.

Основные результаты научного исследования могут быть интересны для широкого круга специалистов: политологов, историков, востоковедов. Их можно применить в ходе разработки специальных и лекционных курсов по новейшей истории Кореи, проблемам политической модернизации развивающихся стран и демократического транзита, использовать для создания обобщающих трудов по политическим процессам, при проведении занятий со студентами вузов и аспирантами, специализирующимися на проблемах корееведения или политологии.

4. Ефимова Л.А. Рациональные и иррациональные факторы политического выбора в современном российском регионе. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 29 июня 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: постановка и разработка широкого круга проблем, которые ранее не становились самостоятельным объектом политологического исследования. Предпринята эмпирическая верификация индикаторов российского политического выбора (как рациональных, так и иррациональных), разработана оригинальная методика определения, качественного анализа и сравнения рациональных и иррациональных индикаторов выбора

Автором проанализированы массовое политическое сознание (рациональные и иррациональные составляющие), феномен политического выбора – его региональный аспект, а также дан анализ факторов политического выбора на основе эмпирического исследования.

Осуществлен комплексный анализ основных теоретических моделей политического выбора («западный» и «российский» контекст). Произведен анализ взаимосвязи и взаимопроникновения

индикаторов личного и коллективного сознательного и бессознательного, участвующих в процессе политического выбора. Обоснована идея о специфике феномена политического выбора в России, суть которого сводится к взаимодействию иррациональных и рациональных факторов при превалировании ментальных элементов.

Основные результаты научного исследования могут быть интересны для широкого круга специалистов: политологов, психологов, социологов. Их можно применить в ходе разработки специальных и лекционных курсов.

5. Мусиенко И.М. Эволюция взаимоотношений экономических элит с федеральными органами исполнительной власти РФ в 90-х годах XX в. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 23 декабря 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: выявление основных условий формирования экономических элит современной России, определение их состава и внутренней структуры, установление основных этапов трансформации взаимоотношений экономических элит с федеральными органами исполнительной власти, а также определён характер взаимоотношений и степень его зависимости от конкретной политической и социально-экономической ситуации. Выявлены предпосылки возникновения олигархии и факторы, способствовавшие укреплению её позиции во властных структурах. Проанализированы основные направления борьбы финансовой олигархии и правительства за властные ресурсы государства.

Автором проанализированы экономические элиты Российской Федерации: особенности становления и экономическое положение, предпринята попытка установления причин возникновения олигархии, укрепления её позиций во властных структурах и обществе, а также проведен анализ взаимоотношений правительства и ведущих финансовых структур в 1997–1999 гг.

Предпринята попытка в отечественной политической науке рассмотреть проблему реформирования российского общества, определения места экономической элиты в политической системе страны и пути их возможного развития.

Полученные результаты научного исследования могут быть интересны для широкого круга

специалистов. Их можно применить в ходе разработки специальных и лекционных курсов по проблемам элитизма, современного политического процесса, при подготовке и написании обобщающих трудов по новейшей истории России.

6. Дорфеева Е.А. Субъекты и механизмы современного политического процесса в США.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 23 декабря 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: попытка на новой источниковой основе (многие американские документы и материалы впервые вводятся в научный оборот) представить современный политический процесс США как результат деятельности различных политических субъектов (Конгресса, правительства, политических партий, групп интересов, общественных движений и американских граждан как нации в целом); факторы и тенденции развития американского политического процесса в условиях глобализации и террористических угроз; особенности политического процесса в США на рубеже XX–XXI вв., дан политический прогноз его развития на ближайшие перспективы.

Автором проанализированы основные участники политического процесса США, политическая культура США как важнейший фактор политического процесса, а также механизмы американского политического процесса.

Разработанные положения о современном политическом процессе США могут быть использованы при оценке внутривнутриполитической ситуации в этом государстве. Материалы диссертации позволяют выявить сущность, особенности политического процесса в США, его основные субъекты и механизмы.

Основные результаты научного исследования могут быть интересны для широкого круга специалистов и применены специалистами в области новейшей истории США, политологии, при разработке спецкурсов по проблемам политической модернизации и демократизации, создания обобщающих трудов по политическим процессам, при проведении специальных семинаров со студентами и аспирантами, изучающими американскую проблематику.

7. Губарев А.Б. Информационные войны как объект политологического исследования.

Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.02 – политические институты, этнополитическая конфликтология, национальные и политические процессы и технологии (защита состоялась 24 декабря 2005 г.).

Наиболее существенными научными результатами диссертационного исследования являются: предпосылки возникновения информационных конфликтов; выявление специфики понятия информационной войны; проведение систематизации основных методов осуществления внешней информационной агрессии; определение тенденции изменения мирового порядка в сфере информационного влияния; выработка рекомендаций по укреплению положения России в глобальном информационном пространстве.

Автором проанализированы теоретические и методологические основы изучения информационных войн, механизмы информационной войны, а также информационные войны второй половины XX – начала XXI в. и их последствия.

Поднят вопрос о выявлении истоков и закономерностей развёртывания «информационных войн» в контексте информационных процессов, реализующихся на международном уровне, и о выработке практических рекомендаций для субъектов политики и информационного противоборства России.

Основные результаты научного исследования могут быть интересны для широкого круга специалистов. Проведённый анализ послужит *теоретической и методологической основой* для дальнейших исследований идеологических, политических и социально-философских аспектов возникновения и осуществления информационной агрессии.

Результаты диссертационного исследования могут быть использованы в процессе преподавания дисциплин социально-гуманитарного цикла.

Представленные в диссертационной работе выводы будут полезны при экспертизе и прогнозировании политической и идеологической ситуации в международном и российском информационном пространстве.

8. Ткачёв С.А. Империя как современная

полития. Диссертация на соискание учёной степени кандидата политических наук по специальности 23.00.01 – теория политики, история и методология политической науки (защита состоялась 24 декабря 2005 г.).

В данной работе предпринимается попытка оценить актуальность имперской организации политического пространства, сообразуясь с современными представлениями об империи. Выдвинутое предположение, что империя не только реально существующий в настоящем тип политики, но и являющийся доминирующим развивающимся, позволяет значительно переосмыслить логику основных политических процессов, происходящих в мире.

Автором сделан теоретический анализ понятия «империя», рассмотрены условия существования мира в «замкнутом пространстве», дает-

щих США как имперское образование, рассматривается внешнее окружение главенствующего сегодня политического актора.

Дано комплексное и всестороннее рассмотрение современного состояния международных отношений, которые согласно предложенной концепции представляются в виде определённой организации политий относительно единственной глобальной империи – США. Используемый подход позволяет выявить собственные тренды развития отдельных политий в образовавшейся системе.

Основные материалы научного исследования могут быть использованы в преподавании дисциплин политической и исторической науки, прогнозировании развития политических процессов, определении степени реалистичности программных установок тех или иных политических сил.

ся обзор современных концепций, определяю-

НАУЧНАЯ ПРОГРАММА

Региональной научно-практической конференции

«ДАЛЬНИЙ ВОСТОК: ПРОБЛЕМЫ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ

КОММУНИКАЦИИ»

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, Хабаровский научный центр ДВО РАН, Российский гуманитарный научный фонд объявляют о проведении конференции, в рамках которой предполагается проведение следующих мероприятий.

Выступления с докладами, стендовое представление материалов и обсуждение докладов и материалов по актуальным проблемам изучения истории, современности и перспектив развития межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке. Основная цель конференции – выявление спектра типов и исторических форм межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке. Одна из важнейших задач конференции – выявление закономерностей развития межкультурной коммуникации в Дальневосточном регионе, роли и места культур малочисленных народов российского Дальнего Востока в дальневосточном культурном пространстве, перспектив взаимодействия российской культуры с культурами таких соседей, как Китай, Япония, Корея и другие страны АТР. Результаты конференции будут иметь теоретическое и практическое значение. Теоретическое значение результаты будут иметь для философии культуры, философии истории и философской антропологии, культурологии, социологии и всеобщей истории. Практическое значение результаты будут иметь для формирования содержания ключевых дисциплин специальностей гуманитарного профиля. Проведение конференции приурочено к празднованию пятидесятилетия со дня основания ГОУВПО «Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета»

Философия как интегративная область знания призвана обеспечить теоретические основы решения важнейших проблем изучения межкультурной коммуникации. Сегодня вопрос о природе и формах межкультурной коммуникации имеет важнейшее значение как для понимания сущности человека и культуры, так и для решения конкретных задач социального, экономического и политического развития России, в целом, и ее Дальнего Востока, в частности. Ответы на этот вопрос предлагаются различные и мало согласованные друг с другом. Одной из важнейших культурных и социально-экономических

проблем на Дальнем Востоке сегодня является проблема экологии культуры коренных малочисленных народов. Это проблема перспектив сохранения и развития этих культур, от решения которой зависит очень много, прежде всего, выживут ли создававшие их этносы. Не менее значимой является и проблема взаимодействия российской культуры с культурой стран АТР и, в первую очередь, Китая Японии и Южной Кореи. Это проблема также имеет не только культурологическое, но геополитическое значение. Философия культуры, философия истории и философская антропология представляют собой как раз те научные дисциплины, интеграция которых позволит решить задачу познания природы межкультурной коммуникации и форм ее существования в контексте современного Дальнего Востока.

Данная конференция является пятой конференцией, проводимой факультетом лингвистики и культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, направленной на решение философских аспектов социальных, гуманитарных и культурологических наук, она посвящена отмечаемому в 2005 г. пятидесятилетию со дня основания Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета.

Предлагаемые для обсуждения проблемы

- Российская культура и культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока: история взаимодействия.
- Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке.
- Российская культура и культура стран АТР.
- Геополитические аспекты взаимодействия России и Китая, Японии, Южной Кореи.
- Связи с общественностью и политический климат на российском Дальнем Востоке.
- Методология исследования межкультурной коммуникации.
- Диалог и общение в истории культуры. Общение как среда онтогенетического, филогенетического и исторического становления человека.
- Социально-экономические, педагогические и культурологические аспекты изучения

культур коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

- Практический опыт сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

Работа проводится по следующим секциям:

1. **Философия.** Социально-экономические аспекты взаимоотношений коренных малочисленных народов Дальнего Востока России и российского народа; геополитические аспекты взаимодействия России и Китая, Японии, Южной Кореи; связи с общественностью и политический климат на российском Дальнем Востоке; методология исследования межкультурной коммуникации; диалог и общение в истории культуры: общение как среда онтогенетического, филогенетического и исторического становления человека.

2. **История, археология и этнография.** Исторические аспекты изучения взаимоотношений коренных малочисленных народов Дальнего Востока России и российского народа, России и Китая, Японии, Южной Кореи, других стран АТР.

3. **Педагогика и психология.** Педагогические и социально-психологические аспекты изучения коммуникации культур России и коренных малочисленных народов Дальнего Востока России, стран АТР.

4. **Культурология, литературоведение и религиоведение.** Российская культура и культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока: история взаимодействия; Российская культура и культура стран АТР; аксиологические аспекты межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке; практический опыт сохранения культурного наследия коренных малочисленных народов Дальнего Востока России.

5. **Лингвистика и межкультурная коммуникация.** Лингвистические аспекты межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке.

СОСТАВ ОРГКОМИТЕТА

Председатель оргкомитета: доктор философских наук, профессор Илья Игоревич Докучаев.

Заместитель председателя: доктор философских наук, профессор Александр Георгиевич Никитин.

Ученый секретарь: оргкомитета кандидат филологических наук, профессор Галина Терентьевна Шарлаимова.

Члены оргкомитета:

Доктор исторических наук, профессор Сергей Васильевич Бобышев;

Доктор исторических наук, профессор Лев Николаевич Долгов;

Доктор культурологии, профессор Татьяна Алексеевна Чабанюк.

РАСПИСАНИЕ

19.09.2006

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет:

г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27

10.00 Регистрация

11.00 Открытие

11.30 – 14.00 Пленарная сессия I

14.00 – 15.00 Перерыв

15.00 – 18.00 Круглый стол «Проблемы

практической экологии культуры коренных малочисленных народов Дальнего Востока России»

19.00 – 21.00 Вечер встречи

20.09.2006

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет:

г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27

10.00 – 14.00 Пленарная сессия II

12.00 – 12.30 Перерыв

14.00 – 15.00 ПЕРЕРЫВ

15.00 – 18.00 Круглый стол «Россия и

страны АТР: проблемы культурного и социально-экономического сотрудничества»

18.00 Пешеходная экскурсия

21.09.2006

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет:

г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27

10.30 – 13.30 Параллельные сессии

13.30 – 15.00 ПЕРЕРЫВ

15.00 – 17.30 Параллельные сессии

17.30 – 18.00 Перерыв

18.00 Культурная программа

19.00 Отъезд

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Иногородние участники могут остановиться в гостинице университета или в гостинице «Восход», находящейся рядом с университетом.

Адрес оргкомитета:

681013 г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, 27

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет, деканат факультета лингвистики и культурологии, 4-й учебный корпус, ауд. 322.

ФАКС (4217) 53 - 61 - 50

Тел: 54 - 71 - 86

e-mail: flk @ knastu. ru

Для участия в работе конференции необходимо, чтобы оргкомитет получил в печатном (письмо или факс) и электронном (на дискете 3.5) вариантах следующие документы:

1. Заявку (заполняется на каждого автора отдельно), в которой указать название доклада, наименование секции, Ф.И.О. автора (полностью), ученая степень, ученое звание, название вуза и адрес, по которому следует высылать приглашение и сборник материалов конференции.

2. Тезисы доклада, оформленные в соответствии с нижеуказанными требованиями.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ МАТЕРИАЛОВ В СБОРНИК

Материалы представляются объемом 4–6 полных страниц на бумажном носителе, отпечатанном на компьютере, и на дискете 3.5. При использовании компьютера просим применять редактор Word 6.0 Windows и более молодые версии. Материалы печатаются на белой бумаге форматом А4, текст должен помещаться в рамку 160 x 240 мм, шрифт Times New Roman, кегль – 14, красная строка 1,27 (стандартная) см, межстрочный интервал – 1. В левой половине от начала первой строки набирается абзац с инициалами и фамилией автора строчными буквами, второй строкой через один интервал – место работы строчными буквами, через два интервала после указания организации прописными буквами набирается заголовок статьи. Через два интервала после заголовка с красной строки набирается текст, нумерация страниц карандашом в правом верхнем углу. Не разрешаются переносы в заголовках: если заголовок состоит из нескольких строк, то предлоги, союзы переносятся на следующую строку. В конце через один одинарный интервал печатается библиографический список используемой литературы. Срок представления

материалов до 1 сентября 2006 г. в деканат факультета лингвистики и культурологии.

Пример оформления:

А.А. Иванов

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет

ИГРОВЫЕ ФОРМЫ УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ В НЕЯЗЫКОВОМ ВУЗЕ

Текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст, текст,

Участникам конференции необходимо внести оргвзнос в размере 90 рублей за каждую страницу текста (выпуск программы, публикация сборника, почтовые расходы) до 01.09.2006. Деньги перечислять по адресу:

Хабаровский край

ИНН 2703016488

ОФК по Ленинскому округу

г. Комсомольска-на-Амуре,

(ИНН 2727000769 ГОУВПО «КнАГТУ»

КПП 270301001 ЛКС 06073340830)

Р/с 40503810100001000002 в РКЦ банке

БИК 040825000

Код бюджетной классификации

07330302010010000180

В назначение платежа указать: 5020000 ПД,

2ЦС на проведение конференции ФЛК

ФИО

Оплата организационного взноса возможна также наличными в момент регистрации, непосредственно на конференции. Оргкомитет оставляет за собой право отклонения материалов, не содержащих новой научной информации и не удовлетворяющих вышеуказанным требованиям. Тезисы печатаются в авторской редакции.

Оргкомитет

ПАМЯТИ ФИЛОСОФА: МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН

10 февраля 2006 г. скончался выдающийся отечественный философ Моисей Самойлович Каган. Для многих разделов философии работы профессора М.С. Кагана являются классическими и фундаментальными. Это, прежде всего, эстетика и философия культуры. Но интересы Моисея Самойловича были энциклопедическими, и он оставил значительный след в области искусствоведения, философской антропологии, философской теории деятельности и онтологии. Мало кому из российских гуманитариев незнакомо имя Кагана. Он стал известен с конца шестидесятых годов после публикации знаменитых лекций по марксистско-ленинской эстетике. В начале семидесятых вышла его «Морфология искусства», началась длительная скандальная и опасная полемика с Академией художеств в лице М.А. Лифшица. Упреки в формализме, антимарксизме и т.п. преступлениях против советской идеологии грозили самыми страшными карами для советского философа. Многих удалось избежать. Но в течение долгого времени доступ в крупные издательства для М.С. Кагана был закрыт, исключение составила лишь одна книга «Человеческая деятельность». Только в 1988 г. с момента публикации книги «Мир общения» началось возвращение. Были напечатаны книги, посвященные истории культуры Петербурга, исследования о музыкальном и изобразительном искусстве, «Философия культуры», «Философская теория ценностей», «Метаморфозы бытия и небытия». Результаты научной работы Моисея Самойловича поистине впечатляющи. Более тысячи публикаций, среди которых 32 монографии (сколько было опубликовано учебников и учебных пособий никто не считал), сборники статей, знаменитый коллективный трехтомник «Художественная культура различных социально-экономических формаций». За годы работы Моисей Самойлович подготовил более трехсот кандидатов и докторов наук. В Санкт-Петербурге нет ни одного философа, которого не связывали бы с М.С. Каганом отношения ученичества или сотрудничества. Но и по всей стране наберется немало учеников петербургского профессора.

В течение всей своей работы М.С. Каган оставался сторонником марксистской философии, в частности считал очевидным, – и старался это продемонстрировать в своих исследованиях – положение о решающей роли материальной

культуры в определении динамики культурно-исторического процесса. Но марксизм Кагана никогда не был догматическим, ученый стремился сочетать его положения с теми философскими идеями, которые представлялись истинными. Марксистская диалектика, теория систем, синергетика – такова история коррекции изначальных позиций. Моисей Самойлович был глубоко и широко образованным человеком, трудно найти область знания, в которой он бы не ориентировался как крупный ученый и блестящий профессионал, прекрасно говорил на немецком, французском и английском языках, всегда интересовался всем новым, тщательно прочитывал множество появившихся в последнее время публикаций, откликался на предложения участвовать в конференциях, охотно оппонировал на защитах диссертаций. Профессор Каган был требователен к себе и к другим, никогда он не позволял себе выпустить в свет некачественную научную продукцию, долго работал над диссертациями своих учеников. К мнению М.С. Кагана прислушивались, его авторитет был огромным, но это никогда не мешало даже студентам спорить с профессором. Если оппонента не удавалось переубедить, это не становилось поводом для каких-либо административных решений со стороны М.С. Кагана, он всегда уважал чужую позицию, даже когда считал ее необоснованной. Моисей Самойлович не любил создавать дистанции между собой и другими людьми ни в профессиональном, ни в личном плане. Он всегда был душой любой компании, великолепным тамадой на банкетах, мастером анекдота. Когда чествовали новоиспеченного кандидата или доктора наук, Моисей Самойлович так организовывал этот процесс, что каждый чувствовал себя частью большого и дружного сообщества.

Все, кто знал Моисея Самойловича лично или читал его книги, никогда не забудут впечатления, которое получили. А главным впечатлением, на мой взгляд, является искренняя любовь к подлинной науке, к поиску эвристически плодотворных решений старых проблем, открытию новых путей поиска. Моисей Самойлович был настоящим учителем, показавшим, как надо работать и как надо жить, если ты выбрал науку своим поприщем.

*Доктор философских наук,
профессор И. Докучаев*

Рецензия

На книгу М. Хардта и А. Негри «Множество: война и демократия в эпоху империи»

E pluribus unum..?

«Бойтесь утопий, они претворяются в жизнь», – любили говорить лидеры студенческих восстаний 1968 г., не подозревая чем этот лозунг обернется для них и всего западного мира. Но в этой установке есть жизненная сила и своя правда тех, кто волевым усилием ориентирован на масштабные социальные действия. Впрочем и интеллектуальные – книжные – утопии никогда не проходят даром для мира социальной реальности. Но их принципиальное отличие от сферы повседневного активизма заключается в том, что они не столько призывают (этика ответственности), сколько лишь внедряются в наше *conscience collective* (этика убеждения).

Выходящая на русском языке книга Майкла Хардта и Антонио Негри «Множество: война и демократия в эпоху империи»¹, на первый взгляд может показаться леворадикальной интеллектуальной провокацией, своего рода «уловкой № 2» после «Капитала» Маркса, тем более что сами авторы не отрицают своей фундаментальной зависимости от марксистских идей, однако, это – обманчивое впечатление. Мы имеем дело с весьма серьезной постановкой гипотез глобального транзита. Да, пока еще только гипотез, но гипотез совершенно особого свойства. Они не предсказывают будущее, базируясь не строго просчитанных социально-политических и экономических трендах, не конструируют контуры грядущего исходя из той или иной теоретической парадигмы, не сокрушают будущее методом постмодернистской иронии. Предприняв попытку масштабного синтеза актуального знания о постсовременном обществе, М. Хардт и А. Негри предлагают взглянуть на несколько отдаленное будущее не как на неизбежное следствие запрограммированных выборов ныне живущих людей, сколько как на вероятную возможность, вытекающую из их сегодняшней доброй воли и коллективного согласия. Эта возможность, по их мнению, – не виртуально-утопична, ее лишь следует внимательно распознать в окружающем нас мире.

Не ставя перед собой задачу подробного анализа книги, благо добротный разбор этого исследования опубликован Владиславом Иноземцевым на страницах «Вопросов философии»², сосредоточимся лишь на ее макросоциологической составляющей и новых познавательных перспективах, которые благодаря ей открываются.

По сути, соавторы, из которых выделяется, прежде всего, яркая фигура итальянского неомарксиста Антонио Негри, одного из лидеров «красных бригад», предлагают нам отказаться от привычного для классического социологического аппарата и отнюдь не в целях эпатирования читающей публики, сколько для продвижения их базового тезиса: сегодняшний мир изменился до неузнаваемости, а мы по-прежнему пытаемся применить к нему понятия давно ушедшей в небытие эпохи. Этот тезис нельзя признать оригинальным, на нем построена буквально вся постмодернистская (впрочем, и не только постмодернистская!) гносеология, однако М. Хардту и А. Негри удается развить его с большим изяществом, чем многим теоретикам 80–90-х годов, хотя не всегда последовательно и объективно.

Но, их сила не в идейном новаторстве, а – в языковом самовыражении. Более того, большинство так называемых авторских гипотез в том или ином виде имеет своих концептуальных предтеч, причем надо признать, пока еще малоизвестных широкой публике, в том числе и в силу известной академической недоступности. Хардт и Негри весьма удачно переделывают их на свой лад, собирают воедино и предлагают новый «продукт» своеобразной художественной формы. А без этого, как кажется, дискурс цивилизационного транзита не получит должного публичного отклика. Однако. В погоне за «сбалансированностью» своей концепции авторы книги весьма избирательно подходят как к фактам, так и в особенности к современным идеям и теориям. И на выходе мы получаем достаточно одиозную и од-

¹ Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*. Penguin, 2004.

² Иноземцев Вл. Представление новой эпохи // Вопросы философии. 2005. № 5. С. 183–187. Ср.: Там же. «Открыватели» нового мира // Книгочей. Москва : Ладомир, 2005. С. 260–271.

ностороннюю доктрину цивилизационного транзита, что, пожалуй, весьма характерно для всех последовательных сторонников марксизма. При этом никакие расшаркивания авторов в сторону других взглядов и концепций не делает их ни сторонниками полипарадигмального подхода в социальном исследовании, ни, тем более, пластичными внутри собственно марксистского методологизма. Планка задана, а большинство оценок предопределено априори. И все это делает многие страницы книги либо банальными, либо предельно предсказуемыми, а оттого – довольно скучными.

Классическая современность (modernity) и постсовременность (postmodernity) – вот те два исторических проекта, вокруг которых построено все авторское повествование. Но какие перспективы открывает перед нами переход от одного проекта к другому? Сохраняется ли у нас право выбора или даже просто возможность хоть как-то повлиять на ход этого исторического транзита? Безусловно, именно этими двумя вопросами больше всего озабочены М. Хардт и А. Негри.

В классическом меню социальных понятий авторы чувствуют себя тесновато и, в принципе не отказываясь от терминологического аппарата XIX–XX вв. («общество-личность», «класс», «труд», «бедность», «производство» и т. п.), они активно предлагают для широкого употребления семантику из лексикона постструктуралистов (М. Фуко) и постмодернистов (прежде всего, Р. Рорти). Благодаря чему марксистский язык (и концептуальный взгляд) насыщается совершенно непривычными для него «словечками» и оборотами. «Биовласть» и «биополитика» – главные лексические пристрастия авторов, которые они в свою очередь заимствовали у Фуко. Гремучая смесь марксизма и постмодернизма не так страшна с точки зрения истинности суждений, сколько чревата утратой границ между эмпирической констатацией и фантазией. Так, и у авторов книги все социальные и политические феномены рано или поздно оборачиваются их «проектной» стороной. И война и мир, и авторитаризм и демократия, и труд и капитал, и даже социальные классы – все это из-под пера авторов превращается в «проекты», т. е. в предметы свободного выбора людей.

Но именно это-то в первую очередь и симптоматично нынешней – критически настроенной – публике, ибо перед ней открывается широкая панорама для совместных усилий по реформированию сегодняшнего мироустройства. Демократия в кризисе, война поглощает собой мир, нема-

териальный труд диктует свои правила всем остальным формам занятости, богатство и бедность все больше поляризуются, – вот лишь немногие сюжеты, которые рассматривают в своей книге М. Хардт и А. Негри, и которые, очевидно, болезненно переживаются всем человечеством.

Отправная точка авторов заключается в постулировании тезиса об Империи («Империя» упоминается ими всегда с большой буквы и только в единственном числе). Причем под «Империей» они понимают не нечто территориально-страноведческое, сколько вообще базовую тенденцию в современной мировой политике, а именно глобальную «сетевую власть», включающую в себя много неравнозначных компонентов – начиная от ведущих национальных государств и крупнейших транснациональных корпораций, и кончая наднациональными институтами. «Сетевая власть» буквально у нас на глазах обретает особый мировой суверенитет, поскольку «это единственная форма власти, которой удастся сохранить теперешний глобальный порядок на длительное время»³. Пусть даже и за счет регулярных нарушений суверенитета других национальных государств. Империя, иными словами, – это не отдельная страна и даже не совокупность стран, а именно «имперская сеть», властвующая над глобальным порядком, входящая в которую в известном смысле гарантирует суверенитет ее участникам и соблюдение их национальных интересов. В Империи формируется режим «биовласти», которая не только порождает регулярность войны и грозит смертью, но и «возвышается над социумом как суверенная сила, превосходящая всякое бытие и навязывающая ему свой порядок»⁴. Она правит жизнью, влияет буквально на все стороны витальности обществ, и поскольку затрагивает жизнь людей во всем ее многообразии, постольку, полагают авторы, оправдана приставка «био-».

Но есть ли этой властной сети какая-либо альтернатива в нашем мире, вопрошают сами себя авторы книги, и находят ее в гуще неупорядоченной жизни, за неимением лучшего понятия, именуя ее «множеством» (multitude). Если Империя сеет раздоры и конфликты, играет на противоречиях, создает новые формы контроля и насилия, конституирует перманентность войн, то Множество, также рожденное глобализацией,

³ Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. P. 3.

⁴ Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. P. 125.

охватывает все сети свободных и равноправных контактов людей, их кооперацию и сотрудничество, совместные решения и дискуссии.

Само понятие «множество» пока еще не очень устоялось в западной академической науке, хотя достаточно широко используется в итальянской политической философии (*moltitudine*) для описания глобальной совокупности новых социальных субъектов эпохи постсовременности. «Множество» не просто не сводимо ни к одному из понятий социальности классического модерна (таким как «нация», «народ», «класс», «масса», «глобальный народ» и т. д.), а до определенной степени противопоставлено им своей многоликостью. Все привычные категории для классического социологического анализа предполагали примат цельности над единичностью. В народе, нации, массе человек растворялся, пусть даже и не полностью, но его партикулярность всегда была подчинительной по отношению к социокультурной тотальности более крупных агрегатов. Сегодня же, не без оснований утверждают авторы, сформировался многоликий социум несчетного числа внутренних несходств, его «невозможно свести воедино или к одному облику». Даже понятие «общество» и то в данном случае нуждается всякий раз в разъяснениях и оговорках.

Возможно, термин «множество» не самым привычным образом прозвучит для русского уха, но в романо-германских языках слова с приставкой «multi» вовсе не означают исключительную принадлежность к академическому дискурсу и призваны описывать всяческие бесконечности. Неструктурированное, подчас хаотичное и свободное сочетание «отличительных» друг от друга акторов и групп хорошо передается понятием «множество». И, конечно же, с его помощью мы перемещаемся в иные плоскости обществоведческого анализа. Множество не синонимично глобальному обществу, оно также и не схватывает некий социум в его статическом измерении, и поэтому буквально не состоит из «классов», «страт», «сословий» и т. д. Множество сконструировано «из собрания личностей, ... чья оригинальность не может быть сведена к чертам сходства и отличает его от других»⁵.

Казалось бы, глобализация подталкивает мир к еще более глубинной универсализации, но на деле, как считают авторы, она сформировала открытую и постоянно расширяющуюся систему «различимостей», континуум бесконечного своеобразия субъектов множества. И если эта тен-

денция сохранится, по крайней мере, в ближайшей перспективе, то обнаруженные различия «должны открывать нечто общее, что давало бы возможности для коммуникации и совместных действий»⁶. И поскольку «общее» не будет ниспослано нам с небес, то остается признать, полагают авторы, что оно «не столько обнаруживается, сколько производится»⁷. И вновь это «общее» оказывается глубоко запрятанным в сетевой структуре постсовременного общества и проявлено сотрудничеством в труде. «Биополитическое» производство присуще именно обществу, ибо отныне уже не сводится лишь к производству товаров в вещественном смысле, а – «жизненных форм» как таковых.

«Общество различимостей»? «Различия» вместо «дифференциации» – эту терминологическую смену западная социология совершила еще на рубеже 70-80-х гг., причем, как кажется, не только признав сам факт распада классовых обществ классического модерна, сколько, в том числе и по идеологическим соображениям, предвосхищая эпоху политкорректности. Однако сколь часто исследователи не писали бы сегодня о множатых социальных различиях, никто пока еще не усомнился в том, что и постсовременное общество по-прежнему выступает в облике более или менее стратифицированного социума. «Собрание личностей» выступает в этой связи не более, чем эвристичная метафора, ухватывающая общественную намеренность, но никак не социальную реальность.

За красивой вывеской о «несводимых различимостях», по сути, скрывается более умеренный в своих допущениях постулат о том, что практически все постсовременные общества так или иначе становятся мультикультурными. Странно, что М. Хардт и А. Негри, так часто играя с приставкой «мульти-», не разу не прибегнули к этому понятию. Что, впрочем, неудивительно, поскольку теория мультикультурализма разрушает их «благостные» построения относительно взаимодействия свободных сетей. А между тем именно в теории мультикультурализма содержится, как кажется, куда более корректный взгляд на постсовременное общество, в котором социальные и национальные скрепы уступают место культурным факторам⁸. Различимости, безусловно, имеют место быть, но их несводи-

⁵ Ibid., P. 129.

⁶ Ibid., P. 6.

⁷ Ibidem

⁸ Полный компендиум концепций мультикультурализма см.: Goldberg D.T. (Ed) Multiculturalism. Oxford: Blackwell, 1994.

мость – не более чем квазинаучный миф. Даже более того: локальные культуры⁹ внутри национальных пространств создают зачастую довольно закрытые и фундаменталистские, эгоистические и нетолерантные системы. Иными словами, кризис социальных индентичностей на деле оборачивается ренессансом идентификаций сугубо примордиального свойства. А в них даже постсовременная личность растворяется «без осадка», не оставляя никаких сомнений относительно призрачности свободной кооперации и терпимости друг к другу.

Мультикультурная среда поощряет различности, но она же и формирует один из глобальных вызовов постсовременности – проблему глубины и характера интегрированности мультикультурных субъектов в национальном государстве, а последнее пока еще не отменено ни теоретически, ни эмпирически. Не случайно М. Хардт и А. Негри апеллируют к государству как к наиважнейшему политическому актору на протяжении всего своего многостраничного рассуждения. И, возможно, утаивание мультикультурности, сознательно предпринятое авторами книги, как раз таки и связано с тем, что мультикультурная среда создает фундаментальную сложность нашего времени – сложность практического обнаружения в «сетевом» пространстве общей ценностной, а в более широком аспекте, смысловой площадки. Все европейские потрясения последних нескольких лет красноречиво свидетельствуют об отсутствии таковой даже в зоне относительного преуспевания. Однако в логике М. Хардта и А. Негри «множество внутри себя», в том числе и под давлением биовласти, неизбежно обнаруживает тягу к «общему». Но именно эта гипотетическая «тяга» в мультикультурном обществе с каждым годом становится все более призрачной, разрушая последние иллюзии относительно априорной солидарности множества.

От сетей перейдем к человеку. Глобализация диверсифицирует мир и, соответственно, как полагают авторы книги, человека. Множественность есть «плюральность, не поддающаяся упрощению; единичные социальные различия, присутствующие множеству, всегда должны находить выражение и не должны нивелироваться до состояния одинаковости, единства, общей идентичности или нейтральности»¹⁰. И в этом – главное преимущество и главная проблема множества, считают авторы. Убедительно. Впрочем, подоб-

ному взгляду на сегодняшнюю реальность – по крайней мере, два десятилетия. И здесь мы вновь сталкиваемся с сознательным умалчиванием авторов книги о своих интеллектуальных источниках. Активно прибегая к понятиям модерна и постмодерна, авторы обходят вниманием теории модернизации конца 80-х – начала 90-х гг. прошлого столетия. А между тем в них мы находим описание и идеи, чрезвычайно близкие «духу» книги (точнее, – наоборот).

К примеру, в основание популярной сегодня теории рефлексивной модернизации положен тезис о дихотомизации модерна и постмодерна, выраженной в социокультурной сути их носителей. Обычный человек классического модерна выбирал «стандартную» биографию, в результате чего оказывался куда менее гибким и мобильным, чем его сегодняшние постсовременные потомки – носители «рефлексивных» биографий. Биографий, лишенных фоновой предзаданности и – с точки зрения классического модерна – абсолютно непредсказуемых, с предельно широким «зазором» социального выбора¹¹. Социокультурная среда «стандартной» биографии, разумеется, пестовала общие идентичности и была склонна к выработке, по крайней мере, единого ценностного пространства их разыгрывания¹². Среда же рефлексивных субъектов – более плюралистическая, и именно поэтому приводит к резкому возрастанию общественных рисков. А ценой гибкости и высокой мобильности становится социальная дезинтеграция¹³.

М. Хардт и А. Негри, похоже, рассуждают прямо наоборот. Микроантропология нашего времени их мало занимает. Точнее, их не интересует отдельный человек с его сугубо индивидуальными проблемами. Их волнуют судьба крупных и значимых социальных агрегатов – бедняки, рабочий класс, капитал, мигранты и т. д. А поэтому в их логике, чем более неодинаковыми и нестандартными становятся постсовременные люди, тем больше якобы шансов для достижения общественной конгруэнтности, ибо сама жизнь толкает их в объятия друг к другу (как ес-

¹¹ Термин «рефлексивная биография» был впервые предложен Э. Гидденсом (Giddens A. *Modernity and Self-Identity*. Cambridge: Polity Press, 1991), и теперь он в широком ходу. См. также: Beck U., Giddens A., Lash S. *Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order*. Cambridge: Polity, 1994.

¹² Подробнее см.: Lash S., Friedman J. (Eds) *Modernity and Identity*. Oxford: Blackwell, 1992.

¹³ Не случайно У. Бек такой тип социум именовал «обществом риска». См.: Beck U. *Risk Society. Towards a New Modernity*. London: Sage, 1992.

⁹ Ср.: Cooke Ph. (Ed) *Localities*. London: Unwin Hyman, 1989.

¹⁰ Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*. P. 135.

ли бы им нечего было бы терять, кроме своих цепей). Откуда такая уверенность? Узнаем, дочитав книгу до самого конца.

М. Хардту и А. Негри не откажешь в пафосном гуманизме. Но их гуманизм одобрен марксистским «задором». Власть и общество описываются ими с применением нравственных колоритов. Да что там колоритов – контрастных цветов. Имперская био-власть – подлинная ось зла, избавиться от которой рано или поздно человечеству все же придется. Любые формы сопротивления этой оси – морально оправданы и служат благой цели. И не важно при этом, кто и как оказывает ей сопротивление. Главное – всяческими средствами приблизить ее исторический конец. В «благородных» помыслах М. Хардта и А. Негри все «сопротивленцы» суть союзники – и повстанцы тропических джунглей, и сапатисты, и ХАМАС, и феминистки, и антиглобалисты, и сексуальные меньшинства, и коммунисты Северной Кореи; словом все, кто готов выставить счет сегодняшней мировой биовласти, кто исписал многие страницы глобальной «Книги жалоб», как пишут об этом авторы в заключительной главе своей книги¹⁴. Биополитика же, напротив, – олицетворение глобального добра. Только она и проявляет в себе подлинный запрос на демократию, только она чиста в помыслах и делах своих. Единственная же проблема биополитики в том, что она не способна сама организовать себя как политическая сила, и поэтому нуждается во внешнем вспомоществовании, внешнем лидерстве. Не трудно догадаться, откуда явится долгожданный «спаситель».

Глобальный мир асимметричен, пишут М. Хардт и А. Негри. И высшей формой проявления этой асимметрии является то обстоятельство, что биовласть настаивает на регулярности войны, а биополитика требует, говоря словами Канта, вечного мира. Эта асимметричность формирует принципиально новые параметры социальной реальности, которые собственно и предвосхищают наступление нового исторического «проекта». О каких же это «новых временах» авторы ведут речь?

Прежде всего, констатируют авторы, сегодня следует говорить не об исключительности войн, а об «общем всемирном состоянии войны, которое размывает различие между войной и невойной до такой степени, что мы уже не можем вообразить себе подлинного мира и даже рассчитывать на него»¹⁵. Экстраординарность воору-

женного конфликта оборачивается сегодня ординарностью состояния гражданской войны, превращающейся в «устойчивую форму общественных отношений»¹⁶. С этим утверждением трудно не согласиться. Действительно, в практиках классического модерна войны велись постоянно, но сама война считалась явлением «исключительным», ибо намеренностью модерна в момент его генезиса было, безусловно, миротворчество, а интеллектуальное разведение первого от второго стало приметой времени в академической науке лишь самых недавних лет¹⁷ и, как видим, с энтузиазмом подхвачено М. Хардтом и А. Негри. Впрочем, для авторов важнее подчеркнуть замкнутость всего цикла: поскольку границы военных действий становятся неопределенными пространственно и во временном измерении, война сегодня становится unlimited, а в борьбе с терроризмом «редукция войны до полицейской акции не устраняет, а фактически подтверждает ее онтологическое измерение»¹⁸. Иными словами, легитимация глобального мира сегодня, если развить мысль авторов, буквально держится на практиках насилия, наемнических войнах, в то время как само насилие индивидуализируется, национальный суверенитет рушится, а верховенство право в международном пространстве регулируется силой, а не наоборот.

В результате для мирового человечества стираются различия между войнами справедливыми и несправедливыми, враг таится повсюду, а нравственные основания применения силы утрачивают всякий *raison d'être*, и поэтому, развивая слоган субкоманданте Маркоса, мир вступил в постсовременное состояние четвертой «имперской гражданской войны»¹⁹. Это утверждение позволяет авторам концептуально объединить все формы, в том числе и сетевого, сопротивления Империи и высоко интенсивных имперских контракт на него в формуле регулярной «постфордистской войны» – системы мобильных и гибких локальных столкновений и конфликтов²⁰. А столь эвристичный подход дает нам возможность распознать связь между процессами, которые происходят во внутренней организации постсовременного общества, и изменениями гло-

¹⁶ Ibid., P. 24.

¹⁷ О миротворчестве раннего модерна из недавних публикаций см.: Joas H. The Modernity of War // International Sociology. 1999. Vol. 14. № 4.

¹⁸ Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. P. 33.

¹⁹ Ibid., P. 56.

²⁰ Ibid., P. 59.

¹⁴ Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. P. 326.

¹⁵ Ibid., P. 15.

бального порядка: поскольку общественные связи становятся сетевыми, постольку и война обретает устойчивую «сетевую форму», причем с обеих сторон противостояния²¹.

Впрочем, мы видим, пишут авторы, что сопротивление Империи идет и мирными средствами. И здесь важнейшую роль играет так называемый нематериальный труд, посредством которого создаются нематериальные продукты, а именно информация, знания, идеи, образы, отношения и эмоциональные реакции. А этот труд собственно и составляет базис постфордистской общественной реорганизации. И даже если нематериальный труд количественно по-прежнему все еще не превалирует в мире, то его роль качественного «гегемона», способного своими практиками, ценностями и нормами видоизменить всю систему социально-экономических отношений в постсовременном обществе, – совершенно очевидна, ибо именно нематериальный труд создает ныне всеобщность «сетевых» форм сотрудничества, а они в свою очередь, опираясь на свободные и равные взаимоотношения, проявляют подлинное и глубинное стремление к демократии. В нынешних же условиях этот «демократический» запрос непосредственно совпадает со стремлением к миру»²².

Если предельно просто выразить базовую гипотезу М. Хардта и А. Негри, то ее можно было бы сформулировать следующим образом: Империя обращается к войне, чтобы заслужить легитимацию, а Множество взывает к демократии как к собственному политическому обоснованию. Для сегодняшнего же публичного дискурса подобная глобальная дихотомизация власти-и-общества – весьма оригинальна и политически, и философски.

Нематериальный труд множества суть расширительный концепт, ибо он образован не по принципу исключения, как все классы и страты предшествующей эпохи классического модерна. К нему относятся любые виды интеллектуальной и лингвистической деятельности, он предопределяет настрой и формы материального труда, включая труд крестьянский, а поэтому может быть определен как «труд биополитический», ибо в конечном итоге создает саму общественную жизнь²³. Нематериальный труд меняет условия работы, под его влиянием представления о

рабочем дне, досуге и свободном времени, рабочем режиме и т. п. становятся гибкими и нестабильными, одним словом, – неустойчивыми сущностями. В этих трактовках авторы идут проторенной в 70–80-е гг. социальной теорией постиндустриального капитализма дорогой²⁴, но важнее другое, а именно то, что М. Хардт и А. Негри пытаются выйти за пределы простой исследовательской констатации «новых времен» и политически сформулировать «новый проект» множества. Такой проект, «в котором личности контролировали бы через свою биополитическую активность блага и услуги, обеспечивающие воспроизводство множества... рес-коммуны (Res-communis)»²⁵.

Но как возможно победоносное шествие Множества? Через целый цикл реформ и, прежде всего, через: 1) реформу представительства (глобальные институты должны нести ответственность перед другими институтами и экспертным сообществом); 2) реформу существующих наднациональных организаций (в том числе и за счет утверждения в их деятельности принципа «один человек – один голос»); 3) введение глобальной избирательной системы; 4) изменение представительства и роли негосударственных сообществ в жизни мира (глобальное гражданское общество); 5) институционализацию многоуровневого федерализма; 6) реформу глобального правосудия; 7) общемировую борьбу с бедностью; 8) отмену авторских прав (любые креативные нововведения являются по определению «общими» и должны использоваться открыто в общей публичной сфере). Все эти (и не только эти!) реформы авторы естественно именуют «биополитическими», поскольку они способны «пробудить к жизни множество и тем самым развить колоссальную силу для создания альтернативного общества»²⁶.

²⁴ У. Бек и Э. Бек-Гернсхайм метко замечали по этому поводу: «Все, к чему бы вы ни обратились – Бог, природа, истина, наука, технология, мораль, любовь, семья – все трансформируется в «рискованно свободные» сущности» (Riskante Freiheiten – Zur Individualisierung der Lebensformen in der Moderne. Frankfurt am Main: Campus, 1994. S. 11).

²⁵ Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*. P. 256. М. Хардта и А. Негри вряд ли можно отнести к числу последователей коммунитаристского учения, но то, что они испытали на себе сильное влияние со стороны такого видного коммунитариста как А. Этциони, не вызывает никаких сомнений. См., к примеру: Etzioni A. *The Spirit of Community. The Reinvention of American Society*. New-York: Touchstone, 1994.

²⁶ Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*. P. 374.

²¹ Hardt M., Negri A. *Multitude. War and Democracy in the Age of Empire*. P. 78–83.

²² Ibid., P. 92.

²³ Ibid., P. 140.

Парадоксальным образом в книге М. Хардта и А. Негри переплетены две сюжетные линии – аналитическая и проектная. С удивительной легкостью авторы переключаются с заинтересованного анализа сегодняшней реальности на продвижение «своих» гипотез о нормах и практиках будущего социального строительства. И здесь со всей очевидностью проступают авторские идеологические симпатии – симпатии в пользу «труда», «продуктивности», «нищеты», «мигрантов», всех обездоленных и обиженных капиталом. Все, как положено, в ортодоксальном марксизме. Справедливости ради, замечу, что «труд» понимается авторами достаточно вольно, впрочем, не шире того, что позволил себе Маркс в IV томе «Капитала», где, собственно, и содержатся его самые интересные «откровения» относительно будущего труда и отчуждения.

«Назад в XVIII век!» – таков главный слоган авторов. Не обнаруживая в классическом модерне с его репрессивной дисциплинарностью никаких ресурсов для глубинного реформирования постсовременного общества, они предлагают вернуться к исходным *fundamentals* Просвещения, ибо «в те времена понятие демократии не было столь извращено, как сейчас»²⁷. Впрочем не предлагая конкретного плана действий, авторы книги пытаются лишь разработать теоретические основания, на которых мог бы опереться новый демократический проект множества. И совершают удивительный для неомарксистского мышления интеллектуальный разворот в сторону постхристианства, предлагая нам политический «проект любви».

«Сегодня нам нужно вновь обрести этот вещественный и политический любовный настрой, не менее сильный, чем смерть»²⁸. И поскольку ныне люди не воспринимают любовь в качестве политического концепта, необходимо возрождение более богатого представления о ней, свойственное христианству и иудаизму, трактующих «любовь как политический акт, создающий множество»²⁹.

Более 50 лет назад, в середине прошлого века уже на исходе своей академической карьеры Питирим Сорокин совершил точно такой же головокружительный разворот в сторону социальной любви³⁰, и был принят довольно прохладно читающей публикой Америки. Любопытно, как сегодня вновь критически мыслящие интеллектуалы в очередной раз предпринимают попытку синтеза рационального знания об актуальной реальности с религиозно-нравственной традицией западного мира, наподобие героев трилогии Толкина ведущих бескомпромиссную войну с силами всемирного зла, как если бы они сами олицетворяли собой абсолютное добро.

Постсовременная утопия уже не в мыслях и помыслах, а, скорее, – в чувствовании. Из лоскутной «множественности» постсовременных сущностей (*e pluribus*), видимо, так и не родится «общее» (*unum*), как бы нам этого не хотелось бы.

*Ведущий научный сотрудник ИС РАН,
Академический директор Центра
социологического образования ИС РАН
А.Ю. Согомонов*

²⁷ Ibid., P. 375. Внешнее и внутреннее родство постсовременного и предмодернового обществ зачастую подталкивает исследователей к утверждению о том, что «модерн» по-сути так и остался «незавершенным проектом», а посему практическое воплощение идеалов Просвещения еще только предстоит совершить человечеству. См., к примеру: Хабермас Ю. Модерн – незавершенный проект // Политические работы. Москва : Праксис, 2005; Habermas J. Modernity versus postmodernity // New German Critique. 1981. N. 22. S. 3-14; Latour B. We Have Never Been Modern. Hemel Hempstead: Harvester Wheatsheaf, 1993.

²⁸ Hardt M., Negri A. Multitude. War and Democracy in the Age of Empire. P. 424.

²⁹ Ibidem

³⁰ Sorokin P. Altruistic Love: A Study of American «good neighbours» and Christian Saints. Boston, 1950; Id. Explorations in Altruistic Love and Behaviour: A Study. Boston, 1950; Id. The Ways and Power of Love: Types, Factors and Techniques of Moral Transformation. Boston, 1954.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

ПОРЯДОК ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛОВ В НАУЧНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ «СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ» И ТРЕБОВАНИЯ К НИМ

1. К публикации принимаются рукописи статей и других материалов, рекомендованные кафедрами вузов, лабораториями и иными структурными подразделениями НИИ, научно-методическими или научными конференциями и семинарами, а также представленные частными лицами.

2. Объем статьи не должен превышать 1 п. л. (40 000 знаков). Материалы, превышающие этот объем, могут быть приняты к публикации в отдельных случаях по решению редакционной коллегии и размещены в двух или более номерах журнала. В статье может быть, как правило, размещено не более трех иллюстраций, графиков или схем. Объем рецензий и других материалов не должен превышать 0,5 п. л. Объем помещенных в редакционной почте сообщений и писем не должен превышать 0,25 п. л.

3. Требования к рукописи, представляемой в редакционную коллегию.

3.1. Направляемые в редакционную коллегию материалы должны быть представлены в электронном и распечатанном видах. Принимаются дискеты размером 3,5" и два экземпляра распечатки текстового оригинала (файлов), имеющегося на дискете. Если дискет две и более, необходимо указать их номера и размещение файла на дискетах (папки). На распечатке должны быть указаны имена файлов. Текстовый редактор – Word. Материалы должны быть подписаны автором на титульном листе около фамилии.

3.2. Титульный лист статьи содержит комплекс элементов, расположенных на странице в таком порядке. В верхней части страницы располагается заглавие статьи, которое печатается прописными буквами жирным шрифтом. Фами-

лии авторов следуют после заголовка и печатаются строчными буквами, иные сведения при этом не указываются. Ссылки на используемую или цитируемую литературу, а также примечания должны быть оформлены в виде сносок, размещенных в конце страницы. Нумерация сносок сплошная. Шрифт и межстрочный интервал тот же, что и в статье.

Оформление равнозначных фрагментов документа (заголовков, подписей под рисунками, формул и др.), обозначений идентификаторов переменных и констант должно быть одинаковым по всей работе. Одна и та же величина (физическая, химическая, экономическая и т. д.) должна иметь одинаковое начертание.

Поля страницы: верхнее – 2 см; нижнее – 2 см; левое – 3 см; правое – 1 см; размер бумаги – А4 (210 x 297 мм); шрифт – «Times New Roman» № 14; межстрочный интервал – 1,5.

4. К рукописи должны прилагаться следующие сведения об авторе: Ф.И.О., ученая степень, ученое звание, место работы, должность, рабочий адрес, домашний адрес, рабочий телефон, домашний телефон, факс, e-mail.

5. К статье прилагается короткая аннотация в 6–10 строк на русском и английском языках, а также название статьи на английском языке.

6. По желанию автора знак охраны авторского права помещают на титульном листе статьи после его фамилии.

7. Материалы следует направлять по юридическому адресу журнала: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС), к. 3235. Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке». Электронная почта: journal@festu.khv.ru.

К СВЕДЕНИЮ ПОДПИСЧИКОВ

Наш журнал распространяется по подписке и поступает в розничную продажу.

Стоимость одного номера – 99 руб. (с учетом НДС). Подписка оформляется банковским или почтовым переводом (образец купона прилагается). Журнал будет выслан по адресу подписчика почтой. Почтовые расходы включены в стоимость подписки. Подписку на журнал также можно оформить по каталогу «Газеты. Журналы» ОАО Агентства «Роспечать». Подписной индекс – 84277.

Просим высылать копии платежного документа и адрес для рассылки по адресу: 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, Дальневосточный государственный университет путей сообщения (ДВГУПС). Редакция журнала «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке».

<p>Извещение</p> <p>Кассир</p>	<p><u>Дальневосточный государственный университет путей сообщения</u> (наименование получателя платежа)</p> <p><u>2724018158</u> № <u>40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p><u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № <u>06022339920</u> (номер Л/кс) № <u>272401001</u> (номер КПП)</p> <p><u>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2006 год</u> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>
<p>Квитанция Кассир</p>	<p><u>Дальневосточный государственный университет путей сообщения</u> (наименование получателя платежа)</p> <p><u>2724018158</u> № <u>40503810500001000191</u> (ИНН получателя платежа) (номер счета получателя платежа)</p> <p><u>ГРКЦ ГУ ЦБ РФ по Хабаровскому краю</u> (наименование банка получателя платежа) БИК 040813001 № <u>06022339920</u> (номер Л/кс) № <u>272401001</u> (номер КПП)</p> <p><u>подписка на журнал «Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке» на 2006 год</u> (наименование платежа)</p> <p>Сумма платежа _____ руб. _____ коп. Сумма платы за услуги _____ руб. _____ коп. Итого: _____ руб. _____ коп.</p>

Научное издание

Под общей научной редакцией Ю.М. Сердюкова

СОЦИАЛЬНЫЕ И ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ НА ДАЛЬНЕМ ВОСТОКЕ

Научно-теоретический журнал № 2(10) 2006

Редактор *А.А. Иванова*
Технический редактор *О.В. Сенчихина*

План 2006 г. Поз. 11.2. ИД № 05247 от 2.07.2001 г.
Сдано в набор 3.05.2006 г. Подписано в печать 6.06.2006 г.
Формат 60×84¹/₈. Бумага тип. № 2. Гарнитура «Times New Roman». Печать RISO.
Усл. печ. л. 22,3. Зак. 176. Тираж 500 экз.

Издательство ДВГУПС
680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47.